

[5] ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом русском переводе знаменитой книги Арминия Вамбери рассказывается о его странствованиях по Средней Азии в 1863 г. Полное опасностей и лишений, это путешествие было в духе его эпохи, ознаменованной важными географическими и другими открытиями. XIX век вошел в мировую историю как период, когда взоры европейских политиков, ученых, предпринимателей были прикованы к неизведанным и малодоступным уголкам Азии. Особое внимание уделялось изучению природных условий, истории, этнографии, религии и культуры народов Средней Азии¹. Интерес к этому загадочному региону подогревался слухами о его несметных богатствах, самородном золоте, диковинных рынках, работорговле, самобытных обычаях, кочевой вольнице, фанатичных деспотах Хивы, Бухары, Коканда. Огромное значение имело, разумеется, географическое и стратегическое положение региона, граничившего с Россией и индийскими колониальными владениями Великобритании.

В середине прошлого столетия основная часть территории Средней Азии входила в состав трех крупных государств - Хивинского, Бухарского и Кокандского. Земли восточного побережья Каспийского моря, прикопетдагских районов, долины Атрека, Гургена и Мургаба занимали туркмены. Йомуты, гёклены, теке, сарыки и другие туркменские племена находились в той или иной степени зависимости от Ирана, Хивы и Бухары. Туркмены часто поднимали восстания против этих феодальных государств, непрерывно воевавших между собой за обладание Закаспием. Каджарские шахи, хивинские ханы, бухарские эмиры совершали карательные походы, грабя и разоряя туркменские кочевья и аулы. В 1858 и 1861 гг., незадолго до появления А. Вамбери в Закаспии, туркмены нанесли два крупных поражения иранской армии под Карры-Кала и Мервом².

[6] В этой исторически сложившейся обстановке туркменские отряды совершали ответные набеги на приграничные районы (главным образом Хорасана), захватывая в плен мирное население, увозя скот и отнимая имущество. Непрерывные войны, доставлявшие неисчислимые бедствия простым иранцам, курдам, самим туркменам и другим народам, служили источником работорговли³.

В этой связи необходимо отметить, что торговля невольниками-мусульманами, имевшая весьма ограниченный характер в эпоху раннего ислама, обрела большой размах с образованием держав Шейбанидов и Сефевидов в Средней Азии и Иране. В XVI в., после возникновения этих феодальных государств, проводившийся ими захватнический курс облачался, как правило, в форму религиозного противоборства. Правящие суннитские круги Хивы, Бухары, Коканда и идеологи шиизма, ставшего официальной государственной религией Ирана, считали друг друга "отступниками", "еретиками" и "неверными". Шиито - суннитская религиозная нетерпимость была идеологической основой постоянных грабительских набегов и войн, захвата и продажи в рабство пленных⁴. В орбиту этой политики оказалось вовлеченным и подвластное им оседлое, кочевое и полукочевое население: узбеки, туркмены, каракалпаки, кызылбаши, каджары, абдали, гильзай и другие племена Средней Азии, Ирана, Афганистана. Феодально-клерикальные круги этих стран с помощью родо-племенных вождей организовывали нападения на соседей, захватывая добычу и массу пленных. Они посылали отряды и для наказания проявлявших непокорность кочевников, а также для подчинения родственных племен и кланов.

Обращает на себя внимание, что Вамбери, повествуя о наблюдавшихся им случаях захвата пленников для продажи в рабство, выступает лишь в роли простого регистратора фактов. Находясь под гипнозом европейских теорий "варварства" и исконного "разбойничества" восточных народов, он не смог вскрыть социальных и политических корней этого жестокого явления общественной жизни. Вместе с тем читатель не может не заметить его высказываний о религиозной (шиито-суннитской) подоплеке увиденных им случаев захвата и продажи в рабство пленников.

В середине XIX в., во время путешествия А. Вамбери, земли низовой Амударьи, части Приаралья и Северного Прикаспия входили в состав Хивинского ханства, населенного в основном [7] узбеками. Потомки бывших кочевых узбеков - кунграты, найманы, кипчаки и другие племена - расселялись вдоль крупных оросительных каналов. Подвластные Хиве туркмены обитали на северозападных границах ханства, а также в нынешней Ташаузской (Дашковузской) области (веляте) Туркменистана. Узбеки и часть туркмен населяли малочисленные города, где жило и немало сартов - оторченных по языку потомков древних хорезмийцев. Хивинскими подданными считались и каракалпаки дельты Амударьи, переселившиеся сюда в XVIII - начале XIX в.

Хивинское государство переживало в середине XIX в. нелегкую пору своей истории, характеризовавшуюся непрерывными народными волнениями и междоусобной борьбой. Узбекские, туркменские, каракалпакские племенные вожди и знать стремились захватить политическую власть и установить свое господство над ханством.

Рост крупного землевладения, нещадная эксплуатация в Хиве крестьян и ремесленников вызывали многочисленные протесты, выливавшиеся в крупные мятежи. Упорный характер носила борьба с ханской властью туркмен-йомутов, предводитель которых Ата Мурад в 50-60-х годах XIX в. не раз обращался в Петербург с просьбой о принятии в российское подданство⁵. Таково было положение в Хивинском ханстве при Сеид Мухаммед-хане (1856 - 1864), в правление которого там побывал А. Вамбери.

Центральное место в книге А. Вамбери занимает описание Бухарского эмирата. Его территориальное ядро состояло из плодородных земель долин Зеравшана и Кашкадарьи. В пределы ханства входили также левобережье Амударьи в ее среднем течении, некоторые области афганского Туркестана и часть нынешнего Северного Таджикистана. Правившая в Бухаре династия Мангытов с трудом удерживала в повиновении население своих обширных владений. Фактически самостоятельными или полузависимыми были наместники и беки Шахрисябза, Гиссара, Джизака, Ура-Тюбе, Балха, Меймене, Андохя.

Бухарское ханство населяли в основном узбеки и таджики, а также туркмены и присырдарьинские казахи. Менее значительные группы кочевого и оседлого населения составляли каракалпаки, занимавшие степные просторы на севере ханства⁶.

Население Бухары, как и Хивы, занималось главным образом земледелием и скотоводством. Около половины жителей вело оседлый образ жизни. Основой сельскохозяйственного производства был труд эксплуатируемых феодалами и государством крестьян, хотя в земледельческом хозяйстве применялся и труд [8] рабов. А. Вамбери сообщает о значительном количестве невольников в Бухаре и Хиве и их потомков, отпущенных на волю.

Бухара играла важную роль в торговых и экономических связях между Россией, странами Западной Азии и Дальнего Востока. Крупными городами эмирата помимо Бухары были Самарканд и Карши, славившиеся искусными ремесленниками. Бухара пользовалась репутацией одного из крупных центров мусульманского богословия⁷.

Бухарский эмират представлял собой типичный образец восточной феодальной деспотии, опиравшейся на идею мусульманской теократии. Вместе с тем власть эмира нередко ограничивалась волей придворных кланов, могущественных фаворитов, сильных предводителей кочевых племен. Верховные правители Бухары, носившие громкий титул “имом уль-муслимин”⁸, отличались, как правило, фанатизмом и жестокостью. Неуравновешенный Насрулла (1827-1860) при всей своей набожности пользовался репутацией “безумного развратника” и “мясника” (кассаб). Очень немногим, в сущности, отличался от него Музаффар ад-Дин (1860-1885), с которым довелось встретиться А. Вамбери осенью 1863 г. в Самарканде.

Бухарский эмират граничил на востоке с другим крупным среднеазиатским государством - Кокандским ханством. Политическим и экономическим центром этого образовавшегося в середине XVIII в. феодального владения была Ферганская долина. К середине XIX в. Кокандское ханство постепенно расширило свою территорию до Памира, среднего течения Сырдарьи, долины реки Или, западного Тянь-Шаня и пределов Кашгара. Между кокандскими и бухарскими правителями шла жестокая и упорная борьба за обладание Ходжентом и прилегающими районами - Ура-Тюбе и Джизака.

Население ханства состояло из оседлых и кочевых народов: узбеков, таджиков, казахов, дунган, киргизов, каракалпаков. Крупными городами помимо Коканда были Андижан, Наманган, Маргелан. Жители Ферганской долины и присырдарьинских районов занимались главным образом земледелием, кочевники Южного Казахстана, Семиречья, равнинных и горных районов Припамирья - скотоводством. Население ханства вело оживленную торговлю с Кашгаром, Западной Сибирью, Бухарой, Афганистаном.

Господствующее положение в Кокандском ханстве принадлежало возглавлявшейся династией Минг оседлой и кочевой знати, получавшей содержание из казны и владевшей землями, которые давались за военную и гражданскую службу. Основную категорию земель, как и в Бухарском и Хивинском ханствах, [9] здесь составляли государственные (амляк), частновладельческие (мильк) и вакфные земли. Незначительное количество земель принадлежало сельским общинам, кочевым племенам и крестьянам - мелким собственникам и арендаторам. Земледельцы и скотоводы уплачивали многочисленные налоги, большей частью в натуральной форме. Государство обирало и ремесленников, а также купцов. Существовавшая в ханстве система отдачи налогов на откуп была постоянным источником злоупотребления, произвола и насилия.

Деспотическая форма правления, огромные поборы, враждебные межэтнические отношения породили волну освободительных и антифеодальных восстаний. Широким размахом отличались движения кочевых народов-казахов, киргизов, кипчаков, активно выступавших против ига кокандских феодалов. Начиная с середины 50-х годов XIX в. в Кокандском ханстве происходит ряд крупных восстаний против Худояр-хана (1845-1876)⁹.

Такова была в самых общих чертах историческая панорама Средней Азии во время путешествия Вамбери.

Относительно года и места рождения Арминия Вамбери в историко-справочной литературе существуют расхождения¹⁰. В большинстве энциклопедических изданий отмечается, что он родился 19 марта 1832 г. на Дунае, в селе Дуна-Шердагели, на острове Шютт. Основанием для такого утверждения, по-видимому, послужили слова самого А. Вамбери в предисловии к первому (английскому) изданию его путешествия по Средней Азии¹¹. Однако в написанной им же позднее автобиографической книге говорилось, что он родился в маленьком городке Сен-Георген, в Пресбургском комитате. Разгадка этого противоречия содержится в следующих словах автора: “В Дуна-Сердагели начинается для меня сознательная жизнь, и потому я считаю своей родиной именно этот город, а не тот, где впервые узрел свет”¹².

А. Вамбери сам не знал точной даты своего появления на свет, так как в то время в Австро-Венгерской империи не было принято регистрировать рождение детей из таких, как его, бедных еврейских семей. Тем не менее волей случая он был вынужден позднее зафиксировать приблизительно число и месяц своего рождения. Произошло это в мае 1889 г., когда А. Вамбери, находившийся в зените славы, был приглашен в Виндзорский дворец на прием к английской королеве Виктории. Поскольку строгий придворный этикет требовал указать в книге почетных [10] гостей кроме фамилии, титулов и званий и дату их появления на свет, он написал в соответствующей графе: 19 марта 1832 года.

Арминий Вамбери был человеком удивительной судьбы, он прошел сложный и трудный жизненный путь. Он рано лишился отца. В детстве перенес тяжелую болезнь, в результате которой остался хромым на всю жизнь. Этот физический недостаток причинял ему немало мучений, особенно во время его путешествий.

Начальное образование А. Вамбери получил в еврейской школе в Дуна-Шердагели, куда его семья переехала после второго замужества матери. Свое обучение он продолжил в коллегии монашеского католического ордена пиаристов в Сен-Георгене. Затем поступил в коллегию бенедиктинских монахов в Пресбурге. Учиться без средств к жизни, на полуголодный желудок было очень тяжело. Поэтому юноше пришлось заняться самообразованием и зарабатывать преподаванием языков отпрыскам богатых родителей.

С детства Вамбери знал венгерский, немецкий, словацкий и еврейский языки, позже изучил латынь, французский, английский, испанский, итальянский, датский и шведский. В двадцатилетнем возрасте он овладел также русским, древнегреческим, стал заниматься турецким, арабским и персидским языками.

Страстная любовь к восточным языкам и природная склонность к странствиям зародили в нем мечту о путешествии в далекие страны. В 1857 г. Арминий сел в Галаце на пароход и направился в Стамбул. Он с восторгом вслушивался в многоязычный гомон турецкой столицы. Там ему приходилось зарабатывать на хлеб декламацией турецких народных романов в маленьких прокуренных кофейнях. Постепенно он стал вхож как преподаватель и ученый в дома османских чиновников, аристократии, европейских дипломатов.

Живя в течение четырех лет в Стамбуле, он изучал восточные манускрипты, начал печатать корреспонденции в европейских газетах и журналах, издавать научные труды¹³. В 1861 г. он был избран членом-корреспондентом венгерской Академии наук и вознамерился совершить поездку в далекую Среднюю Азию, где, согласно предписанию его коллег, он должен был в числе прочих изучать “вопрос о происхождении мадыарского языка”.

В конце марта 1863 г. А. Вамбери направился под именем турка Решид-эфенди из Тегерана в степи Туркмении с караваном мусульманских пилигримов (хаджи), возвращавшихся из Мекки. Одежда новоиспеченного дервиша состояла из тряпок, связанных у пояса веревкой, заплатанной войлочной куртки (джубба), большой чалмы. Ноги странника были обернуты лоскутами грязной ткани, а на шее, как и положено настоящему хаджи, висел мешочек с Кораном. В таком наряде Вамбери надеялся слиться [11] с толпой оборванных паломников, из которых (помимо купцов и других путников) состоял почти весь караван.

Мусульманские богомольцы, страдая от бездорожья, проехали через Мазендеран до юго-восточного побережья Каспийского моря. Дальнейший путь многим турецкого паломника лежал через Гурген и Атрек, вдоль Больших и Малых Балхан и страшную летом пустыню Каракумы к Хорезмскому оазису. Побывав в центре Хивинского ханства, он проплыл по Амударье до Кунграда, откуда снова возвратился в Хиву. Вамбери пересек затем с громадными мучениями и риском для жизни раскаленные пески Кызылкумов и прибыл в священную Бухару. Обратная дорога в Иран проходила через Карши, Самарканд, Керки, Андхой, Меймене, Герат и Мешхед в Тегеран. В марте 1864 г., спустя год после начала путешествия, он достиг столицы Ирана, откуда возвратился в Стамбул, а затем в Пешт (Будапешт).

В 1864 г. Вамбери опубликовал книгу о своих странствиях - “Путешествие по Средней Азии”, - вызвавшую громадный интерес в Западной Европе, России и Северной Америке. Она была переведена почти на все европейские языки. Первый русский перевод этой книги (с некоторыми сокращениями) был опубликован в Петербурге в 1865 г.¹⁴. Затем он был дважды переиздан в той же сокращенной редакции в Москве (в 1867 и 1874 гг.).

Разумеется, задолго до Вамбери Среднюю Азию посетили многие иностранцы, среди которых первое место принадлежит русским путешественникам, купцам, дипломатам, ученым. Достаточно отметить, что в 40-50-е годы XIX в., накануне его поездки, в Хивинском ханстве и в Бухарском эмирате побывали Н. В. Ханыков, Г. И. Данилевский, Н. Игнатьев¹⁵. Оставленные ими путевые записи и отчеты имеют огромное значение для характеристики политической ситуации, экономической, социальной и культурной жизни народов региона. Наиболее известными западноевропейскими предшественниками Вамбери, посетившими Среднюю Азию, были А. Бернс и Г. Блоквилль¹⁶.

Несмотря на знакомство Европы и России со Средней Азией, книга А. Вамбери получила всеобщую известность. Причину столь большого успеха сам автор объяснял тем, что он не имел “предшественников ни в отношении длины пути, ни в способе его [12] преодоления”¹⁷. Вамбери был первым европейским путешественником, обошедшим и описавшим почти всю Среднюю Азию. Любопытному страннику удалось проникнуть в отдаленные уголки Востока и в увлекательной форме рассказать об этом.

Необходимо отметить, что в Западной Европе и в России накануне путешествия А. Вамбери ходили страшные, отпугивающие слухи о Средней Азии. В мировой прессе еще не улеглись страсти вокруг казни в Бухаре двух англичан - Стоддарта и Конолли. Насильственная смерть окружила имена этих британских эмиссаров ореолом “христианских мучеников”. В атмосфере подозрительности и враждебности к европейцам, возникшей как реакция на агрессивную политику Англии против Афганистана в первой половине XIX в., тайная поездка облаченного в дервишеский наряд немусульманина в страну, пользовавшуюся репутацией центра “дикого исламского фанатизма”, таила в себе огромный риск. Поэтому читателей не могло не заинтересовать трудное и опасное странствие А. Вамбери по Средней Азии. Ценность книги венгерского путешественника состояла также в знании автором основ мусульманской религии, местных обычаев и восточных языков, в первую очередь языков среднеазиатских народов. Поэтому в Европе, мало знакомой с Центральной и Средней Азией, с восторгом приняли труд А. Вамбери. Его записки дали более четкое представление о малоизвестных народах и землях, климате и ландшафте Средней Азии. Особенно много новых сведений книга содержала о туркменах, их происхождении, родо-племенных делениях, быте, обычаях и истории. Она увлекла читателей оригинальностью, свежестью материалов и наблюдений. Книга А. Вамбери воспринималась как произведение особого, интригующего, занимательно-этнографического жанра.

Записки А. Вамбери не были свободны от некоторых упущений и ошибок. Критики упрекали путешественника в сжатости изложения, отсутствии важных деталей в повествовании о виденных им странах и народах¹⁸. Эти недостатки автор впоследствии постарался устранить в специальных добавлениях к своему путешествию в Среднюю Азию¹⁹.

Вамбери находился под влиянием господствовавших в его время негативных взглядов на этнопсихологию, историю и [13] религию народов Востока. “Понимание истории Востока, - отмечал академик В. В. Бартольд, - кроме скудности фактических сведений долгое время затруднялось для европейских ученых предвзятым отношением к предмету исследования. С XVII в. под влиянием определившегося в то время превосходства европейской культуры начинается пренебрежительное отношение европейцев к отсталым народам Востока”²⁰. Поэтому Вамбери допустил ряд ошибочных несправедливых суждений о турках, персах, туркменах, узбеках и других народах; неприятным высокомерием отдают и его рассуждения о религии этих народов - исламе. Вамбери приписывает мусульманским народам “коварство”, “бесчеловечность”, “дикость” и другие отрицательные черты. Однако приводимые им же конкретные случаи гостеприимства, доброты, отзывчивости людей, с которыми ему довелось общаться во время путешествия, легко опровергают его необъективные суждения²¹.

Удивительные для современников рассказы А. Вамбери о его странствиях в 1863 г. неодноплановы по содержанию. Основная часть его повествования написана на базе личного опыта и впечатлений, но имеются и

небольшие вставные разделы, опирающиеся на сведения его информаторов. Последнее почти целиком относится к его рассказу о Восточном Туркестане.

А. Вамбери долгое время находился под влиянием версии о русской угрозе Британской Индии. Но в период написания книги о своем путешествии он не занимал еще крайних позиций в вопросе об англо-русских противоречиях в Средней Азии. Хотя его отношение к восточной политике Петербурга было осторожным и даже несколько предубежденным, он искренне считал, что именно Россия может содействовать прогрессу посещенных им стран. К такому выводу его подвела реальная жизнь среднеазиатских народов, страдавших от деспотического правления, непрерывных войн, религиозного фанатизма, работорговли, экономической и культурной отсталости. Однако впоследствии, уже после издания труда о своем путешествии и неоднократных посещениях Англии, где он сблизился с рядом консервативно настроенных общественных и политических деятелей, Вамбери стал враждебно относиться к России.

Резкая перемена его взглядов совпала по времени с обострением англо-русских противоречий в 70-80-х годах XIX в. В этот период А. Вамбери часто выступает с англофильскими статьями, лекциями и брошюрами в мировой прессе²². Активная защита [14] им колониальных интересов британской короны вызывала то недоумение, то одобрение, но нередко она пробуждала негативную реакцию в Европе. Наполеон III и даже сам лорд Пальмерстон относились скептически к его политическим взглядам, претендовавшим на роль своего рода учебного пособия для западноевропейских правительств. “Мне возражали, - откровенно пишет А. Вамбери, - что говорить, будто Россия стремится к границам Индии, полнейший абсурд, и только смеялись, когда я продолжал упорно твердить, что Англии грозит в Индии опасность со стороны русских”²³.

Публицистические работы, изданные А. Вамбери в 70-90-х годах прошлого столетия, не принесли ему лавров. Он сам вынужден был констатировать, что его приверженность британским внешнеполитическим интересам оказала “сомнительную услугу” даже самой Англии. В дальнейшем он постепенно отошел от этой чуждой его природным дарованиям и основным интересам деятельности и целиком отдался преподавательской и научной работе. Умер Вамбери в 1913 г. С 1865 г. и до своей кончины он был профессором кафедры восточных языков Пештского, а затем и Пражского университетов.

Неудачный опыт А. Вамбери на поприще ближневосточной “текущей политики” резко контрастирует с прославившим его имя путешествием в Среднюю Азию. “Путешествие в Среднюю Азию” является одним из замечательных памятников историко-географической и этнографической литературы XIX в. Вамбери дал живое и яркое описание природно-экологических условий, особенностей жизни населения Туркмении, Хивинского ханства и Бухарского эмирата, его хозяйственной и социальной жизни. Путешественник отметил большую роль искусственного орошения для экономики всего края, охарактеризовал главные ирригационные системы земледельческих оазисов. Весьма интересны и его зарисовки хозяйства кочевников, самобытных нравов и обычаев скотоводческого населения. Примечательны его сведения о внутренней торговле, а также о торговле с сопредельными восточными странами и европейскими государствами. Путешественник описывает главные рынки сбыта и называет основные товары, ввозившиеся из России, Англии, Ирана, Афганистана и Синьцзяна. Он отмечает чрезвычайно оживленный характер торговли Хивы, Бухары и Коканда с Астраханью, Оренбургом, Уралом и Южной Сибирью. Отсюда в среднеазиатские ханства поступали сукна, льняные и ситцевые ткани, металлическая посуда, оружие, железо, медь, скобяные изделия. Кокандские, хивинские и бухарские купцы ввозили в Россию хлопок, сухофрукты, скот, шкуры, выделанные кожи и другие товары. Любопытно замечание А. Вамбери о том, что “во всей Средней Азии нет ни одного дома и ни одной кибитки, где нельзя было бы [15] найти какого-либо изделия из России”. Русские промышленные изделия, как указывает путешественник, успешно конкурировали с английскими товарами на среднеазиатских рынках.

В “Путешествии по Средней Азии” содержится и немало ценных материалов, характеризующих виды землевладения, социальное неравенство, специфику племенной и государственной власти. Сравнительно подробные сведения Вамбери приводит о должностях, рангах, органах управления, системе взимания налогов, злоупотреблениях и произволе чиновников в Хивинском и Бухарском ханствах.

Весьма интересны приведенные Вамбери данные о торговле невольниками и использовании рабского труда в Средней Азии. В одной только Хиве, по его словам, было около 40 тыс. персидских рабов и вольноотпущенников. Многие исследователи считают эти цифры вдвое завышенными, хотя сами при этом искажают его показания²⁴. В любом случае описание рабства в “Путешествии в Среднюю Азию” заслуживает внимания, так как дает яркое представление о его видах и характере использования невольников в различных отраслях производства и в домашнем хозяйстве. А. Вамбери приводит цены на рабов, говорит о применении их труда в земледелии, скотоводстве, ремесле, при торговых операциях. Однако при этом, как отмечалось выше, он не смог разобраться в социально-экономических и политических причинах работорговли.

Рассказ Вамбери о Бухаре свидетельствует об упадке эмирата в результате междоусобных распрей узбекской аристократии, деспотизма центральной власти, засилья высшего мусульманского духовенства. Путешественник осуждает эмира Насруллу за массовые казни, “попирающие чести своих подданных самым возмутительным образом”. Несколько лучше выглядит в его глазах Музаффар ад-Дин, но и он отличался крайней жестокостью, “мог запросто казнить человека, даже знатного”.

В книге А. Вамбери помещены и имеющие познавательное значение описания ряда археологических памятников на территории современных Туркмении и Узбекистана. Запоминаются его рассказ о длинных стенах на юго-восточном побережье Каспийского моря и слышанная им народная легенда об Александре Македонском. Не лишено интереса и повествование Вамбери об исторических памятниках Хивы и Бухары, хотя он допустил неточности и ошибки в их датировке и описании (особенно это касается некоторых деталей знаменитых архитектурных сооружений Самарканда). Сведения А. Вамбери, как указал В. В. Бартольд, важны, например, для воссоздания сильно изменившихся [16] со временем зданий ансамбля Гур-Эмир в Самарканде²⁵. В целом же описание венгерским путешественником исторических памятников Туркмении, Хивы и Бухары послужило дополнительным импульсом для пробуждавшегося в России и Европе общественного и научного интереса к культурному наследию Средней Азии.

Большого внимания заслуживают материалы Вамбери, касающиеся живых языков, фольклора и литературы среднеазиатских народов. Их ценность усиливается тем, что он записал исторические предания и ховившие в народе из уст в уста стихи таких поэтов-классиков, как Навои и Махтумкули. Содержащиеся в “Путешествии по Средней Азии” биографические сведения о знаменитом туркменском поэте способствовали дальнейшему изучению его жизни и деятельности²⁶. А. Вамбери был в числе первых, кто ознакомил широкие круги европейских читателей с творчеством названных и некоторых других прославленных среднеазиатских поэтов.

Записки А. Вамбери о своих странствиях были настолько уникальны, что его даже заподозрили в подлоге. Столь легко вынесенный некоторыми его критиками приговор в дальнейшем был опровергнут показаниями других европейских и русских путешественников²⁷. Постепенно стало ясно, что почти все виденное им собственными глазами достойно читательского доверия.

Вслед за описанием своего путешествия в Среднюю Азию А. Вамбери издал немало других работ, посвященных главным образом филологии и этнической истории Востока. Хотя ему не удалось получить университетского образования, что нередко сказывалось на его научных исследованиях, он был самоотверженным, одаренным и трудолюбивым человеком и оставил потомкам богатое научное наследие. А. Вамбери принадлежат труды по этнологии тюркоязычных народов, лингвистике, культурологии²⁸. Им написана также специальная работа о Бухаре [17] и Мавераннахре²⁹, но она не получила такого признания, как описание его странствий. Видный русский ориенталист В. В. Григорьев указал на ряд погрешностей в его книге, но вместе с тем подчеркнул исключительную важность привлеченных автором персидских и таджикских рукописей, значительная часть которых была приобретена им в Бухаре³⁰. Среди этих манускриптов были сочинения позднесредневековых авторов - Мухаммеда Хайдара, Мир Мухаммеда Амина Бухари, которые не были еще известны европейской науке.

А. Вамбери внес заметный вклад в изучение прошлого народов Средней Азии и Казахстана по материалам письменных источников. Наибольшее научное значение имеют его труды по чагатайскому и уйгурскому языкам, по тюрко-татарской и финно-угорской лексикографии. А. Вамбери оказал влияние на формирование некоторых крупных европейских ориенталистов, например его соотечественника профессора И. Гольдциера (1850-1921)³¹.

Предлагаемый вниманию читателей новый русский перевод описания путешествия А. Вамбери сделан со второго, немецкого его издания³², которое отличается от первого, английского издания (1864 г.) тем, что книга была дополнена, улучшена и исправлена самим автором. Второе издание включает некоторые историко-географические материалы, использованные Вамбери для уточнения и дополнения его сведений о путешествии в Среднюю Азию в 1863 г. В частности, он привел для сопоставления данные о Ферганской долине, почерпнутые из опубликованной в 70-х годах на немецком языке статьи В. В. Радлова³³.

Потребность в новом переводе объясняется и тем обстоятельством, что первое русское издание описания путешествия А. Вамбери увидело свет в 1865 г. Ставший давно уже библиографической редкостью, этот перевод, сделанный с первого английского издания, к тому же опубликован в сокращенном виде. Естественно, он не может удовлетворить современного читателя. Кроме того, сейчас накоплены богатые географические, исторические, этнографические и филологические материалы, которые позволяют дать новые комментарии, внести соответствующие коррективы в понимание авторского текста и его подтекста.

[18] Публикация настоящего перевода вызывается также необходимостью исправления неточностей и ошибок, допущенных в издании 1865 г. В последнем имеются и неверные написания географических названий, имен собственных, восточных терминов. В качестве примера можно указать такие ошибочные либо искаженные написания, как “Ситарей - Сюбг” вместо “Сетаре - и собх” (“Утренняя звезда”), “дерваз” вместо “дарваза” (“ворота”), “Гафиз” вместо “Хафиз” и т.д.

При подготовке настоящего издания переводчику и редакторам пришлось столкнуться с трудностями, связанными главным образом с передачей на русский язык имен, названий, терминов и выражений. Наилучшим вариантом представлялась их унификация на основе написаний, принятых в современном отечественном востоковедении. Однако следование по этому пути таило угрозу их произвольного искажения и тем самым утраты языкового колорита, который был присущ той эпохе. А. Вамбери, как известно, вел записи во время своего путешествия³⁴ и, несомненно, использовал их впоследствии при создании книги. Это чувствуется, когда читаешь описания посещенных им стран и областей, где имелись собственные диалекты, разнившиеся между собой и отличавшиеся от литературного языка, причем речь простых людей и знати, сельских и городских жителей, оседлого и кочевого населения имела свои характерные особенности. Исходя из этих соображений, переводчик и ответственные редакторы старались по возможности сохранить в неприкосновенности текст А. Вамбери. Поэтому не было сделано никаких серьезных изменений или сокращений, а были лишь исправлены явные ошибки, несоответствия по смыслу и опечатки. При первом упоминании того или иного географического названия (или термина) его современное написание (или перевод) дано в квадратных скобках. Пояснения, сделанные А. Вамбери, даются в подстрочных примечаниях, а комментарий ответственных редакторов - в конце книги.

В. А. Ромодин

КОММЕНТАРИИ К ПРЕДИСЛОВИЮ

¹ См. об истории изучения Средней Азии в новое время: Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. - Сочинения. Т. IX. М., 1977; Маслова О. В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию.- Материалы к истории изучения Средней Азии. Ч. 1-4. 1715-1886 гг. Таш., 1955-1971; Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Таш., 1965; Арапов Д. Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М., 1981; Dugat G. Histoire des orientalistes de l'Europe du XII-e au XIX-e siècle ргйсьдйе d'une esquisse historique des йtudes orientales. Т. I-II. Р., 1868-1870.

² Абду-с-Саттар-казы. Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX в. Издал, перевел, примечаниями и введением снабдил А.Н. Самойлович. Пг., 1914.

³ См. более подробно о таких набегах (аламанах): Росляков А.А. Аламаны. -Советская этнография. 1955, № 1.

⁴ См.: Миклухо-Маклай Н. Д. Шиизм и его социальное лицо в Иране на рубеже XV-XVI вв. -Памяти акад. И. Ю. Крачковского. Л., 1956; он же. К истории политических взаимоотношений Ирана со Средней Азией в XVI в. -Краткие сообщения ИВ АН СССР. 1952, № 2; Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.

⁵ См.: Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв. Сборник архивных документов. Аш., 1963.

⁶ См.: История Узбекской ССР с древнейших времен до наших дней. Таш., 1974; История Каракалпакской АССР. Т. 1. Нукус, 1975.

⁷ История Бухары с древнейших времен до наших дней. Таш., 1976; История Самарканда. Т. 1. Таш., 1967.

⁸ Эмир считался в Бухаре имамом мусульман по той причине, что “он должен был возглавлять намаз” (Андреев М. С., Чехович О. Д. Арк Бухары. Душ., 1972, с.92)

⁹ В 60-70-х годах присырдарьинские области, Семиречье, земли Ферганской долины и Памира вошли в состав Российской империи. Были также присоединены Ташкентское владение (1865 г.). Бухарский эмират (1868 г.). Хивинское ханство (1873 г.). Закаспийский край (1885 г.).

¹⁰ Основные сведения о жизни и деятельности А. Вамбери содержатся в его автобиографии: *The Struggles of My Life*. L., 1904; Вамбери А. Моя жизнь. Авторизованный перевод с англ. В. Лазарева. М., 1914.

¹¹ *Vambéry. Travels in Central Asia*. L., 1864.

¹² Вамбери А. Моя жизнь, с. 9.

¹³ Первой опубликованной им книгой был “Немецко-турецкий карманный словарь”, изданный в Пере (Стамбул) в 1858 г.

¹⁴ Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году Арминием Вамбери, членом Венгерской Академии. С картою Средней Азии. Перевод с английского. СПб., 1865.

¹⁵ См. об этом более подробно: Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974; Арапов Д. Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии; Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915.

¹⁶ Burnes A. *Travels into Bokhara; Containing the Narrative of Voyage on the Indus from the Sea to Lahore... and an Account of a Journey from India to Cabool, Tartary and Persia*. Vol. III. L., 1839; Blocqueville G. *Quatorze mois ches les Turcomans,-Le Tour du Monde*. P., 1866, № 28.

¹⁷ Вамбери А. Моя жизнь, с. 21. Если “в отношении длины пути” А. Вамбери, несомненно, прав, то “в способе его преодоления” он все же имел предшественника, который не получил, однако, столь широкой известности. Речь идет о бароне П. И. Демезоне, преподавателе тюркских языков в Оренбурге, который совершил отсюда в 1834 г. путешествие в Бухару под видом татарского муллы.

¹⁸ См.: Известия Русского Географического общества. IV. СПб., 1868, с. 305-308; Голубов Г. Под чужим именем. - Вокруг света. М., 1955, № 10, с. 27-32; Дьяконов М. А. Путешествия в Среднюю Азию от древнейших времен до наших дней. Л., 1932.

¹⁹ См.: Вамбери А. Очерки Средней Азии (прибавления к “Путешествию по Средней Азии”). М., 1868; *Vambéry H. Sketches of Central Asia*. L., 1868 (нем. изд.: 1868).

²⁰ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. -Сочинения. Т. IX, с. 227.

²¹ Учитывая это обстоятельство, мы опустили крайне оскорбительные для описываемых Вамбери народов характеристики (изд. ред).

²² См., например: *Vambéry H. Zentralisien und die englisch-russische Grenzfrage*. Lpz., 1873; он же. *Der Zukunftskampf in Indien*. Lpz., 1886; он же. *British Civilisation and Influence in Asia*. L., 1891.

²³ Вамбери А. Моя жизнь, с. 255.

²⁴ Даже такой крупный советский историк, как П. П. Иванов, приписывает А. Вамбери показание о 80 тыс. вместо 40 тыс. рабов, о которых сообщает путешественник. См.: Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI-середина XIX в.). М., 1958, с. 164.

²⁵ Бартольд В В О погребении Тимура-Сочинения Т II, ч 2 М, 1964, с 439-440

²⁶ А. Вамбери опубликовал позднее специальную работу о туркменском языке и сборнике произведений Махтумкули См *Die Sprache der Turkomanen und der Diwan Machtumkuli's - Zeitschrift der Deutch Morgenlandischen Gesellschaft Bd 33, N 3 [Б м], 1870*

²⁷ Голубов Г Под чужим именем - Вокруг света 1955, № 10, с 27-32, Вамбери А Моя жизнь, с 400-407, O'Donovan *The Merry Oasis Travels and Adventures East of the Caspian during the Years 1879-1880-1881, Including Five Months Residens among the Tekkes of Merv Vol I, L, 1882*

²⁸ *Tschagataische Sprachstudien, enthaltend grammatikalischen Umriss, Chrestomathie und Wörterbuch der tschagataischen Sprache Lpz, 1867, Ungarisch-türkische Wortvergleichungen Pest, 1870, Etymologisches Wörterbuch der turko-tatarischen Sprachen Lpz, 1877, Das Turkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen Lpz, 1885, Die primitive Kulture der turko-tatarischen Volker aufgrund sprachlicher Forschungen Lpz, 1879, Die Scheibanide Budapest, 1885, Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik Insbruck, 1870*

²⁹ *Vambéry H Geschichte Bokhara's oder Transoxaniens Stuttgart, 1872*

³⁰ Рецензию В В Григорьева см.: Журнал Министерства народного просвещения Ч СІLXX СПб, 1873, с 105-137

³¹ См о нем Бартольд В В Сочинения Т IX, с 718-736

³² *Reise in Mittelasien von Teheran durch die Turkmanische Wüste an der Ostkuste des Kaspischen Meeres nach Chiwa, Bochara und Samarkand von Hermann Vambéry, ordenti Professor der orientalischen Sprachen an der konigl Universitdt zu Pest Mit zwulf Abbildungen in Holzschnitt und einer lithographierten Karte Deutsche Originalausgabe Zweite vermehrte und verbesserte Auflage Lpz, 1873*

³³ Позднее эта статья вышла на русском языке Радлов В В Средняя Зерафшанская долина Записки Русского Географического общества по отделу этнографии Т VI, отд I СПб, 1880, с 1-92

³⁴ А. Вамбери указывает в своих автобиографических записках, что, хотя в Туркмении, Хиве, Бухаре и в Афганистане за ним в пути, на стоянках и всюду, где он был, все время подсматривали, стараясь уличить в шпионаже, он все же тайком вел свой дневник. Писал он на клочках бумаги арабскими буквами, но на венгерском языке, с помощью карандаша, запрятанного в лохмотьях дервишеской одежды.

[19] ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Родился я в Венгрии, в местечке Дуна-Шердагели в Пресбургском комитате. В силу особой склонности к изучению иностранных языков я еще в юности занялся несколькими европейскими и азиатскими языками. Сначала меня привлекала западная и восточная литература во всем ее многообразии, позднее меня заинтересовали взаимосвязи самих языков, и нет ничего удивительного в том, что, следуя изречению “*Nosce te ipsum*”¹, я начал уделять основное внимание родству и происхождению своего собственного языка.

То, что венгерский язык относится к алтайской семье языков, знает каждый, но к финской или же к татарской ее ветви - вот вопрос, который ждет своего ответа. Этот вопрос, интересующий нас, венгров, по причинам научного и национального характера, был основной побудительной причиной моего путешествия на Восток. Путем практического изучения живых языков я хотел точно узнать степень родства между венгерским языком и тюрко-татарскими наречиями, к мысли о котором меня привели уже теоретические занятия. Сначала я отправился в Константинополь. Несколько лет пребывания в турецких домах, а также частые посещения мусульманских школ и библиотек скоро сделали из меня турка, точнее сказать, эфенди². Последующие лингвистические исследования влекли меня в места все более удаленные, и когда я задумал предпринять путешествие в Среднюю Азию, то считал целесообразным сохранить образ эфенди и объехать Восток как житель Востока.

Из сказанного легко, таким образом, сделать вывод о цели моих странствований от Босфора до Самарканда. Геологические и астрономические исследования были вне сферы моей специальности, а в образе дервиша-инкогнито, который мне пришлось принять, даже невозможны. Мое внимание было большей частью устремлено к народам Средней Азии, социальное и политическое положение которых, их характер, обычаи и нравы я пытаюсь, в меру моих слабых сил, обрисовать на этих страницах. Географию и статистику, насколько позволяли моя подготовка и обстоятельства, я никогда не упускал из виду, но самым большим приобретением моего путешествия я всегда буду считать сведения в области филологии, которые после продуманной обработки я представляю ученому миру. Таким образом, эти сведения, а не настоящие заметки следует считать плодом моего путешествия, во время которого я месяцами странствовал, [20] облаченный в жалкие лохмотья, лишенный насущной пищи и пребывая в постоянной опасности умереть мучительной смертью. Меня, пожалуй, упрекнут в односторонности, однако если годами преследуешь определенную цель, то никогда нельзя забывать слов: “*Non omnia possumus omnes*”³.

Как человек, чужой на том поприще, на которое я вступаю, публикуя эти мемуары, я совершил, может быть, некоторые ошибки в изложении или выборе материала. Впрочем, я оставляю за собой право на последующее, более подробное описание, однако в настоящий момент мне представлялось наиболее целесообразным просто и без прикрас рассказать обо всем, что я видел и слышал, пока впечатления еще свежи. Удалось ли мне это, я и сам сомневаюсь. Читатели и критики, возможно, многим будут недовольны, может быть, на приобретенный мною опыт посмотрят как на слишком малую награду за перенесенные трудности; но прошу не забывать, что я возвращаюсь из страны, где слышать считается бесстыдством, спрашивать - преступлением, записывать - смертным грехом.

Чтобы избежать нарушения хода повествования, я разделил эту книгу на две части. Первая часть представляет собой описание моего путешествия от Тегерана до Самарканда и обратно, а вторая содержит заметки, которые я смог собрать о географии, этнографии, политическом и социальном положении Средней Азии. Надеюсь, что читатель проявит равный интерес к обеим частям, так как во время своего путешествия я прошел дорогами, на которые до меня не ступал еще ни один европеец, а мои заметки касаются предметов, о которых до меня писали мало либо не писали вовсе. В Германии, в колыбели и на родине филологии, большее внимание привлечет, наверное, мое собрание лексики чагатайского и восточнотюркских языков, однако льщу себя надеждой, что нация, из среды которой вышел величайший географ нашего столетия, не оставит без внимания также и эти страницы.

Пешт, декабрь 1864 г.
Вамбери.

[21] I ЧАСТЬ

I

От Тебриза до Тегерана. - Прибытие в Тегеран и прием в турецком посольстве. - Персидский и турецкий образ жизни. - Европейские посольства и европейцы на службе шаха. - Фаррух-хан и посольства Бельгии, Пруссии и Италии. - Герат и помехи моему дальнейшему путешествию.

Тот, кто путешествовал по Персии в середине июля, поймет, как радуется путешественник, преодолев расстояние от Тебриза до Тегерана. Это всего 15, может быть, даже 13 караванных станций. До чего же страшно устаешь, однако, когда обстоятельства принуждают под палящим солнцем медленно трусить на навьюченном муле по сухой скудной местности, характерной почти для всей Персии. О как горько обмануты те, кто прежде изучал Персию

по Саади, Хагани и Хафизу, но еще горше тем, кто долгое время грезил прекрасными фантазиями “Западно-восточного дивана”, “Восточными мотивами” Виктора Гюго или великолепными описаниями Томаса Мура! Проехав всего лишь две станции на пути к Тегерану, наш джилоудар [проводник] догадался сменить дневные переходы на ночные, однако это тоже имело свою плохую сторону, так как в Персии прохладные вечера располагают ко сну, а медленный шаг животных действует убаюкивающе, и приходится как следует держаться, а часто даже привязываться, чтобы Морфей не сбросил седока на острые мелкие камни, усеивающие дорогу. Человек Востока, привыкнув к этой вечной пытке, сладко спит в любом седле, будь то на лошади, верблюде, муле или осле, и мне всегда было весело смотреть на долговязого и долгополого перса, лежащего на низкорослом ослике. Едва не касаясь ногами земли и положив голову на холку терпеливого животного, перс может преспокойно проспать несколько станций. Меня же к тому времени нужда, мать всякой изобретательности, еще многому не научила, и пока большинство моих спутников, двигаясь потихоньку вперед рядом со мною, сладко спали, у меня было достаточно времени, чтобы изучить на досуге путь Керванкуша⁴ и Первин (Плеяд), и я то и дело с нетерпением поглядывал туда, где должны были появиться Сухейл (Орион) и Сетареи - и собх (Утренняя звезда), ибо тогда мы доберемся до станции и кончатся мои мучения.

[22] Неудивительно поэтому, что я походил на недоваренную рыбу, когда 13 июля 1862 г. приближался к персидской столице. Мы остановились в двух английских милях от нее, на берегу ручья, напоить животных. Остановка разбудила моих спутников, и они, еще протирая со сна глаза, указывали мне на Тегеран, лежащий к северу-востоку от нас. Я пригляделся и увидел в том направлении голубоватую дымку, стлавшуюся длинными полосами, сквозь которые там и сям можно было различить сверкающий купол. Лишь позже, когда эта завеса постепенно рассеялась, я имел удовольствие узреть перед собой Дар ул-Хилафе, резиденцию верховной власти, во всем ее неприкрытом убожестве.

Я въехал в город через ворота Дарваза-Ноу, и вряд ли скоро забудутся те трудности, с которыми я столкнулся у въезда в ворота, прокладывая себе путь сквозь страшную сумятицу напиравших друг на друга ослов, верблюдов и мулов, навьюченных соломой, ячменем и тюками с персидскими и европейскими товарами. Поджав под себя в седле ноги и покрикивая налево и направо: “Хабардар! Хабардар!” (“Берегись!”), как это делали все другие, я сумел в конце концов проникнуть в город. С не меньшим трудом проехал я по базару и очень обрадовался, когда без единого ушиба, рваной или колотой раны добрался до дворца турецкого посольства.

Что за дела в турецком посольстве были у меня, венгра, которого венгерская Академия наук направила с научным поручением в Среднюю Азию, уважаемый читатель поймет, если он прочитал предисловие к моим запискам; и я прошу прочесть его, хотя многие считают предисловия в общем-то бесполезной чепухой, не заслуживающей внимания.

Хайдар-эфенди, который в ту пору представлял Порту при персидском дворе и в том же качестве находился прежде в Петербурге и Париже, мне был знаком по Константинополю; невзирая на это, я взял несколько писем от его лучших друзей и, полагаясь на испытанное не раз гостеприимство турок, был вполне уверен в хорошем приеме. Итак, я входил в турецкое посольство, как будто переступал порог своего будущего местожительства. Поскольку господа из посольства переехали в свой яйлак (летнюю резиденцию) в Джизаре, в восьми английских милях от Тегерана, я только переменял платье и, вознаградив себя несколькими часами отдыха за бессонные ночи, сел на осла, нанятого для загородной прогулки, и уже через два часа оказался среди эфенди, сидевших в роскошной шелковой палатке за обедом, который в моих глазах был еще более роскошен, нежели палатка. Прием как со стороны посла, так и со стороны секретарей был самым радушным. Мне сразу нашлось место за столом, и немного спустя завязался нескончаемый разговор о Стамбуле и его природных красотах, о султанах и образе его правления. Воспоминания о Босфоре в Тегеране доставляют истинное наслаждение, и нет ничего удивительного, что в течение беседы проводились сравнения между персидским и турецким образом жизни.

[23] Если следовать первому впечатлению, то прославленный в поэзии Иран может показаться ужасающей пустыней, а Турция - земным раем. Я отдаю должное персу: он учтив, сообразителен и остроумен, чего не скажешь об османе, но зато я нахожу у османа искренность и честное простодушие, чего нет у перса. То, что все персы наделены необычайно высоким поэтическим чувством, - прекрасно, но, по-моему, еще более прекрасно то, что османы прилежнее изучают европейские языки и потихоньку собираются заниматься химией, физикой и историей.

Поздняя ночь прервала нашу беседу. В последующие дни я был представлен в остальных европейских посольствах, располагавшихся там же. Господина Гобино, посланника французского императора, я нашел в саду, расположенном как бы в котловине, в маленькой палатке, где было страшно жарко; мне хотелось сказать: и поделом ему! Что надо французам в Персии? Мистер Алисон жил более удобно, в саду Гулахек⁵, приобретенном его правительством. Он был очень любезен со мною, и у меня часто бывала возможность за его гостеприимным столом изучать вопрос, почему же все-таки английские полномочные представители повсюду выделяются среди своих коллег роскошью и комфортом.

Помимо европейских дипломатов я нашел в то время в Тегеране несколько французских и итальянских офицеров, а также одного австрийского офицера инженерных войск, фон Гастайгера, которые состояли на службе у шаха, получая неплохое жалованье. Эти господа собирались, как я слышал, многое сделать, и они обладали для этого достаточными способностями, однако не знающее никакой системы правительство страны и низкие интриги персов тормозили их действия.

Фаррух-хан совершал свою поездку по Европе, чтобы убедить наши кабинеты в том, насколько заинтересованы персы во вступлении в концерт государств, и повсюду просил оказать помощь, с тем чтобы они как можно быстрее добились получения чудодейственного эликсира, называемого цивилизацией. Наши европейские министры были весьма добросердечны и возымели абсолютное доверие к господину Фаррух-хану, который носил длинную бороду, длинное платье и высокую меховую шапку и выглядел очень серьезным. И вся Европа уже поверила, что Персия теперь и в самом деле европеизируется. Туда отправились толпы офицеров, артистов и ремесленников; пошли даже еще дальше и поспешили нанести ответные визиты вежливости чрезвычайному послу шаха, - все это из-за того, что на Персию смотрели как на страну, с правительством которой можно иметь дело, и хотели оказать ей должные почести.

Вот так и получилось, что маленькая Бельгия с немалыми издержками снарядила в Персию посла для заключения торговых соглашений, изучения условий для развития торговли и бог знает каких еще фокусов. Он прибыл, и я не думаю, что его первое донесение в министерство начиналось со слов “veni, vidi, vici”⁶; и тем более я не [24] думаю, что у него появится желание во второй раз посетить la belle Perse⁷. За Бельгией последовала Пруссия. Ученому дипломату барону фон Минуттоли, которому была доверена миссия, пришлось, к сожалению, поплатиться своей жизнью. Жажда знаний привела его в южную Персию, и он пал жертвой зачумленного воздуха всего в двух днях пути от божественного Шираза (как его называют персы). Теперь он покоится в этом городе, позади Баг-и Тахта, в сотне - другой шагов от Хафиза и Саади.

Через несколько дней после моего приезда прибыло посольство нового итальянского королевства. Оно насчитывало свыше 20 человек и подразделялось на дипломатическо-военный и научный отделы. Их цели навсегда остались для меня тайной. Рассказ об оказанном ему приеме побережем для другого раза, а теперь займемся приготовлениями к нашему путешествию.

Итак, благодаря любезной предупредительности моих покровителей я жил в турецком посольстве в условиях, явно не подходящих для будущего нищенствующего дервиша⁸. Однако удобства были мне совсем не по душе, и я уже был склонен после десятидневного отдыха в Тегеране продолжить свое путешествие через Мешхед и Герат, если бы, к сожалению, на моем пути не появились препятствия, которых я уже заранее опасался. Дело в том, что уже в то время, когда я уезжал из Константинополя, мне стало известно из прессы о войне, которую Дост Мухаммед-хан вел против Султан Ахмед-хана, своего зятя, в качестве его вассала правившего Гератом, потому что тот изменил ему и признал верховную власть персидского шаха⁹. Мне казалось, что наши европейские газеты преувеличивают это дело и что вся эта история не должна нагнать на меня особого страха; я не считал ее препятствием и отправился в путешествие. Однако здесь, в Тегеране, всего в 32 днях пути от театра военных действий, мне, к величайшему моему сожалению, рассказали, что война действительно прервала всякое сообщение в тех краях и что с той поры, как началась осада, ни один караван и тем более ни один путешественник не прибывали из Герата и не отправлялись туда. Даже персы не осмеливались подвергать свое добро и саму жизнь риску, но еще рискованнее это было для европейца, чьи иноземные черты привлекают к себе внимание недоверчивого жителя Востока, теперь же афганцы, безусловно, приняли бы его за шпиона и жестоко бы с ним расправились. Положение начало для меня проясняться, и скоро я убедился в том, что продолжать путешествие в данное время при таких обстоятельствах невозможно, а для того, чтобы на пути в Бухару не оказаться среди зимы в пустынях Средней Азии, я принял вскоре решение отложить дальнейшее путешествие до следующего марта. Тогда впереди у меня будет прекрасное время года, и, может быть, к тому времени изменится политическая ситуация, из-за которой теперь забаррикадирован Герат, ворота Средней Азии.

[25] Не раньше начала сентября смирился я с этой необходимостью, и пойми, дорогой читатель, как неприятна мне была мысль провести пять - шесть месяцев в стране, которая представляла для меня только второстепенный интерес и о которой уже появилось так много великолепных описаний. Не для того, чтобы изучить Персию, а скорее ради того, чтобы уберечь себя от вредного для моих будущих планов покоя, я покинул своих гостеприимных турецких хозяев и наполовину дервишем отправился через Исфахан в Шираз, чтобы по крайней мере доставить себе удовольствие собственными глазами увидеть столь часто описываемые памятники древней иранской культуры.

II

Возвращение в Тегеран. - Помощь, оказываемая суннитам, дервишам и хаджи в турецком посольстве. - Автор знакомится с караваном татарских хаджи¹⁰, возвращающихся из Мекки. - Различные пути. - Автор решает присоединиться к хаджи. - Хаджи Билал. - Автора представляют его будущим спутникам. - Выбран путь через земли йомутов и Великую пустыню.

Приблизительно в середине января 1863 г. я уже снова был в Тегеране в кругу своих гостеприимных турецких покровителей. Теперь, разумеется, дело обстояло совершенно по-иному с приготовлениями и моим окончательным решением; я устал от колебаний и наконец твердо решил осуществить свой план, даже если потребуются величайшие жертвы. В посольстве существовал давний обычай оказывать помощь хаджи и дервишам, которые ежегодно в немалом числе проходили из Бухары, Хивы и Коканда через Персию в Турцию. Это было истинным благодеянием для несчастных нищих-суннитов в Персии, которым шииты-персы не подавали ни гроша. Таким образом, в посольской гостинице неделями жили гости из далекого Туркестана, и я был бесконечно рад, если мне удавалось заполучить в свою комнату оборванного татарина¹¹, который рассказывал много интересного о своей родине и беседа с которым имела большую ценность для моих филологических занятий. Этих людей поистине изумляла моя предупредительность; они, конечно, и понятия не имели о моих целях, и скоро в караван-сараяе, который находился на их обычном пути, распространилась молва, что у Хайдар-эфенди, посланника султана, великодушное сердце, а Решид-эфенди (это имя я присвоил своей скромной особе) обходится с дервишами, как со своими братьями, и, весьма вероятно, сам переодетый дервиш.

Поскольку обо мне сложилось такое мнение, меня ничуть не удивляло, что странствующие дервиши сначала приходили ко [26] мне, а затем к министру [посланнику], ибо доступ к последнему часто был им не дозволен и лишь благодаря моему посредничеству они могли получать свои оболы или исполнять другие желания. Так было и утром 20 марта, когда четверо хаджи пришли ко мне с просьбой представить их посланнику султана, потому что они хотели пожаловаться на персов, которые взяли с них у Хамадана на обратном пути из Мекки суннитский налог, который давно запрещен султаном и который порицается даже персидским шахом (Добрые татары думают, что весь мир должен повиноваться султану, главе их религии. В глазах суннитского мира законный халиф (преемник) Мухаммеда тот, кто владеет аманати шарифе, т. е. благородным наследием, которое включает: 1) все реликвии, хранящиеся в Стамбуле в здании Хиркаи-Саадет, например плащ, знамя, бороду и зубы пророка, потерянные им в одном сражении, предметы одежды, Коран и оружие, принадлежавшие первым четырем халифам; 2) обладание Меккой и Мединой,

Иерусалимом и другими местами паломничества мусульман). “Мы не хотим от его превосходительства денег, - говорили они, - мы только хотим, чтобы в будущем наши соотечественники-сунниты могли беспрепятственно посещать святые места”. Такие бескорыстные слова из уст людей Востока поразили меня, я пристально всматривался в лица моих гостей и должен открыто признать, что, несмотря на всю кажущуюся дикость, несмотря на жалкое одеяние, я нашел в них нечто благородное и с первого взгляда почувствовал к ним тайное расположение.

Я вступил с ними в весьма долгий разговор, чтобы подробнее узнать об их спутниках и о пути, который они проделали от родных мест до Мекки, и о маршруте, которым они намеревались следовать до Тегерана. Говорил большей частью хаджи из Китайской Татарии¹², именуемой также “Малой Бухарией”, прикрывавший свои лохмотья новым зеленым джуббе (суконная верхняя одежда), с огромным белым тюрбаном на голове, своим горящим взглядом демонстрировавший превосходство над остальными спутниками. Отрекомендовавшись придворным имамом Ванга (китайского губернатора) из Аксу (провинция Китайской Татарии), уже дважды посетившим святые места и потому хаджи вдвойне, он познакомил меня с сидевшим рядом с ним спутником и пояснил мне, что присутствующих здесь людей следует считать предводителями небольшого каравана хаджи, насчитывающего 24 человека. “Наше общество, - продолжал оратор, - состоит из молодых и старых, богатых и неимущих, благочестивых ученых и мирян, однако все мы живем в полном мире и согласии, так как все мы из Коканда и Кашгара (Название “Кашгар” употребляется часто для обозначения всей Китайской Татарии.) и среди нас совсем нет бухарцев, этих ехидн рода человеческого”. О враждебном отношении узбекских (татарских) племен Средней Азии к таджикам (персидскому коренному населению) мне было уже давно известно, вот почему об этом я не хотел больше ничего [27] расспрашивать, а с большой охотой выслушал сообщение о плане, которому они намеревались следовать, продолжая свой путь домой. “Отсюда на родину, - объяснили мне татары, - у нас есть четыре пути: 1) через Астрахань, Оренбург и Бухару, 2) через Мешхед, Герат и Бухару, 3) через Мешхед, Мерв и Бухару, 4) через Туркменскую пустыню, Хиву, Бухару. Два первых пути слишком дороги для нас, да и война в Герате - немалое препятствие; несмотря на то что оба последних пути очень опасны, мы должны выбрать один из них и хотим посоветоваться с тобой об этом”.

Я беседовал с этими людьми уже целый час, мне определенно нравилась их чистосердечность, и, хотя необычные черты лица чуждой расы, жалкая одежда и бесчисленные следы тяжких странствий придавали этим людям совершенно дикий, устрашающий вид, я не мог удержаться от мысли: не совершить ли мне свое путешествие в Среднюю Азию с этими паломниками? Они были бы для меня наилучшими наставниками; кроме того, они принимали меня за дервиша Решид-эфенди и видели меня в этой роли в турецком посольстве; кстати, они были не в лучших отношениях с Бухарой, единственным городом в Средней Азии, которого я, бедный, действительно боялся, ибо бояться меня, естественно, научила несчастная участь моих предшественников. Поэтому я немедленно сообщил им о своем намерении. Я знал, что они начнут расспрашивать меня о побудительных причинах. Уважаемый читатель поймет, конечно, что я не мог рассказать этим истинным сынам Востока о своих научных целях; они сочли бы смешным, что такая абстрактная цель побуждает эфенди, т. е. господина, подвергать себя стольким опасностям и затруднениям; может быть, они нашли бы в этом повод для подозрений. Человеку Востока неведома жажда знаний, и он не верит в ее существование. Поскольку я не хотел резко выступать против воззрений этих сынов Средней Азии, крайне фанатичных мусульман, мне надлежало прибегнуть к основательной лжи, так чтобы это не только льстило моим спутникам, но и способствовало поставленным мною целям. Я сказал им, что уже давно испытываю тайное, но страстное желание увидеть Туркестан (Среднюю Азию), этот единственно еще оставшийся чистым источником мусульманской добродетели, и посетить святые места Хивы, Бухары и Самарканда. Это намерение, уверял я их, привело меня из Рума (Турции) сюда; уже год, как я жду в Персии, и теперь благодарю бога, что он послал мне спутников, подобных им (указывая на моих татар), с которыми я смогу продолжать свой путь и осуществить свое желание.

Когда я окончил свою речь, добрые татары смотрели на меня с истинным изумлением, но скоро они оправались от удивления, вызванного моими замыслами, и я заметил, что теперь они окончательно уверились в том, о чем раньше лишь подозревали, а именно в том, что я дервиш. Они бесконечно рады, говорили мои новые знакомые, что я считаю их достойными дружбы, [28] соглашаясь отправиться с ними в столь дальний и опасный путь. “Мы все готовы стать не только твоими друзьями, но и твоими слугами, - говорил Хаджи Билал (так звали вышеупомянутого оратора), - но только мы должны обратить твое внимание на то, что дороги в Туркестане не так удобны и безопасны, как в Персии и Турции. На наших дорогах часто неделями не бывает ни крова, ни хлеба, даже ни капли питьевой воды, к тому же приходится опасаться, что тебя убьют, возьмут в плен и продадут в рабство или же ты будешь заживо погребен песчаными бурями. Обдумай как следует свой план, эфенди, чтобы не раскаяться, когда будет уже поздно, и мы не хотим, чтобы ты обвинял нас в своем несчастье. Ты ни в коем случае не должен забывать, что наши соотечественники далеко отстали от нас в опытности и знании света и, несмотря на все свое гостеприимство, они всегда подозрительно смотрят на чужого человека. А как ты один, без нас, совершишь далекое обратное путешествие?”

Нетрудно догадаться, что эти слова произвели на меня сильное впечатление, но они не смогли поколебать моего плана. Я рассеял опасения своих друзей, рассказав о перенесенных ранее тяготах, о моем отвращении к земным удобствам и особенно к европейской одежде, которую мы ex officio¹³ должны носить. “Я знаю, - сказал я, - что земной мир напоминает гостиницу (Михманханеи пянджрузи, т.е. пятидневная гостиница, - слова, которыми философы Востока обозначают наше пребывание на земле.), где мы снимаем комнату лишь на те несколько дней, которые составляют наше бытие, и вскоре съезжаем, чтобы дать место другим, и мне смешны нынешние мусульмане, которые печалются не только о завтрашнем дне, но и за десятилетия вперед. Дорогие друзья, возьмите меня с собой, мне надо порвать с мерзкими заблуждениями, которые мне донельзя надоели”.

Этого было достаточно. Они и без того не собирались противиться, поэтому предводители каравана дервишей тотчас приняли меня в число товарищей по путешествию, мы обнялись и расцеловались, причем мне пришлось пересилить себя, когда я ощутил столь близко их одежды и тела, пропитанные всевозможными запахами. Однако дело было сделано, и мне оставалось только повидать моего покровителя Хайдар-эфенди, сообщить ему о моем намерении, просить оказать мне поддержку и отрекомендовать меня хаджи, которых я хотел немедленно ему представить.

Поначалу я, конечно, встретил немалое сопротивление. Меня называли безумцем, который собирается отправиться туда, откуда еще не вернулся ни один из моих предшественников, да еще в сопровождении людей, которые готовы будут убить меня ради жалких грошей. Мне рисовали ужасные картины, но так как было видно, что все старания свернуть меня с избранного мною пути бесполезны, начали давать советы и старались, как могли, помочь мне. Хайдар-эфенди принял хаджи, устроил их дела, [29] рассказал о моих намерениях в том же духе, что и я сам, и поручил меня их гостеприимству, заметив, что они могут рассчитывать на ответные услуги, поскольку в их руки вверена судьба эфенди, должностного лица султана.

Я не присутствовал при этом визите, однако слышал, что они обещали свою верность. Уважаемый читатель увидит, как честно они сдержали слово, как протекция благородного турецкого посланника спасла мою жизнь, которой столь часто грозили опасности, и как верность моих спутников-хаджи не раз выводила меня из самого затруднительного положения. Позже я узнал, что, когда речь во время беседы зашла о Бухаре, Хайдар-эфенди выразил неодобрение политике эмира (Эмиром называют правителя Бухары. Правителей Хивы и Коканда именуют ханами.) и что это очень обрадовало моих спутников, поскольку они были того же мнения. Потом он потребовал список полностью неимущих путешественников и выдал им около 15 дукатов - щедрое пособие для людей, не стремящихся к иной роскоши, кроме хлеба и воды.

Наш отъезд был назначен на восьмой день. В это время меня часто навещал только Хаджи Биалал; он познакомил меня со своими соотечественниками из Аксу, Яркенда и Кашгара, которые показались мне скорее мерзкими бродягами, чем благочестивыми паломниками. Но особое участие он проявлял к своему приемному сыну Абдул Кадеру, парню лет двадцати пяти, которого он рекомендовал мне в качестве *famulus*¹⁴. "Он верный малый, только нерасторопный, - говорил Хаджи Биалал, - но он многому от тебя научится. Пусть он в дороге тебе прислуживает: печет хлеб и готовит чай, он это хорошо умеет". Но истинное намерение Хаджи Биалала состояло в том, чтобы Абдул Кадер помогал мне не только печь хлеб, но и есть его, так как с ним был еще один его приемный сын, а двое молодцов, изголодавшихся от пешеходных странствий, были слишком тяжелым бременем для моего друга. Я обещал принять это предложение, вызвав большую радость.

Говоря откровенно, частые посещения Хаджи Биалала могли бы возбудить у меня подозрение, я мог бы подумать: этот человек считает тебя выгодной добычей и изо всех сил старается заполучить тебя, опасаясь, что ты еще не принял решения и колеблешься. Но нет, я не смел и не хотел подозревать ничего дурного. Для того чтобы убедить его в своем безграничном доверии, я показал ему ту небольшую сумму денег, которую собирался взять с собою в дорогу, и попросил его точно проинструктировать меня, как мне следует одеться и держать себя, какие манеры и обычаи я должен усвоить, чтобы сделаться как можно больше похожим на своих спутников и, не привлекая к себе внимания, оставаться незамеченным. Эта просьба ему очень понравилась, и нетрудно догадаться, что я получил от него диковинные наставления. Прежде всего он посоветовал мне [30] обрить голову и сменить мой тогдашний турецко-европейский костюм на бухарский, а также по возможности обходиться без постели, белья и прочих предметов роскоши. Я в точности последовал его предписаниям, и поскольку моя экипировка была делом очень легким, я скоро закончил свои приготовления и уже за три дня до назначенного срока был готов к дальнему путешествию.

В один прекрасный день я отправился в караван-сарай, где квартировали мои спутники, с ответным визитом. Они занимали две маленькие кельи, в одной жили 14, в другой - 10 человек. Никогда мне не забыть первого впечатления, которое произвели на меня эти две дыры, вместительная грязь и нищета. Только у немногих были средства для продолжения путешествия, большинству же приходилось полагаться на нищенский посох. Я застал их за занятием, описанием которого не хочу пробудить отвращение у уважаемого читателя и к которому тем не менее мне тоже приходилось прибегать позднее. Они приняли меня очень радушно, приготовили зеленый чай, и я претерпел адские муки, выпив большую бухарскую миску зеленоватой воды без сахара. Они были весьма любезны и предложили мне вторую, но я, принеся извинения, отказался. Затем мне представилась возможность обнять всех моих спутников, причем каждый проявил ко мне почтение и приветствовал меня как брата. Я должен был с каждым в отдельности преломить хлеб, после чего мы все уселись в кружок, чтобы обсудить и окончательно избрать предстоящий нам путь.

Как я уже говорил, из двух дорог надо было выбрать одну. Оба пути были опасны, так как нужно было пересечь пустыню, где хозяйничали туркмены, и различались в основном только населяющими ту или иную ее часть племенами. Дорога через Мешхед, Мерв и Бухару была короче, но нам пришлось бы проходить мимо племени теке, самого дикого из всех туркменских племен; оно не щадит никого и продало бы в рабство самого пророка, если бы он попался ему в руки. На другом пути жили туркмены племени йомут, народ простодушный и гостеприимный, но зато надо было сделать 40 переходов пустыней, без единого источника питьевой воды¹⁵. После некоторых замечаний был выбран путь через земли йомутов, Великую пустыню, Хиву и Бухару. "Лучше бороться против злых сил природы, чем против злобы людей, - считали мои друзья, - бог милостив, а мы на его пути, и он нас не оставит". В подтверждение решения Хаджи Биалал затянул молитву; пока он говорил, мы сидели с поднятыми вверх руками, а когда он кончил, каждый, взявшись за бороду, громко произнес: "Аминь!" Мы встали со своих мест, и мне сказали, чтобы рано утром послезавтра я пришел сюда заблаговременно, и мы все вместе отправимся в путь.

Я пошел домой и все эти два дня находился в состоянии величайшей и сильнейшей борьбы с самим собой. Еще раз перебирал я угрожавшие мне в путешествии опасности. Мне [31] хотелось доискаться до причин, которые бы оправдали столь рискованный шаг: однако я был как в пьяном дурмане и не мог рассуждать. Напрасно указывали мне на тайные злобные намерения моих спутников, напрасно пугали меня печальной участью Конолли, Стоддарта и Муркрофта и совсем недавним несчастьем с Блоквиллем, который попал в руки туркмен и был выкуплен из рабства за 10000 дукатов. Все это казалось мне делом случая и ничуть меня не отпугивало. У меня было лишь одно опасение, а именно: достанет ли у меня физических сил вынести трудности, посылаемые стихией, вызываемые непривычной пищей, длительным отсутствием крова при плохой одежде и без всякой постели, и смогу ли я со своей хромою ногой, из-за которой я очень быстро устаю, совершать пешие марши? Только в этом и усматривал я истинный риск моего путешествия.

Не стоит и говорить, кто оказался победителем в этой душевной борьбе. Накануне вечером я простился со своими друзьями в турецком посольстве. Тайна путешествия была доверена лишь двоим; в европейской колонии думали, что я отправляюсь в Мешхед, тогда как я покинул Тегеран, чтобы продолжить свое путешествие в направлении к Астрабаду и Каспийскому морю.

III

Отъезд из Тегерана в направлении на северо-восток. - Члены каравана. - Ненависть шиитов ко всем хаджи. - Мазендеран. - Сираб. - Хефтен. - Тигры и шакалы. - Сари. - Каратепе.

28 марта ранним утром я появился в караван-сараях, назначенном месте встречи. Те из моих друзей, которым средства позволяли нанять мула или осла до персидской границы, были уже во всем параде готовы к отъезду, пешие также уже надели свои чарыки, обувь, принятую у солдат-пехотинцев, и со святыми посохами из финикового дерева, судя по всему, с нетерпением ожидали знака к выступлению. К великому моему удивлению, я увидел, что жалкое одеяние, которое они носили в Тегеране, было их городским, т.е. нарядным, костюмом. Чтобы сбросить его, все они надели теперь дорожную одежду, состоящую из тысячи лохмотьев, подвязанных веревкой вокруг бедер. Вчера я казался себе в своей одежде нищим, сегодня же в кругу этих людей я был королем в парадном платье. Наконец Хаджи Билал поднял руки для напутственной молитвы, и, едва взявшись за бороду, чтобы сказать “амин”, пешие странники гигантскими шагами устремились к воротам, опережая нас, ехавших верхом.

Наш маршрут шел от Тегерана на северо-восток к Сари, до которого мы должны были добраться в восемь переходов. Поэтому мы направились к реке Джадеруд и Фирузкуху, [32] оставили слева Таушан-тепе [Даушан-тепе], небольшой шахский охотничий замок, и через час были у въезда в горный проход, откуда в последний раз можно было увидеть окрестности Тегерана. Я не мог не оглянуться еще раз. Солнце было, как говорят на Востоке, уже на высоте копья, и его лучи освещали не только Тегеран, но и далекие позолоченные купола Шах-Абдул-Азима [Шах-Абдоль-Азим]; природа в Тегеране в это время года роскошна, и я должен признаться, что город, который в прошлом году по приезде произвел на меня столь неприятное впечатление, теперь показался мне восхитительно прекрасным. Этот взгляд был прощанием с последним форпостом нашей замечательной европейской цивилизации; я шел туда, где мне предстояло встретиться с крайней степенью дикости и варварства. Я был глубоко взволнован и, чтобы мои спутники не заметили этого, быстро направил лошадь в горный проход, у входа в который для меня уже были написаны суровые слова: “Lasciate ogni speranza”¹⁶.

Тем временем мои коллеги принялись громко читать отрывки из Корана и распевать талкины (гимны)¹⁷, как и подобает настоящим паломникам. Они прощали мне то, что я не принимал никакого участия в их занятиях, так как знали, что румы (османы) воспитаны не в такой строгой вере, как жители Туркестана, и надеялись, что общение с ними со временем воодушевит меня.

Между тем я, следуя за ними тихим шагом, хочу всех их представить читателю, потому что мы довольно долго будем путешествовать в их обществе и потому что они действительно были наичестнейшими людьми, которых я встречал в тех краях. Вот они: Хаджи Билал (1) из Аксу (Китайская Татария), придворный имам китайско-мусульманского правителя той же провинции. С ним были его приемные сыновья Хаджи Иса (2) - малому шел шестнадцатый год - и Хаджи Абдул Кадер (3), о котором я уже упоминал. В компании, так сказать, под покровительством Хаджи Билала были, кроме того, Хаджи Юсуф (4), богатый крестьянин из Китайской Татарии, со своим племянником Хаджи Али (5), десятилетним мальчиком с крошечными киргизскими глазками. У них еще оставалось 80 дукатов на путевые расходы, поэтому их называли богачами, но это держалось в большой тайне. Они нанимали одну лошадь на двоих, пока один ехал верхом, другой шел пешком. Хаджи Ахмед (6) - бедный мулла, совершавший свое паломничество, опираясь на нищенский посох. Сходен с ним по характеру и обстоятельствам был Хаджи Хасан (7), отец которого умер в пути; теперь он возвращался домой бедным сиротой. Хаджи Якуб (8) - профессиональный нищий, каковое ремесло он унаследовал от своего отца. Хаджи Курбан senior (9) - родом крестьянин, который со своим точильным колесом избородил всю Азию вплоть до Константинополя и Мекки, один раз дойдя через Тибет до Калькутты, а другой - через киргизские степи до Оренбурга и Таганрога. Хаджи Курбан junior (10) - тоже потерявший в пути отца, со своими братьями [33] Хаджи Саидом (11) и Хаджи Абдур Рахманом (12), болезненным четырнадцатилетним мальчиком, отморожившим ноги в снегу под Хамаданом и ужасно страдавшим всю дорогу до Самарканда.

Все перечисленные выше паломники, из Хотана, Яркенда и Аксу, т.е. китайские татары двух соседних областей, принадлежали к свите Хаджи Билала. Кроме того, он еще жил в дружбе с Хаджи Шейх Султан Махмудом (13) из Кашгара, молодым восторженным татаринцем из семьи известного святого Хазрети Афака, погребенного в Кашгаре. Отец моего друга Шейх Султан Махмуда был поэтом, целью его устремлений было совершить путешествие в Мекку; после многолетних страданий он достиг святого города и там умер. Поэтому его сын преследовал двойную цель: он совершал паломничество одновременно к могиле своего пророка и своего отца. С ним были Хаджи Хусейн (14), его родственник, и Хаджи Ахмед (15), бывший китайский солдат полка Шива, вооруженного мушкетами и набравшегося из мусульман.

Из Кокандского ханства был Хаджи Салих Халифе (16), претендент на титул ишана, т.е. шейха¹⁸, принадлежавший, таким образом, к полудуховному ордену, очень добрый человек, о котором мы еще часто будем говорить. Его сопровождали его сын Хаджи Абдул Баки (17) и брат Хаджи Абдул Кадер (18) - маджзуб, т.е. “вдохновленный любовью к богу”¹⁹; стоило ему 2000 раз прокричать “Аллах!”, как у него выступала пена изо рта и он впадал в наиблаженнейшее состояние. (Мы, европейцы, называем это падучей болезнью, впрочем, мы еще вернемся к этому предмету.) Хаджи Кари Масуд (19). “Кари” означает то же, что в Турции “хафиз”, т.е. тот, кто знает наизусть Коран. С ним был его сын Хаджи Гиясуддин (20). Хаджи Мирза Али (21) и Хаджи Ахрар-Кули (22), у которого кое-что осталось в мешке из запасов на путевые расходы, и они нанимали одну лошадь на двоих. Хаджи Нур Мухаммед (23) - купец, который уже второй раз побывал в Мекке.

Теперь мы продолжали свой путь по склонам Эльбурсской горной цепи, поднимавшейся все выше и выше. Мои друзья заметили мою подавленность и пытались утешить меня, особенно Хаджи Салих; он ободрял меня и уверял, что все любят меня как брата. “Только бы бог помог нам выбраться из страны шиитских еретиков, и мы заживем вполне спокойно среди суннитских туркмен, наших товарищей по происхождению и вере”. Я и в самом деле представил себе прекрасное будущее и поехал немного быстрее, чтобы присоединиться к бедным путникам, шедшим впереди нас пешком. Догнав их через полчаса, я увидел, что они, пешком добравшиеся из далекого Туркестана в Мекку и возвращавшиеся оттуда теперь домой, бодро продвигаются вперед. Одни из них пели песни, очень похожие на венгерские, другие рассказывали истории, приключившиеся с ними в пути. Эти развлечения доставили мне много радости, потому что [34] я знакомился с образом мыслей дальних народов. Едва отъехав от Тегерана я полностью перенесся в среднеазиатскую жизнь.

Пока я таким образом беседовал то с одним, то с другим путником, путешествие продолжалось обычным порядком. Днем было относительно тепло, а в ранние утренние часы сильно морозило, особенно в горах, так что я в своей скудной одежде не выдерживал и слезал с лошади, чтобы согреться ходьбой. Свою лошадь я предоставлял шедшему пешком хаджи, за что тот давал мне свой посох, и я довольно долго шел с ними пешком, причем они всегда развлекали меня живейшими описаниями своей родины, и если сады Маргелана, Намангана и Коканда в достаточной степени их воодушевляли, то они затягивали талькин, к их хору присоединял голос и я, выкрикивая изо всех сил: “Аллах, ай Аллах!” О каждой такой попытке сблизиться с ними молодые рассказывали старикам, которые очень радовались этому и всегда говорили: “Хаджи Решид (так меня называли мои спутники) - настоящий дервиш, из него выйдет толк”.

После четырехдневного перехода мы пришли в Фирузкух, который расположен довольно высоко и дороги к которому нелегки. Город лежит у подножия горы, на вершине которой находится старая крепость, упоминаемая в “Шах-наме” (теперь это развалины); он значителен тем, что здесь кончается провинция Ирак-Аджеми и начинается Мазендеран. Утром следующего дня наш путь шел прямо на север; через три-четыре часа мы достигли обширного ущелья, собственно Мазендерана, которое ведет до самого берега Каспийского моря. Стоит путешественнику спуститься на несколько шагов от расположенной на вершине горы караван-сарая, как вместо голой сухой равнины внезапно появляется местность с пышной богатой растительностью. Даже не веришь, что находишься в Персии, видя вокруг первобытные леса и радующую глаз зелень. Мы не будем пытаться описать Мазендеран и его красоты, ибо это уже сделали такие мастера, как Фрэйзер, Конолли и Бернс. Когда я проходил по Мазендерану, он был облачен в свой парадный костюм, прекрасные весенние одежды, и, бесспорно, был восхитителен. Эти чарующие впечатления прогнали последние следы печали. Величие природы заставило забыть опасности моего предприятия и пробудило во мне сладкие мечты о неизвестных чужих краях, где я буду странствовать, и о различных народах, нравах и обычаях, которые увижу. Конечно, в тех местах, думал я, природа представляет собой полную противоположность тому, что я вижу здесь, так как там меня ждут огромные ужасные пустыни, необозримые равнины и на протяжении многих дней постоянная нехватка воды; поэтому вдвойне приятней становилось теперешнее наслаждение природой.

На моих спутников Мазендеран также не смог не произвести впечатления. Только они всегда сожалели, что этот прекрасный джаннат (рай) находится в руках еретиков-шиитов. “Просто удивительно, - считал Хаджи Билал, - что все прекрасные места на [35] земле попали в руки неверных. Не зря пророк говорит: „Ад-дунья сиджи аль-муминин ва джаннат аль-кафирин” („Этот мир - тюрьма для верующих и рай для неверных”)

Для доказательства он приводил Индостан, где правили “инглизы”, красоты России, которые он видел, и Френгистан, который ему расписывали как рай на земле. Хаджи Султан Махмуд старался утешить своих спутников, приводя в пример горную область между Ошем и Кашгаром. Он уверял меня, что она намного красивее Мазендерана, но я не мог представить себе этого. (Эту пограничную область между Кокандом и Восточным Туркестаном в последнее время часто посещали русские купцы и путешественники, которые и описали ее. Предметом подробного обсуждения сделался как раз путь, ведущий от берегов реки Нарын до Кашгара. Барон Ф. Р. Остен-Сакен в сопровождении В. А. Полторацкого прошел в 1867 г. от крепости Верное до западного побережья Иссык-Куля, оттуда через Алатау до Сонкёля (9400 футов над уровнем моря) и далее на юг до Чатыркёля (1150 футов над уровнем моря). Барон - ученый намеревался дойти до Кашгара, однако Якуб-кушбеги, бывший в то время регентом, воспрепятствовал этому, и 31 июля ему пришлось вернуться со станции Тизикташ-Караул, не завершив замысла. Лишь этим летом, а именно в мае 1872 г., удалось барону Каульбарсу, стоявшему во главе русской миссии, добраться до Кашгара. По его сообщениям, а также по другим последним сведениям, путь через горы Кашгар-Даван не из приятных: от берегов реки Тоюн до столицы Восточного Туркестана путешественник должен преодолеть труднопроходимые суровые скалы³⁰.)

У станции Сираб мы достигли северной оконечности мазендеранского ущелья, и начались бескрайние леса, которые тянутся до самого берега Каспийского моря. Мы шли по дороге, построенной шахом Аббасом II, которая, однако, во многих местах была совершенно разрушена. Местом нашего ночлега, к которому мы теперь приближались, был Хефтен, расположенный среди прекрасного букового леса. Наша молодежь отправилась поискать источник хорошей воды для чая, и вдруг мы услышали крики ужаса; они примчались назад и рассказали, что у источника видели больших пятнистых животных, при их приближении умчавшихся огромными прыжками. Поначалу я думал, что это были львы, поэтому взял заржавевший меч и в указанном направлении, правда на значительном отдалении, обнаружил двух великолепных тигров, чьи красивые шкуры изредка показывались в чаще. Диких зверей в этом лесу, как мне рассказывали крестьяне, было очень много, однако на людей они нападали крайне редко. Зато никакого покоя нам не давали шакалы, которые, правда, боялись палки, но водились в таком количестве, что прогнать всех было невозможно. Конечно, шакалы не редкость во всей Персии, даже в Тегеране по вечерам слышен их вой, все же они никогда не подходят так близко к людям, как здесь. Они мешали мне всю ночь напролет, приходилось отбиваться руками и ногами, чтобы они не утащили мой мешок с хлебом или обувь.

На следующий день мы должны были добраться до Сари, главного города Мазендерана. Невдалеке от дороги находится Шейх-Таберси, место, где долго оборонялись бабиды²¹ [36] (религиозные фанатики, отрекшиеся от Мухаммеда и проповедовавшие коммунизм, нагоняя ужас на всю округу). Здесь изобиловали апельсиновые и

лимонные деревья, чьи желтые и оранжевые плоды в темной зелени являли прелестное зрелище. Сари сам по себе вовсе не красив, но, должно быть, ведет значительную торговлю. Когда мы проходили по базару этого последнего персидского города, на нас в последний раз обрушился поток всевозможных проклятий и насмешек. Я не мог не ответить на эти наглые выходки, но не считал возможным посреди базара при скоплении сотен шиитов грозить палкой или мечом. В Сари мы пробыли ничуть не дольше, чем это понадобилось для того, чтобы нанять лошадей для переезда к берегу моря. Дорога пролегает через болота и трясины, и идти пешком нет никакой возможности. Отсюда есть несколько дорог до берега Каспия, а именно через Ферехабад (Парабад, как называют его туркмены), Гез [Бендер-Гез] и Каратепе. Мы выбрали последнюю, потому что там уже есть афганская, т.е. суннитская, колония, где мы могли рассчитывать на хороший прием; с некоторыми колонистами, людьми весьма добрыми, мы познакомились в Сари.

Отдохнув два дня в Сари, мы отправились в Каратепе и пришли туда лишь к вечеру, после утомительного девятичасового пути. Дорогой мы уже начали бояться туркмен. Это морские разбойники; свои лодки они прячут на берегу, а сами совершают внезапные набеги далеко в глубь страны, зачастую возвращаясь к берегу моря с одним или даже двумя связанными персами²².

IV

Каратепе. - Автор в гостях у афганца Нуруллы. - Подозрение относительно моего звания дервиша. - Хаджи запасаются провиантом для путешествия через пустыню. - Афганская колония. - Надир-шах. - Первый взгляд на Каспийское море. - Якуб, туркменский моряк. - Талисман любви. - Посадка на судно, идущее в Ашуру. - Поездка по Каспийскому морю. - Русская часть Ашуры. - Русские военные паровые суда на Каспийском море. - Туркменский предводитель на русской службе. - Опасение автора быть узнанным. Прибытие в Гёмюштепе [Гюмюшан] и в устье Гёргена [Горгана].

Нурулла, знатный афганец, с которым я познакомился еще в Сари, повел меня, когда мы прибыли в Каратепе, в свой дом, и поскольку я не решился жить отдельно от всех моих товарищей, он взял к себе также Хаджи Билала и не успокоился до тех пор, пока я не принял его приглашение. Сначала я не знал, в чем причина столь любезной услужливости, и лишь позднее понял, что он слышал об отношении ко мне турецкого посланника в Тегеране и взамен своей доброты хотел получить от меня [37] рекомендательное письмо, каковое я обещал ему и охотно дал перед отъездом.

Не успел я обосноваться в его доме, как комната заполнилась посетителями, которые один за другим усаживались вдоль стен, строго разглядывая меня большими глазами и затем сообщая друг другу составленное обо мне суждение, а позже и совсем громко высказываясь о характере моего путешествия. “Конечно, он не дервиш, - говорило большинство, - он меньше всего похож на дервиша, так как бедность его одежды резко противоречит чертам и цвету лица. Как нам говорили хаджи, он родственник посланника, который представляет нашего султана (при этом все встали) в Тегеране, и одному Аллаху известно, что ищет человек такого высокого происхождения среди туркмен, в Хиве и Бухаре”.

Я был немало удивлен нахальством этих людей, которые сразу же, с первого шага, захотели сорвать маску с моего лица. Однако я разыграл из себя человека Востока, сидел, погруженный в глубокие благочестивые думы, и делал вид, будто совсем ничего не слышу. Поскольку я не хотел принимать никакого участия в разговоре, они обратились к Хаджи Билалу, который сказал, что я действительно эфенди, состоял на службе у великого султана, но вследствие божественного вдохновения удалился от мирского обмана и теперь совершаю зиарат (паломничество к святым могилам). На это многие покачали головой, однако этого предмета нельзя было больше касаться, так как настоящий мусульманин никогда не смеет сомневаться, если слышит об ильхаме, т.е. божественной восторженности или божественном вдохновении; даже если и говорящий и слушающий абсолютно убеждены в том, что это ложь, они должны выразить свое удивление возгласами: “Машаллах! Машаллах!”. Впрочем, эта первая сцена показала мне достаточно ясно, что хотя я еще и нахожусь на персидской земле, однако достиг границы Средней Азии, так как, услышав недоверчивые расспросы этих немногочисленных суннитов, расспросы, ни разу не коснувшиеся моей особы нигде в Персии, я смог легко составить себе представление о прекрасном будущем, ожидающем меня на родине этих людей. Часа два гости разглядывали меня и задавали всяческие вопросы, затем они удалились, а мы наскоро приготовили чай и отправились на покой. Я уже собрался лечь спать, как вдруг ко мне подошел человек в туркменской одежде, которого я считал членом семейства, и весьма доверительно принялся рассказывать, что он вот уже 15 лет ездит по разным делам в Хиву и, хотя сам он родом из Кандагара, хорошо знает туркмен, узбеков и бухарцев; и теперь нам следует вместе поехать через Великую пустыню, и мы обязательно станем друзьями. Я отвечал ему: “Кулли муминин ихветун”, т.е. “все верующие - братья”, поблагодарил за дружбу и заметил, что сам я дервиш, поэтому мне очень дороги спутники, с которыми я уже давно путешествую. Он пытался продолжать разговор, но я дал понять, что хочу спать, он оставил меня в покое, и вскоре я действительно уснул.

[38] На другое утро Нурулла сообщил мне, что это был “терьяки”, пожиратель опиума, к тому же продувная бестия, и я должен по возможности его избегать. Вместе с тем Нурулла обратил наше внимание на то, что нам следует здесь, в Каратепе, запастись провиантом - мукой и рисом - на два месяца, так как даже туркмены, и те берут с собой необходимые припасы отсюда, а нам надо обеспечить себя до Хивы хотя бы хлебом. Я предоставил это дело Хаджи Билалу, а сам отправился на расположенный посреди деревни Черный холм (по-турецки “Кара тепе”), от которого и происходит название селения. На одной стороне живут персы, на другой - 125-150 афганских семей. Вероятно, в начале века афганская колония была гораздо более значительна; ее основал Надир-шах²³, последний завоеватель азиатского мира, совершивший, как известно, свои величайшие подвиги совместно с афганцами и туркменами. Мне показали то место на холме, где он сидел, производя смотр тысячам диких всадников, собравшихся на великолепных конях с жаждавшими добычи саблями под его знамена из отдаленнейших уголков Великой пустыни. Рассказывают, что у Надира было по этому поводу веселое настроение и в Каратепе был праздник. Мне неизвестно, с какой целью

была основана эта суннитская колония, но я нахожу, что по крайней мере теперь она приносит большую пользу, так как афганцы выступают посредниками в делах с туркменами; не будь их, многие персы месяцами томились бы в рабских оковах у туркмен, ибо некому было бы заняться их выкупом. Ту же самую услугу на Востоке Персии оказывают сунниты Хафа, Джама и Бахерза, только им приходится иметь дело с туркменами-теке, которые гораздо опаснее йомутов²⁴.

С вершины Черного холма мне впервые удалось посмотреть на Каспийское море. Отсюда видно не открытое море, а часть его, отрезанная длинной косой, оканчивающейся у Ашуры, и называемая Мертвым морем. Издали коса, за которой можно долго следить взглядом, кажется узкой полоской, откуда тянутся кверху несколько деревьев. Вид пустынного берега не мог ни в коей мере вдохновить меня, я сгорал от нетерпения увидеть восточный берег моря и поспешил домой, чтобы узнать, насколько продвинулись приготовления к нашему переезду на туркменский берег, все заботы о котором взял на себя Нурулла.

Накануне вечером мне сказали, что нас берет в Ашуру, за кран с головы, афганское судно, доставляющее русским провизию, отсюда мы сможем за три-четыре часа добраться с туркменами до Гёмюштепе²⁵. В самой Ашуре живет Хидр-хан, туркменский предводитель, состоящий на русской службе, который оказывает поддержку бедным хаджи и которого мы также сможем посетить. Все это нас очень обрадовало, и мы дали свое согласие. Поэтому я был крайне удивлен, узнав, что этот афганец готов к отъезду и собирается взять всех хаджи, за исключением моей скромной особы, поскольку меня считают тайным эмиссаром султана, а он, дескать, не хочет потерять у русских свой хлеб, взяв на судно [39] такую личность. Подобное заявление меня немало изумило. Но я очень обрадовался, когда мои спутники объявили, что, если он меня не возьмет, они тоже не поедут, а лучше подождут другого случая. Об этом весьма напыщенным тоном рассказал мне курильщик опиума Эмир Мухаммед; позже пришел и сам афганец (он называл себя Анахан), выразил свое сожаление, обещал обо всем молчать и попросил рекомендательное письмо к Хайдар-эфенди. Я счел разумным не издать ни звука, чтобы он не истолковал мои слова как попытку успокоить его подозрения, от души посмеялся над его идеями и обещал ему оставить у Нуруллы несколько строк, адресованных в Тегеран, что я и сделал. Мне постоянно приходилось скрывать свое истинное лицо под покровом тайны или сомнения, так как человек Востока имеет обыкновение верить не тому, в чем его рьяно убеждают, а полагать совершенно противоположное; малейший протест с моей стороны означал бы в глазах этих людей подтверждение их предположений. Эта тема более не затрагивалась.

В тот же вечер мы узнали, что один туркмен, отправлявшийся прямо в Гёмюштепе, готов без всякого вознаграждения, просто из благочестия, взять с собой всех хаджи; нам надо было только рано утром явиться на берег, чтобы незамедлительно воспользоваться возможным попутным ветром. Я, Хаджи Билал и Хаджи Салих, признанный триумvirат нищенского каравана, тотчас отправились с визитом к этому туркмену, которого звали Якуб. Он был молод, с необыкновенно смелыми глазами. Якуб обнял каждого из нас и согласился подождать еще один день, чтобы мы как следует запаслись провизией. Он уже получил благословение Хаджи Билала и Хаджи Салиха, и мы собрались уйти, как вдруг он отозвал меня в сторону и попросил ненадолго задержаться. Я остался. Тогда он, с некоторой застенчивостью, рассказал мне, что уже довольно долгое время питает несчастную неразделенную страсть к девушке из его племени и что один еврей, искусный чародей, который находится в данный момент в Каратепе, пообещал изготовить приворотный талисман (нусха), если ему удастся достать 30 капель свежего розового масла, прямо из Мекки, которое необходимо для написания волшебной формулы. “Мы знаем, - говорил Якуб, - что хаджи приносят из святого города розовое масло и другие благовония, а так как ты самый младший из предводителей, я обратился к тебе и надеюсь, что ты исполнишь мою просьбу”. Меня не столь удивило суеверие этого сына пустыни, сколь вера в слова “премудрого” израильтянина, и так как у моих спутников действительно оказалось с собой розовое масло, его желание скоро исполнилось, и он по-детски радовался этому.

На другой день рано утром мы все собрались на берегу моря. У каждого кроме нищенской сумы был еще мешок с мукой. Прошло немало времени, прежде чем лодка (называемая “теймилъ”), представляющая собой выдолбленное дерево, доставила нас на борт суденышка, которое из-за мелководья стояло в море, [40] на расстоянии одной английской мили. Я никогда не забуду этого переезда. Тонкий древесный ствол, выдолбленное нутро которого было в полном беспорядке заполнено пассажирами, мешками с мукой и прочим имуществом, в любой момент грозил пойти на дно, и нам просто повезло, что все мы сухими взошли на борт судна. У туркмен имеются три вида судов: а) кезебой, с одной мачтой и двумя парусами, большим и маленьким, которое они большей частью употребляют для грузовых перевозок; б) каюк, с одним парусом, быстроходное судно, употребляемое при их разбойничьих набегах, и в) теймилъ, уже упомянутая лодка. Судно, предоставленное Якубом в наше распоряжение, было кезебой, оно доставило с острова Черекен [Челекен] на побережье Персии нефть, смолу и соль и теперь возвращалось к родным берегам, нагруженное фруктами.

Так как из-за отсутствия палубы все места были одинаковы, каждый сел там, где первым нашел себе удобное местечко, но Якуб заявил нам, что это мешает его действиям. Поэтому, взяв свой багаж и сумки с провизией, мы сели в два ряда вплотную друг к другу, как сельди в бочке, так что середина судна осталась свободной, и он с двумя своими товарищами мог свободно бегать взад и вперед. Наше положение, как легко себе представить, было не из приятных; днем было еще терпимо, а ночью, когда сон валил сидящих налево и направо, стало просто ужасно; приходилось по целым часам выносить тяжесть сладко храпевшего хаджи. Часто на меня обрушивалось сразу двое спящих: справа и слева, и хотя я безмерно страдал, но не осмеливался будить их, потому что это считается большим грехом.

В полдень 10 апреля 1863 г. благоприятный западный ветер надул наши паруса и со скоростью стрелы погнал суденышко вперед. Слева от нас была узкая коса, справа - густо поросшие лесом, доходящие до самого моря горы, где возвышается замок Эшреф, построенный шахом Аббасом²⁶, величайшим государем Персии. Прелесть нашего плавания еще более усиливалась благодаря великолепной весенней погоде, и, несмотря на тесноту, я был в прекрасном расположении духа. Я мог бы предаваться мыслям о том, что сегодня покинул персидский берег и тем самым последнюю точку на земле, где было еще возможно раскаяние, но нет, ничего подобного не приходило мне в

голову. Я был твердо убежден, что мои товарищи по путешествию искренне преданы мне и что с ними я готов встретить любую опасность.

К вечеру наступило безветрие, мы бросили якорь недалеко от берега, и нам разрешили по очереди приготовить чай на маленьком судовом очаге. У меня в поясе было спрятано несколько кусочков сахара, я пригласил Якуба и угостил его миской сладкого чая. К нам подсели Хаджи Салих и Султан Махмуд. Молодой туркмен разговорился и стал рассказывать об аламани, как называют туркмены свои разбойничьи походы, излюбленную тему разговора у этого народа. Он вошел в азарт, его и без того [41] горящие глаза своим блеском соперничали со звездами, ему очень хотелось рассказами о битвах с шиитскими еретиками заслужить похвалу у суннитских мулл, за которых нас считали; он говорил, что многих уже взял в плен. Мои спутники скоро начали дремать, я слушал его дольше всех, он ушел только около полуночи. Перед уходом он рассказал мне, что Нурулла просил его провести меня как гостя в палатку Ханджана, туркменского предводителя, и Нурулла прав, ибо я не такой, как остальные хаджи, и заслуживаю лучшего обхождения. “Ханджан, - сказал мне Якуб, - аксакал (глава) могущественного племени, и еще при его отце ни один дервиш, хаджи или чужеземец не смел пройти через Гёмюштепе, не попробовав его хлеба и воды. Он, конечно, тебя хорошо примет, так как ты из далекого Рума (Турции), и ты будешь мне благодарен”.

На другое утро из-за неблагоприятного ветра мы продвигались вперед очень медленно и лишь вечером прибыли в Ашуру. Ашура - самая южная точка русских владений в Азии - вот уже 25 лет как перешла окончательно во власть русских, а лучше сказать, с того самого времени, когда их пароходы нагнали страху на туркменских морских разбойников. Раньше здесь господствовали туркмены, и само название Ашура - туркменского происхождения, однако здесь никто не жил, и место это скорее служило своего рода базой для грабительских походов, которые в те времена совершались еще часто и вольготно.

Нынешняя Ашура производит отрадное впечатление на путешественника, едущего из Персии. Хотя число домов, выстроенных ближе к восточному краю мыса, и невелико, их европейская архитектура, а также церковь, стоящая на видном месте, - все это не могло оставить меня равнодушным. Особенно живо напомнили мне о европейской жизни военные паровые суда, и с какой радостью следил я вечером за гордо скользящим пароходом, следовавшим из Геза (порт Астрабада) в Ашуру! Русские держат здесь два больших военных парохода и один маленький, и если бы не эта защита, то не только находящиеся здесь русские суда, но и парусные корабли, направляющиеся из Астрахани, не были бы гарантированы от нападения туркмен²⁷. Пока купеческое судно находится в открытом море, ему бояться нечего, но оно очень редко осмеливается приблизиться к берегу без сопровождения парохода, к чьей защите вынуждено прибегать и на обратном пути. Местные власти ревностно и с немалыми издержками стараются, конечно, парализовать разбойничьи поползновения туркмен, и размеры этого бедствия несколько уменьшились, но гарантировать полную безопасность невозможно, и нельзя помешать тому, что многих несчастных персов, а время от времени даже русских матросов, увозят в цепях в Гёмюштепе. Русские корабли непрерывно, днем и ночью, крейсируют в туркменских водах; каждое туркменское судно, отправляющееся с восточного берега к южному, персидскому, должно иметь проездное свидетельство, которое выдается за 8, 10 или 15 [42] дукатов на один год, и его надо предъявлять всякий раз при следовании мимо Ашуры; при этом судно обыскивают, проверяя, нет ли на борту пленных, оружия или иной контрабанды. Благодаря этим мерам значительная часть туркменских торговых судов была зарегистрирована; уклонившиеся от осмотра пробираются, как правило, тайными путями, и при встрече русские крейсера отправляют их на дно, если только они не сдаются²⁸.

В то время как одна сторона действует с необходимой строгостью, другая не упускает случая установить дружеские отношения с тем или иным племенем, чтобы использовать его против другого. Когда я проезжал через Ашуру, на русской службе уже 30 лет находился в звании дерьябеги (адмирала) Хидр-хан из племени газиликёр, получая жалованье около сорока дукатов в месяц, из которых он десять отдавал своему мирзе (писарю). Хидр-хан все еще жил в палатке посреди полуевропейской колонии; его служебные обязанности состояли в том, чтобы он, пользуясь своим влиянием на туркмен, или вообще предотвращал их грабительские набеги, или по крайней мере уведомлял русских о подобном рода намерениях, поскольку его соплеменники могли нести шпионскую службу, будучи свидетелями приготовлений. К сожалению, он не справлялся с этими задачами. Он еще мог быть полезен, в чем я убедился позднее, однако наш Хидр, который раньше был благочестивым мусульманином, уже давно свел знакомство с прославленной русской водкой и теперь был пьян днем и ночью, а его сыновья, которые должны были представлять его в Гёмюштепе, вели совместные дела с каракчи (разбойниками) и отнюдь не собирались сообщать русским о каких бы то ни было разбойничьих замыслах.

У нашего друга Якуба, как это легко понять, тоже было проездное свидетельство, которое он был обязан предъявить; лишь после осмотра судна мы получили разрешение продолжить наш путь. Так как уже наступила ночь, когда мы подошли к Ашуре, посещение властей было перенесено на завтра, и мы отдали якорь невдалеке от берега. Мои спутники очень сожалели, что не смогут нанести визит Хидр-хану, опороченному меценату дервишей и хаджи. Я же в глубине души радовался, так как я не мог не поехать к нему, а поехав, оказался бы в неприятном положении, потому что европейские черты моего лица, может быть, вызвали бы подозрение у Хидра. Посему это обстоятельство, мешавшее сойти на берег, было мне весьма кстати, меня пугала только одна мысль: не бросятся ли завтра русским в глаза во время визита на судно черты и цвет моего лица, все еще сохранявшие европейский вид и заметно отличавшие меня от моих коллег. Я был далек от предположения опасаться негуманного обращения со стороны русских, больше всего я боялся, что они разоблачат меня и будут уговаривать отказаться от моего плана. Вполне возможно, что до туркмен дойдет затем невинная болтовня, раскрывающая мое инкогнито, и кто знает, насколько больше Блоквилля придется мне выложить, чтобы выкупить себя [43] из жестокого рабства! Эти размышления всерьез взволновали меня, и я огорчался, что они мешают мне насладиться созерцанием последней картины западной жизни.

Поэтому на другое утро я проснулся в величайшем волнении. Из Ашуры доносился мелодичный колокольный звон, мои спутники сказали, что сегодня у неверных воскресенье и праздник, но что за праздник, я не знал. Мы стояли неподалеку от военного корабля, на котором были вывешены флаги; вдруг я увидел, как матросы в парадной форме, мерно взмахивая веслами, приближаются в лодке к берегу; офицер, тоже в полной парадной форме, сел в лодку и

вскоре был доставлен на борт корабля. Минут через десять нам крикнули, чтобы мы подошли ближе, и я разглядел на борту нескольких светловолосых офицеров, стоявших у самого трапа. Сердце мое начало сильно биться; мы подходили к кораблю все ближе, и мои помыслы были направлены на то, чтобы по возможности оказаться в таком положении, при котором я бы избежал опасного тече-а-ткте. Судьбе было угодно, чтобы наше судно подошло к пароходу той стороной, где сидел я, так что собравшиеся на борту русские могли видеть только мой затылок. По случаю праздника осмотр был чисто поверхностный, переводчик обменялся несколькими словами с Якубом, офицеры поговорили о нашей нищенской компании, и я между прочим услышал, как один из них сказал: “Смотрите, какой белый этот хаджи”. Эта реплика относилась, очевидно, к цвету моего лица, еще не успевшего огрубеть; впрочем, это было их единственное замечание. Дела с Якубом были скоро окончены, и мы мигом исчезли из поля зрения русских кораблей. Разогнув спину и перестав изображать полуспящего, я выпрямился и облегченно вздохнул, ибо страхи мои кончились.

Скоро поднялся сильный западный ветер, мы думали, что теперь расправим паруса и скоро придем в Гёмюштепе, до которого было три часа ходу, однако Якуб не сводил глаз с белой точки, видневшейся вдаль, и потихоньку советовался со своей командой. Только после того как эта наводившая ужас точка совсем скрылась из виду, поставили большой парус, и мы стрелой понеслись на восток, рассекая волны. (Позже мы узнали, что это был аламан из Ходжа Нефеса, который был уведомлен о нашем прибытии и поджидал нас, чтобы ограбить хаджи; сделать хаджи рабами разбойникам не позволяли их религиозные чувства.) Приблизительно через полчаса после того, как мы вышли из Ашуры, навстречу стали попадаться плавучие вежи - длинные палки, выкрашенные в красный цвет. Якуб сказал мне, что их поставили здесь англичане для обозначения границы русских владений, воды по другую сторону вех принадлежали туркменам, которых англичане всегда будут защищать от нападений русских. Для меня остается загадкой, кто внушает этим диким сынам пустыни идею столь дальновидной политики. Я не разбираюсь в морских знаках и еще менее того - в симпатиях Англии к туркменам.

[44] Меньше чем через час стал виден туркменский берег - длинная полоса земли с небольшими возвышениями; мы придерживались направления, которым следовали шедшие впереди нас суда. Вскоре мы убрали паруса, потому что фарватер здесь кончался. Мы находились в полутора английских милях от устья Гёргена, на обоих берегах которого появился Гёмюштепе, похожий по форме на сотни колоссальных ульев, стоящих вплотную один к другому.

И здесь, так же как в Каратепе, из-за мелководья прибрежной полосы даже небольшие суда не могли подойти к берегу или войти в Гёрген, сам по себе достаточно глубокий и всегда полноводный. Поэтому нам пришлось довольно долго ждать, пока Якуб сошел на берег, сообщил о нашем прибытии и выслал несколько таймилей для нашей транспортировки. Спустя некоторое время прибыли три такие в высшей степени оригинальные лодки; они сделали несколько рейсов туда и обратно, чтобы снять всех нас. Мы с Хаджи Билалом были последними, и я искренне обрадовался, когда, подъехав к берегу, услышал, что Ханджан, извещенный добрым Якубом, поспешил встретить меня. Мне показали его, и я подошел к нему, когда он в нескольких шагах от меня совершал свою вечернюю молитву, аср-намази²⁹.

V

Прибытие в Гёмюштепе, гостеприимство, оказанное хаджи. - Ханджан. - Древняя греческая стена. - Влияние улемов. - Первая кирпичная мечеть номадов. - Персидские рабы. - Поездка на северо-запад от Гёмюштепе. - Обручение у татар, пир и т.д. - Керванбаши хивинского хана готовится к поездке через пустыню. - Ильяс-бег, сдающий внаем верблюдов. - Сделка с Куль-ханом. - Туркменская экспедиция для кражи лошадей в Персию. - Возвращение экспедиции.

По окончании молитвы Ханджан встал, и я увидел перед собой красивого стройного человека с длинной, спадающей на грудь бородою, лет сорока, очень скромно одетого. Он поспешил ко мне, сразу обнял и, назвав по имени, сказал: “Добро пожаловать!” Точно так же он приветствовал Хаджи Билала и Хаджи Салиха. После того как караван, нагруженный всеми мешками, двинулся, мы присоединились к процессии, держа путь к юртам. Здесь уже повсеместно распространилось известие о нашем прибытии, конечно, со значительными преувеличениями; женщины, дети, собаки, все вперемешку, в страшной сумятице, высыпали из юрт посмотреть на прибывших паломников; и все хотели обнять нас, надеясь, что на них перейдет (как утверждали муллы) частица божественной заповеди и заслуг за совершение [45] паломничества. Первая, совершенно новая картина среднеазиатской жизни настолько поразила меня, что я даже не знал, то ли мне рассматривать войлочные юрты удивительной конструкции, то ли любоваться женщинами в длинных красных шелковых рубашках, доходящих до пят, или же исполнять желание многих людей, протягивавших ко мне руки. Поразительно, что молодые и старые, без различия пола и происхождения, хотели прикоснуться к хаджи, на которых еще покоилась священная пыль Мекки и Медины; я был поражен, когда самые красивые женщины, а часто даже девушки бросались меня обнимать.

Усталые и замученные оказанием этих религиозно-радушных почестей, добрались мы до юрты верховного ишана (священника); здесь собрался весь наш маленький караван, и началось самое интересное представление, какое мне когда-либо доводилось видеть. Надо было приступать к распределению гостей на квартиры. Меня поразило проявленное всеми пылкое рвение принять к себе одного или нескольких бедных чужеземцев; правда, я слышал о гостеприимстве кочевников, но не представлял себе, что оно доходит до такой степени. Женщины уже начали было ссориться, но Ханджан навел порядок, распределив всех, а меня и Хаджи Билала с родственниками взял с собой гостями в свою ова (юрту)³⁰. (“Ова”, что дословно означает “юрта”, употребляется здесь туркменами как обозначение дома и двора.) Так как он жил на другом конце Гёмюштепе, нам пришлось пересечь весь стан, юрты которого раскинулись по обоим берегам Гёргена, вплотную одна к другой. (Гёрген, истоки которого находятся в горах Курдистана, протекает большей частью по области, населенной йомутами, на протяжении приблизительно 30 географических миль. До самого Писарака, даже еще ниже Атабега, его можно везде переехать вброд на лошади; по настоящему глубоким он становится только в восьми милях от Гёмюштепе, где оба его берега сплошь заболочены.

Руслу реки везде узкое. В четырех-пяти милях от устья река баснословно богата рыбой, так что вода, можно сказать, инфицирована и летом непригодна для питья; я мылся в ней всего два раза, и тогда от рук и от лица сильно и неприятно пахло рыбой.)

Солнце уже клонилось к закату, когда мы, вконец измученные, добрались до его жилища, питая сладкую надежду немножко отдохнуть. Однако, к сожалению, нас постигло разочарование. Хотя нас и поместили в отдельную юрту, в двух шагах от упомянутой реки, не успели мы с необходимым церемониалом, обогнув ее дважды и поплевав во все четыре угла, войти, как она заполнилась посетителями, которые оставались до глубокой ночи и до того утомили нас тысячами всевозможных вопросов, что даже Хаджи Билал, истинный человек Востока, начал терять терпение. Вечером Баба-Джан, (Баба-Джан, “душа отца”, - это просто ласкательное имя, которое туркмены дают своему старшему сыну.) двенадцатилетний сын Ханджана, принес нам ужин, состоящий из вареной рыбы с кислым молоком и сервированный в большой деревянной миске. Персидский раб в тяжелых цепях донес миску почти до нас, так что [47] Баба-Джан только поставил ее перед нами, сам он сел на некотором отдалении рядом с отцом, и оба с неподдельным удовольствием смотрели, как мы с огромным аппетитом набросились на еду. После ужина была произнесена молитва, Хаджи Билал поднял руки, все присутствовавшие последовали его примеру, и в заключение, когда он, произнеся “Бисмаллах, Аллах акбар”, взялся за бороду, все остальные тоже погладили свои бороды и поздравили Ханджана с гостями.

13 апреля я впервые проснулся в туркменской юрте, называемой здесь, у йомутов, “чатма”, а в других местах “аладжа”.³¹ Сладкий сон и легкое сооружение, давшее мне приют, подействовали освежающе, мне стало легко, прелесть новизны восхищала меня, и моя радость, казалось, не имела границ. Это заметил Хаджи Билал и пригласил меня поэтому совершить небольшую прогулку, когда мы отошли на некоторое расстояние от чатм, он заметил мне, что теперь самое время совсем расстаться со свойствами характера эфенди и душой и телом сделаться дервишем. “Ты, должно быть, уже заметил, - сказал мой добрый товарищ, - что не только я, но и мои коллеги, стар и млад, раздаем людям благословение (фатиха), ты тоже должен это делать. Я знаю, в Руме это не принято, а здесь люди этого требуют, им кажется очень странным, что ты выдаешь себя за дервиша, не играя полностью этой роли. Ты ведь знаешь форму благословения, сделай благочестивое лицо и благословляй, ты можешь давать также нефес (святое дыхание), если тебя позовут к больному, только не забывай сразу же протянуть и руку, так как люди знают, что мы, дервиши, живем такого рода благочестивыми делами, и у них уже всегда наготове небольшой подарок”. Хаджи Билал просил извинения, что он осмелился порицать меня, но это, как он считал, для моего же блага, и я, очевидно, слышал историю о путешественнике, который попал в страну одноглазых и, чтобы быть похожим на ее жителей, всегда держал один глаз закрытым.

Я от всего сердца поблагодарил его за советы, и он рассказал мне также, что Ханджан и многие другие туркмены с особым пристрастием расспрашивали обо мне и что ему стоило большого труда убедить их в том, что мое путешествие отнюдь не носит официального характера. Туркмены считали, что я послан султаном в Хиву и Бухару с антирусской миссией, он не собирался полностью разуверять их в этом, так как они глубоко почитают султана и таким образом переносят свое уважение и на меня. Несмотря на это, мне следовало сохранять верность характеру дервиша, потому что загадочная неизвестность больше всего нравится этим людям.

Вскоре мы возвратились домой, где нас уже ждал хозяин со множеством своих друзей и родственников. Сначала он подвел для благословения свою жену и старую мать, затем мы познакомились с остальными родственниками Ханджана, и, после того как мы каждого из них благословили. Ханджан заметил, что по [48] туркменскому обычаю гость считается самым дорогим членом семьи и что теперь мы можем беспрепятственно ходить повсюду не только среди его племени, но и у всех других йомутов; если же кто-нибудь посмеет тронуть хотя бы волос на голове его гостя, кельте (так называлось племя) потребует удовлетворения. “Вам придется прождать здесь не меньше двух недель, пока не соберется караван в Хиву, отдохните немного, а затем побывайте в дальних овах; туркмен никогда не отпустит дервиша от своей юрты с пустыми руками, и вам не повредит наполнить ваши мешки для хлеба, так как добираться до Хивы и Бухары вам предстоит долго”.

Мне хотелось свободно походить повсюду, поэтому легко представить себе, как обрадовали меня эти слова. Я собирался остаться в Гёмюштепе до тех пор, пока не расширится круг моих знакомств и я не овладею разговорным языком туркмен, известным мне дотоле теоретически. В первые дни я ходил по юртам с Ханджаном, его братом или другими домочадцами, позже я очень часто отправлялся в сопровождении Хаджи Билала раздавать благословения или шел с Хаджи Салихом, который завел обширную медицинскую практику. Пока он давал лекарства, я громко произносил надлежащее благословение, за что всегда получал в подарок войлочный коврик, вяленую рыбу или какую-либо другую безделицу. Для меня навсегда осталось загадкой, было ли то результатом нашего совместного врачевания или же следствием любопытства, проявленного к турецкому хаджи, как меня называли, однако, к немалому удивлению моих друзей, после пятидневного пребывания в Гёмюштепе мне уже наносили визиты многочисленные больные или выдававшие себя за больных, которым я раздавал благословения или дыхание либо писал небольшие талисманы, конечно, не без должного гонорара. Иногда попадались - таки твердолобые политиканы, сомневавшиеся в том, что я дервиш, и считавшие меня политическим эмиссаром, но меня это мало беспокоило, потому что маска моя была надежной. Никому и в голову не могло прийти заподозрить во мне европейца, и как я радовался при мысли, что можно беспрепятственно странствовать по этой мало известной земле.

Число моих знакомых все более росло, и скоро я насчитывал среди них самых могущественных и влиятельных людей. Особенно полезной была для меня дружба с Кызыл Ахундом, настоящее имя которого Молла Мурад, очень уважаемым туркменом, с которым я был в наилучших отношениях и рекомендация которого открывала мне доступ повсюду. В свое время, когда Кызыл Ахунд еще учился в Бухаре, он приобрел сочинение по экзегетике на османотурецком языке, который он не совсем хорошо понимал, а я дал нужный ключ к нему. Поэтому мое общество доставляло ему большую радость, и он всем в самых лестных выражениях говорил о моих познаниях, касающихся книг по исламу. Ко мне был также дружески расположен Сатлык [49] Ахунд, человек духовного звания, не менее ученый и почитаемый. Когда я встретился с ним в первый раз, он в особой молитве поблагодарил провидение за то,

что оно ниспослало ему мусульманина из Рума, этого истинного источника веры, а когда кто-то из окружавших сделал замечание по поводу белого цвета моего лица, он сказал, что мое лицо излучает истинный свет ислама и что это божие благословение дано только верующим Запада. Я не преминул также завязать знакомство с Молла Дурды, пребывавшим в звании кази-калана, т.е. верховного судьи, так как я скоро убедился, что только улемы³² могут оказывать на этих диких людей некоторое влияние и что авторитет аксакалов (седобородых), который мы в Европе считаем преобладающим, весьма незначителен.

Растущее доверие ко мне туркмен доказывало, что я рассуждал правильно, и, когда они захотели построить мечеть из кирпичей, взятых из древнегреческих руин, которые и дали имя всему Гёмюштепе, меня попросили обозначить место михраба (алтаря и одновременно киблы³³), потому что Кызыл Ахунд указал на меня как на самого известного и сведущего дервиша. И в Гёмюштепе, и окрест него до сих пор не видели ни одной каменной стены, кроме этих близлежащих греческих развалин; желание воздвигнуть божий храм на месте, считавшемся центром у йомутов, может быть объяснено как проявление тяги к цивилизации. Каждый благочестивый туркмен считал своим долгом доставить на это место несколько сотен прекрасных квадратных кирпичей из укреплений, построенных Александром, и, когда материала оказалось достаточно, строительство поручили одному туркмену, который неоднократно ездил по торговым делам в Астрахань и считался опытным человеком. После того как я указал по своему компасу направление, где находится Мекка, они начали, не закладывая фундамента, возводить стены, - обстоятельство, не свидетельствующее в пользу основательности здания. Однако это и к лучшему: простой оно долгие - и русские легко могли бы употребить его для укреплений своего форта, и великие планы великого македонца пошли бы на пользу его тезке Романову.

Не провел я в Гёмюштепе и восьми дней, как благодаря упомянутой протекции перезнакомился решительно со всеми. Теперь мне хотелось не спеша вникнуть в их общественные отношения, узнать названия очень разветвленных племен и семей и, по возможности, составить себе представление о социальных связях, удерживающих составные части, по виду живущие в большой анархии. Это оказалось несколько труднее, чем я думал. Стоило мне лишь коснуться вопроса об обыденной жизни или проявить к чему-либо любопытство, как они тотчас удивлялись, почему это, собственно говоря, дервиш, которому надлежит заниматься только религией и богом, выказывает интерес к делам бренной жизни. Поэтому то, что удалось узнать в этой области, стоило мне большого труда, ибо расспрашивать я [50] никогда не осмеливался. К счастью для меня, туркмены, если не считать их разбойничьих походов, проводят всю жизнь в величайшей лени и готовы целыми часами вести беседы о политике; я же при этом всегда оставался молчаливым слушателем и, сидя среди них якобы в полусне, с четками в руках, изучал историю их грабежей (аламанов), их сношения с Вилайетом (Персией), хивинским ханом, а также с другими кочевыми народами.

В эти дни у меня была возможность побывать вместе с Кызыл Ахундом у атабаев, йомутского племени, живущего далее к востоку, и у туркмен-гёкленов, что было мне крайне интересно, потому что я смог увидеть значительную часть каменной стены, которую велел построить Александр Великий для защиты от жителей окрестных пустынь, нагонявших немалый страх уже в те времена³⁴. Кызыл Ахунд отправился в эту поездку с целью произвести юридическое расследование по одному судебному делу, поэтому мы останавливались в нескольких местах и потратили на поездку четыре дня, тогда как могли бы управиться за два. Мы ехали на восток, но часто приходилось пускаться в объезд, чтобы не попасть в заросшие тростником болота, где бродили сотни диких кабанов. Эти болота образуются вследствие разливов реки Гёрген, вода в которой весной сильно прибывает и выходит из берегов на целые мили. Вероятно, это случалось уже и в старые времена, поскольку тогда сочли полезным построить большую защитную стену на расстоянии четырех, а часто и шести английских миль вдоль северного берега реки. Так как она всегда проходила по самым возвышенным местам равнины, то и в наши дни самый надежный путь во всякое время года лежит вблизи развалин стены. По этой же причине большинство юрт можно встретить именно в этих местах; достаточно пройти пешком всего четверть часа, и наткнешься на большую или меньшую группу юрт.

Мне не довелось увидеть западного края этого древнего сооружения, и я не очень-то доверяю сказкам, которыми меня потчевали. На востоке, как я действительно обнаружил, стена имеет два исходных пункта: один - у Гёмюштепе, где на ее начало указывают развалины крепости на самом берегу моря, другой - приблизительно в 20 английских милях к югу от реки Этрек, тоже вблизи моря; обе эти линии соединяются чуть выше Алтын-Токмака. Что касается линии, идущей от Гёмюштепе, то я точно проследил ее в течение двух дней на протяжении 10 географических миль с запада на север-восток. Ее можно отчетливо заметить по возвышению в два-три фута над землей; погребению остатков крепостной стены в значительной мере способствовали свойства местной почвы. Все вместе весьма напоминает длинную линию укреплений, между которыми на расстоянии 1000 шагов друг от друга возвышаются развалины бывших башен, видимо, одинаковых по размеру. Кроме того, вдоль этой стены видны также другие большие земляные насыпи, исследование которых [51] я предпочитаю предоставить специалистам, не считая себя компетентным строить какие-либо предположения на этот счет. Несколько земляных курганов поменьше было вскрыто туркменами, и, как мне рассказывали, в одном четырехугольном сооружении нашли огромный, тонкий, как бумага, горшок с голубоватым пеплом, несколькими золотыми монетами и другими драгоценностями, поэтому они называют всю эту местность, включая стену, Кызылалан, т.е. "Золотое поле". Вышеупомянутые возвышения следует, однако, отличать от йоска (холмиков), которые туркмены насыпают в память о своих выдающихся покойниках.

Кызыл Ахунда, моего ученого сотоварища по поездке, очень удивляло, что я так интересуюсь Седди Искандер, т.е. валом Александра, который, должно быть, построили джинны (духи) по приказанию великого властителя. (История великого македонца облачена жителями Востока в религиозно-мифические покровы, и, хотя некоторые историки на Востоке отделяют Искандера Зуль Карнейна (двурогого Александра), героя их сказания, от Искандера Румы, греческого Александра, я все же обнаружил, что эти две личности повсюду принимают за одну.) По его мнению, Александр был более благочестивым мусульманином, чем мы, поэтому ему подчинялись все подземные духи *bon ggy mal ggy*³⁵. Он уже собрался рассказать мне известную басню о том, как Александр отправился в царство тьмы, но замолчал, увидев, что я изо всех сил стараюсь вырвать из кладки один кирпич. Ярко-красные кирпичи казались крепко спаянными друг с другом, их легче было разломить надвое, чем отделить от общей массы. Впрочем,

вся эта местность представляет, должно быть, большой интерес для наших археологов, так как здесь можно найти не только множество остатков греческого владычества, но и сокрытые памятники древнеиранской культуры, а арабские историки немало рассказывают нам о значении Гёргена, нынешних развалинах Шехри-Джорджана. Кстати, и Кумбези Каус, т.е. купол Кауса, развалины, о которых я лишь слышал рассказы, заслуживает, возможно, большего внимания, нежели то, которое уделяли ему проезжавшие мимо англичане.

Меня поразило, что у Кызыл Ахунда, которого я считал человеком ученым, но не богатым, в разных местах оказались юрты, жены и дети, - все это имело отношение к его семье, образовавшейся в результате трех браков. И лишь познакомившись в нескольких местах с его женами и детьми, я начал понимать, что его круговая поездка преследует, помимо юридических, еще и семейные цели. Впрочем, принимали нас в его собственных юртах или в чужих - разница была невелика. Мулла, как его называли *rag excellence*³⁶, в каждой туркменской кибитке, даже у враждебных племен, был полным хозяином, и ему не только оказывали почести, но и осыпали его подарками; благодаря этому мне, поскольку я разыгрывал роль его ученика, [52] достались несколько войлочных молитвенных ковриков (намаз - джай³⁷), туркменская верхняя одежда и большая меховая шапка - национальный головной убор этих кочевников. Я сразу надел эту шапку, вокруг повязал еще легкий тюрбан и превратился в туркменского муллу.

Когда я вернулся в Гёмюштепе, мои спутники, не одобрявшие такого рода выезды, были уж очень встревожены моим отсутствием. Я осведомился о здоровье каждого в отдельности, и мне рассказали, что Хаджи Салих блестяще ведет дела на поприще медицины, а у Хаджи Кари Масуда, который квартировал в мечети, т.е. в юрте, служившей для этой цели, неприятность - его обокрали. Сначала долго повсюду искали пропажу, но поскольку ничего не нашли, ишан (шейх) объявил, что он проклянет вора, если тот не возвратит украденное. Не прошло и суток, как объявился раскаявшийся преступник; он принес не только украденные вещи, но и подарок в знак примирения. Я думаю, что нашей парижской или лондонской полиции едва ли можно рекомендовать такой метод работы. Относительно каравана в Хиву я также получил хорошие известия. Мои друзья рассказали, что хивинский хан, которому врачи советовали для поддержания здоровья пить буйволиное молоко, срочно прислал сюда своего керванбаши (Керванбаши, предводителем или главой каравана, называют человека, назначенного на эту должность ханом. Так как это люди, по большей части хорошо знающие только определенные дороги, на всяком караванном пути есть свой керванбаши, к имени которого в виде эпитета прибавляется название данного пути.) для покупки двух пар буйволов, которых в его стране не разводят. Этот керванбаши уже уехал в Астрабад, и, как только он вернется, надо будет отправляться в путь; у нас есть полная гарантия в успехе, ибо поведет нас человек, лучше всех знающий пустыню.

Меня очень удивило, что многим моим спутникам, несмотря на благородное гостеприимство, которым они, беднейшие из бедных, пользовались, туркмены уже перестали нравиться. По их мнению, ни один человек не может бесчувственно смотреть, как жестоко обращаются они здесь с несчастными персидскими рабами. "Правда, персы - еретики, и они страшно мучили нас, когда мы проходили по их земле, но то, что выносят эти несчастные здесь, превосходит всякую меру". Сострадание моих спутников из Китайской Татарии, где нет торговли людьми, и проклятия, которыми они осыпали каракчи (разбойников), могут лучше всего передать степень мучений, которые выпадают на долю несчастных пленников. Представьте себе чувства перса, пусть даже последнего бедняка, когда его во время ночного налета вырывают из родного семейства и доставляют сюда, зачастую еще и тяжело израненного. Взамен его одежды ему дают старые лохмотья, прикрывающие только определенные части тела, и, обремененный тяжелыми цепями, растирающими [53] лодыжки и причиняющими чудовищную боль при каждом шаге, должен он провести первые дни, а бывает и недели, своей жизни в плену, получая самую скудную пищу. Во избежание попытки к побегу на ночь ему надевают на шею карабогра, железное кольцо, прикрепленное цепью к большому столбу, так что бряцание цепи выдает его малейшее движение. Его муки кончаются лишь тогда, когда его выкупают родные или если его отправляют на продажу в Хиву или Бухару.

Я так и не смог привыкнуть к бряцанию цепей, которое раздается в юрте любого туркмена, хоть сколько-нибудь претендующего на уважение. У нашего Ханджана тоже было два раба, к тому же оба молодые - 18 и 20 лет, и вид цветущих юношей, закованных в цепи, внушал мне бесконечную жалость. Вдобавок на людях мне приходилось поносить этих несчастных и проклинать их, так как малейшее проявление сострадания возбуждало бы подозрения, тем более что они очень часто заговаривали со мной, поскольку я знал персидский язык. Младший из наших домашних рабов, красивый, с темными вьющимися волосами иранец, просил меня написать письмо его родителям, заклиная их именем бога продать овец и дом, чтобы выкупить его. Его просьбу я выполнил. Как-то раз я думал, что мы совсем одни, и хотел дать ему напиться чаю, но, к несчастью, когда он протягивал руку за чаем, кто-то вошел в юрту. Тогда я сделал вид, что просто хотел подразнить его, и вместо чая он получил несколько легких ударов.

Во время моего пребывания в Гёмюштепе не проходило ни одной ночи, когда бы выстрелы, доносившиеся с берега моря, не возвещали о прибытии судна с добычей. На другое утро я отправлялся к героям с требованием десятины, полагающейся дервишу, а лучше сказать, для того, чтобы увидеть бедных персов в первые минуты приключившегося с ними несчастья, и сердце мое истекало кровью при виде этого ужасного зрелища. И, таким образом, мне пришлось понемногу привыкать к разительным противоречиям между добродетелью и пороком, любовью к человеку и тиранией, скрупулезной порядочностью и коварным мошенничеством, которые встречаешь на Востоке повсюду.

Стоило мне пробыть там лишь две недели, как я, подобно моим друзьям, начал испытывать отвращение к этому месту, с невыразимой тоской обращая свой взор к горам, в сторону Персии. Расстояние между ними измеряется всего несколькими часами пути, а нравы, обычаи и образ мыслей здесь, у туркмен, совершенно иные, как будто эти страны разделяют тысячи миль. Да, поистине удивительно влияние на людей религии и истории их народа! Я не могу удержаться от смеха при мысли, что те же самые туркмены все время задавали пиршества "лиллах", т.е. в благочестивых целях, причем на них присутствовала вся наша компания дервишей. Приглашения такого рода повторялись несколько раз в течение дня; я был склонен принимать только [54] первое и второе, от третьего я собирался отказываться, но приглашавший, с силой подталкивая меня под ребра, заставлял выйти из юрты, следуя правилу туркменского этикета: "Чем сильнее толчки, тем сердечнее приглашение". По такому торжественному

случаю перед юртой хозяина выкладывали несколько войлочных кошм, а если гнались за роскошью, то даже ковер, где и рассаживались кружками приглашенные, по пять-шесть человек в кружок; каждой группе подавалась большая деревянная миска, наполненная в соответствии с числом и возрастом едоков, в нее погружали широко раскрытую ладонь и опорожняли дочиста, не пользуясь никакими иными орудиями для еды. Я думаю, что качество и приготовление сервированных блюд не очень-то заинтересует наших гастрономов, замечу только мимоходом, что обычно подавали конину и верблюжатину, о других сортах мяса я лучше умолчу.

Во время моего пребывания у Ханджана я был свидетелем сговора его двенадцатилетнего сына и десятилетней девочки; за сговором последовал семейный обед, от которого мы, его гости, не имели права отказаться. Когда мы вошли в юрту будущей жены, она ткала шаль и, казалось, была полностью поглощена этим занятием, делая вид, будто совсем не заметила нас; в течение двух часов, которые мы там провели, я только раз заметил, что она украдкой взглянула в сторону нашей компании. За обедом, который в мою честь состоял из сваренного в молоке риса, Ханджан сказал, что это торжество должно было бы, собственно говоря, состояться только следующей осенью, но он захотел воспользоваться нашим присутствием, чтобы приобщиться к святой благодати. Чтобы не забыть, упомяну еще о празднике, который устроил для нас один каракчи; этот разбойник один, пеший, не только взял в плен трех персов, но и гнал их впереди себя в неволю восемь миль, тоже совершенно один. Он отдал нам предписываемую религией десятую часть добычи, что составило для каждого из нас кругленькую сумму в два крана, и как же он был счастлив, когда мы хором, благословляя его, провозгласили фатиху!

Мое пребывание у туркмен было кратким, сравнительно даже очень кратким, но нельзя не рассказать о событиях, свидетелем которых я был. Это печальная картина человеческой жестокости, и я приведу поэтому только некоторые данные из своего дневника.

18 апреля

Ильяскули жил в четвертой из немногих юрт, стоявших на берегу Гёргена; до тридцати лет он занимался обычным для туркмена делом - грабил и похищал людей, а теперь удалился на покой, потому что, как он сам говорил, намеревался провести остаток жизни в этом смешном бренном мире (фана дюнья), благочестиво соблюдая закон; но, насколько мне известно, причина была в том, что огнестрельные раны, нанесенные адским [55] оружием у Ашуры, мешали ему и дальше заниматься его опасным ремеслом. Надеюсь, что своими молитвами я призову божественное благословение на его голову, он подробно рассказал мне, как русские, объявив религиозную войну, т.е. желая вырвать нескольких русских, оказавшихся в плену у разбойников, высадились здесь, напали на них и подожгли все юрты на берегу Гёргена. Битва продолжалась целый день. Хотя русские были слишком трусливы и боялись приблизиться, храбрые газы (поборники веры) не могли противостоять дьявольскому искусству. Он тоже получил тогда несколько смертельных ран и пролежал весь день почти бездыханный, пока наконец пир (духовный отец) не вернул его к жизни³⁸.

Сегодня Ильяскули хотел сопровождать меня до овы Анна-хана, который живет в районе верхнего течения Гёргена у самой персидской границы; то ли из любопытства, то ли по какой-то другой причине Анна-хан хотел познакомиться со мною. Сначала мы ехали вдоль левого берега, но, чтобы не попасть в большие болота и трясины, нам приходилось делать значительный крюк. Не зная как следует мотива поездки, я мог бы заподозрить неладное, но опыт последних дней укрепил мою уверенность в собственной безопасности, а когда я видел, что навстречу мне, когда мы проезжали мимо какой-нибудь юрты, выходили люди с молоком, сыром и подарками, чтобы получить мое благословение, всякая мысль о неблагоприятном исходе улетучивалась, и я в веселом расположении духа ехал дальше, испытывая неудобства только от тяжелой туркменской войлочной шапки, поверх которой было намотано еще несколько локтей холста в виде тюрбана, да от тяжелого ружья за спиной, которое мне, несмотря на роль муллы, приходилось ради приличия возить с собой. Случалось, что Ильяскули отставал на целых полчаса, а я тем не менее продолжал свой путь и иногда встречался с мародерами, которые, поодиночке возвращаясь из неудачных походов, мерили меня мрачными взглядами. Некоторые здоровались со мной, другие же только спрашивали: "Чей ты гость, мулла?", чтобы из ответа о названном лице сделать вывод о возможности моего ограбления; однако достаточно было мне сказать: "Кельте Ханджанбая", как они с видимым недовольством следовали дальше, глухо бормоча себе в бороду: "Аман бол!" ("Будь здоров!").

Вечером мы подъехали к группе юрт (с нами был также Ханджан, ехавший в другом направлении, но все же присоединившийся к нам). Анна-хан, патриархальный глава семьи, на вид лет шестидесяти, сидел на зеленом склоне холма в кругу своих внуков и маленьких детей (эти степени родства у людей одинакового возраста встретишь лишь на Востоке) и с удовлетворением взирал как на свое окружение, так и на возвращавшихся с богатого пастбища овец и верблюдов. Прием был коротким, но весьма дружественным; шагая впереди, он проводил нас в стоявшую наготове юрту; там мне указали на почетное место, [56] и настоящая беседа началась лишь после того, как со стола исчезли последние остатки спешно заколотой овцы. Анна-хан говорил мало, но внимательно слушал мои рассказы о жизни в Турции и о русско-турецких отношениях; только на следующее утро он стал разговорчивее, и первая речь, с которой он выступил, был рассказ о гостеприимстве, которое он оказал английскому эльчи (посланнику) на его пути в Хиву; я тотчас угадал, что это была миссия столь печально погибшего в Бухаре Артура Конолли, направленного туда его правительством для улаживания разногласий России с хивинским ханом. Так как Анна-хан, описывая оружие, драгоценности и личность посланника - френги, придавал особое значение сходству черт его лица с моими, скоро мне стала ясна причина его любопытства и моего визита к нему; поглядывая на своих земляков горящими глазами, словно для того, чтобы убедить их в своей проницательности, он подошел ко мне и, слегка похлопывая по плечу, сказал: "Эфенди, тугра (печать) султана Рума пользуется у нас большим уважением; во-первых, он - властелин всех суннитов, во-вторых, туркмены и османы - кровные родственники, и хотя ты не привез никаких подарков, все-таки ты наш дорогой гость".

Это замечание многое прояснило для меня и очень многое сделало понятным. Итак, не везде безусловно поверили моему инкогнито дервиша, но большинство, главным образом муллы, были расположены ко мне, и поэтому несколько сомневающийся не давали мне оснований для беспокойства.

Впрочем, как я заметил, Ханджан не разделял мнения Анна-хана; этого предмета более не касались, и я в полной мере воспользовался гостеприимством недоверчивого патриарха.

20 апреля

В далеком Маргелане, в Кокандском ханстве, религиозный долг предписывал направлять деньги, причем весьма часто довольно значительные суммы, для вспомоществования в высшие школы Медины. В Медине масса таких заведений; у источника мусульманского учения кишмя кишат любознательные ученики, ревностные толкователи Корана, которые, прикрываясь благочестивыми занятиями, в своем сладостном безделье получают поддержку из всех мусульманских стран. Туда приходят стипендии из далеких Феса и Марокко³⁹, ежегодно присылают дары вожди алжирских племен. Свою дань отправляют туда Тунис, Триполи, Египет, а также другие, более мелкие мусульманские государства. Порта соревнуется с Персией, поддерживая воспитанников. Татарин, живущий под защитой русских, и индус, находящийся под британским владычеством, очень часто вспоминают мединские высшие школы; однако всего этого недостаточно, даже от бедных жителей туркменских оазисов требуют, чтобы они вносили свою лепту.

Во время моего путешествия по Средней Азии Ходжа-Бузурк, высокочтимый святой в тех местах, вероятно, с большим трудом [57] собрал 400 дукатов для Медины. Доставить эту сумму поручили мулле Асаду, известному своей святостью. Несмотря на то что наличие денег, главного источника всяческих опасностей, в Средней Азии постоянно скрывают, названный мулла не делал тайны из цели своей поездки, надеясь умножить этот благочестивый капитал. Бухара, Хива и другие города, через которые он проходил, содействовали его увеличению. Он думал, что точно так же пойдет дело и у туркмен, и отправился в путь через пустыню, запасшись для поддержки рекомендательными письмами к нескольким ученым-кочевникам.

Путь до Гёмюштепе закончился благополучно; вместе с известием о его прибытии распространилась и молва о содержимом его дорожного мешка. Правда, туркмены слышали, что деньги предназначалась на благочестивые цели, но им до этого не было дела. Каждый стремился схватить его, пока он не стал чьим-нибудь гостем, так как, если этого еще не произошло, человек среди кочевников вне закона. Его можно ограбить, убить, продать, и никто не привлечет виновного к ответу. Боятся только мести хозяина дома, давшего приют гостю; тот, кого он взял под свою защиту, считается членом его семьи и тем самым достаточно гарантирован от всяких нападений.

Должно быть, это обстоятельство было известно и нашему кокандскому мулле; однако он доверился показному религиозному рвению, и, когда он однажды отошел на несколько шагов от каравана, на него напали два туркмена и похитили все деньги, все его добро. Ни мольбы, ни напоминания о священной миссии, ни угрозы страшными карами - ничто не могло ему помочь; даже одежду - то, что получше, - у него отобрали, оставив ему только его старые книги да бумаги. Так он и вернулся к каравану: полуголый и ошеломленный случившимся. Это произошло недели за две до моего приезда. Тем временем виновников разыскали, и они предстали перед религиозным трибуналом. Я почитал себя счастливым оказанной мне честью присутствовать при этом, - ведь я был мулла из Константинополя, - и сцена, в которой я участвовал в качестве правомочного лица, надолго сохранится у меня в памяти. Мы, я имею в виду ученые, сидели полукругом под открытым небом прямо в степи с объемистыми книгами в руках, окруженные многочисленной толпой любопытных. Грабители явились с семьями и с главой своего племени, без всякого стеснения, словно речь шла об улаживании обычного добропорядочного дела. На вопрос: "Кто взял деньги?" - последовал гордый ответ: "Я", и уже с самого начала я заметил, что возвратить деньги здесь, пожалуй, будет невозможно. После того как каждый выказал свой талант оратора, прибегнув к цитатам из Корана, я тоже попытался воздействовать на героя, указав на постыдность его поступка. "Какой стыд?" - сказал мне туркмен. - В твоей стране наказывают за грабеж? Вот так страна! А я-то думал, что султан, владыка всего мира, умнее. Если у вас не разрешен грабеж, то чем же тогда живут люди?"

[58] Другой мулла грозил шариатом (религиозным законом) и яркими красками описывал адские наказания, ожидающие туркмена на том свете. "Какой шариат? - отвечал он снова. - Каждому свое. У тебя, мулла, законы - твой язык, которым ты мелешь как угодно, а мой шариат - это мой меч, которым я размахиваю, как повелит моя рука!" После напрасных увещаний, после долгого совещания седобородых наше совещание закончилось безрезультатно. Туркмен удалился со своими деньгами, которые пошли не на поддержание воспитанников в Медине, а на приобретение нового оружия. А мулла Асад, опечаленный, отправился обратно в Коканд, наученный горьким опытом.

Продержав нас в Гёмюштепе, против нашего желания, три недели, гостеприимный Ханджан изъясил наконец готовность помочь собраться к отъезду. Мы сочли, что покупать верблюдов было бы слишком дорого, поэтому решили нанять на двоих одного верблюда для перевозки воды и муки. Это было бы трудно осуществить, не выпави нам счастье найти в лице поставщика Ильяс-бега человека, который хотя и не был религиозным и не очень-то уважал нас за то, что мы хаджи, однако с тем большей пунктуальностью соблюдал законы гостеприимства и не побоялся бы пойти на величайшую жертву, чтобы угодить нам. Собственно говоря, Ильяс - хивинский туркмен, тоже из племени йомутов; каждый год он приезжает сюда по делам, пересекая пустыню, и во время своего пребывания в Гёмюштепе пользуется покровительством Ханджана, иначе он был бы столь же не уверен в своем положении, как любой другой чужак. Обычно он приезжал осенью и возвращался весной, нагрузив 20-30 верблюдов частично своими, частично чужими товарами, а так как в этом году он собирался взять с собой нескольких верблюдов сверх обычного, даже без клади, для него и самая маленькая выручка от найма была неожиданной. Ханджан отрекомендовал ему нас с большой теплотой, и слова: "Ильяс, ты ответишь мне за них своей жизнью" - ясно показали ему, как высоко ценил нас наш хозяин; поэтому он уставил глаза в землю, как это делают номады, когда хотят казаться особенно серьезными, и произнес в ответ с исключительным безразличием, очень тихо, не шевеля губами: "Ты ведь меня знаешь". Поразительная холодность беседовавших друг с другом туркмен раздражающе подействовала на мой все еще наполовину европейский темперамент, я забыл, что Хаджи Билал и остальные мои спутники стояли недвижимые и безмолвные, и сделал несколько замечаний, однако вскоре раскаялся в этом, так как даже после многократного повторения мои слова остались без ответа. Было решено, причем мы так и не осмелились вмешаться в переговоры, что мы нанимаем верблюда до Бухары за два дуката, а нашу воду и муку Ильяс взялся везти бесплатно.

Небольшая сумма денег, зашитая в разные места моего нищенского костюма, вместе с довольно богатым урожаем, [59] собранным мною в результате благочестивой деятельности среди туркмен, позволяли мне нанять верблюда для себя одного, но Хаджи Билал и Султан Махмуд не советовали мне делать этого, сказав, что бедность, внушающая сострадание, лучше всего предохранит от нападений номадов, жадность которых пробуждается при малейшем признаке удобств, и тогда лучший друг может превратиться во врага. Они назвали нескольких наших спутников, которые располагали достаточными средствами, но тем не менее ради собственной безопасности вынуждены были облачиться в лохмотья и идти пешком. Я подчинился необходимости, вступил в долю при найме верблюда и настоял только, чтобы мне разрешили пользоваться кеджеве (парой деревянных корзин, свисавших по бокам верблюда), так как мне было бы страшно тяжело с моей хромой ногой проделать 40 переходов, беспрестанно, день и ночь, теснясь вместе с кем-то другим в деревянном седле. Сначала Ильяс возражал, справедливо считая, что в песчаной пустыне кеджеве будет двойной тяжестью для бедных животных, но Ханджану удалось уговорить его, и он согласился. Теперь у меня было утешение, что во время предстоявшего нам 20-дневного пути в Хиву, о котором мы слышали страшных рассказов, я смогу время от времени немножко поспать; во всей этой затее мне особенно нравилось то, что моим vis-a-vis, или “противовесом”, как его называют, в кеджеве будет мой закадычный друг Хаджи Билал, чье общество постепенно делалось для меня все более необходимым. По окончании переговоров мы, как полагалось по обычаю, деньги уплатили вперед. Хаджи Билал произнес фатиху, Ильяс погладил свою бороду, состоявшую из нескольких волосков, и мы совершенно успокоились. Мы только попросили по возможности ускорить отъезд, но этого он нам не мог обещать, так как все зависело от керванбаши хана, который со своими буйволами должен был находиться во главе каравана.

Через несколько дней мы были готовы отправиться в Этрек, место сбора нашего каравана. Закончив все приготовления, я вдвойне сгорал от нетерпения уехать из Гёмюштепе, во-первых, потому что здесь мы напрасно проводили время, между тем как жаркая погода с каждым днем приближалась, и мы боялись совсем не найти дождевой воды, местами сохранявшейся в пустыне; во-вторых, потому что меня начали беспокоить ходившие здесь обо мне смехотворные слухи. Многие видели во мне благочестивого дервиша, однако кое-кто не мог отказаться от мысли, что я - влиятельный посланник султана, говорили, будто я привез с собой тысячу ружей, что я поддерживаю связь с турецким послом в Тегеране и теперь здесь устраиваю заговор против России и Персии. Если бы это дошло до слуха русских в Ашуре, они бы, конечно, посмеялись над этим, но, может быть, стали бы наводить справки о странном чужаке, и тогда раскрытие моего инкогнито могло повлечь за собой жестокую, возможно вечную, неволю. Поэтому я непрестанно просил [60] Хаджи Билала хотя бы покинуть Гёмюштепе. Раньше он тоже проявлял нетерпение, но теперь, после того как Ильяс согласился взять нас с собой, больше не беспокоился и на все мои настойчивые просьбы неизменно отвечал, что с моей стороны было бы ребячеством пытаться предвосхитить предначертания судьбы. “Поспешность твоя напрасна, - говорил он мне, - ты останешься на берегу Гёргена до тех пор, пока насиб (судьба) не повелит тебе пить воду в другом месте. И никто не знает, когда это будет, скоро или не скоро”. Представьте себе, какое впечатление такой истинно восточный ответ производил на человека, имевшего основания для нетерпения. Конечно, я понял, что найти выход невозможно, и покорился своей участи.

В тот же день несколько каракчи привели из разбойничьего похода пятерых персов. Один из них был человек состоятельный. Разбойники прошли на лодке мимо Каратепе под предлогом, будто хотят купить фрукты в персидской деревне. Сделка была заключена, и, как только ничего не подозревавшие персы появились с товаром на берегу моря, их схватили, связали по рукам и ногам и, по горло закопав в их собственную пшеницу⁴⁰, привезли в Гёмюштепе. Я подошел, когда вынимали этих несчастных; у одного из них была опасная рана, и я слышал, что туркмены называли этот поступок гнусным. Русские в Ашуре тоже взялись за это дело и угрожали высадкой, если пленников немедленно не освободят. Так как разбойники наотрез отказались отпустить свою добычу, я думал, что все остальные туркмены, которым русская высадка грозила бедой, примутся уговаривать своих соплеменников; отнюдь нет - они бегали взад и вперед, раздавали оружие, чтобы встретить русских врагов всерьез, если они высадятся. Интересно, что мне тоже дали в руки ружье, и я был немало смущен, размышляя, в кого же мне тогда, собственно, надо будет стрелять. К счастью, дальше угроз дело не пошло. (Чтобы двусмысленная позиция русских властей не удивляла читателя, мы должны заметить, что правительство Персии рассматривает всякую высадку русских вооруженных сил на это побережье как враждебное посягательство на его собственные земли и предпочитает терпеть разбойничьи действия туркмен, не прибегая к помощи русского оружия, которое in partibus, пожалуй, приносит выгоду, но in toto⁴¹ может причинить большой вред.) На другое утро совсем близко к берегу подошел русский пароход, но дело было улажено дипломатическим путем, т. е. туркмены дали заложников на будущее, а пятеро персов остались в цепях. Состоятельный пленник заплатил выкуп в 100 дукатов, другой, с покалеченными руками и ногами, был освобожден в честь русских, а трех сильных мужчин в тяжелых цепях отправили в Этрек [Атрек], место мучений всех рабов.

Название “Этрек”, относящееся не только к реке, но и ко всей окрестной местности, населенной туркменами, - самое страшное слово и ужасающее проклятие для несчастных жителей Мазендерана и Табаристана; если у перса слетает с уст восклицание “Этрек биуфти!”, т. е. “Чтоб тебе в Этрек свалиться!”, значит, он [61] очень раздосадован. Так как Этрек был назначен местом сбора нашего каравана, мне представилась возможность увидеть вблизи это гнездилище ужаса. Ханджан еще раз проявил доброту, настоятельно отрекомендовав меня в качестве гостя Кульхану, пиру (седобородому) каракчи, который случайно зашел к нам по какому-то делу. У этого старого грешника была мрачная, отталкивающая внешность, и он отнесся ко мне отнюдь не дружелюбно, когда меня поручили его гостеприимству. Он долго всматривался в мое лицо, время от времени шептал что-то на ухо Ханджану и, казалось, изо всех сил старался разглядеть во мне нечто такое, чего не видели остальные. Впрочем, вскоре я узнал причину этой недоверчивости. В молодости Кульхан вместе с состоящим теперь на русской службе Хидр-ханом побывал в России, долго жил в Тифлисе и довольно хорошо познакомился с нашим европейским образом жизни. Он сказал, что повидал людей многих национальностей, а вот османов видеть не приходилось; он знает, что это племя, родственное туркменам и что османы очень похожи на них, и он крайне удивлен, не найдя во мне никакого сходства. Хаджи Билал возразил, что его сведения неверны, так как сам он несколько лет прожил в Руме и ничего подобного не замечал.

Затем Кульхан сообщил нам, что уже послезавтра рано утром он собирается вернуться в свою ову в Этрек, и советовал нам быть наготове, так как без него нам ни за что не доехать до Этрека, хотя до тех мест всего лишь 12 миль. Он сказал, что сам он только ждет своего сына Кольмана (**Собственно, Кулумали.**) из аламана (разбойничьего похода), так как тот вместе с сотоварищами отправился к персидской границе добывать красивых кобылиц.

Ожидать сына из разбойничьего похода означало в глазах Кульхана приблизительно то же самое, что, по нашим понятиям, ожидать домой сына из геройского похода или после совершения иного почетного дела. Он пригласил нас прогуляться в предобеденную пору по берегу Гёргена, так как в это время они должны приехать и будет на что посмотреть. Поскольку делать мне было нечего, я охотно воспользовался приглашением и вскоре смешался с толпой, ожидавшей возвращающихся из похода с большим нетерпением. Наконец на другом берегу показались восемь всадников, которые вели с собой десять неоседланных коней. Я думал, что теперь толпа ожидающих разразится громкими криками энтузиазма, но не было слышно ни звука. Все жадными взорами с немым удивлением следили за возвращавшимися, которые вместе со всеми лошадьми с поразительной быстротой переплывали Гёрген и, взобравшись на наш берег, с непередаваемой серьезностью здоровались за руку со своими друзьями и родственниками. Пока старики с величайшим вниманием разглядывали добычу, юные герои приводили в порядок свою одежду; сняв тяжелые меховые шапки, [62] они утирали пот с головы и со лба. Зрелище было великолепное. Как я ни презирал разбойников и их отвратительное занятие, мой взгляд тем не менее с особым удовольствием задерживался на этих молодых людях в коротких костюмах для верховой езды, снимавших с себя оружие; с падавшими на грудь светлыми локонами, со сверкающими отвагой глазами, они вызывали всеобщее восхищение. Даже мрачный Кульхан, казалось, развеселился. Он познакомил нас со своим сыном, и когда Хаджи Билал благословил его, мы расстались; на следующее утро, в сопровождении отца и сына, вместе с украденными лошадьми, мы выехали из Гёмюштепе в Этрек.

VI

Отъезд из Гёмюштепе. - Характер нашего бывшего хозяина. - Туркменские насыпи, или могильники. - Приключение с кабанами. - Плато на севере от Гёмюштепе. - Обычай кочевников. - Туркменское гостеприимство. - Последняя коза. - Персидский раб. - Начало пустыни. - Туркменская жена и раба. - Этрек. - Персидские рабы. - Русский матрос-раб. - Предполагаемый союз йомудов и теке. - Встреча с керванбаши. - Племя кем. - Прощание с Этреком. - Афганец накликает беду. - Описание каравана.

На следующий день в полуденное время я со своими верными спутниками выехал из Гёмюштепе. Нас провожали Ханджан и все мои друзья; они шли за нами почти целый час, как это принято у кочевников, когда они провожают очень дорогого гостя. Я несколько раз просил Ханджана вернуться, но напрасно: он хотел в точности соблюсти все правила туркменского гостеприимства, чтобы в будущем я на него не обижался. Действительно, у меня было тяжело на сердце, когда он обнял меня в последний раз, потому что я нашел в нем исключительно благородного человека, который, не преследуя корыстных целей, не только надолго приютил меня и еще пять человек вместе со мною, но и давал мне всевозможные разъяснения, что бы я ни захотел узнать. Мне было жаль, что я не могу отплатить ему за его доброту, тем более что из-за принятой на себя роли мне пришлось ввести в обман такого прямодушного человека.

Наш путь лежал на северо-восток, все дальше и дальше от моря, в направлении двух больших валов, один из которых называется Кёресофи, другой - Алтын-Токмак. Кроме этих возвышений тут и там виднелось еще множество йоска, т.е. туркменских могильных холмиков, в остальном же вся местность являла собою необозримую равнину. Вскоре, приблизительно на расстоянии четверти часа езды от Гёмюштепе, мы оказались среди буйно цветущих лугов, где благоухающая, высотой по колено трава засыхает без всякой пользы, потому что жители [63] Гёмюштепе - чомуры, т.е. нескотоводы. Как много селений могло бы процветать на этой хорошо орошаемой земле, какая кипучая жизнь могла бы царить здесь вместо мертвой тишины! Наш маленький караван, состоявший из верблюдов Ильяса и шести лошадей, держался как можно ближе друг к другу, потому что Кульхан сказал, что здесь были каракчи, которые не подчинялись его приказаниям и напали бы даже на него, будь они достаточно сильны для этого. На этот раз Ильяс захотел избавить меня от езды на верблюде и взял у Кульхана одну из украденных лошадей, на которой мне и предстояло доехать до Этрека.

На мое несчастье, присоединившийся к нашему каравану Эмир Мухаммед, афганец из Каратепе, употреблявший опиум, остался пешим. Всякий раз как мы переходили большую лужу или иное сырое место, мне надо было брать его в седло; при этом он так крепко хватался за мою одежду, что я боялся, как бы он не стащил меня с лошади. Серьезной опасности я подвергся из-за совместной езды, когда мы пересекали огромные тростниковые болота, буквально кишевшие необозримыми стадами кабанов. Кульхан и Ильяс ехали впереди, отыскивая окольные пути, чтобы избежать столкновения с сотнями этих бестий, близость которых была очевидна по хрюканью, а особенно по треску, который они производили, пробираясь через тростниковые заросли. Весь уйдя в слух, я осторожно продвигался вперед, как вдруг моя лошадь чего-то испугалась, резко шарахнулась в сторону, и я, не успев разобраться, в чем дело, вместе со своим товарищем распластался на земле. К громкому смеху моих спутников, ехавших на расстоянии нескольких шагов, примешивался какой-то странный вой; я обернулся и увидел, что упал на двух совсем еще маленьких кабанчиков, их мамаша и напугала мою лошадь; теперь же она, разъяренная воем своих сосунков, оскалив зубы, остановилась неподалеку и наверняка кинулась бы на нас, если бы Ширджан, двоюродный брат Ильяса, вовремя не заметил этого и не преградил ей путь копытом. То ли испуганная храбростью юного туркмена, то ли успокоенная молчанием своих поросят, выбравшихся из затруднительного положения, расвирепевшая мамаша отступила, поспешив к своему логову, а мы, в свою очередь, со всей поспешностью поехали прочь от этого места. Между тем сын Кульхана поймал ускокавшую лошадь и возвратил ее мне, заметив, что я должен быть счастлив, ибо даже если самый благочестивый мусульманин умирает от ран, нанесенных кабаном, он попадает на тот свет "неджис", т.е. "нечистым", и его не может очистить пятисотлетнее пребывание в чистилище.

Проехав около четырех часов в том же направлении по лугам и болотам, я заметил, что мы находимся у окончания плато, простирающегося к северу от Гёмюштепе, так как начали исчезать не только возвышения, но и горы на персидской границе. На большом расстоянии виднелись разрозненные группы [65] кибиток с пасущимися возле них верблюдами, и, хотя великолепнейшая зелень ласкала глаз со всех четырех сторон, местность на востоке, которую я посетил с Кызыл Ахундом, была населена намного гуще. Причина заключается в том, что Герген здесь не протекает и воды в источниках хватает людям лишь до тех пор, пока они откармливают овец на тучных пастбищах. Поэтому юрты можно встретить здесь только в мае и июне. В одной такой группе юрт, где жили люди Кульхана, мы нашли приют на ночь, потому что до Этрека оставалось еще шесть миль - целый день пути для наших тяжело нагруженных верблюдов. Здесь уже заранее знали о нашем прибытии, и мои голодные спутники - хаджи сочли поднимающийся дымок предвестником хорошего ужина. Хотя Гемюштепе всего в четырех милях отсюда, мы находились в пути восемь часов, и первый переезд порядком утомил и нас, и наших животных.

Шагах в десяти от кибиток нас встретил молодой племянник Кульхана Таджибай. Ильяса и афганца пригласил к себе в гости Кульхан, а я с остальными хаджи разместился в тесной юрте Алла Назара. Этот уже старый, крайне бедный туркмен был вне себя от радости, что небо послало ему гостей, и у меня навсегда останется в памяти трогательная сцена, когда он, вопреки всем нашим уговорам, зарезал свою единственную козу, чтобы угостить нас. Ко второму обеду, которым он угощал нас на следующий день, он раздобыл еще и хлеба, которого неделями не видели в его доме, когда мы принялись за мясное блюдо, он сел напротив нас со своей дражайшей половиной и в буквальном смысле слова проливал слезы радости. Алла Назар не захотел ничего оставить себе от пожертвованной ради нас козы, рога и копыта были сожжены, а пепел он передал нашему Ильясу для присыпания потертостей у верблюдов, как это принято делать, из шкуры же, содранной одним куском, он определил сделать мех для хранения воды и отдал ее мне, предварительно приказав как следует натереть ее солью и высушить на солнце.

Прибытие раба, одного из тех пяти, коих столь предательски заманили в ловушку, задержало здесь Кульхана и нас вместе с ним еще на один день. Этого бедного перса в наказание отправили нашему покровителю Кульхану, пользовавшемуся славой человека, который лучше всех умеет выжать из пленного, есть ли у того достаточно средств, чтобы родственники его выкупили, или же он одинок и беден и его следует отправить в Хиву. Туркменам больше нравится первый вариант, потому что в этом случае они могут потребовать любую сумму. Так как перс остается лукавым даже в несчастье и всегда старается скрыть свое истинное положение, то, вымогая как можно более высокий выкуп, его истязают до тех пор, пока он не начнет слать жалобы домой. Второй случай хуже для обеих сторон. Разбойник получает тогда после значительных издержек цену, принятую на невольничьем рынке, а несчастного перса отправляют за несколько сот миль от родины, которую он вряд ли еще увидит. [66] У Кульхана, как уже говорилось, был большой опыт в этом деле; его новая жертва прибыла к вечеру, и на следующий день мы продолжали наше путешествие, после того как славный Алла Назар, такой же туркмен, как и Кульхан, сердечно обнял меня.

В этот день я впервые ехал на верблюде, сидя в своей деревянной корзине; противовесом мне служили несколько мешков с мукой, потому что на этот раз Хаджи Биалал отказался от подобного удовольствия. Наш путь по-прежнему лежал на север; не прошло и двух часов, как зелени вокруг не стало, и мы впервые очутились в мрачной пустыне с сильно пахучей засоленной почвой. То, что предстало нашим глазам, могло считаться настоящей пустыней. Невысокое предгорье, называемые Кара Сенгер (Черный Вал), возвышалось приблизительно в восьми милях к северу от Гёмюштепе. Чем ближе мы к нему подъезжали, тем более зыбкой становилась почва; у самого его подножия мы попали в настоящее болото; езда по этому месиву была сопряжена с величайшими трудностями, и верблюды, поскальзываясь на каждом шагу на своих губчатых стопах, грозили сбросить меня в грязь вместе с корзинами. Поэтому я предпочел слезть добровольно и, прошагав полтора часа по болотной хляби, добрался до Кара Сенгер, а вскоре показалась и ова Кульхана.

По прибытии туда меня поразило, что Кульхан сразу же провел меня в свою юрту и убедительно просил никуда не выходить, пока он меня не позовет. Я уже начал подозревать самое худшее, услышав, как он обрушивал проклятия на своих женщин за то, что они опять куда-то убрали цепи, и велел побыстрее принести их. Сумрачно озираясь по сторонам, он несколько раз заходил в кибитку, но со мной не разговаривал; я все более утверждался в своих подозрениях, особенно странным было то, что Хаджи Биалал, очень редко оставлявший меня одного, не появлялся. Подгузившись в тревожные мысли, я не сразу услышал приближавшееся бряцание цепей и увидел вскоре, что в юрту вошел перс, волоча за собой тяжелые цепи на израненных ногах; это его имел в виду Кульхан, разыскивая цепи. Вслед за персом пришел Кульхан и велел поскорее принести чай. Когда мы напились чаю, он попросил меня встать и перейти в другую юрту, которую успел за это время поставить. Он хотел сделать мне сюрприз, и этим объяснялось его странное поведение. Тем не менее я никогда не мог относиться к нему хорошо. Насколько велика разница между ним и Ханджаном, видно лучше всего из того, что за все десять дней, когда я гостил у него, этот чай был единственным угощением, которым я обязан его гостеприимству. Впоследствии мне сообщили о его предательских планах, которые он не преминул бы привести в исполнение, если бы Кызыл Ахунд, которого он особенно боялся, строго-настрого не приказал ему обращаться со мной возможно почтительнее.

[67] Юрта, в которой я теперь жил в компании с десятью другими товарищами по путешествию, принадлежала не Кульхану, а другому туркмену, который присоединился к нам для того, чтобы вместе со своей женой, бывшей рабыней, украденной из племени каракалпак, отправиться в Хиву; его жена, захваченная ночью во время разбойничьего нападения и привезенная сюда, хотела узнать, остался ли в живых ее бывший муж, которого она покинула тяжелораненным, и кто купил их детей, и где они теперь живут. Особенно ей хотелось узнать, что случилось с ее двенадцатилетней дочерью, о красоте которой она рассказывала со слезами на глазах. Бедная женщина своей верностью и необычайным трудолюбием сумела настолько привязать к себе своего нового повелителя, что он вместе с нею отправился на поиски. Я все спрашивал его, что он будет делать, если найдется первый муж, однако это его мало беспокоило, так как закон гарантировал ему его собственность. "Насиб (судьбе), - говорил он, - угодно было послать мне Хейдгул (Собственно Эйдгуль, т. е. "праздничная роза"⁴²) (так звали его жену), и люди не могут ей противиться". Среди вновь присоединившихся к нам спутников, которые хотели совершить путешествие под началом Ильяса, был,

кроме того, дервиш по имени Хаджи Сиддик, необычайно искусный обманщик; он ходил полуголый и в пути через пустыню взялся сторожить верблюдов, а при этом, как мы узнали лишь в Бухаре, у него в тряпье было зашито 60 дукатов.

Вся эта компания обитала совместно в одной юрте, ожидая, что ханский керванбаши в скором времени прибудет и тогда начнется наше путешествие через пустыню. Ожидание было мучительным для всех нас. Меня больше всего беспокоило уменьшение моих запасов муки, и я уже стал уменьшать свою дневную порцию на две пригоршни; к тому же я предпочитал теперь печь хлеб без закваски, в горячей золе, потому что, испеченный таким образом, он тяжелее переваривается, дольше остается в желудке и голод не так скоро дает себя чувствовать. К счастью, у нас была возможность совершать небольшие вылазки за подающим, и мы никоим образом не могли пожаловаться на отсутствие благотворительности у этрекских туркмен.

Здесь же, в Этреке, в юрте знатного туркмена по имени Кочак-хан я встретил одного русского, бывшего матроса из Ашуры. Мы зашли отдохнуть к Кочак-хану, и, как только меня отрекомендовали как руми (османа), хозяин сказал: “Сейчас я доставлю тебе удовольствие. Я знаю ваше отношение к русским, и сейчас ты увидишь одного из твоих заклятых врагов в цепях”. Мне пришлось сделать вид, будто я очень обрадовался. Привели бедного русского в тяжелых цепях, его большой, очень печальный вид глубоко растрогал меня, и я опасался, что не сумею скрыть этого чувства и выдам себя. “Что бы ты сделал [68] с этим эфенди, если бы встретил его в России? - спросил Кочак-хан. - А теперь ступай и поцелуй ему ноги”. Бедный русский хотел уже было подойти ко мне, но я запретил ему это, сказав, что только что совершил мой гусл (великое омовение) и не хочу, чтобы неверный осквернил меня своим прикосновением, и вообще мне было бы намного приятнее, если бы мои глаза не видели его, потому что терпеть не могу этот народ. Ему дали знак, он пристально посмотрел на меня и удалился. Позже я узнал, что это был один из двух русских матросов военного флота, попавших несколько лет назад в руки каракчи во время ночного аламана. Другой умер в плену около года назад. Правительство хотело их выкупить, но туркмены потребовали непомерную сумму (500 дукатов за каждого), а так как во время переговоров Черкез-бай⁴³, брат Кочак-хана, был сослан в Сибирь и там умер, дело с освобождением несчастных христиан еще более осложнилось, и вскоре этому матросу, так же как и его товарищу, придется принять смерть в суровом плену за возлюбленного царя и отечество. **(Впоследствии, когда я обратил внимание русских на этот случай, они попытались оправдаться тем, что русское правительство не хотело приучать туркмен к большому выкупу, иначе отважные разбойники день и ночь будут заниматься разбоем.)**

Таковы постоянно меняющиеся впечатления, которые производит гостеприимство номадов на путешественника, со всеми вытекающими отсюда добродетелями и неслыханным коварством. Осыпанный благодеяниями, вкусно поев, я часто приходил домой и уже собирался воздать хвалу всевышнему, когда раб Кульхана, перс, о котором я уже говорил, просил несколько капель воды, потому что вот уже два дня, как рассказал он однажды, ему давали вместо хлеба сушеную соленую рыбу и, хотя он целый день работал на бахче, где росли дыни, отказывали даже в капле воды. К счастью, я был один в юрте, вид горько плачущего бородатого мужчины заставил меня забыть о всякой опасности, я подал ему свой мех с водою и, пока он утолял жажду, стоял в дверях. Сердечно поблагодарив меня, он поспешил выйти. Все в доме мучили этого несчастного, но больше всего ему доставалось от второй жены Кульхана, бывшей рабыни-персиянки, которая особенно старалась доказать свое рвение в новой секте.

Эти сцены жестокости опостытели мне еще в Гёмюштепе; как же возмущалось теперь все мое существо, если Гёмюштепе в сравнении с Этреком следовало считать местом, где процветали гуманность и цивилизация. Юрта и ее обитатели сделались мне ненавистны, я хотел бы очутиться в пустыне, на лоне величественной, внушающей страх природы.

Известий о прибытии керванбаши все еще не поступало, хотя все желавшие присоединиться к нашему каравану были уже в сборе. Скоро все перезнакомились, и я часто слышал, как [69] обсуждали вопрос, какой путь выберет керванбаши. Мы как раз вели подобный разговор, когда один туркмен из Этрека принес нам радостную весть, что теке, чьих враждебных действий караваны боялись почти на всем пути в Хиву, послали вестника мира к йомутам с предложением заключить мир и объединенными силами напасть на персов, своих общих врагов. К этим политическим соглашениям мы еще вернемся во втором разделе этого произведения, пока же достаточно заметить, что эта случайность была нам очень полезна.

Из Гёмюштепе в Хиву, как мне объяснили, ведут три разных пути, и выбор зависит от численности каравана. Дороги эти следующие. 1. Первая идет за Большим Балханом вдоль берега Каспийского моря; от названных гор следуют в северном направлении еще два дня и лишь спустя шесть дней поворачивают к расположенной на востоке Хиве. Этот путь годится только для малочисленных караванов, так как здесь мало воды, но зато и опасность нападений меньше, разве что вследствие особых событий казахи⁴⁴ (киргизы) или каракалпаки направляли сюда аламанщиков. 2. Средняя дорога ведет в северном направлении только до бывшего русла Оксуса (Аму-Дарьи), затем проходит между Большим и Малым Балханом и поворачивает на северо-восток к Хиве. 3. Третья дорога прямая и самая короткая, так как если по первому пути надо ехать 24 дня, по второму - 20, то по последнему можно доехать за 14 дней. Сразу за Этреком направляются на северо-восток мимо гёклен и туркмен-теке, причем на каждой станции здесь есть колодцы с хорошей питьевой водой. Конечно, караван должен либо быть в добрых отношениях с этими племенами, либо насчитывать 2-3 тысячи человек, иначе идти этой дорогой нельзя.

Радость моя была велика, когда однажды вечером посыльный от Атабая принес известие, что на следующее утро керванбаши выступает из своего лагеря и в полдень рассчитывает встретиться с нами на противоположном берегу Этрека, откуда мы сразу же все вместе тронемся в долгий путь через пустыню. Ильяс приказал нам немедленно готовиться к выступлению. Поэтому мы в тот же вечер напекли хлеба, еще раз просолили большие куски верблюжатины, полученные нами от кочевников за розданные благословения, и не было человека счастливее меня, когда на другое утро я вместе с Хаджи Билалом взобрался в кеджеве и в этом скрипучем сооружении медленно выехал из Этрека, покачиваясь в такт волнообразному шагу верблюда. Для безопасности Кульхан счел нужным проводить нас, так как, хотя мы насчитывали 15-20 человек, вооруженных фитильными ружьями, разбойники могли напасть на нас значительно превосходящими силами, и в таком случае присутствие Кульхана оказалось бы очень

полезным, потому что он был духовным руководителем большей части этрекских бандитов и они слепо повиновались ему. Я совсем забыл сказать, что наш Кульхан был знаменит не только как седобородый среди каракчи, но и как [70] суфи (аскет). Это звание он отразил на своей печати и немало гордился им. Зачинщик многих гнусных преступлений, Кульхан являл собою яркий образец бесстыдного лицемера, когда он, сидя среди своих учеников, чьи жестокие руки успели уже разрушить счастье многих семей, излагал им предписания ритуального омовения или правила короткого подстригания усов. И учитель, и ученики казались одинаково воодушевленными, и многие из этих разбойников, сознавая свою набожность, мечтали о сладких наградах рая.

В обход болот, образованных разливами Этрека, наш путь шел то на северо-запад, то на северо-восток в основном по песчаной равнине, где виднелись отдельные юрты. На краю ее стояло около 150 юрт туркменского племени кем. Мне рассказывали, что это племя в незапамятные времена отделилось от туркмен-йомутов, к которым оно, собственно говоря, и принадлежит, и поселилось на краю пустыни. Из-за сильной приверженности этих туркмен к воровству все остальные относятся к ним враждебно и ведут с ними войну, так что число их не возрастает. Вблизи их стана мы встретили нескольких человек, отбившихся от нашего каравана; они не осмеливались идти дальше без нас. По всей вероятности, туркмены напали бы на нас, если бы не увидели во главе нашего каравана Кульхана, это всесильное пугало.

Проехав с четверть часа на север от лагеря, мы переправились через узкий рукав Этрека, вода которого была уже очень солоната на вкус, - признак того, что вскоре он совсем пересохнет. На противоположном берегу, вплоть до второго, еще более узкого рукава, солончаковая почва сменилась раскинувшимся почти на целый час езды великолепным лугом, густо поросшим волошским укропом. Переход через узкий, похожий на ров ручей из-за глинистых берегов был очень затруднителен, несколько верблюдов со всем грузом упали в воду. Хотя ручей был мелкий, тюки намокли и стали намного тяжелее, так что мы с большим трудом взобрались на возвышающийся по другую сторону холм, который назывался Делили-Бурун. В общей сложности с раннего утра до двух часов пополудни мы проехали всего четыре мили; несмотря на это, было решено сделать здесь стоянку, потому что встреча с керванбаши должна была произойти только завтра в полдень на другом берегу Этрека.

С упомянутого мною холма, представляющего собой своего рода предгорье длинной, но невысокой горной цепи, простирающейся к юго-востоку, открывается широкий и очень красивый вид. На западе, подобно синему облаку, виднеется Каспийское море, можно различить и персидские горы, но особенно интересен вид лежащей к югу необозримой равнины, где местами рассыпаны группы кибиток, напоминающие холмики возле кротовых нор. Виден почти весь Этрек с рекою, а места, где она широко разливается, издали предстают взору как ряд озер. Так как мы были вблизи стана кем, Кульхан, намеревавшийся [71] остаться с нами этой ночью, посоветовал нам быть крайне осторожными; к вечеру мы расставили повсюду караульных, которые, сменяя друг друга, до самого утра следили за всяким передвижением вокруг нас.

Поскольку я слышал, что эта станция - форпост Великой пустыни, я употребил послеобеденное время, пока мои товарищи спали, для написания нескольких писем, чтобы отправить их с туркменами, которые сопровождали караван и отсюда возвращались домой. Кроме маленьких кусочков бумаги для записок, тщательно спрятанных в моей бухарской одежде, у меня еще было два листка чистой бумаги в Коране, который я носил в небольшом мешочке, на них я и написал два письма: одно - Хайдар-эфенди в Тегеран, а другое - Ханджану, с просьбой отправить первое. (По возвращении я нашел в турецком посольстве это письмо, уведомлявшее моих друзей о начале путешествия через пустыню, а также другие, которые я отправлял из Гёмюштепе. Добрый Ханджан со всем усердием позаботился об их доставке.) Каково было у меня на душе, когда я вспоминал о Тегеране, ближайшем и все-таки таком далеком островке европейской жизни, легко можно себе представить, если подумать об опасности, грозившей мне у кочевников, догадайся они только о моем инкогнито, и если учесть те первые впечатления, которые остались у меня от пятидневного пребывания среди туркмен, главные земли которых мне теперь предстояло посетить.

На следующее утро нам понадобилось всего четыре часа, чтобы добраться до основного русла Этрека. Много времени мы потратили на поиски самого мелкого места для переправы через реку. Это оказалось весьма нелегко, так как, хотя обычная ширина реки всего 12-15 шагов, теперь она была в два раза шире из-за размытых недавним наводнением берегов, ее вязкое глинистое дно было истинной мукой для верблюдов, так что медлительность наших туркмен была вполне извинительна. Течение, правда, было не очень сильное, однако вода доходила нашим верблюдам до самого брюха, и при вихляющем из стороны в сторону шаге этих животных, с трудом отыскивавших брод, наше кеджеве то слева, то справа окуналось в мутные воды Этрека; один неверный шаг, и мне пришлось бы искупаться в грязи и иле и с немалым риском вплавь добираться до противоположного берега. К счастью, все обошлось благополучно, и как только мы прибыли на место, показался долгожданный караван керванбаши, во главе которого вышагивали три буйвола (две коровы и один бык); их прибытия, предвещающего здоровье, больной повелитель Хивы едва ли дождался с большим нетерпением, чем мы.

Читатель помнит, что в Гёмюштепе Хаджи Билалу, Хаджи Юсуфу, мне и еще нескольким пешим странникам пришлось отделиться от основной группы, потому что они не смогли так [72] скоро нанять верблюдов. Так как в Этреке мы не получали от них известий, мы очень боялись, что им так и не удастся ехать дальше с нами. Поэтому мы очень обрадовались, увидев, что все они благополучно прибыли с этим караваном. Мы сердечно обнялись и расцеловались, словно братья, свидевшиеся после многолетней разлуки. Я был глубоко растроган, увидев подле себя Хаджи Салиха, Султан Махмуда и всех остальных своих нищих товарищей, потому что, хотя я и считал Хаджи Билала своим ближайшим другом, тем не менее должен признать, что был одинаково искренне расположен ко всем, без всякого различия. Поскольку мутные воды Этрека были для нас последним источником пресной воды и, вероятно, нам могло прийтись туго за 20 дней пути до берегов Оксуса, я предложил не упустить случай и в последний раз напиться чаю досыта. Мы выставили самую вместительную чайную посуду, я потчевал всех свежеспеченным хлебом, и потом мы еще долго вспоминали о роскоши и изобилии праздника, устроенного в честь нашего свидания.

Тем временем приехал керванбаши, наш вождь и защитник в пустыне. Так как мне было очень важно предстать перед ним в должном свете, вскоре я отправился к нему в сопровождении Хаджи Салиха и Хаджи Масуда, которые по

дороге сюда уже рассказывали ему обо мне. Представьте себе мое удивление и даже замешательство, когда Амандурды (так его звали), дородный добродушный туркмен, оказал моим друзьям всяческие знаки внимания, меня же встретил необычайно холодно. Чем больше старался Хаджи Салих повернуть разговор на меня, тем равнодушнее он становился; на все его старания он коротко отвечал: “Я уже знаю этого хаджи”. Я взял себя в руки, чтобы справиться с сильным замешательством, и уже хотел было уйти, но заметил, что Ильяс бросает гневные взгляды на сидевшего рядом с ним Эмир Мухаммеда, небезызвестного пожирателя опиума, давая понять тем самым, что считает его виновником случившегося. Мы ушли, и, как только Хаджи Билал узнал об этой сцене, он страшно рассердился и вскричал: “Этот гнусный свихнувшийся афганец еще в Этреке болтал, что наш Хаджи Решид, который мог бы поучить его Корану и арабскому языку, - просто переодетый френги (при этих словах он трижды произнес “Астафаулла!”, т. е. “Прости, господи, мои прегрешения!”), и, несмотря на мои уверения, что мы приняли его из рук посланника нашего великого султана и что у него было проездное свидетельство (паспорт) с печатью халифа, (Наследник Мухаммеда, т. е. константинопольский султан.) он все-таки не верит и упорствует в злословии. Я вижу, что он успел затуманить голову керванбаши, но он горько раскается, когда мы прибудем в Хиву, потому что там, где есть кади и улемы, мы покажем ему, что значит выдавать правоверного мусульманина за неверного”.

[73] Теперь тайна начала раскрываться передо мною. Эмир Мухаммед, уроженец Кандагара, вынужденный из-за какого-то преступления бежать из родного города после захвата его англичанами, часто имел там возможность видеть европейцев, и он признал во мне европейца по чертам лица. Он с первой минуты принял меня за тайного эмиссара, путешествующего инкогнито в нищенском одеянии со спрятанными сокровищами, которыми он собирался во что бы то ни стало овладеть, запугав меня страшной угрозой - доносом. Он часто уговаривал меня отделаться от этих нищих и идти в компании с ним. На это я отвечал, что дервиш и купец, будучи элементами разнородными, не подойду к друг другу и что речь о настоящей дружбе может идти только в том случае, если он откажется от пагубного порока употреблять опиум, совершит ритуал омовения и прочитает молитвы. Мое упорное сопротивление - ничего другого не оставалось делать - приводило его в бешенство, но, так как хаджи ненавидели его за безбожную греховность, я принимал его открытую враждебность как особое счастье.

Часа через два после этого инцидента керванбаши, принявший теперь на себя управление караваном, приказал нам наполнить наши меха водой, так как до следующего колодца мы доедем только через три дня. Поэтому я взял свою козью шкуру и вместе со всеми пошел к реке, но, поскольку до сих пор мне не приходилось испытывать мук жажды, я наполнил свой мех довольно небрежно. Мои товарищи указали мне на ошибку, заметив, что каждая капля воды в пустыне стоит жизни и что мех, этот источник жизни, каждый должен беречь как зеницу ока. По окончании приготовлений мы навьючили верблюдов, керванбаши велел всех пересчитать, и оказалось, что караван состоит из 80 верблюдов и 40 путников, из них 26 - безоружные хаджи, остальные - довольно хорошо вооруженные туркмены из племени йомут, а также один узбек и один афганец. Таким образом, мы составляли один из тех небольших караванов, которые отправлялись в путь, полагаясь, по истинно восточному обычаю, на волю случая. Усевшись на свои места, мы распрощались с провожатыми - туркменами, которые ехали с нами до самого края пустыни. Прощальную фатиху затянул с одной стороны Хаджи Билал, с другой - Кульхан, и мне стало жутко, когда я подумал, что все надежды на благополучный исход нашего опасного предприятия возлагаются на их благословение. После заключительного “аминь” и неизбежного вслед за тем поглаживания бород обе партии разъехались в разные стороны. Переправившись через Этрек и потеряв нас из виду, наши бывшие провожатые послали нам привет, несколько раз выстрелив в воздух. Отсюда мы поехали прямо на север.

[74] VII

Керванбаши настаивает на прекращении моих записей. - Клятва Мухаммеда и благородное поведение его брата. - Вожак сбивается с пути. - Кёрен-таги, старые, очевидно греческие, развалины. - Большой и Малый Балхан. - Старое русло Оксуса. - Кровавая месть. - Муки жажды.

13 мая 1863 г.

Наш караван шел на север без всякой дороги, не было ни малейшего признака следов верблюдов или других животных, мы ориентировались днем по солнцу, ночью - по Полярной звезде, которую туркмены за ее неподвижность называют Демир Газык, т. е. “Железный кол”. Верблюдов, связанных один с другим в длинную цепь, вел пеший проводник, и, хотя не существовало никакого почетного места, считалось особой честью находиться вблизи керванбаши. Часть пути за Этреком, образующую как бы преддверие Великой пустыни, называют Богдайла [Бугдайли]. После захода солнца мы шли около двух часов по песчаной почве, которая была не очень рыхлой и лишь слегка приподнималась волнами. Постепенно пески кончились, и около полуночи под нами оказался такой твердый и гладкий грунт, что мерные шаги верблюдов звучали издали в ночной тишине как отбивание такта. Туркмены называют такие места такырами, и, поскольку земля, по которой мы шли, была красноватого цвета, она носила название Кызыл-Такыр. Мы двигались без остановки почти до рассвета, однако прошли лишь около 6 миль, так как не хотели переутомлять верблюдов в начале пути, а в основном из-за того, что главными действующими лицами в нашей странствующей компании были буйволы, из которых одна буйволица была к тому же в интересном положении; их неуклюжие тела никак не могли приноровиться даже к шагу верблюдов. Поэтому привал затянулся до 8 часов утра 14 мая, и, пока верблюды насыщались колочками и другими растениями, у нас было время не спеша съесть свой завтрак, в этот день еще роскошный, потому что в наших мехах было достаточно пресной воды и мы могли позволить себе вдоволь запивать наш тяжелый пресный хлеб.

Так как мы расположились недалеко друг от друга, я заметил, как керванбаши, все время глядя на меня, переговаривался с Ильясом и предводителями моих спутников. Я не мог догадаться о предмете их беседы, однако сделал вид, что ничего не замечаю и, с усердием полистав Коран, поднялся с места, намереваясь принять участие в разговоре. Когда я сделал несколько шагов, добрый Ильяс и Хаджи Салих направились ко мне, отозвали меня в сторону и сказали, что керванбаши не хочет, чтобы я шел с ними до Хивы, так как моя наружность кажется ему очень

подозрительной; особенно он опасается [75] ханского гнева, потому что несколько лет назад он будто бы привез в Хиву посланника - френги, который в течение этого единственного путешествия нанес на карту весь путь и с дьявольской ловкостью не пропустил на бумаге ни одного колодца и даже ни одного пригорка. И будто бы хан поэтому был очень рассержен, повелел повесить двоих гонцов, а он, керванбаши, смог спасти свою жизнь только благодаря влиятельному заступничеству. “После долгих споров и возражений, что мы не можем оставить тебя в пустыне, - сказали мои друзья, - нам удалось уговорить его взять тебя при условии, что, во-первых, ты дашь себя обыскать, нет ли у тебя с собой рисунков и деревянных перьев (карандашей), которые обычно есть у френги, и, во-вторых, если ты обещаешь не делать тайком записи о горах и дорогах; в противном случае тебе придется тут же остаться посреди пустыни”.

Я терпеливо выслушал все это, однако, когда они кончили говорить, притворился крайне возмущенным и обратился к Хаджи Салиху, сказав ему так громко, что это слышал сам керванбаши: “Хаджи, ты видел меня в Тегеране, ты знаешь, кто я, скажи Амандурды (так звали предводителя нашего каравана), что ему, как честному человеку, вовсе не подобает обращать внимание на речи пьяного бинамаза (человека, не совершающего молитв) вроде этого афганца. С религией не шутят, он не должен более касаться этого опасного вопроса, потому что в Хиве он узнает, с кем имеет дело”. Я выкрикнул последние слова так громко, что они были услышаны по всему каравану; мои товарищи, те, что победнее, начали горячиться и, не удержав их, бросились бы все на Эмира Мухаммеда, злонамеренного афганца. Более всех был охвачен пылом сам керванбаши, и я слышал, как на сыпавшиеся со всех сторон замечания он все время отвечал: “Худаим билъя”, т.е. “Бог ведает!”. Он был очень честный доброжелательный человек, но, как истинный житель Востока, не столько по злобе, сколько из любви к таинственности со всей силой хотел разоблачить во мне переодетого чужака, хотя в некоторых вопросах религии (меселе) он брал у меня уроки и еще в Гёмюштепе слышал, что я прочел много книг.

На этот раз, как я уже заметил, опасность для меня уменьшилась, но, к великому моему сожалению, я видел, что подозрение с каждым шагом возрастает и мне будет стоить больших усилий делать даже краткие заметки. Меня очень огорчало то что я не мог узнавать названия станции. В пустыне, как бы велика она ни была, каждому месту, каждому холму и каждой долине номады, населяющие отдельные оазисы, дали особое имя, так что я получив точное указание, смог бы обозначить каждую точку на карте Средней Азии. Против хитрости можно было употребить только хитрость, и скудные заметки, собранные мною об этих дорогах, есть бедный плод той уловки, описанием которой я не хочу докучать читателю. Как горько бывает путешественнику, когда он после долгой борьбы и великих [76] опасностей достиг желанною источника и все же не может освежить свою изнемогающую от жажды душу!

Через восемь часов мы снова пустились в путь, но шаги наши после двухчасового непрерывного движения становились все медленнее. Несколько туркмен спешили и очень тщательно осмотрели холмы справа и слева. Как я узнал впоследствии, один из моих спутников, Аит Мухаммед, хотел отыскать могилу своего брата, убитого в одной из битв в прошлом году; он даже привез с собой гроб, чтобы забрать труп в Хиву. Было около 2 часов пополудни, когда мы остановились и собрались вскрыть отыскавшуюся, к счастью, могилу. После того как были прочитаны соответствующие молитвы и отрывки из Корана, в чем я вынужден был принять живейшее участие, полуистлевший труп положили в гроб и укутали войлоком, затем один из очевидцев поведал нам подробности боя. Этим он хотел возвеличить покойного, что ему и в самом деле удалось, так как восхваляемый поступок заслуживал самого высокого одобрения. “В нашем караване, - начал рассказчик, - было много персов, идущих из Хивы в Астрабад, и среди них был очень богатый купец по имени Молла Касым из Астрабада, который много лет вел торговлю между Персией и Хивой и не только был гостем покойного в Хиве, но и в пути находился под его защитой. Судьбе было угодно, чтобы Молла Касым в прошлом году отправился на родину с большой суммой денег; и хотя он был одет по-туркменски и хорошо знал наш язык, все же харамзаде (негодяи⁴⁵) из Этрека узнали его. Они вышли навстречу каравану и напали на нас. Противники значительно превосходили нас числом; несмотря на это, мы сражались восемь часов, и, когда мы убили двоих из них, они крикнули, чтобы мы выдали жирную персидскую собаку (имелся в виду Молла Касым), тогда они прекратят бой, потому что от нас им ничего не надо. Легко понять, что никто из нас, в том числе покойный, не мог пойти на это, и, хотя перс, убоявшись пуль, просил о прекращении огня и хотел было сдаться, бой все же продолжался. Вскоре после этого его (он показал на труп) сразила пуля. Он упал с коня и поручил своего гостя, перса, следующего от страха, как дитя, своему брату Аит Мухаммеду, под чьим руководством мы продолжали бой до следующего утра, когда разбойники с потерями отошли. Похоронив покойного, мы двинулись дальше, и три дня спустя перс неведомым был доставлен в Астрабад”.

Как бы благородна ни была эта картина туркменского гостеприимства, все же его прелесть исчезает, если я сделаю здесь небольшое отступление, в котором инстинктивный характер туркменского гостеприимства предстает в причудливой форме. Один из моих нищих спутников во время моего пребывания среди туркмен отправился наносить свои визиты за подаванием, облачившись в худшие из лохмотьев. На странствовавшем за день, он вошел вечером в стоявшую особняком юрту, чтобы переночевать там. Как принято, он был встречен дружески, но [77] вскоре он заметил, что хозяин дома был в большом затруднении и бегал взад и вперед, словно искал что-то. Нищему уже становилось не по себе, как вдруг туркмен приблизился к нему и, густо покраснев, попросил взаймы несколько кранов, чтобы достать ужин, так как у него есть только сушеная рыба, а гостю следовало бы предложить блюда получше. В такой просьбе, конечно, нельзя было отказать. Мой спутник открыл спрятанный в лохмотья кошелек, и после того, как он дал хозяину 5 кранов, все, казалось, было улажено. Ужин был съеден за приятной беседой, гостю был постелен самый мягкий ковер, и на следующее утро его проводили со всеми почестями. “Не прошло с момента моего ухода и получаса. - рассказывал мой друг, - как какой-то туркмен погнался за мной и с угрозами потребовал мой кошелек. Велико же было мое изумление, когда я узнал в разбойнике моего вчерашнего хозяина. Я думал, что он шутит, и начал дружески уговаривать его, но дело все более оборачивалось всерьез, и, чтобы избежать недобрых последствий, мне ничего не оставалось, как отдать ему кошелек, чай, расческу и нож - все мое имущество. Я уже хотел идти дальше, но он остановил меня, открыл мой, т.е. теперь уже свой, кошелек и достал оттуда 5 кранов со словами: “Возьми мой вчерашний долг. Теперь мы квиты, ты можешь идти дальше”⁴⁶.

На поминование души Аит Мухаммед велел еще на этом же месте испечь хлеб, который он разделил меж нами, после чего мы пустились в путь по сухой обширной равнине на север. Чтобы наверстать упущенное время, нам пришлось всю ночь провести в дороге. Стояла очень приятная погода, и, свернувшись клубком в своей корзине, я долго наслаждался видом прекрасного звездного неба, блеск которого в пустыне величественнее, чем где бы то ни было. В конце концов меня сморил сон, но не прошло и часа, как я был весьма неделикатно разбужен доносившимися со всех сторон криками: “Хаджи, посмотри же на свой кыбленюма (Кыбленюма (тур.), собственно, означает “указывающий киблу” (направление на Мекку); представляет собой наш обычный компас, на котором юго-западное направление обозначено особой стрелкой.) (компас), мы, кажется, заблудились”. Я проснулся и при свете горящего факела увидел, что вместо северного направления мы шли на восток. Керванбаши испугался, так как подумал, что мы пришли к опасным болотам, и решил дожидаться здесь наступления утра. По счастью, мы шли по неверному пути только около получаса, пока небо было покрыто облаками, и, несмотря на задержку, достигли назначенной станции, где пустили животных пастись на колючках. Я с удивлением заметил, что на том месте, где мы стояли лагерем, мои спутники собрали много моркови в полфута длиной и толщиной в большой палец, очень вкусной и сладкой; только внутри она была твердой, словно дерево, и несъедобной, как и встречающийся здесь в изобилии дикий чеснок. Я [78] воспользовался случаем и вдоволь полакомился, съев порядочную порцию вареной моркови на завтрак, а другую порцию, наевшись до отвала, положил на хранение в пояс.

15 мая

Сегодня наш путь пролегал по дикой, изрезанной длинными оврагами местности, о которой я слышал, что она каждый раз принимает другой вид и всегда очень трудна из-за большого количества крутых подъемов. Бедные верблюды, многие из которых несли большой груз, бесконечно страдали, потому что легкий песок осыпался из-под их ног и вследствие постоянных подъемов и спусков они с трудом удерживались от падения. Примечательно, что здесь этих животных связывают веревкой, один конец которой укреплен на хвосте идущего впереди животного, другой - в проколоте носу следующего. Право же, больно видеть, когда один верблюд в этой цепи ненадолго остановится, а передние продолжают тянуть его за собой, причиняя страшную боль, и это длится до тех пор, пока веревка не обрывается. Чтобы пощадить эти бедные создания, все спешили, когда дорога становилась плохой; сегодня произошло то же самое, и, хотя я испытывал немалые страдания, шагая по глубокому песку, мне пришлось четыре часа безостановочно пройти пешком, правда не быстро. При этом я не раз встречал керванбаши, который после нашего последнего столкновения был со мной предельно вежлив. Особое сочувствие ко мне проявлял, как казалось, его племянник, молодой прямодушный туркмен из Хивы, который с прошлого года не видел своей молодой жены и в разговоре все время вспоминал свою ову (юрту), как он должен был называть свою жену по исламским представлениям о приличии. (По законам ислама считается крайне невежливым говорить о своей жене. Употребляют метафоры, в которых называют *totum pro parte*⁴⁷. Так, турок в обществе называет свою жену “гарем”, “семья” или “чолук чоджук”⁴⁸, перс-“хане” или “айялу авлад” (первое означает “семья”, второе - “дети”), туркмен называет “ова”, житель Средней Азии-“бала чага”, что означает “дети”.) Халим Молла (таково было его имя) полностью доверял моему обличению дервиша, и я не был очень удивлен, когда он попросил меня посмотреть в моем Коране фали (предсказание) для его семьи. Я проделал обычный фокус, закрыл глаза и, на свое счастье, открыл книгу в том месте, где шла речь о женщинах. Толкование арабского текста, а именно в этом, собственно, и кроется все искусство, привело моего юного туркмена в восторг, он поблагодарил меня, и я был в высшей степени рад, что приобрел его дружбу.

До сих пор было неизвестно, по которой из трех дорог пойдет наш караван. Утаивание плана здесь, где в любую минуту можно ожидать нападения, было крайне необходимо. Хотя нам ничего не сообщалось, можно было предвидеть, что мы выберем среднюю дорогу, так как вода была на исходе и нужда заставляла [79] нас не позже завтрашнего дня добраться до цистерны, доступ к которой становится возможным лишь при мирных отношениях с пастухами-йомутами из [подразделения] атабай. Наш вечерний переход был удачным, верблюжья цепь разрывалась всего несколько раз, спустя минуту - другую эти неполадки замечали и посылали людей на поиски оставших животных. Караван в это время продолжал путь, а чтобы посланный не заблудился во мраке ночи, один из караванщиков назначался для поддержания с ним разговора. Печально звучащие слова указывали ему путь в темной ночи; но горе несчастному, если встречный ветер отнесет призывные слова в сторону!

На следующее утро (16 мая) на северо-востоке показалась горная цепь Кёренгаги. Из-за стельной буйволицы мы были вынуждены замедлить шаг и лишь во второй половине дня подошли настолько близко, что смогли различить очертания нижней части гор. В Этреке нам сказали, что вследствие установившегося перемирия мы, очевидно, застанем здесь йомутов, но мы не были в этом уверены и пребывали в крайнем напряжении, не зная, действительно ли все обстоит так хорошо, или же они покинули горы и мы должны опасаться внезапного нападения враждебной орды. Один храбрый туркмен был послан на разведку, и все проводили его взглядами, полными надежды. Постепенно приближаясь к горам, мы увидели отдельные юрты, страх исчез, и всех только интересовало, к какому племени принадлежит этот стан. В то время как мои спутники наслаждались видом Кёренгаги и ее зелеными долинами, сердце мое забило сильнее от радости, когда мы приблизились к лежащим западнее гор руинам, видимо, греческого происхождения. Как только горы стали вполне различимы, я сразу же заметил на юго-западе отдельно стоящую колонну, которая издали казалась огромной живой фигурой. Когда мы поднялись выше на плато, я обнаружил в том же направлении вторую колонну, чуть потолще и не столь высокую, как первая; и у горы, по левую руку, так близко находились руины, известные под именем Мешхеда - Мисриана, что я мог отчетливо разглядеть отдельные детали. Так как здесь располагались лагерем только йомуты, было решено устроить привал на целый день, чтобы купить нескольких верблюдов. Это вполне совпадало с моими желаниями, потому что мне представилась возможность несколько подробнее ознакомиться с развалинами.

На следующее утро (17 мая) я отправился туда в сопровождении Ильяса и нескольких спутников-хаджи, которых я хитростью уговорил сделать это, потому что они считали неосторожным посещать место, населенное джиннами (духами). До него было полчаса пути от нашего лагеря, хотя высокая стена все еще прямо стоящего

четырёхугольника, а также две неповрежденные и две наполовину разрушенные башни казались расположенными ближе. Вокруг высокой стены, шириной 6-8 футов и длиной 40-50 футов, идет еще одна, немного пониже [80] первой, к югу совсем развалившаяся. Она, вероятно, защищала сохранившийся до наших дней замок, потому что все в целом, судя по остальным развалинам, я считаю бывшей крепостью, где в довершение ко всему, как я должен упомянуть, имелся еще великолепный водопровод, который доходил в восточном направлении до персидской цепи гор и оттуда, с расстояния в 150 английских миль, доставлял воду. Из-за очень ограниченных знаний в археологии и архитектуре я должен признать мои суждения относительно этих весьма интересных развалин некомпетентными; я уверен только в их греческом происхождении, потому что обнаружил большое сходство как по качеству, так и по величине и цвету между найденными квадратными кирпичами и кирпичами из Гёмюштепе и Кызылалана (стена Александра). (Туркмены рассказывали мне о происхождении руин следующее: бог из особой любви к своим храбрым туркменам будто бы сначала поставил Каабу не в Аравии, а здесь, но зеленый бес, который к тому же был хромым, по имени Кёкленг (т.е. Зеленый хромец), от которого ведут происхождение гёклены, разрушил ее. “Этот кощунственный поступок предка, - утверждал доморощенный специалист по этимологии, - является причиной, по которой мы живем с этим племенем в постоянной вражде”.) Кроме них я видел еще на северной вершине Кёрентаги несколько руин, мимо которых мы прошли ночью и которые, насколько я мог различить в темноте, состояли из шести отдельно стоящих часовен⁴⁹.

Сегодня наш караван навестили живущие здесь номады, были даже заключены сделки между купцами и нанимателями нашего каравана, к тому же в кредит. При этом меня заставили написать долговое обязательство, и я был очень удивлен, увидев, что должник, вместо того чтобы передать вексель заимодавцу на сохранение, сунул его себе в карман, и, таким образом, дело было улажено согласно туркменскому обычаю. Когда я спросил заимодавца об этом необычном акте, он ответил: “Какое мне дело до этой бумаги, должник должен хранить ее у себя, чтобы помнить о своем долге”. Вечером, когда мы уже собрались в путь, мадам буйволица одарила нас здоровым теленком, чему керванбаши очень обрадовался. Но только тогда, когда мы уже были в пути, его осенило, что слабый теленок не сможет проделать весь марш своими ногами, и ему пришлось позаботиться об удобном месте для теленка на каком-нибудь верблюде. Так как только у меня и у Хаджи Билала были кеджеве, все взоры обратились в нашу сторону, и нас попросили уступить место новорожденному. Мой друг был достаточно умен, чтобы проявить услужливость, заметив, что из дружбы ко мне, ибо я с моей хромой ногой не смог бы сидеть где придется, охотно поменяет кеджеве на любое другое место. Но едва его место было занято теленком, как крайне дурной запах моего нового vis-a-vis избил подлинное побуждение моего друга. Ночью все шло еще терпимо, потому что только сон мой прерывался постоянным мычанием, но днем, особенно когда [81] становилось жарко, было невыносимо. По счастью, мои муки скоро кончились, так как теленок пал уже на второй день путешествия по пустыне.

Начиная с сегодняшнего дня (18 мая), мы считали, что осталось два дня до Большого Балхана и от него еще 12 дней до Хивы, следовательно, всего 14 дней. В течение всего этого времени нам предстояло найти четыре колодца с горько-соленой водой и не встретить в пути ни души. Так как была только середина мая, наши вожаки надеялись, что мы отыщем в известных им низменных местах небольшие скопления дождевой воды, называемые “как”. Свои мехи мы наполнили глинистой водой из двух плохих цистерн у Кёрентаги, тряска на спинах верблюдов превратила ее в настоящий ил, и она приобрела отвратительный вкус; к тому же мы должны были расходовать ее экономно, потому что первый колодец мы рассчитывали встретить только через станцию после Большого Балхана. Наше движение постепенно приобретало регулярный характер, так как все уже было отлажено. Ежедневно мы, как правило, трижды делали остановку, каждый раз на полтора или на два часа: до восхода солнца, когда мы пекли хлеб на целый день, в полдень, чтобы дать животным и людям немного отдохнуть от палящей жары, и перед заходом солнца, чтобы съесть наш скудный ужин, который состоял из часто упоминаемого мною хлеба и нескольких, строго отсчитанных капель воды.

У всех моих друзей и у туркмен было с собой немного бараньего сала, которое они ели с хлебом и предлагали мне, но я не брал его, так как был убежден, что только большая умеренность сможет уменьшить муки жажды и закалить тело от всех трудностей. Местность, по которой мы проезжали, представляла собой твердую глинистую почву, лишь изредка поросшую жалкими колючками; чаще всего это были голые места, которые потрескались от засухи и принимали самые причудливые формы из-за трещин, напоминающих жилы. Какое утомительное впечатление производит на путешественника эта печальная равнина, откуда изгнан всякий след жизни, и как приятно ему добраться до станции и хоть на несколько минут отдохнуть от волнообразного движения верблюда!

На следующий день (19 мая) в полдень мы увидели на севере темно-синее облако. Это был Малый Балхан, до которого мы должны были добраться уже завтра рано утром. О его величии, красоте и минеральных богатствах мне много рассказывали туркмены. К несчастью, в этот вечер наш обычно бдительный керванбаши был сражен сном, и вставший во главе каравана вожак подверг нас опасности, которая едва не стоила нам жизни. Дело в том, что у подножия Малого Балхана много опасных соляных болот, покрытых толстой белой коркой; их нельзя отличить от твердой земли, тоже покрытой слоем соли в палец толщиной. Мы уже зашли далеко по этим местам, когда верблюды, несмотря на понукания, остановились из-за колебания [82] почвы под ногами. Мы прыгнули на землю, и можете себе представить мой ужас, когда я, стоя на земле, чувствовал себя как в раскачивающейся лодке. Смятение было всеобщим. Керванбаши крикнул, что все должны оставаться на своих местах, потому что до наступления дня нечего и думать выбраться отсюда. Сильный запах соли был невыносим, но нам пришлось прождать три часа, пока не показались первые лучи освободительной утренней зари. На обратном пути было много трудностей, но мы все радовались, так как небо оказалось благосклонно к нам: если бы мы прошли немного дальше, то нетвердая почва легко бы раздалась и поглотила бы часть из нас, а может быть, и весь караван со всем грузом. Так, по крайней мере, сказали мне туркмены.

Было 10 часов утра (20 мая), когда мы добрались до Малого Балхана, простирающегося с юго-запада на северо-восток, и увидели слабые очертания предгорий Большого Балхана, расположенного параллельно северному отрогу Малого.

Малый Балхан, у подножия которого мы встали лагерем, образует почти непрерывную цепь одинаковой высоты на протяжении примерно 12 миль; он, правда, не так бесплоден и гол, как горы Персии, в некоторых местах можно найти траву, в остальном же большей частью имеет голубовато-серую окраску. Высоту гор можно определить на глаз в 2-3 тысячи футов. В этот и на следующий день (21 мая) наш путь пролегал вдоль Малого Балхана, пока к вечеру мы не добрались до подножия предгорий Большого Балхана. Я нашел, что его справедливо называли Большим, потому что в среднем (хотя я мог видеть вблизи только его) он отличается большими размерами и высотой. Мы находились в одной из восточных частей его; собственно цепь Большого Балхана, которая доходит до берегов Каспийского моря и тянется в основном в направлении с юга на север, должна быть богатой благородными минералами, как мне рассказывали в Хиве и среди туркмен, чему можно было бы поверить, если бы суждение исходило от компетентных судей.

В целом наш сегодняшний вечерний бивуак был не лишен очарования, так что, когда заходящее солнце бросило последние лучи на прелестные долины Малого Балхана, я чуть было не вообразил, что нахожусь в обычной горной местности. Местность можно было бы назвать красивой, если бы ужасающая пустынность, вообще заброшенность не окутывали ее траурным покрывалом. Взор постоянно скользит вокруг, страшась обнаружить чужака, потому что в пустыне любого человека надо встречать с оружием в руках.

Через час после заката солнца было решено двигаться дальше. Керванбаши сказал нам, что, собственно, лишь отсюда начнется настоящая пустыня, и, хотя мы все с виду были опытными путешественниками, он считал все-таки необходимым заметить, чтобы мы по возможности избегали громко говорить и кричать днем и ночью, что отныне каждый должен печь хлеб до [83] захода солнца, так как здесь нельзя ночью разжигать огонь, чтобы не выдать врагу свое местонахождение, что мы постоянно должны в своих молитвах просить аманчилик, т.е. безопасности, а в минуту опасности не дрожать, подобно женщинам. Несколько мечей, одно копьё и два ружья, конечно фитильные, были поделены между нами, и, так как меня принимали за храброго человека, я получил ружье с относительно большим запасом пороха и свинца, но должен честно признаться, что эти приготовления отнюдь не внушали мне радужных надежд.

После того как мы покинули Балханские горы, мой компас, несмотря на все попытки керванбаши утаить это, показал, что мы выбрали среднюю дорогу. В Кёргентаги мы получили известие, что в окрестностях гор обретаются 50 караки из племени теке; керванбаши, учтя это, ограничился тем, что обошел колодец и станцию Дженак Куюсу, где вода все равно была очень соленой и могла быть пригодной только для верблюдов, которые не пили лишь три дня.

Была, наверное, полночь, когда мы, пройдя около 2 миль, вышли к обрыву. Нам всем велели здесь спешиться, и выяснилось, что мы находимся у Дёдена, как называют номады этой местности старое русло Оксуса, и что бури и ливни минувшей зимы совершенно смыли прошлогодние, относительно хорошо различимые следы дороги. Мы пересекли старое русло по длинной кривой линии, чтобы найти подъем на противоположный, еще более крутой берег, и только незадолго до рассвета с большим трудом достигли высокого плато. Кочевники в своих сказаниях связывают старое русло Оксуса с руинами Мешхеда - Мисриана и утверждают, что Оксус когда-то протекал вблизи стен здания, предназначенного для Каабы, и лишь позднее, возмущившись грехами гёкленов, повернул на север⁵⁰.

Чем дальше исчезал в голубых облаках Балхан за нашей спиной, тем больше, тем страшнее становилось величие необозримой пустыни. Я думал раньше, что грандиозность пустыни сможет произвести впечатление на нашу душу только тогда, когда фантазия придает картинам цвет и определенность. Однако я ошибался. Миниатюрную картину пустыни я видел на низменностях моей дорогой родины, чуть больший набросок - позднее, когда я в Персии прошел часть соленой пустыни (Деште-Кевир); но сколь иными были мои чувства здесь! Не воображение, как ложно полагают, а сама природа зажигает факел восхищения. Я иногда пытался смягчить мрачные краски пустыни, представляя себе вблизи города, деятельную жизнь, но напрасно; необозримые песчаные холмы, страшная мертвая тишина, желто-рыжий цвет солнца на восходе и закате, - все возвещало о том, что мы находимся в большой, возможно величайшей, пустыне земного шара.

Примечательно, что импозантный облик пустыни и самые обычные явления природы не оставляют равнодушным даже живущего там кочевника. Когда мы находились на высоком [84] плато Каflanкыр [Капланкыр], которое образует часть простирающегося на северо-восток Устюрта, горизонт очень часто украшали великолепнейшие миражи. Отражение воздуха в пустыне Средней Азии, в той горячей и все же ясной атмосфере, бесспорно, вызывает самый прекрасный оптический фокус, который можно только себе представить. Эти танцующие в воздухе города, замки и башни, эти картины больших караванов, сражающихся рыцарей и отдельных гигантских фигур, которые исчезают в одном месте и снова возникают в другом, всегда меня очаровывали. Мои спутники, особенно кочевники, смотрели на это с тихим благоговением. По их мнению, то были тени когда-то существовавших и погибших городов и людей, которые теперь в виде призраков томятся в определенное время дня в воздухе. Даже наш керванбаши утверждал, что он уже годами в определенных местах видел одни и те же фигуры и что мы также, если погибнем в пустыне, через положенное число лет будем прыгать и танцевать в воздухе над местом нашей гибели.

Эта столь часто встречающаяся у кочевников легенда об ушедшей цивилизации в пустыне недалеко от выдвинутого недавно в Европе взгляда, согласно которому пространства, называемые нами пустыней, превратились в таковые не столько под воздействием законов природы, сколько в результате социальных обстоятельств. В качестве примера приводят Сахару в Африке или великую Аравийскую пустыню, где недостает скорее прилежных рук, чем плодородной почвы. Что касается последних мест, может быть, утверждение и правильно, но оно неприменимо к пустыням Средней Азии. В отдельных точках, таких, как Мерв, Мангышлак, Гёрген и Отрар, возможно, в прошлые столетия также существовала культура, однако в целом среднеазиатская пустыня, насколько можно проследить в человеческой памяти, всегда была страшной пустыней. Расстояния в несколько дней пути без единой капли питьевой воды, покрытые глубоким, бездонным песком местности, часто простирающиеся на сотни миль, безудержная ярость стихии - все это препятствия такого рода, с которыми никоим образом не сравнятся ни искусство, ни наука, ни прочие духовные достижения разума. "Туркестан и его жителей, - сказал мне как-то раз один человек из Средней Азии, - бо-

создал во гневе, потому что до тех пор, пока не смягчится горько-соленый вкус источников в пустыне, туркестанцы не изгонят из своего сердца ненависть и злобу”.

Да, ненависть и злоба людей - вот что для путников в пустыне гораздо опаснее, чем ярость разбушевавшихся стихий! Палаящую жару, обжигающий песок, мучительную жажду, голод, усталость—все это можно было бы перенести, если бы только постоянная угроза нападения рыщущей банды разбойников или, что еще хуже, страх перед оковами вечного рабства не сковывали вечно душу. Что такое могила в море песка по сравнению с медленной, мучительной смертью в туркменском плену?

[85] Около полудня (22 мая) мы разбили лагерь у Ети Сири; это место названо так по семи колодцам, существовавшим здесь когда-то; в трех из них была очень соленая, дурно пахнущая вода, остальные полностью иссякли. Так как керванбаши выразил надежду, что к вечеру мы дойдем до дождевой воды, я не захотел обменять небольшой остаток в моем бурдюке, более похожий на глину, чем на воду, на горькую, противную жидкость из колодцев. Из них напоили верблюдов, некоторые из моих спутников также пили ее, и я подивился тому, как они соревновались в питье с четвероногими. Они смеялись над моими призывами к умеренности, позже, однако, очень раскаивались, что пренебрегли ими. После короткого привала мы снова пустились в путь и миновали выдающуюся среди песчаных холмов возвышенность, на которой стояли два пустых кеджеве. Мне было сказано, что путники, сидевшие в них, якобы погибли здесь в пустыне и что всякое место, служившее прежде укрытием человеку, почитается туркменами и их разрушение считается грехом. Странное поверье! Продавать людей и опустошать страны считается добродетелью, а деревянный короб почитается, потому что в нем когда-то сидел человек!

Пустыня и ее обитатели поистине странны и необычны, и читатель еще больше удивится, когда я ему расскажу, что нас ожидало в тот же вечер. Когда стало прохладнее, я спешил, чтобы в сопровождении керванбаши и других туркмен отыскать желанную дождевую воду. Все мы были вооружены, и каждый пошел в своем направлении. Я последовал за керванбаши. Не успели мы пройти 40 шагов, как он заметил на песке какие-то следы и, пораженный, воскликнул: “Здесь должны быть люди!” Мы зажгли фитили и дошли, ведомые становившимся все отчетливее следом, до входа в пещеру. Так как по отпечаткам в песке можно было сделать заключение, что мы имеем дело только с одним человеком, скоро мы проникли в пещеру, и я с неописуемым ужасом увидел полудикого человека с длинными волосами и бородой в одежде из шкуры газели, который вскочил на ноги, испугавшись не менее нас, и бросился нам навстречу с копьем наперевес. В то время как я с неизъяснимым нетерпением наблюдал всю сцену, в чертах моего спутника можно было заметить величайшее спокойствие; увидев полудикого человека, он опустил оружие и, тихо бормоча “аман бол”, т.е. “мир с тобой”, покинул ужасное место. “Это ганли (отягощенный пролитой кровью)”, - сказал керванбаши, прежде чем я отважился его спросить. Только позднее я узнал, что этот несчастный, скрываясь от неумолимой кровной мести, **(Кровная месть здесь отнюдь не преследуется религией, и в Этреке я был свидетелем, как сын в присутствии матери и супруги застрелил своего отца, потому что, как выяснилось, тот был виновен в смерти его отца, умершего восемь лет назад. Очень характерно, что люди, собравшиеся на похороны, утешали мать, а сына поздравляли с совершенным им святым делом.)** уже **[87]** многие годы блуждает в пустыне летом и зимой. Людей он не может и не должен видеть.

Опечаленный видом этого несчастного грешника, я забыл, что во время нашей экскурсии мы вместо пресной воды нашли только кровь; наши спутники тоже вернулись с пустыми руками, и при мысли, что сегодня вечером я выпью последние капли пресного ила, меня бросило в дрожь. О вода, драгоценнейший из всех элементов, думал я, почему я не ценил тебя ранее! Твою благодать расточают понапрасну; в моем отечестве ее даже боятся, а чего бы я не дал теперь за то, чтобы получить хотя бы 20 капель божественной жидкости!

Я съел только несколько кусочков хлеба, которые обмакнул в горячую воду, так как слышал, что она после кипячения теряет горький привкус. Я был готов к тому, чтобы вытерпеть все, пока мы не встретим немного дождевой воды, но меня пугало состояние моих спутников, которые все страдали страшной диареей. Нескольких туркмен, особенно керванбаши, подозревали в том, что они утаивают хорошую воду, но в пустыне посягательство на мех с водой считается посягательством на жизнь, и того, кто потребовал бы у другого воды взаймы или в подарок, объявили бы сумасшедшим. В тот вечер у меня не было больше ни малейшего желания проглотить даже малюсенький кусочек хлеба, и я испытывал большую усталость, потому что день был неописуемо жарким. Как только я растянулся без сил на земле, я увидел, что все стояли вокруг керванбаши; делали знаки и мне подойти с сосудом для воды. Слова “Вода! Вода!” придали мне силы, я вскочил и был восхищен, увидев, что керванбаши каждому из каравана давал примерно два стакана чистой пресной воды. Добрый туркмен рассказал нам, что уже много лет в пустыне у него вошло в привычку припрятывать порядочное количество воды, чтобы раздать ее в такое время, когда он знает, что вода желанна каждому; это великий севаб (благочестивое дело), потому что туркменская пословица гласит: “Капля воды, отданная жаждущему в пустыне, смывает грехи за 100 лет”.

Измерить степень этого благодеяния так же невозможно, как нельзя описать наслаждение, которое доставил глоток пресной воды. Я чувствовал, что вдоволь напился, и думал, что смогу выдержать еще три дня. С питьем мне повезло, а с хлебом дела были не так удачны. Из-за усталости и потери аппетита я сделался вялым и намеревался вместо древесного топлива, которое было далеко от нас, использовать верблюжий помет, наше обычное горючее. Но и его я собрал слишком мало. Я сунул тесто в горячую золу и через полчаса обнаружил, что жар недостаточен. Я поспешил за дровами, но, когда я их поджег, уже стемнело, и керванбаши крикнул мне, не собираюсь ли я выдать караван разбойникам. Мне пришлось погасить костер и взять с собой незаквашенный и полупропеченный хлеб.

На следующее утро (23 мая) мы оказались на станции **[88]** Коймат-Ата, где когда-то был колодец, теперь иссякший; впрочем, жалеть об этом особенно не приходилось, потому что вода в нем, как и в других колодцах в этой местности, была непригодна для питья. К несчастью, жара стала невыносимой, особенно в полуденные часы. Солнечные лучи часто прогревают сухой песок на фут в глубину, и почва становится настолько горячей, что даже самый дикий житель Средней Азии, всегда пренебрегающий какой бы то ни было обувью, здесь должен привязывать в стопе кусок кожи в виде сандалии. Неудивительно, что я скоро позабыл о вчерашней живительной влаге и снова ужасно страдал от жажды.

В полдень керванбаши объявил нам, что мы приближаемся к знаменитому месту паломничества - станции Кахраман-Ата и должны спешиться для исполнения священного долга и пройти четверть часа пешком к могиле святого. Можете себе представить мои страдания, когда я, обессиленный и измотанный жарой и жаждой, должен был сойти со своего сиденья и присоединиться к толпе паломников, чтобы добрую четверть часа идти до могилы, расположенной к тому же на холме, и с пересохшей глоткой выкрикивать вместе со всеми, как помешанный, телькины и цитаты из Корана. О жестокий святой, думал я, неужели ты не мог повелеть похоронить себя где-нибудь в другом месте, чтобы избавить меня от адской пытки посещения твоей могилы? Совсем бездыханный, я упал перед могилой в 30 футов длиной, которая была покрыта бараными рогами, что является признаком святости в Средней Азии, керванбаши рассказал нам, что покоящийся здесь великан был так же высок, (Люди Востока любят прославлять своих святых и за их рост. В Персии я видел много огромных могил; даже в самом Константинополе, на азиатском берегу Босфора, на так называемой горе Йошуа, существует длинная могила, которую турки чтят как могилу Йошуа библейского, а греки - как могилу Геракла.) сколь длинна его могила, и что он много лет тому назад защищал расположенные здесь колодцы от нападения злых духов, которые хотели забросать их камнями. Вокруг виднелось много маленьких могил, мест упокоения несчастных путешественников, которые погибли в разных уголках пустыни от рук разбойников или из-за стихии. Известие о колодцах, находившихся под покровительством святого, обрадовало меня, я надеялся отыскать питьевую воду и потому поспешил, чтобы первым достичь означенного места. Вскоре я увидел источник, похожий на коричневую лужу, и зачерпнул содержимое руками; ощущение было такое, как будто я схватил лед; я поднес жидкость к губам и - о муки! - не смог проглотить ни капли, настолько горькой, соленой и вонючей была ледяная вода! Моей ярости и отчаянию не было границ, и впервые я почувствовал серьезный страх за свою судьбу.

[89] VIII

Гроза. - Газели и дикие ослы. - Прибытие на плато Кафланкыр. - Старое русло Оксуса. - Дружественный лагерь. - Приближение всадников. - Газават. - Въезд в Хиву. - Злобные нападки афганца. - Встреча с ханом. - Автора просят показать образец турецкой каллиграфии. - Почетные одежды в награду за головы врагов. - Казнь пленных. - Особый вид казни женщин. - Кунград. - Последнее благословение автора хану.

Гроза, которая уже несколько часов была слышна вдали и приблизилась в полночь, ниспослала нам несколько тяжелых капель и была вестником, уведомлявшим о близком конце наших мучений. К утру (24 мая) мы достигли самого края песков, через которые мы пробирались три дня, и были убеждены, что встретим на глинистой почве нашего сегодняшнего пути дождевую воду. Керванбаши между тем по следам газелей и диких ослов заранее нашел подтверждение нашей надежде, но, скрыв это, поспешил вперед, и ему действительно посчастливилось своим соколиным глазом первому отыскать маленькое озеро дождевой воды и указать на него каравану. “Су! Су!” (“Вода! Вода!”) - вскричали все от радости, и, еще не испив, многие, и я в том числе, утолили жажду одной лишь надеждой и успокоились. В полуденный час мы прибыли на место, где позднее кроме виденных издали обнаружили несколько других ям, полных самой что ни на есть пресной дождевой воды. Я был одним из первых, кто ринулся туда с бурдюком и всевозможными посудинами, - не для того, чтобы напиться, а чтобы набрать воды, прежде чем ее замутит толпа и она превратится в ил. Через полчаса все с величайшим блаженством сидели за завтраком, и трудно, почти невозможно описать нашу радость. От этой станции, именуемой Дели-Ата, до Хивы мы беспрерывно наполняли наши бурдюки пресной водой, и с этих пор наше путешествие в пустыне можно назвать если не приятным, то по крайней мере спокойным. Вечером мы прибыли на место, где царил настоящая весна. Мы раскинули лагерь между бесчисленными маленькими озерами, окруженными прекраснейшей гирляндой лугов, и наше вчерашнее положение казалось мне сном. Для полной радости нам сообщили, что большая опасность нападений уже тоже миновала, только по вечерам мы еще должны воздерживаться от разведения костров. Нет нужды упоминать, что сыны пустыни приписывали это неожиданное изобилие воды единственно нашему набожному характеру хаджи. Здесь мы наполнили бурдюки и в хорошем расположении духа продолжили свой путь.

В этот вечер мы достигли глубокого рва, которого так нетерпеливо ожидали; на противоположной его стороне лежит плато Кафланкыр (Тигровое поле), и отсюда начинается [90] территория Хивинского ханства. Подъем на возвышавшийся почти на 300 футов край плато был весьма утомителен как для людей, так и для животных; таким же крутым и высоким, как я слышал, был и северный край плато. Все оно представляет собой странную картину: покуда хватает глаз, место, на котором мы находимся, кажется островом, поднимающимся из песчаного моря. Границы глубокого рва здесь, как и на его северо-восточном крае, которого мы достигли за два дня (25 и 26 мая), недоступны взору. Если верить словам туркмен, то оба рва - это старые русла Оксуса, сам же Кафланкыр прежде был островом, окруженным со всех сторон упомянутыми рвами. Несомненно, во всяком случае, что эта полоса земли очень отличается от остальной пустыни как по составу почвы и богатству флоры, так и по изобилию животных, которые тут водятся. До сих пор газели и дикие олени встречались нам только поодиночке, но как же я удивился, увидев здесь их сотни, пасущиеся большими стадами. Кажется, на второй день нашего пребывания на Кафланкыре мы в полдень увидели поднимающееся на севере огромное облако пыли. Керванбаши и туркмены схватились за оружие, и наше нетерпение возрастало по мере того, как облако пыли приближалось. Наконец стало заметно, что все в целом походит на выстроившийся для атаки эскадрон. Тогда наши сопровождающие опустили ружья. Я не смел выдать своего любопытства, которое на Востоке считается пороком, но нетерпение мое не знало границ. Облако пыли все больше приближалось к нам, и, когда оно было примерно шагах в пятидесяти, до нас долетел звук, как будто тысяча хорошо обученных кавалеристов остановилась по команде. Мы увидели бесчисленное множество диких ослов, сильных и здоровых на вид животных, которые остановились сомкнутым строем и несколько мгновений глазели на нас с величайшим вниманием; когда же они обнаружили, что мы - существа совсем иного рода, они сорвались с места и стрелой умчались на запад.

Если смотреть со стороны Хивы, то возвышенность Кафланкыр похожа на настоящую стену - так ровен ее край и так гладок, словно вода отступила только вчера. Отсюда мы проделали всего день пути и утром 28 мая дошли до озера, называемого Шоргель (Соленое озеро), которое имеет форму прямоугольника размером 12 английских миль по периметру. Здесь было решено сделать шестичасовой привал, чтобы каждый мог совершить уже давно необходимый гусл, предписываемый религией, тем более что как раз в этот день был иди курбан, один из самых почитаемых праздников ислама. Мои спутники открыли по такому случаю свои мешки, у каждого была рубашка на смену, только у меня не было. Хаджи Билал хотел одолжить мне свою, но я отказался, так как был убежден, что чем беднее мой вид, тем это безопаснее для меня. Я не мог удержаться от смеха, когда здесь впервые посмотрелся в зеркало и увидел свое лицо, покрытое коркой пыли и песка в палец толщиной. Были такие места [91] в пустыне, где я мог бы, пожалуй, вымыться, но намеренно не делал этого, полагая, что корка уберезет меня от палящего солнца. Это мне, конечно, удалось в малой степени, и много следов путешествия останется у меня как памятный знак на всю жизнь. Впрочем, не только меня, но и всех моих спутников обезобразил установленный пророком вместо омовения в безводной пустыне обряд тейемюн⁵¹, по которому правоверные должны мыться песком и пылью, и от этого они становятся еще грязнее. Окончив туалет, я заметил, что мои друзья теперь выглядели господами по сравнению со мной. Они пожалели меня и предложили кое-что из одежды, но я поблагодарил, сказав, что хочу подождать, пока хивинский хан оденет меня.

Наш путь четыре часа пролегал по сухому лесу, называемому здесь йильгин⁵², где мы встретили одного узбека, ехавшего из Хивы и сообщившего новости о тамошних делах. Встреча с этим всадником нас радостно поразила, но это было ничто по сравнению с моими чувствами, когда после полудня я увидел несколько покинутых глинобитных хижин, так как не то что домов, а даже и стен я не видал от Каратепе (граница Персии). Эти хижины, еще несколько лет назад обитаемые, причислялись к простирающемуся на восток Медемину. Под этим названием подразумевается полоса земли Хивинского ханства, которая простирается до южного края Великой пустыни, именуемой у нас Гирканской. Эта область начала осваиваться и обрабатываться только 15 лет назад офицером по имени Мухаммед Эмин, откуда и происходит слово Медемин, представляющее собой сокращение от его имени. Со времен последней войны эта местность снова обезлюдела и стала пустынной; и так происходит со многими местностями в Туркестане, как мы не раз увидим позднее.

Сегодня (29 мая) ранним утром я заметил, что мы сменили северо-восточное направление, в котором находится Хива, на северное; я стал спрашивать и узнал, что мы делаем крик ради безопасности. Встреченный нами вчера узбек предупредил, чтобы мы были начеку, так как човдуры открыто выступили против хана и их аламанщики часто нападали на эти пограничные места. В тот вечер мы шли, принимая еще некоторые меры предосторожности, и не было людей счастливее нас, когда на следующее утро мы увидели справа и слева группы юрт и везде, где мы проходили, слышали дружеское «Аман гельдиниз!» («С благополучным прибытием!»). Так как у нашего Ильяса в лагере были друзья, он пошел за теплым хлебом и другими дарами курбана (праздничными дарами). Он вернулся изрядно нагруженный и разделил между нами мясо, хлеб и кумыс (кислый, острый напиток из кобыльего молока). Не прошло и часа, как возле нас собралось много богобоязненных кочевников, чтобы удостоиться нашего рукопожатия и таким образом совершить благочестивый поступок. Благословение здесь было прибыльным делом, потому что за четыре или пять [92] благословений я получил порядочно хлеба и несколько кусков верблюжьего мяса, конины и баранины.

Мы перешли через множество ябов (искусственные оросительные каналы) и в полдень добрались до пустой цитадели под названием Ханабат, чья квадратная высокая стена виднелась на расстоянии 3 миль. Здесь мы провели весь день и вечер; солнце жгло, и было очень приятно дремать в тени стены, хотя я лежал на голой земле, с камнем под головой вместо подушки. Мы выехали из Ханабата, который находится в 25 милях от Хивы, еще до рассвета и были очень удивлены, не увидев на всем нашем пути (30 мая) ни одной юрты; вечером мы даже очутились между двух высоких песчаных холмов, так что я подумал, что опять попал в пустыню. Мы как раз сидели за чаем, когда выпущенные пастись на луг верблюды забегали как бешеные. Не успели мы еще и подумать, что их кто-то преследует, как показались пять всадников, спешивших галопом к нашему лагерю. Сменить пиалы на ружья и выстроиться в цепь для стрельбы было секундным делом. Всадники между тем медленно приближались, и вскоре туркмены по поступи коней заключили, что мы, к счастью, ошиблись и вместо врагов приобрели дружескую охрану.

На следующее утро (31 мая) мы прибыли в узбекскую деревню, которая относится к каналу Ак-Яб: здесь кончается пустыня между Гёмюштепе и Хивой. Жители названной деревни, первые узбеки, которых мне довелось увидеть, были очень хорошими людьми. По здешнему обычаю мы обошли дома и собрали хорошее подаяние чтением первой суры Корана («Фатиха»). Спустя долгое время тут я снова увидел некоторые вещи с дорогого мне Запада, и сердце мое сильнее забилось от радости. Мы еще сегодня могли бы доехать до дома нашего Ильяса, так как здесь уже начинается населенная хивинскими йомутами деревня под названием Ак-Яб, но наш друг был несколько честолюбив и не хотел, чтобы мы явились незваными гостями; поэтому мы переночевали в двух часах пути от его жилья, у его богатого дяди Аллахнастр-бая, (**Бай или бий, в Турции бей, означает «благородный господин»⁵³**.) который принял нас с особой приветливостью. Тем временем Ильяс сумел известить свою жену о нашем прибытии, и на следующее утро (1 июня) мы торжественно въехали к нему в деревню, причем навстречу нам спешили с приветствием его бесчисленные близкие и дальние родственники. Он предложил мне для жилья премиленькую кибитку, но я предпочел его сад, потому что там росли деревья, чьей тени жаждала моя душа. Давно уже я их не видел!

Во время моего двухдневного пребывания среди наполовину цивилизованных, т. е. наполовину оседлых, туркмен больше всего меня поразило, какое отвращение питают эти кочевники ко всему, что именуется «дом» или «правительство». Несмотря на [93] то что они уже несколько столетий живут рядом с узбеками, они ненавидят их традиции и обычаи, избегают общения с ними, и, хотя родственны по происхождению и языку, узбек в их глазах такой же чужак, как для нас готтентот.

Немного отдохнув, мы продолжили путь к столице. Мы миновали Газават, где как раз была еженедельная ярмарка, и нашему взору впервые предстала жизнь хивинцев; переночевали мы на лугу перед Шейхлар Калеси, где я познакомился с самыми большими и с самыми нахальными комарами в моей жизни. Всю ночь они мучали верблюдов

и путников, и я был не в самом лучшем настроении, когда утром, после того как провел ночь, не сомкнув глаз, садился на своего верблюда. По счастью, муки бессонницы вскоре были забыты под впечатлением прекраснейшей весенней природы, которая при приближении к Хиве становилась все пышнее. Раньше я думал, что Хива показалась мне такой прекрасной по контрасту с пустыней, чей страшный образ еще стоял у меня перед глазами. Но даже сегодня, после того как я вновь увидел прелестнейшие уголки Европы, я по-прежнему нахожу прекрасными окрестности Хивы с ее маленькими, похожими на замки, ховли, (Ховли, т.е. буквально «луч», здесь употребляется в значении нашего слова «двор»). В ховли находятся юрты, конюшни, хранилища для фруктов и другие помещения, относящиеся к жилью узбека (сельского жителя)⁵⁴.) затененными высокими тополями, с ее красивыми лугами и полями. Если бы поэты Востока настраивали свои лиры здесь, то они бы нашли более достойный материал, чем в ужасно пустынной Персии.

И сама столица Хива, высящаяся среди этих садов, с куполами и башнями, производит издали весьма приятное впечатление. Характерно, что узкая полоса Мервской Великой песчаной пустыни находится в получасе ходьбы от города, еще раз подчеркивая резкий контраст между жизнью и смертью. Этот песчаный язык известен под названием Тюесичти, и, когда мы были уже у городских ворот, мы еще видели песчаные холмы.

Какие чувства я испытывал 3 июня у ворот Хивы, читатель может себе представить, когда подумает об опасности, которой я подвергался из-за любого подозрения, вызванного европейскими чертами моего лица, сразу бросившимися в глаза. Я очень хорошо знал, что хивинский хан, чью жестокость не одобряли даже татары, при таком подозрении поступил бы намного строже, чем туркмены. Я слышал, что хан всех подозрительных чужеземцев отдавал в рабство, что он совсем недавно проделал это с одним индусом якобы княжеского происхождения, и тому отныне суждено наравне с другими рабами таскать повозки с пушками. В глубине души я был взволнован, но мне совсем не было страшно. Я был закален постоянной опасностью; смерть, которая легко могла стать следствием моих приключений, уже три месяца маячила у меня перед глазами, и, вместо того чтобы дрожать, я даже в самые трудные моменты думал о том, как [94] обмануть бдительность суверенного тирана. По дороге я собрал точные сведения обо всех знатных хивинцах, живших в Константинополе. Чаще всего мне называли некоего Шюкрулла-бая, который в течение 10 лет был посланником при дворе султана. Я тоже смутно припоминал, что много раз видел его в доме Али-паши, теперешнего министра иностранных дел. Этот Шюкрулла-бай, думал я, знает Стамбул и его язык, дела и нравы; и хочет он того или нет, я должен навязать ему мое прошлое знакомство с ним, а так как в роли стамбульца я могу обмануть даже самих стамбульцев, бывший посол хивинского хана не сможет меня разоблачить и должен будет служить моим интересам.

У ворот нас уже ожидали несколько хивинцев, протянувших нам хлеб и сухие фрукты. Уже много лет в Хиву не прибывало такой большой группы хаджи, все глядели на нас с удивлением, и возгласы “Аман эсен гельдиниз!” (“С благополучным прибытием!”), “Йа Шахбазим! Йа Арсланим!” (“О мой сокол! О мой лев!”) неслись к нам со всех сторон. При въезде на базар Хаджи Билал затянул телькин, напряг свой голос и я; он звучал громче всех, и я был искренне тронут, когда люди целовали мне руки и ноги, даже свисающие лохмотья моей одежды с таким благоговением, словно я настоящий святой и только что сошел с небес. По здешнему обычаю мы остановились в караван-сараях, который служил одновременно и таможенной, где прибывшие люди и грузы подвергались строгому осмотру, причем, конечно, сведения, сообщаемые предводителем каравана, значили больше всего. Должность главного таможенника в Хиве занимает первый мехрем (своего рода камергер и доверенное лицо хана); не успел он задать нашему керванбаши обычные вопросы, как афганец пробрался вперед и громко крикнул: “Мы привели в Хиву трех интересных четвероногих и одного не менее интересного двуногого”. Первый намек относился к еще не виданному в Хиве буйволу, а так как второй указывал на меня, то неудивительно, что множество глаз тут же обратилось в мою сторону, и вскоре я расслышал произнесенные шепотом слова: “Джансиз (Исковерканное арабское слово “джасус”) (шпион), френги и урус (русский)”. Я сделал усилие, чтобы не покраснеть, и уже намеревался выйти из толпы, как меня остановил мехрем и в крайне невежливом выражении высказал намерение допросить меня. Только я собрался ответить, как Хиджи Салих, чей вид внушал почтение, подошел к нам и, не зная о случившемся, представил меня допрашивающему в самых лестных выражениях, так что тот, крайне озадаченный, улыбнулся мне и хотел усадить рядом с собой. Хотя Хаджи Салих делал мне знак последовать приглашению, я принял очень обиженный вид, бросил гневный взгляд на мехрема и удалился.

Мой первый визит был к Шюкрулла-баю, который, не неся [95] никаких обязанностей, занимал тогда келью в медресе Мухаммед Эмин-хана, самом красивом здании Хивы. Я приказал доложить ему обо мне как о прибывшем из Стамбула эфенди, заметив, что я познакомился с ним еще там и теперь, проездом, желал бы засвидетельствовать ему свое почтение. Приезд в Хиву эфенди - небывалый случай - вызвал изумление старого господина, поэтому он сам вышел мне навстречу и был очень удивлен, увидев перед собой страшно обезображенного нищего в лохмотьях. Несмотря на это, он пригласил меня войти; едва я обменялся с ним несколькими словами на стамбульском диалекте, как он со все возрастающим жаром стал расспрашивать о своих бесчисленных друзьях в турецкой столице и о положении Османской империи при новом султана. Как было сказано, я чувствовал себя в новой роли весьма уверенно; Шюкрулла-бай был, с одной стороны, вне себя от радости, когда я ему точно рассказал о его тамошних знакомых, с другой стороны, он был крайне удивлен и сказал мне: “Но, бога ради, эфенди, что заставило тебя прийти в эти страшные страны, да еще из Стамбула, этого земного рая?” Я отвечал с глубоким вздохом: “Йа пир!” (“О пир!”, т.е. священный владыка), положив руку на глаза, что является знаком должного послушания, и добрый старик, хорошо образованный мусульманин, смог легко догадаться, что я принадлежу к некоему ордену дервишей и послан моим пиром в путешествие, которое обязан совершить каждый мюрид (послушник ордена дервишей). Это объяснение доставило ему радость, он спросил только о названии ордена, и, когда я назвал ему Накшбенди, он уже знал, что целью моего путешествия была Бухара. Он хотел тотчас же приказать, чтобы мне отвели жилье в упомянутом медресе, но я отказался, сославшись на моих спутников, и удалился, пообещав навестить его вскоре снова.

Когда я возвратился в караван-сарай, мне сказали, что мои спутники уже нашли пристанище в текке, своего рода монастыре и приюте для странствующих дервишей, под названием Тёрт Шахбаз. (Название происходит от Тёрт Шахбаз,

что означает “четыре сокола” (или “четыре героя”), как называют четырех правителей, чьи могилы находятся здесь; они были основателями святой обители.) Я пошел туда, и оказалось, что для меня также приготовлена келья. Не успел я появиться среди моих добрых друзей, как все стали расспрашивать, где я пропал, и выразили сожаление, что я не присутствовал при том, когда несчастный афганец, который хотел меня скомпрометировать, вынужден был бежать, преследуемый проклятиями и руганью не только их самих, но и хивинцев. Очень хорошо, подумал я, что исчезло подозрение у народа; с ханом я могу легко справиться, потому что Шюкрулла-бай наверняка расскажет ему о моем прибытии, и, так как правители Хивы всегда выказывали величайшее уважение султану, нынешний властелин определенно попытается приблизить к себе эфенди; вполне возможно, что меня, первого [96] константинопольца, прибывшего в Хорезм, будут принимать даже с почетом.

Предчувствие не обмануло меня. На следующий день ко мне пришел ясаул (дворцовый офицер); он вручил мне маленький подарок хана и передал приказание явиться сегодня вечером в арк (дворец) и благословить хана чтением первой суры Корана. так как хазрет (титул правителей в Средней Азии, соответствующий нашему “величество”) непременно хочет получить благословение от дервиша родом из святой земли. Я обещал явиться и за час до срока отправился к Шюкрулла-баю, желающему присутствовать на аудиенции; он дошел со мною до расположенного неподалеку дворца правителя и по дороге дал мне несколько кратких указаний относительно ритуала, который я должен соблюдать в присутствии хана. Он рассказал мне также о своих натянутых отношениях с мехтером (своего рода министром внутренних дел), который боялся его как соперника и пытался ему во всем вредить; возможно, и меня во время представления он встретит не лучшим образом. Так как кушбеги (первый министр) и старший брат правителя были в походе против човдугов, мехтер временно был первым лицом у хана. Как того требовал обычай, мне было необходимо сначала представиться ему, тем более что он расположил свою канцелярию под навесом в переднем дворе у ворот, ведущих прямо к хану. Поскольку именно в этот час почти каждый день давался арз, т.е. публичная аудиенция, главный вход, а также все комнаты ханской резиденции, через которые мы проходили, были заполнены просителями разного состояния, пола и возраста, явившимися на аудиенцию в обычной домашней одежде, многие женщины были даже с детьми на руках; тут никого не записывают, и первым пропустят того, кому удастся протиснуться вперед. Толпа везде нам уступала дорогу, и я был чрезвычайно рад, когда женщины, показывая на меня пальцем, говорили друг другу: “Смотри, вот дервиш из Константинополя, он даст сейчас благословение нашему хану; да услышит бог его слова!”

Я нашел мехтера. как мне и объяснили, под навесом, окруженного своими чиновниками, сопровождавшими каждое его слово одобрительной улыбкой. По его смуглому лицу и по длинной, до груди, густой бороде было видно, что он - сарт, т.е. персидского происхождения⁵⁵. Его неуклюжий наряд, особенно большая меховая шапка, очень подходили к его грубым чертам лица. Увидев меня, он сказал, улыбаясь, что-то своему окружению. Я подошел прямо к нему, приветствовал его с серьезным лицом и занял почетное место в этом обществе, как и полагается дервишам. Произнеся обычные молитвы, после чего все, сказав “амин”, погладили бороды, я обменялся с мехтером обычными словами вежливости. Желая показать свое остроумие, министр заметил, что в Константинополе даже дервиши имеют хорошее образование и говорят по-арабски (хотя я говорил только на стамбульском диалекте). Он сказал мне далее, что хазрет (тут все [97] поднялись со своих мест) желает меня видеть и что ему будет приятно, если я принесу ему несколько строк от султана или от его посланников в Тегеране. На это я ответил, что причиной моего путешествия были не мирские намерения, что я ни от кого ничего не желаю и только ради безопасности ношу с собой фирман с тугрой (печатью султана). С этими словами я вручил ему мой печатный паспорт; благоговейно поцеловав названный знак верховной власти и потеряв его о лоб, он поднялся, чтобы передать паспорт хану; вскоре после этого он вернулся и приказал мне войти в зал для аудиенций.

Шюкрулла-бай вошел первым, я должен был подождать немного, пока делались необходимые приготовления, так как, хотя обо мне объявили как о дервише, мой покровитель не преминул отметить, что я знаком со всеми знатными пашами в Константинополе и посему желательно произвести на меня как можно более благоприятное впечатление. Через несколько минут два ясаула почтительно взяли меня под руки, полог поднялся, и я увидел перед собой Сейид Мухаммед-хана падишаха Хорезмского, или, говоря проще, хивинского хана. Он сидел на ступенчатом возвышении, опираясь левой рукой на круглую, крытую шелком и бархатом подушку, а правой держа короткий золотой скипетр. Согласно предписанному церемониалу, я поднял руки, что сделали также хан и все присутствующие, затем прочел маленькую суру Корана, потом два раза “Аллахуму селла”⁵⁶ и обычную молитву, начинающуюся с “Аллахуму раббена”, и заключил громким “амин” и поглаживанием бороды. В то время как хан еще держался за бороду, все воскликнули: “Кабул болгай!” (“Да будет услышана твоя молитва!”). Я приблизился к повелителю, и он протянул мне руки. После мусафахи (Мусафаха - предписываемое Кораном рукопожатие.) я отступил на несколько шагов назад, и церемониал завершился. Тогда хан стал расспрашивать меня о цели моего путешествия, о впечатлении, которое произвели на меня пустыни Туркмении и Хивы. Я отвечал, что много выстрадал, но теперь мои страдания щедро вознаграждены созерцанием джемал мубарек (благословенной красоты) хазрета, я благодарен Аллаху, что удостоился этого высокого счастья, и склонен видеть в этой особой милости кисмета (судьбы) хорошее предзнаменование для моего дальнейшего путешествия. Хотя я старался употреблять узбекский язык вместо непонятого здесь стамбульского диалекта, государь велел себе кое-что перевести. Далее он спросил меня, как долго я думаю здесь пробыть и есть ли у меня средства, необходимые для путешествия. Я ответил, что сначала посетю всех святых, покоящихся в благословенной земле ханства, а затем отправлюсь дальше; относительно моих средств я сказал, что мы, дервиши, не затрудняем себя такими земными мелочами. Нефес (святой дух), данный мне моим пиром (главным лицом ордена) в дорогу, может поддерживать меня 4-5 дней безо [98] всякой пищи, и единственное мое желание - чтобы господь бог даровал прожить его величеству 120 лет.

Мои слова, кажется, понравились, потому что их королевское высочество соизволили подарить мне 20 дукатов и крепкого осла. От первого дара я отказался, заметив, что у нас, дервишей, считается грехом обладать деньгами, но поблагодарил за другой знак высочайшей милости и позволил себе напомнить о священном законе, разрешающем паломникам иметь для путешествия белого осла, какового выпросил себе и я. Я уже хотел удалиться, когда хан

пригласил меня быть его гостем хотя бы на время моего краткого пребывания в столице и каждый день брать на пропитание две тенге [танга] (около 1 франка 50 сантимов) у его хазнадара⁵⁷. Я сердечно поблагодарил, произнес последнее благословение и удалился. Когда я спешил домой через оживленную толпу, заполнявшую ханские дворы и базар, все приветствовали меня почтительным “Салам алейкум”. Только оказавшись в стенах моей кельи, я вздохнул свободно, будучи немало доволен тем, что хан, с виду такой ужасный и распутный, каждая черточка в лице которого выдавала слабого, глупого и дикого тирана, был против обыкновения добр ко мне и что я могу беспрепятственно, насколько позволит мне время, разъезжать по ханству. Весь вечер у меня перед глазами стояло лицо хана с глубоко запавшими глазами, с жидкой бородачкой, бледными губами и дрожащим голосом. Какое счастье для человечества, часто повторял я себе, что темное суеверие ограничивает власть и кровожадность таких тиранов.

Намереваясь совершить дальние поездки в глубь ханства, я хотел по возможности сократить время пребывания в столице; самое достопримечательное можно было осмотреть довольно быстро, если бы повторные приглашения хана, чиновников и купеческой знати не отнимали у меня много времени. Прослышав, что мне оказана милость ханом, каждый хотел видеть меня своим гостем в обществе всех хаджи, и для меня было мучением принимать шесть-восемь приглашений в день и по обычаю угощаться чем-либо в каждом доме. У меня волосы встают дыбом при воспоминании, как часто я в три-четыре часа утра, до восхода солнца, должен был сидеть перед огромной миской риса, плавающего в курдючном жире, и есть его на голодный желудок. Как тосковал я тогда по сухому, пресному хлебу в пустыне и как охотно променял бы эту убийственную роскошь на целительную бедность. В Средней Азии есть обычай при любом, даже самом простом визите расстилать дастурхон (чаще всего грязная пестрая скатерть из грубого полотна, на которой помещается хлеб для двух человек), и гость должен немного поесть. “Не могу больше есть” - выражение для жителя Средней Азии невероятное, свидетельство невоспитанности. Мои коллеги-хаджи всегда являли блестящие доказательства своего хорошего воспитания, и я удивляюсь, что они не лопнули от тяжелого плова, так как однажды я подсчитал, что каждый из них съел по фунту [99] курдючного жира и по четыре фунта риса (не считая хлеба, моркови, брюквы и редьки) и сверх того выпил, без преувеличения, 15-20 больших пиал зеленого чая. В подобных подвигах я, конечно, отставал, и все удивлялись, что я, несмотря на свою книжную ученость, получил только половинное образование.

Не меньше мучили меня ученые мужи, а именно улемы города Хивы. Эти господа, всему на свете предпочитавшие Турцию и Константинополь, хотели от меня, как главного представителя турецко-исламской учености, услышать разъяснения многих меселе (религиозных вопросов). Упрямые узбеки в своих огромных тюрбанах вгоняли меня в пот, когда начинали беседу о предписаниях, как надо мыть руки, ноги, лоб и затылок, как по заповедям религии надо сидеть, ходить, лежать, спать и т.д. Султан (как признанный преемник Мухаммеда) и его приближенные считаются в Хиве образцом в исполнении всех этих важных законов. Его величество султана Турции представляли здесь мусульманином, носящим тюрбан по крайней мере в 50 локтей, с бородой по грудь, с одеждами, доходящими до пят. И я рисковал бы жизнью, рассказав, что он подстриг волосы и бороду a la Fiesco, что его платье заказывается у Дюзетуга в Париже. Мне действительно было жаль, что я не мог дать достаточных разъяснений этим добрым и любезным людям, да и как бы я осмелился на что-либо подобное при такой резкой противоположности наших воззрений! По прибытии в Бухару мы подробнее займемся этим предметом, здесь мы затронули его лишь постольку, поскольку это было первым соприкосновением с интересным вопросом о различиях между восточной и западной исламской цивилизациями.

Так как Тёшебаз, приютивший нас, благодаря своему большому бассейну и мечети считался общественным местом, двор всегда кишел посетителями обоих полов. Узбеки носят конусообразные меховые шапки, большие, неуклюжие сапоги из юфти и при этом летом расхаживают лишь в одной длинной рубахе. Позже я тоже надел эту одежду, так как не считается неприличным, пока рубаха еще не утратила белизны, появляться в ней даже на базаре. Женщинам, в их длинных конусообразных тюрбанах, состоящих из 15-20 русских платков, несмотря на гнетущую жару закутаным в платья из плотной ткани, обутым в неуклюжие сапоги, приходится таскать домой тяжелые кувшины с водой. Иногда некоторые останавливались у моих дверей и просили немного хаки шифа (целительной земли (Ее приносят с собой паломники из Медины, из дома, где, как утверждают, жил пророк; она используется правверными как лекарство против всех болезней.)) или нефес (святого дыхания), жалуясь на свои действительные или воображаемые недуги. Я не мог отказать этим бедным созданиям, многие из которых имели поразительное сходство с дочерьми Германии, в их просьбе; они сажались перед моей дверью на корточки, и я ощупывал, шевеля губами, как бы молясь, большое [100] место на теле и трижды сильно дул на него; после этого раздавался глубокий вздох, и некоторые утверждали, что сразу, в ту же секунду, чувствовали облегчение.

Дворы мечетей в Хиве - это то же самое, что для бездельников в Европе кафе; в большинстве их есть большой бассейн, расположенный в тени прекраснейших платанов и вязов. Хотя стояло начало июня, жара здесь была неимоверно гнетущей, но, несмотря на это, я вынужден был сидеть в своей келье без окон, потому что стоило мне отправиться в манящую тень, как меня сразу же окружали толпы народа, донимая глупейшими вопросами. Один хотел брать уроки религии, другой спрашивал, есть ли места еще более прекрасные, чем Хива, а третий хотел раз и навсегда доподлинно узнать, действительно ли великий султан получает ежедневный обед и ужин из Мекки и их доставляют от Каабы во дворец в Константинополе за одну минуту. Если бы добрые узбеки знали, сколько шатолафита и марго украшало великолепный стол во времена Абдул Меджида!

Из знакомств, завязанных мною здесь, под платанами, для меня было интересным знакомство с Хаджи Исмаилом, которого мне представили как константинопольца и который по языку, жестам и одежде, несмотря на свое узбекское происхождение, был так похож на жителя Константинополя, что я нежно обнял его как своего соотечественника. Действительно, Хаджи Исмаил провел 25 лет в турецкой столице, бывал во многих знатных домах и утверждал, что иногда видел меня в доме NN, он даже, казалось, припоминал моего отца, якобы бывшего муллой в Топхане. (Квартал Константинополя.) Я остерегался уличать его во лжи, напротив, заверял, что он в Стамбуле оставил по себе хорошую славу и что все с нетерпением ждут его возвращения. Как рассказал мне сам Хаджи Исмаил, на берегах Босфора он исполнял обязанности воспитателя, банщика, шорника, каллиграфа, химика, а значит, поэтому и

колдуна. В родном городе его очень уважали, особенно за его последнее ремесло. У него дома было несколько маленьких дистилляторов, и, так как он из листьев, плодов и другого сырья выжимал масло, легко понять, что его соотечественники требовали у него сотни разных эликсиров. Маджун (декокт) против импотенции - излюбленные лекарства в Турции и Персии - в большом почете и здесь. Хаджи Исмаил долгое время служил своим искусством хану, но его величество не соблюдал предписанной диеты по той простой причине, что не мог противиться стрелам Купидона. Вскоре наступили естественные последствия: атония и подагра. Хан разгневался на придворного лекаря, прогнал его, а на его место поставил матрону, широко известную своим чудесным врачеванием.

У доброй дамы возникла счастливая идея назначить больному правителю 500 доз того лекарства, которое, как говорят, оказало целебное действие на знаменитого царя – псалмопевца [101] древней истории. Изготовить подобный рецепт в Европе было бы затруднительно, но по законам хивинцев это было легко, и несчастный пациент уже принял 50-60 таких пилюль, когда заметил, что действие их совершенно обратно ожидаемому. Злосчастная советчица поплатилась головой. Это случилось незадолго до нашего приезда, и последним врачебным предписанием было молоко буйволиц, о котором мы уже говорили. Во время моего пребывания в Хиве хан снова хотел утвердить Хаджи Исмаила в должности колдуна, врача и изготовителя порошков, но тот отказался, - смелость, которая стоила бы ему головы, если бы суеверный повелитель отважился посягнуть на чудотворца.

Так как мы только что говорили о личности его хивинского величества, здесь будет уместно остановиться на его будничной жизни и его монаршем хозяйстве. Пусть читатель не ждет описания восточной роскоши и сверкающего богатства, так как свита и лакеи - единственные знаки отличия повелителя. Поговорим немного о них. Во главе всего хозяйства стоит дестурхончи (буквально “расстилающий скатерть”), чьим непосредственным делом является присмотр за царским столом. Он присутствует при трапезе в полном вооружении и в парадном костюме и, кроме того, приглядывает за всеми остальными слугами. За ним идет мехрем, своего рода *valet de chambre in officio*⁵⁸, но в действительности он больше чем тайный советник, так как вникает не только в домашние, но и в государственные дела и, исполняя свои основные обязанности, оказывает громаднейшее влияние на своего царственного повелителя. Далее следуют остальные слуги, у каждого - своя определенная должность. Ошпаз, повар, приготавливает кушанья, в то время как ошмехтер их вносит. Шербетчи должен, кроме всего, быть сведущим в приготовлении некоторых эликсиров из чудодейственных декоктов. Пайске доверен чилим (кальян), который во дворце изготовлен из золота или серебра и каждый раз, когда им пользуются, должен наполняться свежей водой. При других дворах Средней Азии этой должности нет, так как табак строго запрещен законом. Будуара у его татарского величества, правда, нет, но его туалетом занимаются несколько слуг. В то время как шилаптчи, стоя на коленях, держит таз, кумганчи (державший кувшин) льет воду из серебряного или золотого сосуда, а румалчи стоит наготове, чтобы подать своему хану удерживаемое кончиками пальцев полотенце, как только первые двое отступят в сторону. У хана есть специальный сартарош (парикмахер), у которого должны быть достаточно проворные пальцы и ловкие руки, чтобы массировать череп - это любят везде на Востоке; кроме того, у хана есть тернакчи, или обрезающий ногти, ходимчи, который растирает спину его величеству или же, стоя на нем на коленях, до хруста массирует ему ноги и руки, если хан ради отдыха после долгого труда захочет, чтобы ему размяли конечности. Наконец, есть еще тешекчи, постельничий, в чью [102] обязанность входит расстилать на ночь легкие кошмы или матрацы. Роскошная сбруя и оружие хранятся под надзором хазначи (казначей), который при официальных выездах находится вблизи повелителя. Во главе свиты шествует джигачи - тот, кто несет бунчук⁵⁹.

Одежда и еда государя очень мало отличаются от тех, которые можно найти в домах богатых купцов или знатных чиновников. Хан носит такую же тяжелую баранью шапку, такие же неуклюжие сапоги с холщовыми портянками в несколько локтей длины, такие же ситцевые или шелковые халаты на вате, как и его подданные; он так же страшно потеет в этом сибирском наряде при гнетущей июльской жаре, как и они. В целом участь правителя Хорезма столь же мало завидна, сколь и остальных восточных правителей, пожалуй, я бы даже сказал, она еще печальнее. В стране, где в порядке вещей грабеж и убийство, анархия и беззаконие, личность правителя из-за панического страха внушает что угодно, только не любовь. Даже ближайшее окружение боится хана из-за его неограниченной власти, и родственники, включая жен и детей, часто не вольны распоряжаться своей жизнью. При этом повелитель должен еще являть собой образец мусульманской добродетели и узбекских нравов, так как малейший промах его величества вскоре станет предметом пересудов в городе; и хотя никто не отважится порицать даже более значительные промахи хана, такие факты наносят вред влиятельным муллам, что совсем не в интересах правителя.

Как все правоверные, хан должен вставать до восхода солнца и при полном собрании присутствовать на утренней молитве. После молитвы, продолжающейся более получаса, он выпивает несколько пиал чая с жиром и солью, приправленного пряностями; на это чаепитие часто приглашаются некоторые из ученых мулл, которые разъяснением священных законов или обсуждением других религиозных вопросов, в чем его величество, разумеется, мало что понимает, должны вносить оживление в утреннюю трапезу. Глубокомысленные дискуссии обычно нагоняют сон, и, после того как хан уже начинает храпеть, ученые мужи удаляются. Этот отдых, называемый коротким утренним сном, длится два-три часа. После пробуждения начинается прием министров и других сановников. Хан исполняет свои монаршие обязанности: держит совет о замышляемых разбойничьих нападениях, обсуждает вопросы внешней политики в отношении соседней Бухары, йомутов и туркмен-човдугов, казахов, а теперь, очевидно, и о все ближе подбирающихся русских; или же требует отчеты от губернаторов провинций, от сборщиков налогов, которые должны отчитаться наиточнейшим образом, иначе при малейшей ошибке допрашиваемый может лишиться головы.

Через несколько часов, отданных государственным делам, сервируется настоящий завтрак, который большей частью состоит из легких блюд, “легких”, конечно, для узбекского желудка, [103] потому что завтрака а ля фуршет его хивинского величества могло бы хватить у нас несколькими грузчиками. Во время приема пищи все присутствующие с почтением, стоя вокруг, должны созерцать происходящее, и только после окончания трапезы некоторых фаворитов приглашают сесть, чтобы сыграть с правителем несколько партий в шахматы, за которыми они проводят время до полуденной молитвы. Последняя продолжается около часа. По окончании молитвы его величество

направляется в передний двор, садится на ступенчатом возвышении, и тогда начинается арз (официальная аудиенция), на который имеют доступ все сословия, все классы народа, мужчины, женщины или дети, крайне небрежно одетые и даже полуголые. Теснящаяся у входа толпа с криком и гомоном в нетерпении ждет аудиенции. Впускают по одному; проситель подходит совсем близко к властелину, докладывает безо всякого стеснения, возражает и даже вступает в жаркие пререкания с ханом, с человеком, единственного кивка которого достаточно, чтобы без малейшей причины отдать кого угодно в руки палача. Таков есть и таким был всегда Восток с его величайшими контрастами. Люди несведущие могут рассматривать это как любовь к справедливости, я же не вижу в этом ничего, кроме прихотей и капризов, ибо одному разрешается в грубейших выражениях противиться монаршему авторитету, в то время как другой расплачивается жизнью, если нарушает приличие малейшим движением. Во время аудиенции не только улаживаются крупные тяжбы, выносятся и приводятся в исполнение смертные приговоры, но часто разбираются мелочные ссоры, например между супругами. Один сосед жалуется на другого из-за нескольких пфеннигов, соседка обвиняет соседку в краже курицы - никому нельзя отказать. Хан, конечно, может отослать каждого к кади, но прежде должен сам его выслушать. Только послеобеденная молитва кладет конец этому утомительному делу.

Вечерние часы проходят в загородной прогулке верхом, но обычно хан возвращается еще до захода солнца. Четвертая, вечерняя молитва совершается также в присутствии многих лиц, после чего хан отправляется ужинать. Прислуга и все те, кто не живет во дворце, удаляются, хан остается только с приближенными. Ужин - самая обильная и самая длительная трапеза. Спиртные напитки правители Хивы и Бухары употребляют очень редко, хотя остальные члены королевских домов часто злоупотребляют ими. После ужина появляются певцы и музыканты или скоморохи, которые исполняют несколько номеров. Первых в Хиве особенно любят, по своей виртуозности они самые знаменитые в Туркестане и даже во всей мусульманской Восточной Азии. Инструмент, на котором они играют, называется гиджак. В целом он похож на нашу скрипку, только имеет длинный гриф и одну металлическую и две шелковые струны, смычок также похож на наш. Кроме него имеются еще бубен и дутар, на которых бахши аккомпанирует своим песням. Если [104] в обычной жизни воспевают обыденных героев, то при королевском дворе, напротив, для этого выбирают по большей части газели Навои и персидских поэтов, а так как юные принцы обучены музыке, хан часто просит их сыграть одних или в сопровождении придворных трубадуров. Особого веселья и хорошего настроения, обычных на пирах в Тегеране или во дворцах Босфора, вы не найдете при дворе узбекских правителей, оно здесь неизвестно или по крайней мере непривычно. В национальном характере татар преобладают серьезность и твердость, танцы, прыжки или другие проявления шаловливости кажутся им достойными лишь женщин и детей. Я никогда не видел, чтобы уважающий себя узбек чрезмерно веселился.

Примерно через два часа после захода солнца правитель удаляется в гарем или в свою опочивальню, и тем самым каждодневные дела властителя Хивы заканчиваются. Гарем здесь далеко не тот, что при турецком или персидском дворе. Количество женщин ограничено, сказочный колорит жизни гарема полностью отсутствует, все направлено на соблюдение строгого целомудрия и правил приличия, и в этом отношении хивинский двор существенно выделяется среди всех восточных дворов. Законных жен у нынешнего хана только две, хотя Коран разрешает ему иметь их четыре. Их выбирают из самой королевской фамилии, и очень редко случается, чтобы дочь вельможи, не принадлежащего к монаршей семье, поднималась до этого ранга. Хотя хан имеет над своей супругой такую же неограниченную власть, как и над любым подданным, обращение с нею довольно мягкое, если она не совершает особых проступков. Титулы у нее или другие привилегии отсутствуют полностью; ее свита отличается от свиты остальных обитательниц гарема лишь тем, что у нее больше служанок и рабынь. Служанки - это жены или дочери чиновников; рабыни - большей частью персиянки, имеется лишь немного черных арабов; и поскольку они, т.е. дочери Ирана, красотой далеко уступают узбекским дамам, у госпожи нет причины опасаться какой-нибудь соперницы. Что касается связей с внешним миром, то супруги хивинского хана в этом отношении ограничены больше, чем жены других правителей Востока. Законы целомудрия требуют проводить большую часть дня в гареме, где на наряды и туалет тратится сравнительно мало времени; к тому же у женщин гарема не так уж и много свободного времени, потому что по обычаям той страны желательно, чтобы одежда, ковры и другие вещи, нужные хану, если не все, то большая их часть, были изготовлены руками его жен. Это очень напоминает обычай старопатриархального уклада жизни, от которого Туркестан, несмотря на свою грубость, сохранил кое-что хорошее.

Прогулки и выезды жена хивинского хана совершает только к расположенным неподалеку загородным замкам и летним дворцам; в таких случаях она никогда не едет верхом, как это повсеместно распространено в Персии, а следует в ярко [105] разрисованной большой закрытой карете, завешенной красными коврами и платками. Перед повозкой и позади нее едут несколько всадников с белыми шестами. На всем пути следования все почтительно поднимаются со своих мест и приветствуют процессию глубокими поклонами. Никому не приходит в голову заглянуть с любопытством внутрь кареты; это было бы все равно бесполезно из-за тщательной драпировки. Вообще такой дерзкий поступок по отношению не только к жене правителя, но и к супруге любого другого чиновника карается смертью. При выезде царицы Персии многочисленные ферраши (слуги), едущие впереди процессии, обычно разгоняют любопытную толпу, рассыпая удары направо и налево. Для более серьезных узбеков это совершенно излишне, так как жизнь гарема идет не по столь суровому распорядку, а ведь известно, что чем мягче действующие законы, тем реже их нарушают.

Все лето ханская семья живет в близлежащих загородных замках Рафенек и Ташхауз⁶⁰, построенных прежними правителями в персидском стиле и украшенных витражами и небольшими осколками зеркал; эти последние особенно высоко ценятся в глазах хивинцев как большая роскошь. Ташхауз выстроен не без вкуса. Замок находится в большом саду с несколькими бассейнами, он сильно напоминает замок Нигаристан, который находится вблизи городских ворот (Шимран) Тегерана. Зиму проводят в городе; но и здесь его узбекское величество предпочитает разбитую внутри стен легкую юрту, что, впрочем, не лишено вкуса, так как изготовленное из белоснежного войлока жилище, в середине которого пылает приветливый огонь, не только столь же тепло, как и любое каменное строение, но и таит, кроме того, в себе нечто особо привлекательное, производя менее мрачное впечатление, чем лишённые окон глинобитные постройки Туркестана.

Относительно моего дальнейшего пребывания в Хиве я должен заметить, что как всем моим коллегам-хаджи, так и мне жилось превосходно благодаря операциям с благословениями и раздачей святого дыхания. Этот божественный товар позволил мне накопить здесь около 15 золотых дукатов. Хивинский узбек скромнен и неотесан, но являет собой прекраснейший характер в Средней Азии, и я мог бы назвать свое пребывание здесь наименее приятным, если бы мне немножко не повредило соперничество между мехтером и Шюкрулла-баем. Первый все время пытался навредить мне из-за враждебности к моему покровителю, и, так как он не мог сомневаться в том, что я турок, он начал внушать хану, что я только притворяюсь дервишем и, наверное, прислан султаном в Бухару с секретной миссией. Я был осведомлен о ходе интриг и потому несколько не удивился, когда вскоре после аудиенции получил второе приглашение от хана. Было очень жарко, я досадовал, что нарушают мой покой, но особенно было неприятно проходить через крепостную площадь, где должны были казнить пленных, приведенных из похода [106] против човдуров. Хан, пребывавший в обществе своих приближенных, сказал мне, что он слышал, будто я сведущ и в светских науках и обладаю цветистым инша (стилем); не мог бы я написать ему несколько строк, как принято в Стамбуле, он охотно взглянул бы на них. Я знал, что это вызвано наущением мехтера, который пользовался репутацией хорошего каллиграфа и расспрашивал обо мне хаджи. Итак, я взял предложенные мне письменные принадлежности и написал следующее: “Величественный, могущественный, грозный государь и повелитель! Осыпанный твоими царскими милостями беднейший и нижайший слуга, помня, что “все искусно пишущие - дураки” (арабская поговорка), до сего дня мало занимался упражнениями в каллиграфии, и, только памятуя о том, что “всякая ошибка, понравившаяся государю, есть добродетель” (персидская поговорка), осмелился он подать верноподданнейше эти строки”.

Головокружительная высокопарность титулований, которые обычно употребляются в Константинополе, очень понравились хану, а мехтер был слишком глуп, чтобы понять мой намек. Мне предложили сесть, и, после того как мне подали хлеб и чай, хан пригласил меня на беседу, которая велась сегодня исключительно о политике. Чтобы оставаться верным своей роли дервиша, я заставлял хана буквально выжимать из меня каждую фразу. Мехтер следил за каждым моим словом, чтобы удостовериться в своих догадках, но когда, наконец, все его старания не увенчались успехом, хан снова милостиво отпустил меня и сказал, чтобы я взял у казначея деньги на ежедневные расходы.

Я ответил, что не знаю, где он живет, поэтому мне дали в провозчатые ясаула, который, кроме того, должен был выполнить и другие приказы; я с ужасом вспоминаю сцены, при которых присутствовал. На наружном дворе я увидел около 300 пленных човдуров; в лохмотьях, измученные многодневным страхом смерти и голодом, они выглядели так, словно встали из могилы. Их уже разделили на две группы: на тех, кто не достиг 40 лет и кого еще можно было продать в рабство или подарить, и тех, кто по положению или по возрасту считался аксакалом (седобородам) или предводителем рода и кто должен был понести наказание, объявленное ханом. Первых по 10-15 человек, скованных друг с другом, уводили прочь, остальные терпеливо ожидали исполнения вынесенного им приговора и казались смиренными овцами в руках палачей. В то время как нескольких пленных уводили на виселицу или на плаху, я увидел совсем рядом, что восемь стариков по знаку палача легли на землю лицом кверху. Им связали руки и ноги, и палач выкалывал всем подряд оба глаза, становясь каждому коленом на грудь и после каждой операции вытирая окровавленный нож о белую бороду ослепленного старца. Какая это жестокая была сцена, когда после ужасного акта жертвы, освобожденные от веревок, хотели встать, ошупью помогая себе руками! Некоторые стучались головами, многие бессильно падали на землю, испуская глухие [107] стоны; воспоминание об этом, пока я жив, будет приводить меня в дрожь.

Читатель содрогнется, читая эти строки, но мы должны заметить, что эта жестокость была возмездием за не менее варварский акт, который човдуры совершили прошлой зимой над одним узбекским караваном. Богатый караван в 2000 верблюдов подвергся нападению на пути из Оренбурга в Хиву и был полностью разграблен. Жадные туркмены овладели множеством русских товаров, но этого им было мало, и они отняли у путешественников (большой частью хивинских узбеков) все припасы и платье, так что некоторые умерли в пустыне с голоду, а другие замерзли, и из шестидесяти человек спаслись только восемь.

Вообще-то эту ужасную казнь пленных нельзя рассматривать как нечто исключительное. В Хиве, как и по всей Средней Азии, не знают, в чем состоит жестокость; такое действие считается совершенно естественным, потому что не противоречит обычаям, законам и религии. Нынешний хан пожелал стяжать себе славу охранителя религии и для этого стал очень строго наказывать за малейшее отступление от ее установлений. Достаточно было бросить взгляд на женщину под покрывалом, чтобы человека казнили по обряду “реджм”, как велит религия. Мужчину вешают, женщину закапывают вблизи виселицы в землю по грудь и бьют камнями, а так как в Хиве нет камней, то бросают кесек (твердые комья земли); бедная жертва уже при третьем броске полностью покрывается пылью, истекающее кровью тело ужасно обезображивается, и лишь последний вздох освобождает ее от мучений. Не только супружескую измену, но и другие нарушения религиозных предписаний хан велел карать смертью, так что в первые годы его правления улемам пришлось умерять его религиозный пыл; однако не проходит и дня, чтобы кого-нибудь не уводили с аудиенции у хана под роковое “Алиб барин” (“Взять его”).

Я чуть не забыл упомянуть о том, что ясаул вел меня к казначею, чтобы тот выплатил мне деньги на дневное пропитание. Мне тотчас их выдали, однако я застал этого господина за странным занятием, о котором должен рассказать. Он как раз сортировал халаты (почетные одежды), присланные для награждения героев. Халаты эти представляли собой четыре сорта шелковых одежд ярких расцветок с большими цветами, вышитыми золотом; как я слышал, их называли четырехглавыми, двенадцатиглавыми, двадцатиглавыми и сорокаглавыми. Не увидев на этих одеждах нарисованных или вышитых голов, я спросил о происхождении названия, и мне сказали, что простую одежду дают в награду за четыре отрубленные головы врагов, самую красивую - за сорок. “Впрочем, - обратился кто-то ко мне, - если в Руме нет такого обычая, то приходи завтра на главную площадь и посмотришь раздачу”. На следующий день я действительно увидел, как около ста всадников, покрытых пылью, приехали из лагеря. Каждый вел нескольких пленных, [109] в том числе детей и женщин, привязанных или к хвосту коня, или к седлу, кроме того, у каждого позади был приторочен большой мешок с отрубленными головами врагов - свидетельство его подвигов. Приехав на площадь, всадник сдавал пленных, которых он привел в подарок хану или одному из придворных, затем развязывал

мешок, брал его за два нижних угла, и, как крупные картофелины, выкатывались бородастые и безбородые головы перед протоколистом, слуга которого сбивал их ногами вплотную друг к другу, пока не набиралась большая куча в несколько сотен. Каждый герой получал расписку о сданных головах, и через несколько дней следовала выплата.

Несмотря на всю дикость обычаев, несмотря на все эти сцены, дни, которые я прожил инкогнито в Хиве и ее провинциях под видом дервиша, были самыми прекрасными в моем путешествии. Если к хаджи хивинцы были просто дружелюбны, то ко мне они были особенно добры, и если я показывался в людных местах, бросали мне деньги, одежду и другие подарки без всяких моих просьб. Я остерегался принимать большие суммы; многое из полученной одежды я роздал моим менее удачливым спутникам, всегда отдавая им лучшее и самое красивое, а что победнее и поскромнее оставлял себе, как и подобает дервишу. Однако в моем положении наступила большая перемена, и, откровенно говоря, я радовался, что теперь могу продолжить путешествие, запасшись всем необходимым: крепким ослом, одеждой и припасами.

IX

Из Хивы в Кунград и обратно

Близилось время моего отъезда в Бухару, но я горел желанием совершить дальнюю поездку в глубь ханства и пришел поэтому в восторг, когда услышал, что юный мулла из Кунграда, который присоединился к нашему каравану для дальнейшего путешествия к Самарканду, хочет использовать пребывание в Хиве для того, чтобы попрощаться со своим родным городом и живущими там родственниками. Он рассказал нам о своем намерении, и велика была его радость, когда он узнал, что у меня возникла идея сопровождать его туда, отчасти чтобы собрать немного подаяния, отчасти чтобы избежать обременительного сидения в жаркой и душной Хиве. Он сулил мне золотые горы, рисовал все самыми радужными красками, чтобы укрепить меня в моем решении. Его пыл, впрочем, был излишним, так как случай пришелся мне на руку, и два дня спустя я уже находился на пути в Янги-Ургенч, чтобы оттуда достичь Оксуса, где находилась наполовину нагруженная лодка, готовая взять нас за скромную плату.

[110] Из Хивы в Кунград летом добираются большей частью по воде, и путешествие вниз по реке длится при быстром течении Оксуса не больше пяти дней. Так бывает в жаркие летние дни, когда вода в реке из-за таяния снегов на Гиндукуше и на вершинах Бадахшанских гор достигает самого высокого уровня. Осенью и весной при низком уровне воды поездки длятся дольше, а зимой они совсем прекращаются, так как Оксус несудоходен и во многих местах покрыт льдом.

Можно было бы сесть на судно уже у стен Хивы, а именно на канале Хазрети-Пехливан, но пришлось бы сделать большой крюк, так как канал впадает в реку не на севере, а на юге, у Хезареспы [Хазарасп]. То же самое относится ко второму каналу - Газават, который, однако, проходит довольно далеко от города и тоже течет скорее на восток, а не на север. Поэтому предпочитают добираться до Янги-Ургенча, крупного промышленного и торгового города ханства, и оттуда до расположенного на берегу селения Ахун-Баба ("Могила святого") с несколькими разбросанными ховли (дворами), которые служат складочным местом для обоих названных городов. Земля на всем пути, равно приблизительно четырем немецким милям, довольно густо заселена и возделана. Дорога идет через поля, сады и луга; здесь во множестве растут замечательнейшие тутовые деревья и потому процветает шелководство. Местность по праву может называться одной из самых прекрасных в ханстве.

На берегу стояла палящая, почти невыносимая жара, и, когда я выразил по этому поводу озабоченность, лодочник успокоил меня тем, что, плывя вниз по течению, этой беде можно легко помочь, устроив "дом от комаров" (пашша-хона), который никому не мешает, так как лодкой управляют только на обоих ее концах. Тотчас же его и соорудили в виде балдахина; днем он должен был защищать от солнца, ночью - от опасных комаров. Когда необходимые для отправления фатихи (благословения) были прочитаны, мы отчалили в сопровождении четырех лодочников и двух других путешественников.

Вначале путь был очень монотонным. Оба лодочника, на носу и на корме, все время направляли лодку к тем местам реки, где вода была самой мутной и желтой, потому что, как мне объяснили, течение там было сильнее всего. Рулевые весла представляют собой длинные шесты, концы которых плоско срезаны; поскольку правят лодкой вдвоем, там, где не требуется особого внимания, исполняют обычно свои обязанности сидя. Примерно через каждые два часа пары сменяли друг друга. Уставшие или, лучше сказать, иссушенные солнцем присоединялись к нашей компании под крышей, растягивались во всю длину, к нашему большому неудовольствию, и вскоре дружно принимались храпеть дуэтом, пока их не сменяла первая пара. Что касается двух наших спутников, то, по счастью, лишь один был очень разговорчив, и я обрадовался, когда увидел, что он часто объяснял моему татарину то одно, то другое, все время перебивал его, [111] исправляя, и удовлетворял мое любопытство пространными комментариями.

Берега Оксуса не так уж интересны, хотя здесь можно увидеть немного больше того, о чем мы читаем в путевых заметках Бутенева, который со своей миссией в 1858 году проделал тот же путь от Кунграда до Янги-Ургенча вверх по течению. На правом берегу напротив того места, где мы сели на судно, видны обширные развалины, называемые Шахбаз-Вели (Святая гора), где в прошлом, вероятно, была сильная крепость, разрушенная калмыками⁶¹. Вообще калмыки, кажется, выступают на протяжении истории в роли разрушителей в Хивинском ханстве. Во времена их вторжения при Чингисхане они действительно изрядно расправились с цветущим тогда Хорезмом, однако будет преувеличением приписывать все руины делу их рук, как утверждают по традиции. Дальше находятся другие, далеко тянущиеся руины с остатками каменных зданий, называемые Гяур Каласи (Твердыня неверных)⁶². Сначала я полагал, что под гяурами понимают гебров или доисторических поклонников огня, но, к величайшему моему удивлению, услышал, что под этим именем во всей Средней Азии подразумевают армян, или лучше сказать, несториан⁶³, которые с доисламских времен и до падения монгольского владычества имели там значительные колонии, простиравшиеся от Аральского моря до самого Китая. От первых руин вниз по течению тянется по правому берегу на протяжении трех часов пути довольно густой лес (тугай) под названием Хитайбеги. Деревья не особенно высокие, но солнце не может высушить питающиеся от Оксуса болота, и лишь в нескольких местах лес населяют каракалпаки, пасущие скот. На

левом берегу, который можно принять за настоящий лес, цепь ховли прерывается лишь ненадолго, и тут и там появляются большие деревни совсем близко от берега, как, например, узбекская деревня Ташкала, расположенная на высоком берегу, и маленькая деревня Везир, вблизи которой впадает, или, точнее сказать, вливается в реку, канал Кылычбай, потом, за Илали, снова пропадающий в песках.

Кипятить чай, готовить плов и рассказывать или слушать священные предания - таковы были постоянно чередующиеся занятия дня. Иногда все путники, исключая рулевых, погружались в сон; такая пауза приносила мне сладостное разнообразие и, глядя на желтые потоки старого Оксуса, я с удовольствием уносился в своих фантазиях к чистому зеркалу европейских рек, чьи воды бороздят, тяжело пыхтя, сотни судов, чьи цветущие берега изобилуют жизнью, - контраст был разителен. Оксус - это олицетворение местности, по которой он протекает. В своем течении река дика и неукротима, как натура жителя Средней Азии, ее бездонные глубины и мелководья так же трудно описать, как хорошие и плохие черты туркестанца; она ежедневно пробивает новые русла, ибо как не может кочевник находиться долго на одном месте, так и ей, кажется, надоедает старое русло.

[112] На второй день рано поутру мы прошли мимо города Гёрлен [Гурлен]; он немного удален от берега, а настоящая его пристань - деревня под названием Ишимджиран. Напротив нее, на правом берегу, стоит форт Рахимберды-Бек, который мы упоминаем только потому, что отсюда начинаются тянущиеся с юго-востока на север горы Овейс Карайне. (Овейс Карайне - имя верного приверженца Мухаммеда, который из любви к пророку велел выбить себе все зубы, потому что последний в битве при Ухуде лишился двух передних зубов; и когда Мухаммед умер, он даже хотел основать орден, где главным правилом было бы такое самоизувечивание, что ему, конечно, не удалось. Утверждение, что он пришел в Хиву и там умер, по-видимому, относится к области фантазии.) На первый взгляд как по высоте, так и по очертаниям они имеют большое сходство с Большим Балханом в пустыне между Хивой и Астрабадом; но вблизи становится вскоре видно, что они намного больше тех; особенно приятно поражают пышная растительность и леса, которыми покрыты многие вершины. На одной вершине этих гор якобы находится могила Овейса Карайне⁶⁴, знаменитое место паломничества в Хиве, и вдали различимы несколько строений, которые велел соорудить Рахимберды-Бек⁶⁵ для удобства паломников. В стороне от нее видна Мунаджат даги (Поклонная гора), которую называют местом упокоения святой по имени Амберене (мать Амбра). Женщины-святые в суннитском исламе встречаются не очень часто; но несколько таких святых все же есть в Средней Азии; это новое свидетельство того, что ислам не выступает по отношению к прекрасному полу в роли мачехи, как думают у нас в Европе. Что касается мадам Амберене, то легенда гласит, будто она, Зулейха по красоте, Фатима по добродетели, была ненавистна супругу и позднее изгнана потому, что исповедовала ислам, врагом которого был ее муж. Из своего царственного дома в Янги-Ургенче она бежала в эти дикие места и наверняка умерла бы с голоду, если бы ежедневно у входа в ее пещеру не появлялась олениха, которая терпеливо давала себя подоить и потом снова исчезала. Кому здесь не припомнится история Женевиэвы? В те времена парижане были не лучше сегодняшних узбеков, и как часто мы находим сходство в религиозных и светских мифах, в этих творениях ума живущих вдалеке друг от друга народов!

Если плыть от Гёрлена четыре часа вниз по реке, то можно добраться до расположенного в полутора часах пути от берега незначительного селения Янги-Яб, обнесенного земляными стенами, и приблизительно через два часа попадешь в район Хитайи, начинающийся там, где вблизи реки на правом берегу возвышается куполообразный холм Юмалак. На правом берегу реки горы Овейс между тем все ближе подходят к Оксусу, путешественник оставляет вершину Ямпук, увенчанную руинами старого укрепления; как раз напротив Юмалака горная цепь Шейх-Джалил, тянущаяся с востока на запад, образует теснину (здесь ее называют кызнак), которая много уже, чем Железные [113] Ворота на Дунае, и из-за мощи зажатого меж двух скал потока часто опасна для лодочников. Вода здесь глухо рокочет, кажется, будто Оксус рычит на твердые камни за то, что это они его, неисправимого бродягу, так заперли. Самое узкое место здесь, впрочем, очень коротко, на левом берегу горы внезапно кончаются, на правом, напротив, возвышенность опускается ступенчато, и после того, как пройден расположенный слева Тама, местность становится повсюду равнинной.

С горной местностью исчезает и всякая романтика берегов Оксуса. На протяжении двухдневного пути воображение и глаз получили достаточно пищи, и если утренние и вечерние часы еще несли в себе нечто приятное, то днем жара, а ночью комары, рядом с которыми *golumbacz*⁶⁶ на южном Дунае могут показаться нежными мотыльками, стали прямо невыносимы. Как только солнце заходило, все старались спрятаться под кров "домика от комаров", изготовленного из грубого холста, и я мучительно страдал из-за того, что не мог выйти на свежий воздух и вынужден был находиться в атмосфере, отравленной моими спутниками.

К вечеру мы, наконец, достигли района Мангыт; одноименный город находится в двух часах пути от берега и с воды, будучи закрыт небольшой рощей, невидим. Здесь мы довольно долго простояли у берега, и, после того как с удобствами сварили еду на костре, а не на маленьком очаге в лодке, путешествие было продолжено. К большому огорчению моего друга, мы подошли к Базу-Ябу, лежащему на расстоянии часа пути, поздней ночью. Он хотел нанести вместе со мной визит живущему здесь знаменитому ногайскому ишану, чтобы посоветоваться с ним о своих дорожных планах и испросить благословение. Все эти ногайцы в Средней Азии, скрывающиеся здесь от русских властей или от воинской повинности, почитаются мучениками за свободу и ислам, однако я часто видел среди них величайших мошенников, которые, очевидно, сбежали от заслуженного наказания.

Рано утром мы уже миновали Кипчак, который здесь обозначает вторую станцию. В том месте, где расположен город, почти посередине Оксуса тянется широкая скала, и из-за нее суда могут проходить только по одной, свободной половине реки. При низкой воде обнажается несколько вершин, и дети, играя, любят разгуливать по этому утесу, шлепая по щиколотку в воде. Однако на лодочников это место наводит большой страх, и они отваживаются проходить его только днем. Сам Кипчак - важный пункт, населенный узбеками, принадлежащими к одноименному племени, со множеством мечетей и учебных заведений; среди последних особенно выделяется расположенное на правом берегу училище, которое основал на свои средства ходжа Нияз. Недалеко от этого одиноко стоящего здания на поднимающейся над самим берегом горе виднеются руины Чилпик. Легенда рассказывает, что в давние времена это была сильная крепость и что здесь нашла прибежище некая принцесса, влюбившаяся в раба своего отца; [114]

опасаясь мести взбешенного папаша, она бежала сюда вместе с возлюбленным. Чтобы добыть воду, им пришлось пробурить гору до самой реки; подземный ход существует и поныне.

От Кипчака вверх по течению⁶⁷ на правом берегу начинается лес, он тянется с небольшими перерывами вдоль реки за Кунград. Насколько далеко простирается он на восток, с воды мне не было видно, но, как меня уверяли, максимум на 8-10 часов пути. Граничащий с берегом участок сплошь покрыт болотами и топами и проходим поэтому только в некоторых местах. Там, где леса не столь густы, пасутся принадлежащие каракалпакам стада, в дичи тоже нет недостатка, но большой вред наносят дикие звери, особенно пантеры, тигры и львы.

Левый берег реки, имеющей здесь вплоть до Гёрлена множество мелей, на которые мы то и дело садились, представляет собой, начиная от упомянутого пункта, равнину, простирающуюся далеко на северо-запад, местные жители называют ее Иланкыр (Змеиное поле), а на западной границе пустыни находится такой же крутой склон, как Кафланкыр или все плато Устюрт. На берегах Оксуса здесь живут туркмены - йомуты и човдуры; первые кочуют близ реки, в окрестностях Порсу и Илали, вторые - на краю пустыни и в оазисах Устюрта; живут они в вечной вражде друг с другом, что служит во вред им самим и представляет выгоду для узбеков, так как непосредственная близость объединенного сильного кочевого народа была бы постоянной опасностью для оседлого населения.

На третий день вечером мы остановились перед городом Ходжа-Или, (Ходжа-или - народ ходжи, или потомки пророка, из которых значительная часть проживает в этой местности. Имеют чисто узбекскую внешность, подобно тому как многие сейиды в Персии - внешность иранского типа, но пользуются большими преимуществами, чем последние.) лежащим в двух часах езды от берега. Большинство жителей утверждают, что они - потомки ходжи, и немало гордятся этим перед другими узбеками. Весь район густо заселен, и левый берег вплоть до Нёкса (На карте, приложенной к моим "Путешествиям по Средней Азии", Нёкс⁶⁸ по ошибке спутан с Ходжа-Или, к тому же он удален от Кунграда на один час пути дальше, чем там указано.) представляет собой непрерывную цепь лесов и обработанной земли. Здесь находится одно из самых опасных мест на Оксусе - водопад, который с ужасающим грохотом, слышным на расстоянии часа езды от него, низвергался с высоты почти 3 футов со скоростью стрелы. Местные жители называют его Казанкиткен, т.е. "место, где котел пошел ко дну", так как здесь, по-видимому, потерпело крушение судно, имевшее на борту вышеназванную кухонную посуду; теперь суда уже за четверть часа до водопада подплывают к берегу, и их осторожно перетаскивают с помощью веревок. Отсюда вниз по течению река образует в результате наводнений значительные озера, связанные друг с другом маленькими естественными каналами; весной они довольно мелкие, но совсем высыхают редко.

[115] Наиболее значительные из них - Куйруклу-Кель и Сары-Чён-гюль; первое простирается на расстояние нескольких дней путешествия в направлении на северо-восток, второе меньше по площади, но намного глубже.

Нёкс мы прошли на четвертый день. Дальше на левом берегу культивированных мест становится все меньше. Река с обеих сторон окаймлена лесами и на полупути к Кунграду образует довольно широкий и глубокий канал Ёгюзкиткен; он тянется в юго-западном направлении и впадает в озеро Шоркачи, которое безуспешно пытались отрезать от реки дамбами; дело в том, что из-за слишком широкого разлива речных вод судоходство именно здесь наиболее затруднительно. У могилы святого по имени Афаксходжа лес кончается, начинается район Кунграда, который, насколько хватает глаз, сплошь состоит из садов, полей и усадеб. Сам город стал виден лишь на пятый день к вечеру, после того как мы прошли мимо руин крепости, которую построил разбойник Тёребег во времена Мухаммеда Эмина⁶⁹, и миновали обнаружившийся неподалеку от нее водоворот.

Наше пребывание в этом самом северном городе Хивинского ханства было очень непродолжительным, так как мой молодой спутник, который потерял родителей уже год назад, а с живущим здесь своим родственником быстро распрощался, сам настаивал на скорейшем возвращении. Город выглядит беднее, чем населенные пункты, лежащие к югу, и славится в основном своими базарами, где живущие по соседству кочевники продают в большом количестве рогатый скот, масло, войлочные ковры, верблюжью и овечью шерсть. С другими районами ханства торгуют в значительных количествах также вяленой рыбой, которую привозят сюда с берегов Аральского моря. К числу достопримечательностей отнесу и обнаруженных мною здесь двух перешедших в ислам русских, у которых были зажиточное хозяйство и многочисленная семья. Попав в плен, эти солдаты из армии Перовского получили свободу от Мухаммеда Эмин-хана при условии, что примут ислам. Одному подарили персидскую рабыню; смуглая иранка и белокурый сын севера живут в добром согласии, и, хотя бывшему солдату много раз уже представлялась возможность вернуться на родину, он все же не смог решиться покинуть приемное отечество на берегу Оксуса.

Наконец хочу еще упомянуть о тех скудных сведениях, которые я услышал здесь о дальнейшем течении Оксуса от Кунграда до впадения в Аральское море. От Кунграда через два часа пути вниз по течению река делится на два мощных рукава, мало отличающихся друг от друга. Правый, сохраняющий название Амударья, достигает моря раньше, но из-за частых разветвлений слишком мелок и при низком уровне воды чрезвычайно труден для судоходства. Левый рукав, именуемый Тарлык (Теснина), (Не Талдык, как сказал адмирал Бутаков в своем сообщении на заседании лондонского Географического общества 11 марта 1867 г. Не могу согласиться и с его упоминанием о двух самых крайних рукавах дельты, из которых восточный он называет Янги, а западный - Лаудан. Возможно, что раньше так и было вследствие частых колебаний водостоков, однако сейчас это уже не так, потому что названием Лаудан обозначается, как я слышал из самого достоверного источника, только то сухое русло Оксуса, которое, начиная от Кипчака, проходит в западном направлении через Кёне-Ургенч [Куня-Ургенч]. Что касается бутаковского Улькана, как он именует средний рукав, то я должен заметить, что это слово в узбекском языке значит "большой" и что такое название давалось всегда главному руслу. Поэтому Улькун, или лучше Юлькен, идентичен с моей Амударьей.) [116] узкий, но на всем протяжении глубокий, а используют его реже только потому, что на пути к морю он делает большой крюк. Что касается движения в самом нижнем течении Оксуса, то его нельзя сравнить с движением на участке между Чарджоу и Кунградом - главным торговым пути между Бухарой и Хивой. Осенью узбеков влечет к морю преимущественно рыболовство, и торговля вяленой морской рыбой во всех трех ханствах довольно значительна. Без этого продукта жители степей едва ли могут обойтись, так как, несмотря на крупные стада, они слишком бедны, чтобы есть досыта мясо, и в качестве заменителя предпочитают рыбу. Весной любителей охоты

привлекают на берега Аральского моря дикие гуси, которые во множестве водятся в устье. В это время года совершается также большинство паломничеств, которые предпринимают благочестивые узбеки к гробу Токмак-Баба на одноименном острове вблизи устья. Этот святой, одновременно также покровитель рыбаков, покоится под небольшим мавзолеем, внутреннее помещение которого хранит оставшиеся с глубокой древности одежду и утварь святого, среди них один котелок служит предметом особого почитания; рассказывают, что даже русские, которым легко приплыть сюда на пароходах, на этот остров высаживаются очень редко, а если и приходят, то исполненные невольного почтения, и никогда не касаются этих реликвий.

Если мы теперь сделаем общий обзор всего течения этой удивительной реки от ее истоков у озера Зоркуль до Аральского моря, то обнаружим следующее.

1. Она судоходна не на всем протяжении, как утверждает Бернс, и по ней спускаются вниз по течению на малых или больших судах лишь от Керки, точнее говоря, от Чарджоу. От верховьев до названных мест можно встретить только плоты, доставляющие дрова и строительный лес, которым довольно богаты склоны Бадахшанских гор, к безлесным равнинным берегам, и лишь изредка можно увидеть на подобных плотках отдельные семьи, переезжающие в низовьях Оксуса. На участке между Хезареспом и Эльчигом (последний служит причалом и складом для Бухары) ходят уже более крупные суда из Хивы и в Хиву с товарами и продовольствием; но самое оживленное движение, бесспорно, на том участке, который находится в пределах Хивинского ханства; здесь на берегах реки расположено много городов, и поэтому она является излюбленным и дешевым [117] путем для перевозки крупных грузов как вверх, так и вниз по течению, а бедной используется даже для пассажирских поездок.

2. Мне кажется (поскольку из-за недостатка специальных знаний я хочу воздержаться от категорического утверждения), что Оксус едва ли станет мощной жизненной транспортной артерией для Средней Азии, как прочат политики, говоря о будущем Туркестана. То, что он никогда не сможет играть такую важную роль, как Яксарт⁷⁰, воды которого уже сегодня бороздят русские пароходы, вполне доказано этим обстоятельством, а также тем, что русские со своей флотилией на Аральском море вынуждены были проникать в Туркестан не по Оксусу, а по Яксарту, менее выгодному для их завоевательных планов. То, что незаселенные берега названной реки более важны для петербургского двора, - это шаткий аргумент, и основан он целиком и полностью на недостатке наших географических знаний о Средней Азии. С помощью трех пароходов можно было бы не только держать под угрозой Хивинское царство, занять крепости Кунград, Кипчак и Хезаресп, но и перебросить через Каракель сильное войсковое соединение в Бухару, т. е. в сердце Средней Азии, если бы слишком большие естественные трудности, мешающие использованию этого водного пути, не сделали такой замысел невозможным; впрочем, русские уже при самом первом вторжении в Среднюю Азию в достаточной мере в этом убедились. На Оксусе помимо водопада у Ходжа-Или, опасных скал у Кипчака, теснин у Ямпука самое большое затруднение представляют его многочисленные, нередко тянущиеся часами песчаные мели, которые вследствие большого количества песка, приносимого рекой, при этом еще так быстро меняются, что совершенно невозможно их зафиксировать, и даже самый опытный шкипер может угадать хороший фарватер только по цвету, но никогда не сумеет указать его с полной уверенностью.

3. Регулирование реки, которая в начале весны и поздней осенью несет почти на две трети меньше воды, чем летом, не говоря уже о том, что бурное течение очень затруднило бы такое предприятие, принесло бы вред уже потому, что большое количество рукавов и каналов необходимо не только для земледелия, но и для снабжения питьевой водой самых отдаленных местностей. Когда хивинский хан хочет объявить войну какому-нибудь бунтующему району своей страны, он первым делом старается перерезать ему каналы и водоводы, что ощущается наиболее остро; поэтому правительство, которое закрыло бы шлюзы, чтобы поднять уровень воды в русле Оксуса, поступило бы так, словно оно всей стране одновременно объявило войну.

То, что Оксус наряду с упомянутыми выше свойствами обладает чрезвычайно быстрым течением, а помимо того, еще и часто отклоняется от своего старого русла, достаточно известно. Эти отклонения начинаются в его нижнем течении после поворота реки у Хезареспа, и их гораздо больше, чем нам [118] в настоящее время известно. Если спросить об этом у жителей, то они обычно насчитывают как на правом, так и на левом берегах более восьми таких отклонений, и если даже это может относиться и к прежним каналам, то все-таки чрезвычайную нерегулярность Оксуса никак нельзя оспаривать, и с этой точки зрения пожалуй, не подлежит никакому сомнению, что Аральского моря, как утверждает сэр Генри Роулинсон, ссылаясь на одну в высшей степени ценную персидскую рукопись, в прежние времена совсем не существовало.

Путешествие из Кунграда в Хиву предпринимают большей частью по суше, так как вверх по течению на него требуется 18-20 дней. Сухопутных дорог три: а) через Кёне-Ургенч; эта дорога называется летней, она обходит все полноводные в это время года озера, старицы и рукава Оксуса; путь по ней исчисляется в 56 фарсахов⁷¹, так что она самая длинная; б) через Ходжа-Или; этой дорогой обычно ходят зимой, когда вышеназванные озера и пр. замерзают. Ее длина 40 фарсахов; в) дорога на правом берегу Оксуса через Сурахан; она имеет большие объезды и проходит через много песчаных степей.

Наше возвращение нужно было насколько возможно ускорить, но, несмотря на это, нам пришлось примириться с тем, что мы пойдем длинной дорогой через Кёне-Ургенч. Нам повезло, так как мы смогли присоединиться к небольшой компании путешественников; некоторые из них направлялись в Кёне-Ургенч, а остальные в Хиву. Все ехали верхом на хороших лошадях; даже те лошади, которых предоставили в наше распоряжение "лиллах" (из религиозной благотворительности), были молодые и крепкие, а так как кроме хлеба и небольшого запаса провианта на дорогу у нас с собой ничего не было, мы бодро тронулись в путь, несмотря на жару, которая давала себя чувствовать даже в ранние утренние часы. От городских ворот ехали по хорошо обработанным землям окрестностей Кунграда на северо-запад, а затем - через пустынную местность, пока не добрались до большого озера со стоячей водой, называемого Атыолу; оно считается первой станцией и тянется на 7 фарсахов. Через его самое узкое место перекинут мост; дорога здесь разветвляется на две: одна ведет вдоль диких гор Казак-Ёрге через обширное плато Устюрт в Оренбург, другая - в Кёне-Ургенч. Мы двинулись по последней. Мы ехали через леса и пески, слева и справа виднелись отдельные руины; из них выделялись Кара-гёмбес (Черный купол), вблизи которых можно найти белоснеж-

ную соль, лучшую в ханстве, и Барсакильмез (“Кто пойдет, назад не вернется”) - опасное гнездо, населенное злыми духами, многие любопытные там уже лишились жизни.

Через пять часов езды мы достигли второй станции, которая называется Кабулбек-Ховли. Это отдельно стоящий двор. По обычаю, принятому владельцами с давних пор, нас хорошо угостили, и так как до следующей станции, Кызыл-Чагала, нам предстояло ехать восемь часов, гостеприимный хозяин не забыл [119] снабдить нас мясом и хлебом на завтрак. Было еще темно, когда мы тронулись в путь. Наши спутники, умеющие владеть оружием, проверили его с необычайной тщательностью. Я подумал, что мы, вероятно, будем проезжать мимо враждебного туркменского племени; но меня успокоили, рассказав, что мы весь день будем ехать по густому лесу, в котором водятся много львов, пантер и диких кабанов, иногда нападающих на путников. Несмотря на то что опасного места мы достигли уже светлым днем, мы продвигались вперед с большой осторожностью; мы очень доверяли лошадям, и, как только они ставили уши торчком или начинали храпеть, все хваталось за оружие. То, что львы и пантеры в климатических условиях Средней Азии не так опасны, как их собратья в Индии и Африке, вполне понятно. Поэтому я не разделял страха моего молодого спутника-татарина и скорее даже жаждал участвовать в каком-нибудь интересном охотничьем приключении. Как всякий азиат, узбек обладает чрезмерной фантазией; ни один след, ни один звук не говорили нам о том, что мы находимся вблизи резиденции царя зверей, мы видели только стада кабанов, которые с громким треском пробирались через чащу. В противоположность этому число встречавшихся нам цесарок и фазанов было велико, я бы даже сказал, сказочно, и для вечернего привала была собрана богатая охотничья добыча. Птицы, о которых я говорил, в этих местах намного вкуснее, чем в Мазендеране, да и узбеки умеют их лучше готовить, чем персы. Там, где лес кончается, вскоре становится видно укрепленное место Кызылчагала, которое населено узбеками; мы прибыли туда довольно рано и продолжали свой путь на следующее утро по местам, населенным йомутами.

Кёне-Ургенч считается четвертой станцией, хотя путь туда длится лишь три часа. Эта древняя метрополия знаменитого в Средней Азии Хорезма - самая бедная среди всех своих товарищей по несчастью в Азии, и, как бы ни славил и устно, и в книгах ее прежний блеск, мы удостоверяемся, глядя на нынешние руины, что это был центр только татарской цивилизации. Сегодняшний город - маленький, грязный и не имеет большого значения, однако раньше он, по-видимому, был больше, потому что разбросанные вне стен города руины позволяют судить о его прежних размерах. Руины эти датируются по исламскому летоисчислению культурной эпохой хорезмшахов. Самое примечательное здесь - это упомянутая уже в моих путевых описаниях мечеть Тюрябек-ханым (не Тюрябек-хан), больше и великолепнее, чем Хазрети-Пехливан, которую принято считать самым прекрасным монументом города Хивы и которая со своими изразцовыми мозаиками, где преобладает желтый цвет, не уступает аналогичным памятникам архитектуры в Туркестане. Упомянем мавзолей Шейх-Шереф с высоким бирюзовым куполом, а также усыпальницы Пирияра, отца знаменитого Пехливана, и шейха Наджм ад-Дин Кубра. Последняя была близка к разрушению, но восстановлена в недавнее время благодаря [120] щедрости Мухаммед Эмин-хана. Говорят, что в окрестностях имеется несколько каменных стен и башен, например Пульджайду (“Деньги уничтожают”), которая лежит в трех часах пути. Когда буря разметает там песчаные наносы, зачастую на свет появляются монеты и посуда из серебра и золота; люди, которые просеивают песок, нередко бывают вознаграждены за свой труд. Назовем также Айсенем, или павильон Айсенем и Шахсенем, памятник знаменитым влюбленным, судьба которых, описанная в романе, часто воспевалась трубадурами. Это, по-видимому, стереотипное название для всех отдельно стоящих парных руин, потому что Шахсенемы имеются как в других районах Хивы и Бухары, так и недалеко от Герата, и повсюду рассказывают ту же легенду с небольшими изменениями.

От Кёне-Ургенча дорога разветвляется на две, по длине мало отличающиеся друг от друга. Однако проходящая по менее заселенной местности ведет через Порсу и Илалы [Ильялы], по ней ходят только большими группами, так как близость разбойников човдугов и туркмен-йомутов делает этот путь не особенно надежным вплоть до Ташауза. Вторая дорога все больше приближается к Оксусу и тянется вдоль него по прибрежному району, где засеянные поля только изредка прерываются усадьбами (ховли), деревнями и базарами. Эту дорогу, хотя она длиннее и более утомительна из-за множества оросительных каналов и рвов, лежащих на пути, летом выбирает большинство путников, потому что на первой дороге караван распускается только у Ташауза, и каждый может продолжать свой путь самостоятельно, на второй же это происходит уже у Кипчака.

Когда я вернулся в Хиву, мои друзья, уставшие от ожидания, начали настаивать на том, чтобы покинуть Хиву на следующий день, так как все нарастающая жара не без основания вызывала у них беспокойство по поводу нашего путешествия в Бухару. Я пошел к Шюкрулла-баю, которому я в Хиве столь многим был обязан, чтобы попрощаться с ним, и был по-настоящему растроган, когда благородный старец пытался отговорить меня от моего намерения, нарисовав мне ужаснейшую картину Бухара Шериф (благородной Бухары). Он описал мне политику эмира как политику недоверия и предательства и сказал, что эмир обходится враждебно не только с англичанами, но и с каждым чужеземцем. Как большую тайну он рассказал мне, что несколько лет назад даже один осман, которого покойный Решид-паша прислал в Бухару в качестве преподавателя военного дела, был злодейски убит эмиром, когда он после двухлетнего пребывания в Бухаре хотел вернуться в Стамбул.

Эти старания отговорить меня, хотя Шюкрулла-бай вначале вполне верил, что я дервиш, были особенно поразительны, и у меня возникла мысль, что этот человек, хотя и не раскрыл меня, все же при более частых контактах разглядел мое инкогнито и теперь, вероятно, предполагал, что я какой-то совсем другой человек. Этот благородный старец был в молодые годы однажды [121] в Герате у майора Тодда (в 1839 году), и несколько раз его посылали в Петербург; в Константинополе, как он мне рассказывал, ему также часто доводилось общаться с френги. Возможно, что он там получил представление о нашем образе мышления и наших научных стремлениях и поэтому с особой приветливостью взял меня под свою защиту. Когда он подал мне руку для поцелуя, в его глазах мелькнула слеза; кто знает, какие чувства ее вызвали.

Хана я также одарил своим прощальным благословением, и он попросил меня на обратном пути проехать через Хиву, так как он хотел отправить со мной посла в Константинополь, чтобы получить от нового султана традиционную

инвеституру на свой пост. Я ответил, что думать о будущем грех, посмотрим, как распорядится судьба (кисмет). Распрощавшись со всеми друзьями и знакомыми, я покинул Хиву, пробыв там почти целый месяц.

X

Отъезд из Хивы в Бухару. - Три дороги. - Ходжа. - Ханка. - Оксус и переправа через него. - Великая жара. - Шурахан. - Базар. - Япкенари. - Аккамыш. - Тейебоюн. - Удивительный разговор с киргизской женщиной о жизни кочевников. - Тюнюкю. - Аламан текинцев. - Каравану угрожает опасность, и он возвращается в Тюнюкю. - Караван вынужден бежать в пустыню. - Жажда. - Гибель верблюдов. - Шоркутук. - Мемедин Булаг. - Смерть хаджи. - Буря. - Автор в опасности. - Радужный прием у персидских рабов. - Первое впечатление от “благородной Бухары”.

Когда мы, все приготовив к отъезду, собрались на тенистом дворе Тёшебаза, я воочию убедился, какое благородное влияние оказала набожность Хивы на наш нищенский караван. Только у самых скупых можно было заметить следы прежних лохмотьев; вместо рваных меховых шапок, принятых у йомутов, появился снежно-белый тюрбан, все мешки были битком набиты, и радостно было видеть, что последние бедняки обзавелись ослом. Со мной также произошли большие перемены, потому что я приобрел в свое распоряжение целого осла и половину верблюда; на первом я ехал верхом, в то время как второй служил для транспортировки моего походного мешка, где лежали одежда, несколько рукописей, купленных мною, и провизия, потому что теперь я вез с собой не черную муку, как в пустыне, а белые погача (маленькие пирожки, испеченные в бараньем жиру), рис, масло и даже сахар. Только свою одежду я не хотел менять. Хотя я и приобрел рубашку, я остерегся ее надеть, так как этот предмет роскоши мог бы меня изнежить, а это было еще преждевременно.

[122] От Хивы до Бухары у нас был выбор между тремя дорогами: а) через Хезаресп и Фитнек [Питняк]; Оксус тогда нужно перейти у Кюкюртлю; б) через Ханку и Шурахан на правом берегу реки два дня по пустыне до Каракёля; в) вверх по реке до Эльчига. Так как мы решили ехать по суше, то выбор между двумя первыми дорогами был предоставлен нашему керванбаши по имени Ахмед, таджику из Бухары, у которого мы и еще один хивинский торговец одеждой, сопровождавший нас, наняли верблюдов; он считал дорогу через Ханку наиболее надежной и удобной в это время года.

Был вечер 27 июня, когда мы, покончив с бесконечной раздачей благословений и освободившись от объятий, покинули Хиву через Ургенчские ворота. Многие чересчур ретивые жители бежали за нами целых полчаса. Благочестивые чувства вызвали слезы у них на глазах, и они восклицали в совершенном отчаянии: “Кто знает, когда еще удостоится Хива высокого счастья принимать в своих стенах стольких святых людей!” Моих коллег, сидящих высоко на верблюдах, это совсем не беспокоило, но мне, на моем осле, такие излияния дружбы очень досаждали, и даже осел мой потерял терпение и галопом понес меня прочь, к моей великой радости. Лишь немного опередив всех, я придержал осла, но мне пришлось долго дергать за поводья, прежде чем мой длинноухий гиппогриф перевел галоп на быструю рысь. Когда же я и в этом хотел ему воспрепятствовать, он разозлился и в первый раз подал оглушительный голос, о богатстве, гибкости и полноте которого я, впрочем, предпочел бы судить на расстоянии.

Мы ночевали в двух милях от Хивы, в Ходже, где, несмотря на незначительность этого селения, есть калантархона (приют для дервишей), подобная тем, что встречаются в самых маленьких общинах Хивы и Коканда. Отсюда до Ханки мы ехали по обработанным землям. На всем пути встречались превосходные тутовые деревья, и так как мой осел, все еще в добром расположении духа, спешил впереди каравана, у меня было время подкрепиться ягодами величиной с большой палец. В Ханку, где как раз был базарный день, я въехал также раньше каравана и спешил у калантархона, которая находилась на самом краю маленького городка на берегу ручья и, как обычно, располагалась в тени тополей и вязов. Здесь я заметил двух полуголых дервишей, которые только что собрались проглотить свою обеденную дозу опиума; они и мне предложили изрядную порцию и были очень удивлены, когда я отказался. Вместо этого они приготовили мне чай, а сами, пока я пил, приняли свой маковый яд. Через полчаса оба были в царстве блаженства. В то время как на лице у одного из спящих отражался глубокий сладостный сон, у другого я видел судорожные движения, свидетельствующие о смертельном страхе.

Я бы охотно подождал, пока они проснутся, и послушал бы описания прекрасных грез, но наш караван как раз проходил [123] через город, и я вынужден был к нему присоединиться. Отсюда через час нам предстояло достичь берега Оксуса и, если хватит времени, еще сегодня начать переправу. К сожалению, этот небольшой отрезок пути был очень плохой, нам непрерывно приходилось обходить грязь и болота, так что только к вечеру мы достигли берега реки, где решили провести ночь.

Оксус, который показался мне чрезвычайно широким, вероятно благодаря обильным весенним дождям, со своими желтыми волнами и довольно быстрым течением представлял интересное зрелище. Берег на этой стороне, насколько хватал глаз, был окаймлен деревьями и разбросанными тут и там ховли. На той стороне также можно было разглядеть вдали от берега следы цивилизации, а на севере виднелись горы Овейс Карайне, похожие на свисающее отвесно вниз облако. Вода в Оксусе не так хороша для питья, как в каналах и арыках, где благодаря медленному течению песок уже несколько осел. Здесь же вода скрипела на зубах, словно ты ешь пирог из песка, и ее можно было пить лишь после того, как она некоторое время постоит. Что касается вкуса воды, то жители Туркестана утверждают, что ни одна река на земле, даже Нил Мубарек (благословенный), не может сравниться в этом отношении с Оксусом. Вначале я думал, что приятный вкус вызывается только радостью, которую испытываешь на берегу реки после безводной пустыни. Однако я должен признать, что, как показывает мой опыт, ни в Азии, ни в Европе я никогда не встречал ни реки, ни источника, в которых была бы такая вкусная вода, как в Оксусе.

Рано утром на следующий день началась подготовка к переправе. Здесь, так же как у Гёрлена, Хезареспа и в других местах, переправы являются собственностью государства. Государство сдает их в аренду частным лицам, которые могут перевозить на другой берег только тех чужеземцев и путешественников, которые имеют от хана петек, (Пропуск, буквально “письмо”.) выдаваемый за небольшую плату. У хаджи был общий пропуск, но я приобрел себе

отдельный, который гласил следующее: “Пограничной охране и сборщикам податей указывается, что Хаджи Молла Абд ур-Решид-эфенди дано разрешение. Никто не должен чинить ему препятствий”.

Со стороны полиции не было никаких возражений, дело было только в том, что мы как хаджи не хотели ничего платить за переправу на лодке, которая принадлежит хану. Перевозчик вначале не хотел с этим примириться. Наконец он согласился оказать нам благодеяние и перевезти нас, наш багаж и наших ослов на другой берег. Переправа началась в 10 часов утра, и лишь к заходу солнца мы достигли высокого берега, который тянется справа от Шураханского канала. Саму реку мы преодолели за полчаса, но нас далеко унесло, и пока мы, плывя то вверх, то вниз по течению, достигли желаемой точки на другом рукаве, прошел день в такой жгучей жаре, какую мне редко приходилось [124] испытывать. В главном русле все шло довольно хорошо, но в боковых рукавах мы через каждые десять шагов увязали в песке. Тогда людям и ослам приходилось выбираться из лодки, и ждать, пока она не окажется на плаву. Когда фарватер достигал нужной глубины, мы снова влезали, перевозка ослов была адской работой, особенно нескольких чрезвычайно упрямых, которых нужно было, как беспомощных детей, сажать в лодку. Мне и сейчас становится смешно при воспоминании, как длинноногий Хаджи Якуб водружал своего ослика себе на плечи и держал за передние ноги, в то время как бедное дрожащее животное пыталось спрятать свою голову за его спиной.

Нам пришлось ждать на берегу у Шурахана целый день, пока перевезут верблюдов. 29 июня мы отправились дальше. Мы шли по населенной узбеками местности Ябкенари (“Берег канала”), которая была повсюду пересечена арыками. Ябкенари - это оазис длиной восемь миль, шириной пять-шесть миль, он довольно хорошо обработан. За ним начинается пустыня, по краю которой, называемому Аккамыш, тянутся хорошие пастбища, где живут киргизы⁷². Дойдя до Аккамыша, караван медленно продолжал свой путь, а керванбаши, я и двое моих спутников, которые могли рассчитывать на быстроту своих ослов, сделали крюк и свернули к Шурахану, лежащему в стороне от нашей дороги, чтобы там на базаре пополнить запасы провианта или, вернее говоря, немного развлечься.

В Шурахане, окруженном надежным земляным валом, мало жилых домов, он состоит в основном из 320 лавок, которые открываются два раза в неделю и посещаются кочевниками и оседлым населением из окрестных мест. Это собственность амир аль-умара, старшего брата хана, у которого здесь прекрасный сад. Я предоставил моим спутникам делать покупки, а сам отправился в калантархона, расположенную перед городскими воротами. Там я увидел нескольких дервишей, которые лежали в своих мрачных кельях на сыром полу, страшно обезображенные и похожие на живые скелеты вследствие злоупотребления опиумом бенг (изготавливаемым из конопли)⁷³ и джерс. Когда я им представился, они меня очень радушно приветствовали и велели принести хлеба и фруктов. Я хотел дать им денег, но они засмеялись, мне сказали, что многие из них уже 20 лет не держали в руках денег. Окрестное население содержит своих дервишей, и действительно, в течение дня я видел, как приезжали представительные всадники-узбеки и каждый из них что-нибудь привозил с собой, получая за это чилим (трубку), из которой он сосал свой любимый яд. В Хиве бенг - самый любимый наркотик, и многие подвержены этому пороку, потому что вино и другие алкогольные напитки запрещены Кораном и за их употребление правительство карает смертью. Так как становилось поздно, я пошел на базар разыскивать своих друзей. Мне стоило большого труда пробиться сквозь волнообразно колышущуюся толпу. Все были на лошадях, как продавцы, так и покупатели, и было [126] чрезвычайно забавно смотреть, как киргизские женщины с большими кожаными мехами, полными кумыса, (Сильно закисшее молоко кобылицы или верблюдицы, в приготовлении которого киргизы очень искусны. Кочевники Средней Азии употребляют его как пьянящий напиток. Все, кто его пьют, толстеют - это его признанное свойство. Я пробовал его не раз, но мог проглотить лишь несколько капель, так как резкая кислота стягивала мне рот и на несколько дней набивала оскомину.) сидя на лошадях, держали мех отверстием прямо надо ртом желающего напиться, причем ловкость обеих сторон была настолько велика, что лишь изредка несколько капель проливалось на землю.

Я нашел своих спутников, и мы пустились в путь вслед за караваном, который уже на пять часов опередил нас. Стоял невероятно жаркий день, но, к счастью, хотя местность была песчаная, тут и там попадались киргизские юрты. Достаточно мне было только приблизиться к одной из них, как тотчас же появлялись женщины с мехами и между ними буквально возникала ссора, если я не отпивал хотя бы глоток у каждой из них. В летний зной напоить жаждущего путника считается верхом гостеприимства, и ты окажешь благодеяние киргизу, если дашь ему возможность выполнить эту заповедь. В караване нас уже ждали с большим нетерпением, так как мы с сегодняшнего дня собирались совершать марши только ночью, что и для нас, и для животных было облегчением. Сразу после нашего прибытия все тронулись в путь. Караван, медленно идущий при ясном лунном свете, являл собой волшебную картину. Справа от каравана глухо рокотал Оксус, слева тянулась ужасная пустыня Татари⁷⁴.

На следующее утро мы расположились лагерем на возвышенном берегу реки; эта местность носит название Тейебоюн, т. е. “Шея верблюда”, вероятно, из-за изгибов берега. В определенные месяцы здесь живут киргизы. За 10 часов я видел три киргизских семьи, которые появлялись одна за другой, находились около нас самое большее по три часа и затем отправлялись дальше. Мне открылась во всей полноте картина жизни кочевников, и, когда я заговорил об этой беспокойной бродячей жизни с одной киргизской женщиной, она сказала мне, смеясь: “Мы же не можем быть такими ленивыми, как вы, муллы, и целыми днями сидеть на одном месте! Человек должен двигаться. Посмотрите, солнце, луна, звезды, вода, животные, птицы и рыбы - все движется. Только мертвые и земля недвижимы”. Я хотел было возразить моей философствующей кочевнице, которая была занята упаковкой юрты, как вдруг вдали послышались крики, из которых я мог понять только одно слово: “Бюри! Бюри!” (“Волк! Волк!”). Киргизка поспешила с быстротой молнии к пасущемуся вдали стаду и подняла такой крик, что волку на этот раз пришлось удовольствоваться лишь жирным курдюком одной овцы и обратиться в бегство. Мне очень хотелось поговорить с вернувшейся киргизкой о пользе подвижности у волка, но она была слишком удручена потерей, и я поехал к каравану.

[128] Перед заходом солнца мы отправились в путь и все время шли невдалеке от реки, низкие берега которой почти сплошь поросли ивами, высокой травой и кустарником. Хотя мне говорили, что дорога между Хивой и Бухарой многолюдна, мы до сих пор встречали только пограничную охрану и бродячих кочевников и не видели ни одного путника. Поэтому мы были очень удивлены, когда около полуночи к нам подсакали пять всадников. Это были

хивинские купцы, которые за четыре дня доехали сюда из Бухары через Каракель. Они принесли нам радостную весть, что дороги совершенно безопасны и что послезавтра мы встретимся с их оставшим караваном.

Уезжая из Хивы, мы слышали, что поскольку эмира с его войском в Бухаре сейчас нет, то из-за туркмен-теке дороги, ведущие в этот город, стали опасны; у нашего керванбаши тоже были тайные опасения; теперь они исчезли, и мы надеялись за шесть-восемь дней достичь цели своего путешествия, полагая, что пробудем без воды в пустыне между Оксусом и Каракелем всего два дня.

На следующее утро мы сделали привал у Тюнюкю, около развалин бывшего форта, расположенных на невысоком маленьком холме, у подножия которого течет Оксус; на этой стороне холм покрыт прекрасной зеленой растительностью. Отсюда дорога идет в северо-восточном направлении через песчаную пустыню Халата-Чёлю, называемую также Джан Батырдыган (**Собственно, батырдурган; это particip praesens от глагола "батырмак" - "разрушать".**) (Разрушающая жизни), через которую ездят только зимой после сильных снегопадов, когда каракельская дорога становится небезопасной из-за туркмен, беспрепятственно рышущих в это время года повсюду благодаря тому, что Оксус замерзает.

Жара между тем усиливалась с каждым днем (это были первые дни июля), но нас она мало беспокоила, так как мы целый день отдыхали на берегу могучей реки, полной пресной воды. Велика была наша радость, когда мы вспоминали Кахриман-Ата и другие места Великой пустыни между Хивой и Гёмюштепе. К сожалению, наши приятные воспоминания были вскоре прерваны, и по милости нескольких туркменских искателей приключений мы подверглись такой опасности, которая могла привести всех нас к ужасному концу; нас спасло только особое стечение обстоятельств, но на этот раз надо отдать должное и жителям Востока.

Было уже раннее утро 4 июля, когда мы на ночном марше встретили двух полуголых людей; они еще издали окликали наш караван, а приблизившись, с возгласом "Кусочек хлеба! Кусочек хлеба!" свалились на землю. Я одним из первых подал им хлеба с овечьим салом. Поев немного, они стали нам рассказывать, что они - лодочники из Хезаресп и что во время аламана текинцы похитили у них лодки, одежду и хлеб, а их отпустили, оставив им [129] только жизнь. Разбойником было около 150, и они собирались совершить нападение на стада находящихся здесь киргизов. "Ради всего святого, уходите или спрячьтесь, потому что через несколько часов вы с ними встретитесь, и, хотя вы все святые пилигримы, они вас оставят голыми в пустыне, отнимут животных и еду, так как кафир (неверный) текинец способен на все". Наш керванбаши, который уже дважды был ограблен и с трудом спас свою жизнь, не нуждался в подобных советах. Едва он услышал слова "теке" и "аламан", как дал команду сразу же повернуть назад и со всей поспешностью, на которую были способны тяжело нагруженные верблюды, отправиться в обратный путь. Бежать на верблюдах от туркменских лошадей было, конечно, бессмысленно, но, по нашим расчетам, 150 всадников могли переправиться через реку только к утру, и, пока они будут осторожно выезжать на дорогу, мы, может быть, успеем снова доехать до Тюнюкю и с наполненными водой мехами совершить бросок в песчаную пустыню Халата, где у нас еще оставалась возможность спастись. После чудовищного напряжения наши животные пришли в Тюнюкю совершенно обессиленные. Было необходимо дать им немного поспать и отдохнуть, иначе они не смогли бы совершить первый переход в песках. В величайшей тревоге мы провели там около трех часов, наполняя мехи и готовясь к страшному пути.

Хивинский торговец одеждой, уже однажды ограбленный туркменами, уговорил нескольких хаджи, у которых были полные мешки, но не было мужества, спрятаться с ним в прибрежных кустах, но не идти с керванбаши в дни саратана⁷⁵ в пустыню, где им угрожала смерть от жажды или от теббада (горячего восточного ветра). Он описывал опасности так живо, что многие отделились от нас; к тому же на реке как раз появилась порожняя лодка, и, так как лодочники, приблизившись к берегу, предложили перевезти нас в Хезаресп, все начали колебаться. Вскоре нас осталось только 14 человек, не отступившихся от плана керванбаши. Это был один из самых критических моментов моего путешествия. Возвращение в Хиву, подумал я, могло бы опрокинуть все мои планы. Опасность для жизни угрожала мне повсюду; итак, вперед, лучше погибнуть от ярости стихий, чем от пыток тиранов! Я остался с керванбаши, вместе с Хаджи Салихом и Хаджи Билалом. Сцена расставания с товарищами по столь долгому путешествию была мучительной; лодочники хотели уже было оттолкнуться от берега, как находившиеся в лодке пассажиры предложили фал (гадание, предсказание. - Пер.) (**Гадание заключается в том, что наугад открывают Коран или другую священную книгу и находят на открытой странице соответствующее своим желаниям место; либо, как это принято в Средней Азии, раздают 30 камешков, и каждый должен столько раз продекламировать три последние суры Корана, сколько он получил камней**). Камни были розданы, и едва Хаджи Салих, бросив взгляд знатока, предсказал удачу, как почти все хаджи покинули судно [130] и присоединились к нам. Так как все было уже готово, мы, чтобы избежать дальнейших колебаний, быстро собрались в путь. Солнце еще не зашло, как мы уже ехали в сторону Халаты, оставив в стороне развалины Тюнюкю.

Легко можно представить себе, каково было на душе у меня и у всех моих спутников, однажды уже испытавших все ужасы пустыни. Мы отправились из Гёмюштепе в Хиву в мае, теперь был июль, там у нас была дождевая вода, а здесь не было даже горького источника. С тоской мы устремляли свои взгляды на все более и более удаляющийся справа от нас Оксус, который в последних лучах заходящего солнца казался еще прекраснее. Даже верблюды, которых мы вдоволь напоили перед отъездом, долго устремляли свои выразительные глаза в ту сторону.

На небе уже показались звезды, когда мы достигли песчаной пустыни, соблюдая на марше строжайшую тишину, чтобы нас не услышали туркмены, которые, вероятно, были близко, но не могли видеть нас в темноте ночи (луна взошла позже). Мягкая почва приглушала шаги животных; мы боялись только, чтобы нашим ослам, голос которых был бы далеко слышен в ночной тишине, не вздумалось зареветь. И я от души смеялся над нашими мерами предосторожности, когда животное собиралось начать свою увертюру. К полуночи мы достигли местности, где всем пришлось спешиться, потому что ослы и верблюды погружались по колено в мягкий песок, который к тому же образовывал непрерывную цепь холмов. В прохладе ночи я мог еще выдержать непрерывное передвижение по песку, но к утру почувствовал, что моя рука, державшая палку, на которую я опирался, начала опухать. Поэтому я погрузил

свой багаж на осла, а сам сел на верблюда, который был в песках больше в своей стихии, нежели я со своей хромой ногой.

Место нашей утренней стоянки 5 июля носило очаровательное название Адамкирилган (“Место, где гибнут люди”), и достаточно было только бросить взгляд на горизонт, чтобы убедиться в его правильности. Представь себе, дорогой читатель, необозримое море песка, которое образует то высокие песчаные волны, подобно исхлестанному штормом морю, то мелкую зыбь, похожую на зеркало тихого озера, колеблемое зефиром. Ни одной птицы в воздухе, ни червяка, ни жука на земле; только следы угасшей жизни, кости погибших здесь людей и животных, которые каждый путник собирает в кучки, чтобы они служили указателем дороги. Едва ли нужно упоминать, что мы были в полной безопасности от туркмен. Нет ни одной лошади на свете, которая могла бы здесь совершить хотя бы один переход.

Не воспрепятствуют ли стихии нашему дальнейшему продвижению - эта мысль не давала нам покоя, она поколебала даже восточное безразличие, свидетельством чему был мрачный вид моих спутников во время всего нашего пути по пустыне Халата. По словам нашего керванбаши, весь путь от Тюноклю до Бухары мы должны были совершить за шесть дней, первую [131] половину его - в песках, другую - по твердой равнине, кое-где поросшей травой и в определенное время года посещаемой пастухами. Поэтому по испробованному уже нами ранее методу подсчета содержимого наших мехов нам пришлось бы опасаться нехватки воды всего лишь на день-полтора. Однако я уже в первые дни заметил, что расход воды из Оксуса противоречил нашим подсчетам, что, несмотря на всю нашу экономию, драгоценная жидкость постоянно убывала, и объяснял это отчасти зноем, отчасти ее испарением. Это открытие побудило меня вдвое бдительнее оберегать свой мех, постепенно и все остальные последовали моему примеру, и странно было видеть людей, спящих в обнимку со своим мехом.

Несмотря на палящий зной, мы ежедневно должны были совершать пяти-шестичасовые переходы, ибо чем скорее мы выбрались бы из песков, тем меньше нам угрожал бы опасный ветер теббад, (Теббад - персидское слово и означает “ветер, вызывающий лихорадку”.) который на твердой равнине может вызвать только приступ лихорадки, а в песках в одно мгновение может засыпать все и всех. Бедные верблюды были поэтому предельно утомлены. Они вступили в пустыню, устав от ночного путешествия, и неудивительно, что из-за мук в песках и зноя некоторые из них заболели, а двое пали уже на месте сегодняшней стоянки (6 июля), носящем название Шоркутук, что означает “Соленый источник”⁷⁶. Должно быть, здесь существует источник, где поили животных, однако бури совсем замели его, и пришлось бы потратить по крайней мере целый день, чтобы до него докопаться.

Впрочем, гнетущая жара последних трех дней и без теббада лишила нас сил, и двое из наших более бедных спутников, вынужденных идти пешком рядом со своими слабыми животными и истративших всю свою воду, заболели так сильно, что нам пришлось привязать их к верблюдам, потому что самостоятельно они были неспособны ни сидеть, ни тем более ехать верхом. Мы прикрыли их сверху, и, пока они были в силах говорить, они беспрестанно повторяли: “Воды, воды!” К сожалению, даже их лучшие друзья отказывали им в животворной влаге, и, когда мы на третий день (7 июля) достигли Медемин-Булага, одного из них смерть избавила от страшных мук жажды. Это был один из трех братьев, которые в Мекке потеряли отца. Я присутствовал при последнем вздохе несчастного. Его язык был совершенно черен, небо - серовато-белое, но черты лица не сильно обезображены, только губы так спеклись, что рот из-за этого раскрылся. В таком состоянии, я думаю, вода едва ли могла им помочь, да и кто бы дал им воды? Страшно было смотреть, как отец прятал свою воду от сына, брат - от брата, потому что каждая капля - это жизнь, а при муках жажды нет ни самопожертвования, ни благородства, как при других опасностях, угрожающих жизни.

[132] Мы уже три дня шли по песчаной пустыне и должны были достигнуть теперь твердой равнины и увидеть уходящие на север горы Халата. К сожалению, нас постигло новое разочарование. Наши животные не могли идти дальше, и четвертый день, 8 июля, мы провели в песках. В моем кожаном мехе оставалось около шести стаканов воды, и я отпивал по каплям, конечно страшно страдая от жажды. К моему величайшему ужасу, середина языка у меня начала чернеть, я сразу же выпил половину всей воды, уповая на спасение, но напрасно. Жжение, сопровождаемое головной болью, к утру пятого дня (9 июля) усилилось, и когда мы около полудня смогли различить в дымке контуры гор Халата, я почувствовал, что силы постепенно покидают меня. Чем ближе мы подходили к горам, тем меньше становилось песка, и все старались уже разглядеть стадо животных или пастушескую хижину, как вдруг керванбаши и его люди обратили внимание на приближающееся облако пыли и приказали как можно скорее слезать с верблюдов. Животные уже чувствовали приближение теббада; с ревом они опускались на колени, прижимались к земле, вытягивали длинные шеи и пытались зарыть голову в песок. Мы спрятались за них, как за стену, и не успели упасть на колени, как над нами с глухим воем пронесся ветер, швыряя в нас слой песка; его толщина достигала всего двух пальцев, но первые песчинки обжигали, как искры. Застань нас ветер на шесть миль глубже в пустыне, мы все погибли бы. Мне не довелось увидеть, чтобы ветер вызывал лихорадку или рвоту, только воздух стал более гнетущим и душливым, чем прежде.

Когда пески кончились, перед нами предстали три разных пути. Один, длиной 22 мили, идет через Каракель, другой, в 18 миль, по равнине до Бухары, третий, в 20 миль, идет через горы, где можно найти воду, но крутые тропы недоступны для верблюдов. Мы выбрали средний путь, самый короткий, в первую очередь потому, что надеялись найти воду у пастухов. К вечеру мы достигли колодцев, где в этом году еще не побывали пастухи. Вода, не пригодная для людей, освежила наших животных. Наши дела были плохи, мы были наполовину мертвецы, и только вполне реальная надежда на спасение поддерживала нас.

Я не мог сам сойти с верблюда; меня положили на землю; адский огонь жег мои внутренности, и из-за головной боли я был в обморочном состоянии. Мое перо не в силах описать картину мучений, которые мы претерпели из-за жажды. Думаю, что на свете нет смерти более мучительной, и хотя я стойко переносил все опасности, тут я почувствовал себя сломленным, так как решил, что наступил последний вечер в моей жизни.

Около полуночи мы тронулись в путь, я заснул, а когда проснулся утром 10 июля, то оказался в глиняной хижине в окружении длиннородых людей, в которых сразу узнал сынов Ирана. Они говорили, обращаясь ко мне: “Шума ки хаджи нистид!” (“Вы же не хаджи!”). У меня не было сил отвечать. Мне дали сначала теплого, а потом

кислого молока, смешанного [134] с водой и солью, называемого айраном: оно подкрепило меня и скоро поставило на ноги. Только теперь мне стало ясно, что я и все остальные мои спутники в гостях у рабов-персов, которые пасли овец в пустыне, в 10 милях от Бухары. Хозяева снабдили их скудным запасом воды и хлеба, чтобы они не попытались бежать, имея больше провианта. И все же у этих несчастных хватило благородства дать своей воды заклятым врагам, суннитским муллам. Особенно добры они были ко мне, когда я заговорил с ними на их родном языке, потому что, хотя в Бухаре говорят и по-персидски, этот язык очень отличается от иранского. Особенно меня растрогал вид пятилетнего мальчика-раба, казавшегося очень смышленным. Года два назад его взяли в плен вместе с отцом и продали в рабство. Когда я спросил его об отце, он радостно ответил: “Да, мой отец купил себя (т.е. выкупился), я буду рабом еще два года, тогда отец накопит деньги и освободит меня”. На несчастном ребенке были какие-то лохмотья, едва прикрывавшие слабое тело, а кожа по жесткости и цвету походила на шкуру. Я дал ему кое-что из своей одежды, и он обещал приспособить эти вещи для себя.

Несчастные персы дали нам немного воды на дорогу. Я расставался с ними с чувством благодарности и сострадания. Мы направились к месту своей следующей стоянки, Ходжа-Обан, объекту паломничества, где находится могила святого, носящего то же имя. Правда, это место находилось несколько севернее нашего пути, но мы, как хаджи, должны были побывать там. К великому сожалению моих спутников, мы заблудились ночью на краю пустыни среди песчаных холмов, среди которых Ходжа-Обан возвышается наподобие оазиса, и, когда после долгих поисков дороги наступило утро 11 июля, мы очутились на берегу пресноводного озера. Здесь кончалась пустыня, а с нею и страх жажды, страх перед разбойниками, ветром и прочими напастями. Мы тем самым вступили на территорию собственно Бухары и, прибыв через два часа в Хакемир (деревню, где жил керванбаши), оказались уже в довольно хорошо обработанной местности. Весь этот край орошают каналы реки Карасу, которую одни люди считают рукавом Зеравшана, а другие говорят о ней как о самостоятельной реке, текущей с севера. Дальше она теряется в упомянутом озере, вода которого, как рассказали, годится для питья только в весенние и первые летние месяцы, а затем сильно убывает и делается соленой.

В Хакемире, насчитывающем 200 домов и расположенном всего в двух часах пути от Бухары, нам пришлось заночевать, для того чтобы, согласно законам страны, сборщик таможенных пошлин (баджгир) и *garporteur* (ваканювис)⁷⁷, извещенные о нашем прибытии, могли произвести досмотр и допрос за пределами города. В тот же день к нам был направлен специальный вестник, а назавтра спозаранку явились три офицера эмира с очень важным чиновником взять с нас пошлину, но главным образом для того, чтобы получить сведения о нас самих и [135] соседних странах. Начали с багажа. У хаджи в сумках были большей частью святые четки из Мекки, финики из Медины, гребни из Багдада, тростниковые перья для письма из Персии, ножи, ножницы, наперстки и маленькие зеркальца из Френгистана. Хотя они утверждали, что бухарский эмир (дай бог ему 120 лет жизни!) никогда не берет таможенных пошлин с хаджи, чиновник ни в чем не отступил от правил и переписал каждую вещицу. Я с двумя другими нищими был последним. Посмотрев мне в лицо, он засмеялся и сказал, чтобы я показал свой чемодан, потому что у нас (он, вероятно, имел в виду европейцев, причислив к ним и меня) всегда бывают с собой красивые вещи. У меня было тогда хорошее настроение, на мне был дервишский, или дурацкий, колпак, и я ответил хитрому бухарцу, что у меня и в самом деле есть прекрасные вещи. Я спросил его, будет ли он сначала смотреть мое движимое или недвижимое имущество. Так как он захотел все увидеть сам, я выбежал во двор, взял своего осла, повел его по лестницам и по коврам прямо в комнату и под громкий смех моих коллег представил его таможеннику. Затем я раскрыл свою сумку и показал лохмотья и старые книги, приобретенные в Хиве. Разочарованный бухарец удивленно посмотрел кругом и спросил, неужели у меня действительно нет ничего другого. Тогда Хаджи Салих сообщил ему нужные сведения о моем звании, характере и целях путешествия; тот все тщательно записал и, взглянув на меня, многозначительно покачал головой. После того как сборщик пошлин осмотрел багаж, к своим обязанностям приступил ваканювис, т.е. “записывающий события”. Сначала он записал подробные данные о каждом путешественнике, а затем новости, которые они могли сообщить. Как смешны были подробные расспросы о Хиве, стране, родственной по языку, происхождению и религии, стране, которая на протяжении столетий была близким соседом Бухары, причем их столицы находились лишь в нескольких днях езды друг от друга!

Все оказалось в порядке, некоторые разногласия возникли только по поводу нашего первого жилья в столице. Сборщик пошлин предложил таможду, потому что надеялся там еще что-нибудь выведать у нас, а также подвергнуть меня более подробному допросу. Но Хаджи Салих (он теперь встал во главе каравана, так как пользовался большим влиянием в Бухаре) настоял на том, чтобы остановиться в текке⁷⁸. Тотчас же покинув Хакемир, мы проехали всего с полчаса по местности, изобилующей садами и пашнями, как уже показался город Бухара Шериф (Благородная Бухара), как ее называют жители Средней Азии, со своими неуклюжими башнями, которые все без исключения были увенчаны гнездами аистов. (В Хиве множество соловьев, но нет аистов, в Бухаре же, наоборот, нет ни одной башни или другого высокого здания, где бы эти птицы не выставили своих одноногих часовых. Поэтому хивинец смеется над бухарцем, говоря: “Твое соловьиное пение - это стук клювов аистов по крыше”.)

[136] Примерно за полтора часа до въезда в город мы перебрались через текущий на юг Зеравшан, который и верблюды и лошади смогли перейти вброд, хотя течение довольно быстрое. На той стороне еще виднелись опоры когда-то высокого и прекрасно построенного моста, совсем рядом с мостом грудились развалины дворца, также сооруженного из камня. И то и другое, как мне сказали, - творения знаменитого Абдулла-хана Шейбани⁷⁹. В общем же в ближайших окрестностях столицы Средней Азии сохранилось немного остатков ее прежнего величия.

XI

Бухара. - Прием в текке, центре ислама. - Рахмет-Бий. - Базар. - Баха ад-Дин, великий святой Туркестана. - Против автора высланы шпионы. - Судьба путешественников, недавно побывавших в Бухаре. - Книжный базар. - Червь (ришта). - Снабжение города водой. - Бывшие и нынешние эмиры. - Гарем, правительство, семья правящего эмира. - Торговля рабами. - Отъезд из Бухары и посещение гроба Баха ад-Дина.

Наша дорога вела к расположенным в восточной части города воротам Дарваза-Имам, но мы вошли не через них, потому что тогда к нашему текке, находящемуся севернее, мы могли бы попасть только через толчею базара. Поэтому мы объехали городскую стену, в которой во многих местах были большие трещины, и войдя через ворота Дарваза-Мазар, прибыли 12 июля в обсаженный красивыми деревьями просторный текке, образующий правильный квадрат с 48 кельями на первом этаже. Его нынешний глава (хальфа) - внук известного своей святостью хальфы Хусейна, имя которого и носит текке. О большом почете, все еще оказываемом этому семейству, говорит уже то, что упомянутый внук был имамом и хатибом, т.е. придворным священником эмира. Я немало гордился этим официальным постом нашего хозяина.

Хаджи Салих, который был мюридом (учеником) названного святого и поэтому считался членом семьи, сразу же представил меня и наиболее благородных хаджи из нашего общества. Настоятель, человек с приятной внешностью и прекрасными манерами, которому очень шли белоснежный тюрбан и шелковые летние одежды, принял меня сердечно, и, когда я в течение получаса в изысканных выражениях побеседовал с ним, он был вне себя от радости и сожалел только, что бадевлета (Его Величества эмира) (Бадевлет - "благоденствующий", "блаженный") сейчас нет в Бухаре, а то бы он представил меня ему.

Он велел отвести мне отдельную келью в почетном месте, т.е. [137] вблизи мечети; с одной стороны у меня был соседом высокоученый мулла, а с другой - Хаджи Салих. Этот двор был полон знаменитостями, и я нечаянно очутился в самом гнезде исламского фанатизма в Бухаре; само мое местопребывание, если я освоюсь в этом кругу, могло бы быть для меня наиболее надежной гарантией против всяких подозрений мирских властей. Rapporteur сообщил о моем приезде. Первый офицер эмира, Рахмет-Бий, правивший в Бухаре, пока его господин был в походе в Коканде, еще в тот же день велел разузнать обо мне у хаджи, (Чрезвычайно интересен рассказ о состоявшейся позднее встрече Рахмета Бия, получившего тогда уже повышение и ставшего инаком⁸⁰, с русским чиновником господином фон Ланкенау, членом комиссии, которая должна была заключить мирный договор с Рахметом как полномочным представителем эмира. Господин фон Ланкенау поместил об этой встрече в июне 1872 г. во французской газете очаровательный, но незаслуженно лестный для меня фельетон, из которого я здесь хочу привести соответствующий отрывок.

"Во всем ханстве, - говорит господин фон Ланкенау, - он (Рахмет) был единственным, кого отважный Вамбери не обманул своим переодеванием. Этот путешественник говорит, что, когда он представился Рахмету, управлявшему тогда в отсутствие эмира всей Бухарой, он не без робости и дрожи смотрел в глаза пронизательного наместника, сознавая, что его тайна была угадана последним или близка к разгадке.

Когда мы однажды позже спросили Рахмета-инака, не помнит ли он святого пилигрима-хаджи, хромого, с очень смуглым лицом, который лет пять назад был в Бухаре и Самарканде, он ответил, улыбаясь: „Хотя каждый год в эти святые места приходит много паломников, я все-таки догадываюсь, кого вы имеете в виду. Этот паломник был очень ученый хаджи, гораздо более ученый, чем все другие бухарские мудрецы".

Мы сказали ему, что это был европеец, и показали книгу Вамбери, из которой перевели место, где знаменитый путешественник говорит о самом Рахмете.

„Да, я это знал, — ответил Рахмет, — но я знал также, что это не вредный человек, и не хотел погубить такого ученого мужа. Муллы ведь сами были виноваты, что не угадали, кто находится среди них") но в текке эмир не мог приказывать, так что на расспросы никто не обратил внимания и мне ничего об этом не было сказано.

Мои добрые друзья сказали всем: "Хаджи Решид не только добрый мусульманин, но и ученый мулла, и всякое подозрение против него - это смертный грех". А мне между тем дружески посоветовали, что мне следует делать, и только благодаря наставлениям и благородной дружбе своих товарищей в Бухаре со мной не случилось несчастья, так как, не говоря уже о печальном конце моих предшественников в этом городе, я обнаружил, что Бухара опасна не только для нас, европейцев, но и для всякого чужеземца, потому что правительственная система шпионажа достигла высокой ступени совершенства.

На следующее утро я вышел в сопровождении Хаджи Салиха и еще четырех спутников осмотреть город и базары. Хотя нищета улиц и домов намного превосходит бедность, скрывающуюся за самыми жалкими жилищами персидских городов, а пыль по колено в "благородной" Бухаре произвела на меня совсем неблагоприятное впечатление, я был все-таки потрясен, когда попал [138] в первый раз на базар, в гущу колышущейся толпы. Далеко не столь красивые и роскошные, как базары в Тегеране, Тебризе и Исфахане, базары в Бухаре представляют для чужеземца вследствие разнообразия рас, одежд и нравов поразительное, ни с чем не сравнимое зрелище. Большинство людей в толпе относится к иранскому типу, они носят белые или синие тюрбаны: белые - люди благородные и муллы, вторые, очень идущие к лицу, - купцы, ремесленники и слуги. Далее, можно заметить татарские физиономии всех оттенков, от узбека до киргиза; впрочем, можно, не видя лица, всегда отличить туранца от иранца по неуклюжей, твердой походке. В этой толпе, состоящей из двух главных рас Азии, представьте себе вкрапленных тут и там нескольких индусов (мултани, как их здесь называют) и евреев, которые носят как отличительный признак (Эламети тефрики⁸¹, который, согласно Корану, должен носить каждый немусульманин, чтобы не тратить на него приветствие "Салам алейкум!" ("Мир да будет с тобой!")) что-то вроде польской шапки и шнура вокруг бедер. Индус с его красным знаком на лбу и желтым лицом мог бы сойти за пугало на большом рисовом поле, еврей со своими благородными, прекрасными чертами лица и великолепными глазами мог бы позировать нашим художникам, являя образец мужской красоты. Мы должны также упомянуть туркмена, чьи смелые огненные глаза сверкают ярче всех прочих; вероятно, он думает про себя, какую богатую добычу принес бы здесь аламан. Афганцев встречается очень мало; у них длинные грязные рубахи и еще более грязные свисающие вниз волосы, на плечи наброшен по римскому образцу полотняный платок, однако они мне кажутся людьми, которые, ища спасения, выбежали в полночь на улицу из горящего дома.

Это пестрое смешение бухарцев, хивинцев, кокандцев, киргизов, кипчаков, туркмен, индусов, евреев и афганцев представлено на всех главных базарах, но, несмотря на то что все в толпе беспрестанно двигались в разные стороны, я не заметил и намека на шумную базарную жизнь, которая так характерна для Персии. Я держался рядом со своими спутниками и бросал беглые взгляды на лавки, в которых было больше русских галантерейных и мануфактурных

товаров и совсем немного западноевропейских, прибывших через Оренбург. Для путешественника они интересны в этом далеком городе только потому, что при виде куска ситца или наклеенной на него фабричной марки он испытывает чувство, словно увидел земляка. Как забилось мое сердце, когда я прочитал слова “Манчестер”, “Бирмингем”, и как я боялся одним только чтением этих слов выдать себя! Крупных лавок и крупных кушцов очень мало, и, хотя кроме Рестейи чит фуруши (торговый ряд, где продается чит, т. е. ситец), насчитывающего 284 лавки, еще во многих других местах в городе торгуют ситцем, коленкором и перкалем, все же я берусь смело [139] утверждать, что мои друзья Ханхарт и К° в Тебризе одних лишь этих товаров сбывают столько, сколько весь город Бухара, несмотря на то что его по праву именуют столицей Средней Азии.

Интересное для чужеземца на базаре в Бухаре та его часть, где выставлены товары, производимые местной промышленностью; двухцветные полосатые узкие хлопчатобумажные ткани, называемые “аладжа”, шелк - от тонких платков, напоминающих паутину, до тяжелого атреса - и особенно изделия из кожи играют здесь главную роль. Следует отметить искусство изготовителей поясов, но больше впечатляет мастерство сапожников. Мужские и женские сапоги совсем неплохи: мужские - на высоких заостренных каблуках, суживающихся на концах до размеров шляпки гвоздя, женские немного неуклюжи, но часто украшены тончайшей шелковой вышивкой. Нельзя также не упомянуть базар и лавки, где разложены одежды светлых тонов, блестящие, со множеством складок. Житель Востока, который только здесь раскрывается во всей своей оригинальности, любит “чахчух”, т.е. шуршание одежды, и мне доставляло большое удовольствие наблюдать, как покупатель в новом чапане (костюме) прохаживался взад и вперед, чтобы проверить силу звука. Все это - изделия местной промышленности, и все они очень дешевы; именно поэтому бухарский рынок одежды снабжает всех правоверных вплоть до Китайской Татарии фешенебельными костюмами. Киргизы, кипчаки и калмыки обычно тоже заглядывают сюда из пустыни, и дикий татарин с косыми глазами и выдающимся вперед подбородком смеется от радости, обменяв свой костюм, сделанный из грубой лошадиной шкуры, на легкой ектай (вид летней одежды). Здесь для него - высочайший уровень цивилизации; Бухара - это и Париж и Лондон.

После того как мы пробродили около трех часов, я попросил моего проводника и благородного друга Хаджи Салиха проводить меня в такое место, где можно было бы отдохнуть и освежиться; он провел меня через Тимче чай фуруши (чайный базар) к знаменитой площади Леби Хауз Диванбеги (т.е. берег пруда Диванбеги), которую я считаю самым прекрасным местом в Бухаре. Это почти правильный четырехугольник, в середине которого находится глубокий пруд, 100 футов длиной и 80 футов шириной; берега его выложены квадратными плитами, к поверхности пруда ведут восемь ступенек. Вокруг на берегах возвышаются несколько красивых вязов, в тени которых неперменные чайные лавки с огромными самоварами (котлы для чая), специально изготовляемыми для Бухары в России, приглашают пить чай. С трех сторон площади на прилавках, затененных тростниковыми циновками, продаются сладости, хлеб, фрукты, горячие и холодные закуски; сотни импровизированных лавок, окруженных жаждущей и голодной толпой, жужжащей как пчелы, представляют весьма своеобразное зрелище. На четвертой, западной стороне, напоминающей террасу, находится мечеть (Масджиди-Диванбеги), у фасада которой под деревьями [140] дервиши и меддах (рассказчик) с утрированной мимикой повествуют в стихах и прозе о подвигах знаменитых воинов и пророков, и всегда они окружены толпой любопытных слушателей. Когда я пришел на эту площадь, случаю было угодно добавить еще один штрих для завершения и без того интересного зрелища, по площади проходила еженедельная процессия - около пятнадцати дервишей из ордена Накшбенди, который ведет отсюда свое начало и имеет здесь свою главную резиденцию. Я никогда не забуду, как эти одержимые люди в длинных конусообразных колпаках, с развевающимися волосами и длинными посохами прыгали, как безумные, в то время как хор ревел гимн, отдельные строфы которого сначала пел им седобородый предводитель.

Мои глаза и уши были так заняты, что вскоре я забыл об усталости. Мой друг насильно увел меня в чайную лавку. И когда был налит благородный шивин (сорт чая), он, заметив мое удивление, спросил с искренней радостью: “Ну как тебе нравится Бухара Шериф? ” “Очень нравится”, - отвечал я, и, несмотря на то что Коканд в то время враждовал с Бухарой, он, сам кокандец, был очень рад, что столица Туркестана произвела на меня такое благоприятное впечатление, и обещал показать мне в последующие дни все ее прелести. Хотя на мне был строгий бухарский костюм и солнце меня так обезобразило, что даже родная мать вряд ли узнала бы меня, все же, где бы я ни оказался, меня окружала толпа любопытных, которые мне очень докучали рукопожатиями и объятиями. Благодаря огромному тюрбану (Как известно, тюрбан представляет собой саван, который каждый благочестивый мусульманин должен носить на голове, чтобы постоянно помнить о смерти. Коран велит носить только один саван (кефан) в семь локтей, но люди набожные увеличивают его и носят на голове часто 4-6 саванов, т.е. длиной 28-42 локтя, из тонкой кисеи.) и большому Корану, который висел у меня на шее, я приобрел внешность ишана или шейха и должен был делать вид, что мне нравится это бремя. Зато святость моего сана защищала меня от вопросов любопытствующих мирян, и я слышал, как люди вокруг меня спрашивали обо мне моих друзей и шептались между собой. “Каким надо быть благочестивым, - говорил один, - чтобы пройти от Константинополя до Бухары только для того, чтобы посетить нашего Баха ад-Дина”. (Баха ад-Дин, в бухарском произношении Баведдин, - это знаменитый во всем исламском мире аскет и святой, основатель ордена Накшбенди, членов которого можно встретить в Индии, Китае, Персии, Аравии и Турции. Он умер в 1388 г; обитель, мечеть и мраморное надгробие на его могиле в деревне Баведдин велел построить Абдул Азиз-хан в 1490 г ⁸²) “Да, - сказал другой, - хотя мы и ходим в Мекку, самое святое из всех святых мест, испытывая немалые лишения, эти люди (указав на меня) ничего другого не делают, их жизнь - это молитва, благочестие и паломничество”. “Браво, ты угадал”, - подумал я, чрезвычайно обрадованный тем, что мне с успехом удастся жить в Бухаре инкогнито. В продолжение всего моего пребывания в столице [142] Туркестана я действительно ни разу не возбудил подозрения народа. Ко мне приходили за благословением, меня слушали, когда я в общественных местах читал историю великого шейха Багдада, Абд аль-Кадера Гиляни, меня хвалили, но никто не дал мне ни геллера, и ложная святость этого народа сильно отличалась от истинной набожности хивинских узбеков.

С правительством мне было не так легко ладить, как с народом. Уже упоминавшийся мною Рахмет-Бий, будучи не в состоянии формально ко мне придаться, непрерывно подсылал ко мне шпионов, которые в пространном

разговорах все время касались Френгистана в надежде, что я каким-нибудь замечанием выдам себя. Увидев, что это не приводит к цели, они начали говорить о том, как велик был интерес френги к благородной Бухаре и как уже были наказаны многие их шпионы, особенно англичане Кенелли и Истоддер Сахиб (Конолли и Стоддарт). **(Печальный конец обоих этих мучеников даже в Бухаре остается тайной, и противоречивые слухи об этом продолжают циркулировать еще и сегодня. Читатель поймет, что мне при моем инкогнито невозможно было собирать сведения о судьбе этих несчастных. О печальном событии писали, впрочем, Феррье, Вольф, В. Кэй и другие официальные и неофициальные корреспонденты. так что мои мимоходом собранные сведения совершенно не нужны.)** Или же они рассказывали мне о прибывших несколько дней назад и посаженных в тюрьму френги (несчастных итальянцах), которые привезли несколько ящиков чая, якобы посыпанного алмазной пылью, чтобы отравить всех жителей святого города, о том, что они превращали день в ночь и совершали другие адские трюки. Чаще всего этими ищейками были хаджи, которые по многу лет жили в Константинополе и хотели проверить мое знание языка и жизни в этом городе. Долго и терпеливо выслушивая их, я обычно делал вид, что мне это надоело, и просил пощадить меня и не рассказывать о френги. “Я уехал из Константинополя, - говорил я, - чтобы избавиться от этих френги, которые и черта могут лишить разума. И теперь, благодарение Богу, я в благородной Бухаре и не хочу воспоминаниями о них портить себе настроение”. Подобным же образом я отвечал пронирыливому мулле Шериф эд-Дину, аксакалу книготорговцев, который показал мне список книг, оставленных у него несколько лет назад русским посланником, а также английские и итальянские бумаги. Я бросил на них презрительный взгляд и сказал: “Хвала Аллаху! Моя память еще не осквернена наукой и книгами френги, как это, к сожалению, часто бывает у константинопольских турок” **(Однажды ко мне пришел слуга везира с маленьким тощим человеком; я должен был проверить, действительно ли он араб из Дамаска, как он утверждал. Когда он вошел, я тотчас обратил внимание на черты его лица: я счел его европейцем; мое удивление еще более возросло, когда он начал говорить, и я обнаружил, что произношение у него отнюдь не арабское. Он сказал мне, что предпринял паломничество в Хотан (в Китае) к гробу Джафар бен Садыка и на этих днях хочет продолжить путешествие. На его лице во время нашей беседы можно было заметить беспокойство. Мне было очень жаль, что я не смогу его увидеть еще раз, так как я был склонен думать, что он играл такую же роль, как и я.)**

[143] Когда Рахмет-бий увидел, что ничего не удастся сделать даже через подосланных лиц, он велел позвать меня к себе, конечно, в форме вежливого приглашения на плов, где должен был присутствовать также цвет бухарских улемов. Придя к нему, я понял, что мне предстоит тяжелое испытание, так как все заседание было созвано для того, чтобы устроить мне своего рода экзамен, во время которого мое инкогнито должно было пройти боевое крещение. Я сразу заметил опасность и, чтобы меня не застал врасплох тот или иной вопрос, сделал вид, что стремлюсь все узнать, и сам задал этим господам множество вопросов по поводу различий между религиозными принципами фарз, суннет, ваджиб и мустахаб. **(Имеется четыре степени важности заповедей ислама. “Фарз” обозначает заповедь, высказанную Богом через пророка, “суннет” - слова самого пророка, не вдохновленные Богом. Два последних слова, “ваджиб” и “мустахаб”, означают предписания, которые исходят от более поздних толкователей Корана⁸⁴. Первые обязательны для всех, вторые предоставляется исполнять каждому по его усмотрению.)** Мое усердие понравилось, и вскоре развернулась острая дискуссия по многим пунктам Хидайета, Шерхи Векайе⁸³ и других книг, трактующих подобные темы. Я с осторожностью принимал участие в дискуссии, но громко расхваливал превосходство бухарских мулл не только надо мной, но и над всеми константинопольскими улемами. Короче говоря, я и здесь счастливо вышел из положения. Высокоцитимые муллы знаками и словами дали понять Рахмет-бию, что его осведомитель сильно заблуждается и что я хотя еще и не “крепкий мулла”, но все же человек, находящийся на пути к свету истинного знания.

После этого я жил в Бухаре довольно спокойно. Обычно я вначале дома исполнял долг, который возлагал на меня как на дервиша мой сан. Затем и шел на книжный базар, состоявший из 26 лавок, где печатное произведение все еще было редкостью. Здесь и в домах книготорговцев, где и размещаются крупные склады, я видел немало сокровищ, которые были бы для наших историков, изучающих Восток, и филологов чрезвычайно полезны, но приобретение которых для меня оказалось невозможно, потому что, во-первых, у меня не было достаточно средств, а во-вторых, интерес к светским занятиям мог повредить моему инкогнито. Привезти то немногое, что я купил на книжных базарах Бухары и Самарканда, стоило мне больших трудов. Сердце мое обливалось кровью, когда я вынужден был оставить произведения, которые смогли бы заполнить значительные пробелы в наших востоковедческих исследованиях.

С книжного рынка я обычно шел на довольно отдаленный Регистан, который хотя и был более просторен и люден, чем уже упоминаемый мною Леби Хауз, но далеко не был столь привлекателен. Здесь тоже есть пруд, окруженный чайными лавками. С берегов его можно увидеть расположенную на другой стороне на значительном возвышении крепость, или дворец (арк), эмира.

[144] Портал, над которым вделаны часы, имеет мрачный, отпугивающий вид, и меня охватывал таинственный ужас, когда я проходил мимо этого гнезда тирании, где многие мои предшественники были убиты, да и сейчас три несчастных европейца томилась здесь далеко от родины, лишённые всякой помощи. **(Это те три итальянца, которые были арестованы в то время, когда я был в Бухаре, и которые позже, лишившись всего, что у них было, спасли жизнь лишь благодаря содействию русского правительства.)** Рядом с воротами на земле стояли 14 медных пушек с разукрашенными длинными стволами. Они были присланы сюда эмиром как трофеи его победного похода на Коканд. Справа от дворца возвышается Масджиди-Килян, самая большая мечеть Бухары, которую построил Абдулла-хан Шейбани.

Хотя Регистан находится почти что перед глазами у эмира, все же нет во всей Бухаре и, может быть, даже во всем Туркестане места, где бы совершалось столько мерзких греховных преступлений, как здесь. Известен отвратительный порок жителей восточных стран, который рождается на берегах Босфора и чем дальше на восток, тем заметнее, достигает здесь наивысшей точки. Над вещами, которые крайне возмутили бы наши европейские чувства, здесь смеются как над невинной шуткой. Даже религия, которая наказывает смертью малейшие ошибки в омовении или в других предписаниях, смотрит на это сквозь пальцы. Часто я видел в чахарбаге⁸⁵ Абдулла-хана, который лежит вне города, мужчин разных сословий и возрастов, которые бились головой о стену, валялись в пыли, рвали на себе

одежды, чтобы показать степень своего преклонения перед существом, сидевшим вдали под деревом и, казалось, занятым чтением. Я считал это место потаенным и не удивлялся. Каково же было мое изумление, когда и на Регистане я в каждой чайной лавке видел подобную жертву, которую посадил здесь дух наживы, чтобы служить магнитом для проходящих.

Я всегда избегал этих ужасных сцен и охотнее бывал в чайной лавке китайца из Комула, (**Комул отстоит на 40 станций от Кашгара и на 70-от Бухары.**) который в совершенстве владел турецко-татарским языком и считался здесь мусульманином. Он был очень добр ко мне, а ведь как далеко находились друг от друга страны, где мы родились! Он много рассказывал мне о прекрасных местах, нравах и замечательных блюдах своей родины. Особенно сведущ он был в чайном деле и очень оживлялся, когда говорил о чайном кусте, у которого на одном стебле растут листья, имеющие такой разнообразный вкус. У него в лавке было до 16 сортов, которые он умел различать на ощупь. Чай был следующих сортов: 1) кырма, 2) ахбар, 3) ак куйрук, которые редки в Средней Азии и Китае, но в большом употреблении в России, Персии и Европе; 4) кара чай, 5) сепет чай, которые, как китайский кнастер⁸⁶, продаются в форме плиток; их пьют только утром со сливками и солью, они [145] действуют очень возбуждающе; 6) шибяглу, 7) горэ шибяглу, 8) шивин, 9) ит келлеси, 10) бёнге, 11) пошун, 12) пу-чай, 13) тунтей, 14) гольбуй, 15) мишкгёз, 16) лонка. Все это - сорта зеленого чая, так как только его любят в Северном Китае и Средней Азии. Лонка-чай считается наиболее благородным, и для одной чашки, равной нашим двум, достаточно одного - единственного листочка. (**Обычный покупатель судит о чае по листу, т.е. по вываренным чайным листочкам, которые у хорошего чая должны быть нежными и мягкими.**)

Я извлек так много для себя из рассказов моих спутников по пути из Тегерана сюда, что через восемь дней, проведенных в Бухаре, я был здесь уже как дома. Вначале меня всюду водил Хаджи Салих, позже я продолжал осмотр города, посещение базаров и медресе один и сопровождал своих друзей только тогда, когда нас всех вместе приглашал живший здесь китайский татарин. Там нас обычно угощали национальными блюдами, которых мои друзья, а именно Хаджи Билал и его близкие, уже давно были лишены. Из этих блюд я хочу описать одно и рекомендовать его европейскому читателю как очень вкусное кушанье. Речь идет о мантах, своего рода пирожках, которые начиняются рубленным мясом, смешанным с жиром и пряностями, и варятся очень своеобразно. На огонь ставят котел с водой, сверху его закрывают, оставляя только одно отверстие, с кулак величиной. Над ним устанавливают три-четыре решета, которые плотно закрыты, причем нижнее приклеено к котлу тестом. Когда вода закипит и решета в достаточной мере наполнятся паром, манты кладут сначала в верхнее решето, затем в нижнее, где их оставляют надолго, пока не поспеют. Не странно ли, что китайцы применяют пар даже для своих кушаний? Сваренные манты часто обжаривают в жире, и они получают тогда название "занбуси" ("дамский поцелуй"). У моих друзей из Кашгара и Яркенда еще много своеобразных блюд, но передадим рецепты тому, кто захочет написать татарскую поваренную книгу.

Погода во время моего пребывания в Бухаре была невыносимо жаркая, и я при этом страдал вдвойне, так как вынужден был пить все время теплую воду или чай из страха перед риштой (*filaria medinensis*), которая поражала в течение лета каждого человека из десяти. Как у нас насморк, так же легко может бухарец или чужестранец, находящийся там летом, получить эту болезнь. Он вдруг чувствует зуд в ноге или другой части тела. Немного позже становится заметным маленькое красное пятнышко, и из него появляется толщиной в суровую нитку червь, который иногда бывает длиной с локоть. Его надо несколько дней осторожно вытаскивать, наматывая на веретено. Это обычная процедура, не вызывающая особой боли. Но если червь оборвется, возникает воспаление, тогда вместо одного выходят от шести до десяти червей, и человек, страдающий от сильной боли, на несколько недель бывает прикован к постели. Наиболее [146] смелые в самом начале дают вырезать ришту; цирюльники в Бухаре довольно опытны в этой операции. В одно мгновение вырезают они место, где ощущается зуд, червя вытаскивают, и рана вскоре заживает. Иногда эта болезнь, встречающаяся также в Бендер-Аббасе в Персии, проявляется лишь на следующее лето, даже в другом климате. Так случилось со знаменитым доктором Вольфом. Он привез ее с собой на память о путешествии в Бухару, и она проявилась только в Англии. Кроме того, жители Бухары страдают и от многих других злокачественных недугов - результата воздействия плохого климата и еще более плохой воды. Множество женщин, недурных собой брюнеток, обезображены болячками из-за безвезедной жизни дома.

Город Бухара получает воду из Зеравшана ("Рассыпающий золото"), ("Река Зеравшан, как мне сообщили, - пишет Радлов в "Журнале берлинского Географического общества" (т. 6, вып. 5), - вытекает из озера Искендер-Кель, которое находится в западной части Памира, в Кашгар-Даване. Главное направление его течения - с востока на запад. В верховьях до города Пенджикента река течет в узкой долине, которая (как говорят) со всех сторон окаймлена высокими горными массивами. Немного восточнее Пенджикента долина начинает расширяться. Лежащие южнее горы Алтаба обращены на юго-запад и постепенно террасами спускаются к реке; здесь также, примерно в пяти верстах от русла реки, тянется северная цепь гор Джунгар-Таг. О притоках, которые впадают в Зеравшан восточнее Пенджикента, я не смог получить никаких сведений. Но у Пенджикента река вбирает в себя уже всю массу воды, что дает возможность снабжать ею окрестную местность до Бухары, потому что западные притоки очень малы и в жаркую пору все их без исключения используют на полях. Притоки Зеравшана стекают с южных склонов Кара-Тага. С Нуратаньнг-Тага на юг текут четыре довольно значительные реки. Первая, Кара-Абдал, начинается на горном перевале Сары-Бел и течет между Ходум-Тагом и Карача-Тагом. Вторая, Тюрсюн, вытекает к югу от источника Ухум и прокладывает себе путь прямо через горы Карача. Третья, Пшат, берет начало на одном из южных отрогов Кара-Тага, в районе деревни Пенкент, и протекает между Ак-Тагом и Карача-Тагом. Теперь вода притоков используется на полях, которые лежат высоко в горах. Три главные реки, скорее совсем небольшие ручьи, текут в своих широких руслах в нескольких верстах южнее гор и достигают Зеравшана только при высоком уровне воды. Четвертый приток, который впадает в Зеравшан с севера, Джисман, берет начало севернее Катырчи на Ак-Таге у горного перевала Тикенлик. Летом он тоже не достигает Зеравшана, хотя его довольно глубокое русло показывает, что при высоком уровне воды он вливается в Зеравшан у Тасмачи. Тюрсюн образуется из рек Кара-Абдал, Накрут и Зарай; прежние притоки Токмазар, Казгалмар, Орта Булак, Кяряшя и др. даже при высоком уровне воды не доходят больше до

Тюрсюна; река Пшат принимает с запада приток Кошрават. Вода западных рек между Кара-Тагом и Ак-Тагом: Актшапа, Карачияка, Джуш Багачата - используется в садах. Между Пшатам и Джисманом с Ак-Тага текут три маленькие речки: Зербент, Андак и Бюргян; соединились ли они когда-то или порознь текли до Зеравшана, мне не удалось выяснить. Из многих маленьких речек, впадающих в Зеравшан с юга, наиболее значительны следующие: 1) Чарвак, восточнее Пенджикента; 2) Чурча, которая образуется из трех речек (у Пенджикента); 3) Куманьк, которая течет на север у деревни Даул; 4) Карасу и 5) Инам Якши (у Катта-Кургана)".) текущего с северо-востока. Его русло лежит ниже Бухары, и летом река очень скудно снабжает город водой. Вода поступает в город через канал (который довольно глубокий, но не содержится в чистоте) у ворот Дарваза-Мазар один раз в 8 или 14 дней, в зависимости от того, как позволяет уровень реки. [147] Появление у черты города воды, уже довольно грязной, - всегда радостное событие для жителей. Вначале млад и стар бросаются в арыки и резервуары, чтобы выкупаться, затем там купают лошадей, ослов и коров, а после того как собаки также немного освежатся, вход в воду запрещается. Вода постепенно отстаивается, становится прозрачной и чистой, но она уже растворила в себе всякого рода миазмы и грязь. Таково водоснабжение в "благородной" Бухаре, где тысячи питомцев учатся той религии, которая гласит: "Чистоплотность исходит от религии".

Я не могу забыть Бухару уже и потому, что наблюдал религиозные устремления и правительства, и народа. Я постоянно слышал изречение: "Бухара - истинная опора ислама", однако это определение кажется мне слишком слабым, Бухару можно было бы назвать "Рим ислама", тогда как Мекка и Медина - это только его Иерусалим. Бухара сознает это свое превосходство и гордится им перед всеми мусульманскими народами, даже перед султаном, который официально признан главой религии. Но ему едва ли можно простить то, что в подвластных ему странах многое искажается под влиянием френги. Меня, как османа, часто просили решить следующие вопросы: 1) почему султан не покончит со всеми френги за то, что, живя в его государстве, они не платят джизьи (подати); почему он не предпринимает ежегодно джихад (религиозную войну), коль скоро у него у всех границ живут неверные; 2) почему османы, сунниты по религии, принадлежащие к секте Абу Ханифы, не носят тюбана и длинных одежд, согласно предписанию достигающих лодыжек; почему у них нет длинной бороды и коротких усов, как у "Славы всех земных созданий" (как называют пророка); 3) почему сунниты и в Константинополе, и в Мекке произносят азан (призыв к молитве) нараспев, что является ужасным грехом; почему не все они становятся хаджи, ведь они живут так близко от святых мест, и т.д.

Я делал все возможное, чтобы спасти честь славных османов в отношении религии. И пусть мне иногда приходилось, краснея, говорить: "Pater peccavi"⁸⁷, но в душе я только поздравлял турок с тем, что у них под влиянием искаженного ислама есть столько хороших свойств и прекрасных черт характера, тогда как их единоверцы, черпающие из источника чистой веры, предаются лжи, лицемерию и притворству. Как часто приходилось мне принимать участие в хальках (кольцо или круг), когда благочестивые мужи после молитвы усаживались в круг плотно друг к другу, чтобы, погружившись в теведжу (созерцание)⁸⁸, или, как это именуют западные мусульмане, муракебе, размышлять о величии Бога, великолепии пророка и ничтожности нашего существования. Если посторонний человек посмотрит на этих людей в больших тюбанах, сидящих, понурившись, с опущенными вниз глазами, со свисающими на колени руками, он, вероятно, подумает, что это все - высшие существа, желающие сбросить бремя земного существования, и что они глубоко прониклись арабским [148] изречением: "Земной мир - мерзость, и те, кто привержен ему, - собаки". Если же приглядеться к ним, то увидишь, что многие от глубоких мыслей погружились в еще более глубокий сон. Но хотя они и храпят, как охотничьи собаки, это отнюдь не значит, что вы можете удивиться или сделать им замечание, потому что бухарец поставит вас на место и скажет: "Эти мужи достигли того, что, даже храпя во сне, думают о Боге и бессмертии души". В Бухаре важна прежде всего внешняя форма. В каждом городе есть свой раис (блюститель веры), который, проходя по улицам и площадям со своим дере (плеть-четырёххвостка), проверяет знание религии и отправляет невежд, будь то даже 60-летние старцы, на 1-14 дней в школу, а в час молитвы гонит всех в мечеть. Учится ли старик в школе или спит там, молятся ли люди в мечети или думают о делах, это никого не касается. Власти хотят соблюдения внешних форм, а что внутри - известно одному Богу.

Едва ли нужно упоминать, что религиозный дух оказывает могучее влияние на общество и правительство. Правда, иранская кровь жителей, поскольку пять шестых населения Бухары - это персы, мервцы⁸⁹ и таджики, придает некоторую живость базарам и площадям, но зато как скучно, как монотонно в частных домах! Малейшее проявление радости и веселья изгоняется отовсюду, где религия и система правительственного надзора выступают так деспотически. Шпионы эмира проникают даже в святилище семьи, и горе тому, кто обвиняется в проступке против религии или авторитета эмира! Вечная тирания так замучила людей, что даже муж и жена, оставшись наедине, никогда не произносят имени эмира, не добавляя слов: "Дай бог прожить ему 120 лет!" Эти несчастные даже не испытывают ненависти к правителям, потому что не только не замечают деспотизма и произвола, но и рассматривают его как необходимый атрибут королевского достоинства. Эмир Насрулла, отец теперешнего правителя Бухары, был в последние годы своего правления жестоким развратником, который наказывал смертью преступления против нравственности и в то же время попирали честь своих подданных самым возмутительным образом. Только немногие семьи избежали его злодейств, и все-таки никто не осмелился высказать вслух ни малейшего порицания. Теперешний эмир, Музаффар ад-Дин-хан, к счастью, добрый человек. В том, что касается религии и нравов, он, может быть, и строже своего отца, но его самого нельзя обвинить ни в одном преступлении. Отсюда бесконечные восхваления и прославления, которыми одаривает его народ.

Эмира я позже видел в Самарканде; ему 42 года, он среднего роста, немного полноват, но очень приятной наружности, с красивыми черными глазами и жидкой бородой. В молодости он год был губернатором в Карши и 18 лет в Кермине и всегда отличался мягким, приветливым характером. Он строго соблюдает принципы управления своего отца и, будучи муллою и благочестивым мусульманином, является заядлым врагом всяких [149] новшеств, даже если сам убежден в их пользе. Принимая бразды правления, он поместил на своей печати девиз "Правление путем справедливости" и до сих пор скрупулезно следует этому принципу, что подтверждается слухами, циркулирующими по этому поводу. Конечно, по нашему мнению, преувеличенно строгим был вынесенный эмиром

приговор о казни его мехтера (по рангу - второе лицо при дворе) за то, что тот, как об этом сообщили в Коканд, бросил двусмысленный взгляд на одну из придворных рабынь. Да и в завоеванной провинции никогда не должен был поступать справедливый правитель так, как это сделал эмир в Коканде; однако бухарскому хану можно простить эти ошибки. К своим высшим сановникам, которые, впрочем, этого часто заслуживают, эмир очень строг, за всякий пустяк он наказывает смертью. Но бедных он щадит, и прозвища “Фил - куш” и “Мушпервер”, т.е. “убийца слонов” и “защитник мышей”, которые ему дал народ, делают ему только честь.

Поразительно, как много усилий прилагает эмир, чтобы воспрепятствовать всему, что могло бы вывести его народ из скромного и простого положения, в котором он, по мнению эмира, чувствует себя счастливым. Ввоз предметов роскоши и прочих дорогих товаров запрещен, так же как пышность домов и одежд, и никто не смеет пренебречь этим запретом. Его сердари куль (главнокомандующий) Шахрух-хан, который происходит по боковой линии из шахской семьи в Персии (Каджаров), бежал сюда из Астрабада, где был губернатором. Долгое время он был здесь в большой чести, но захотел жить на персидский лад и построил за большие деньги по тегеранскому образцу одноэтажный дом, в котором кроме других предметов роскоши были застекленные окна. Дом стоил 15 000 тилла, что в Бухаре считается громадной суммой, и был так обставлен, что затмевал даже арк (дворец). Эмир знал об этом с самого начала, но ждал, пока дом будет готов; и тогда Шахрух-хана вдруг обвинили в преступлении против религии, заключили в тюрьму, а затем сослали. Дом достался эмиру, ему предлагали за него цену выше номинальной стоимости, но эмир велел его разрушить и даже уничтожить обломки, на которых остались какие-либо украшения. Все дерево было продано за 200 тилла на дрова одному пекарю в насмешку над всеми любителями роскоши.

В домашнем хозяйстве эмир также сильно отличается от своего отца. Я заметил едва ли половину той армии слуг, которых видел господин Ханыков при дворе Насруллы и описал с точностью и тщательностью, как и все, что он наблюдал в Бухаре⁹⁰. У Музаффар ад-Дин-хана, как велит религиозный обычай, 4 законные и около 20 незаконных жен. Законные жены - местные уроженки, незаконные - рабыни и, как мне сказали *bona fide*⁹¹, приставлены только для ухода за детьми, число которых составляет 16: 10 девочек, или принцесс, если хотите, и 6 мальчиков (тёре). Обе старшие дочери замужем за губернаторами Серепула и Акче. Но так как эти города попали в руки [150] афганцев, оба зятя живут как *gois sans portefeuilles*⁹² в гостях у эмира. В общем, гарем, в котором повелевают мать эмира бывшая персидская рабыня (родом из Кадемгаха около Мешхеда), и его бабка, Хаким Айим, славится примерным целомудрием и воспитанностью. Непосвященному под страхом смерти запрещено не только входить или заглядывать в гарем, но даже думать о нем. Только благочестивые шейхи и муллы, нефес (дыхание) которых, как известно, свято, допускаются туда. Наш Хаджи Салих был также вызван, чтобы передать хаки шифа (пыль здоровья) из Медины. Расходы гарема на одежду, кухню и другие потребности очень незначительны. Дамы шьют не только собственную одежду, но часто костюмы эмира, который, как известно, очень экономен и всюду осуществляет строгий контроль. Рассказывают, что расходы на кухню эмира составляют ежедневно не больше 16-20 тенге (1 тенге = 75 сантимам). Это, впрочем, вполне вероятно, так как на его столе редко бывают лакомства и еда состоит только из сваренного на бараньем жире плова. Выражение “царский стол” в Бухаре не имеет смысла, потому что у правителя, чиновника, купца, ремесленника и крестьянина пища одинаковая.

Кто долго бродил по пустыням Средней Азии, всегда найдет в Бухаре, несмотря на всю ее бедность, что-нибудь, напоминающее столицу. У меня был свежий, вкусный хлеб, чай, фрукты и горячая пища, я отдал шить себе две рубашки. И удобства цивилизованной жизни мне так понравились, что мне было очень жаль, когда мои друзья сказали, что пора готовиться к отъезду, так как они хотели еще до наступления зимы попасть на свою далекую восточную родину. В мои намерения входило сопровождать их пока до Самарканда, потому что там я вполне мог встретиться с эмиром, и их общество было бы мне очень полезно. В Самарканде мне предстояло решить, отправляюсь ли я в Коканд и Кашгар или двинусь один в обратный путь через Карши, Керки и Герат. Мои благородные друзья Хаджи Биалал и Хаджи Салих не пытались меня уговаривать. Но чтобы по возможности помочь мне, если я решу возвратиться, они познакомили меня с керванбаши из Герата, который находился в Бухаре со 150 верблюдами и через три недели собирался домой. Этого керванбаши звали Молла Земан. Он был давнишним знакомым моих друзей. Они рекомендовали меня ему, как брата или сына, и было решено, в случае если я захочу вернуться из Самарканда, встретиться через три недели в Керки, на той стороне Оксуса. Этот первый шаг, который напомнил мне о расставании с моими спутниками, был печальным для обеих сторон. Но меня утешала неизвестность, так как путешествие в Кашгар, Аксу и богатый мускусом Хотан - земли, где до меня еще не бывал ни один европеец, представляло для меня беспредельную привлекательность.

Место, где я встретил Молла Земана, заслуживает особого упоминания. Это был один из тех караван-сараев, которые [151] предназначены для торговли рабами и о которых я обязан сказать несколько слов нашим читателям. Четырехугольное строение имело 30-35 келий, которые снимали три крупных торговца, занимавшихся этим отвратительным делом, частично как помещение для их собственного товара, частично для того товара, который они получали на комиссию от туркмен. Как известно, каракчи, поскольку он сам не может долго ждать, продает обычно своих людей более зажиточному туркмену. Тот привозит их в Бухару и благодаря этой транспортировке получает большую прибыль, так как приобретает товар из первых рук. Тех, кого удастся сбыть в первые дни его пребывания в столице, он продает, остальных передает в руки маклера (деллала), который заключает по-настоящему крупную сделку. На базарах в Бухаре и Хиве продаются люди в возрасте от трех до шестидесяти лет, если они из-за каких-либо пороков не именуется калеками. Согласно предписаниям религии, только неверных можно продавать в рабство. Однако лицемерная Бухара не считается с этим, и кроме персов-шиитов, которых Молла Шемседдин (в 1500 г.) объявил неверными, в рабство обращают многих суннитских единоверцев, избияниями и пытками вынуждая их выдавать себя за шиитов. Не способен, т.е. недостойн, стать даже рабом только еврей. Впрочем, питаемое к нему отвращение доставляет радость сыну Израиля, так как туркмен обирает его, но не прикасается к его телу. Раньше исключение составляли также индусы, но поскольку в последнее время многие приходят в Бухару через Герат, текинцы или сарыки ввели новое правило. Несчастливого поклонника Вишну превращают сначала в мусульманина,

затем он должен стать шиитом, и, лишь дважды сменив религию, он удостоивается чести стать рабом, после того как у него отняли все его имущество.

Выставленный на продажу раб мужского пола подвергается публичному осмотру, причем продавец должен отвечать и за те умственные и физические недостатки своего товара, которые могут проявиться позже. Для самого раба час, который освобождает его из рук торговца, один из самых счастливых, потому что даже самое жестокое обращение, которое ждет его в услужении, не может быть таким гнетущим и мучительным, как время, проведенное им в лавке, где он всего-навсего предмет торговли. Цена меняется в зависимости от политических условий, позволяющих туркменам, единственным поставщикам этого товара, направлять свои аламаты в соседние страны. В то время как сейчас самая высокая цена здорового мужчины была 40-50 тилла (соответствует 13 английским шиллингам), после поражения персов при Мерве, где были взяты в плен сразу 18 тыс. персидских солдат, такого мужчину можно было получить за 3 или 4 тилла.

Мы пробыли в Бухаре 18 дней, и я не мог больше задерживать своих друзей; пора было отправляться в Самарканд. Жизнь в Бухаре, где нам все только пожимали руки, но не давали ни [152] гроша в качестве подаяния, сильно расстроила наши финансы. Сбережения, сделанные в Хиве, пришли к концу, и, подобно многим другим, я продал своего осла; отсюда следовало двигаться в нанятой повозке. Некоторые члены нашего каравана, те, что были из Ходжента и Коканда, уже отделились от нас и отправились одни в более короткое путешествие; только андижанцы и китайские татары остались с нами, но из Бухары в Самарканд мы отправились разными путями. Я, Хаджи Салих, Хаджи Биалал и его свита решили пойти по прямой дороге, тогда как остальные, шедшие пешком, пожелали идти через Гидждуван, чтобы совершить паломничество к гробу святого Абдул Халика. (Ходжа Абдул Халик (именуемый Гидждувани, умер в 1601 г) был современником знаменитого Пайанде Замини и, как великий аскет и ученый пользуется славой святого.⁹³) Так как многие бухарцы хотели сопровождать меня на моем обратном пути в Мекку, мне пришлось пойти на хитрость, чтобы отделаться от их общества, потому что для обеих сторон было бы несколько неловко, если бы мы вместо Каабы прибыли на берега Темзы.

Я распрощался со всеми друзьями и знакомыми. Рахмет-бий дал мне рекомендательное письмо в Самарканд, и я обещал нанести там визит эмиру. Кокандская повозка, которую мы наняли до Самарканда, была заранее отправлена в деревню Баведдин, так как, согласно обычаям страны, нам следовало на прощанье еще раз посетить это место паломничества.

Деревня Баведдин лежит в двух часах езды от Бухары, и, как мы уже упоминали, там находится могила известного Баха ад-Дина Накишбенда, основателя одноименного ордена и главного зачинателя всех тех религиозных крайностей, которые отличают восточный ислам от западного. Здесь не место говорить о подробностях, мы заметим только, что Баха ад-Дин почитается как национальный святой Туркестана, как второй Мухаммед. Бухарец твердо убежден, что восклицание “Йа Баха ад-Дин белагердан!” (“О Баха ад-Дин, отвращающий беду!”) может спасти от всех несчастий. Сюда совершают паломничества даже из далекого Китая. В Бухаре принято раз в неделю приходить туда, и сообщение с городом осуществляется с помощью 300 ослов, которые стоят перед Дарваза Мазар и которых нанимают за несколько пулей (мелкая медная монета). Несмотря на то что дорога во многих местах представляет собой глубокий песок, эти животные бегут туда с необычайной скоростью, но особенно поразительно, что на обратном пути их можно заставить двигаться вперед только многочисленными ударами. Бухарец приписывает это привязанности к святому, которую испытывают даже эти животные, так что они с радостью бегут к его могиле и неохотно удаляются от нее.

Могила находится в маленьком саду, рядом с которым стоит мечеть; к ней можно попасть только через двор, где обитают [153] слепые и другие калеки-нищие, которые навязчивостью могут посрамить даже своих товарищей по званию в Риме и Неаполе. В головах могилы лежит знаменитый Сенги Мурад (камень желания), заметно стесанный и криво стоящий из-за того, что к нему прикасаются лбами благочестивые паломники; на самой могиле лежат много бараньих рогов, флаг, а также метла, которая долгое время служила для подметания святилища в Мекке. Много раз пытались все это подвести под крышу, однако Баха ад-Дин, как и другие святые Туркестана, предпочитает свежий воздух, и все постройки, едва их возводили, рушились. Об этом рассказывают шейхи, потомки святого, которые по очереди несут охрану могилы и весьма бесстыдно сообщают паломникам, что их предок в особой дружбе был с числом “семь”. На седьмом месяце он появился на свет, на седьмом году он знал наизусть Коран, а на семидесятом умер, поэтому число подношений и даров, которые возлагают на его могилу и которые являются собственностью шейха, может быть кратно семи, но их должно быть не менее семи.

XII

От Бухары до Самарканда. - Небольшая пустыня Кель-Мелик. - Оживление на дороге вследствие войны. - Вид на Самарканд издали. - Хазрети Шах-и Зинда. - Мечеть Тимура. - Цитадель (арк). - Приемная Тимура. - Кекташ, или трон Тимура. - Странная скамейка. - Могила Тимура и его учителя. - Автор посещает настоящую могилу Тимура в подземелье. - Коран in folio, приписываемый Осману, переписчику Мухаммеда. - Училища. - Старая обсерватория. - Греческая и армянская библиотеки, не подвергшиеся, вопреки утверждениям, разграблению Тимуром. - Архитектура общественных зданий не китайская, а персидская. - Сегодняшний Самарканд. - Его население. - Дехбид. - Автор решает возвратиться. - Приезд эмира. - Свидание с ним автора. - Прощание с хаджи и отъезд из Самарканда.

При выезде из Бухары в Самарканд весь наш караван сократился до двух повозок. В одной сидел я с Хаджи Салихом, в другой - Хаджи Биалал с родственниками. Натянув для защиты от солнца цинковку, я думал спокойно расположиться на ковре, но это оказалось невозможно, так как вследствие сильной тряски нашего примитивного экипажа нас кидало из стороны в сторону. Из-за того, что мы все время сталкивались то лбами, то затылками, голова ныла. К тому же в первые часы я страдал морской болезнью, испытывая муки гораздо более сильные, чем бывало на верблюде, от укачивания, подобного корабельному, которого я прежде столь боялся. Несчастной лошади, впряженной

в тяжелую широкую повозку с нескладными, отнюдь не круглой формы [154] колесами, которые едва поворачивались в глубоком песке или грязи, приходится везти еще кучера и торбу с кормом; поэтому правы туркмены, говоря, что не знают, как будут бухарцы оправдываться перед судом на том свете за истязание лошади, благороднейшего из животных.

Поскольку мы выехали из Баведина ночью, наш возница, родом кокандец, сбился с пути, не зная как следует дороги, и лишь под утро, а не в полночь, как предполагалось, мы прибыли в маленький городок Мазар, который отстоит от Бухары на пять ташей (фарсахов) и считается первой станцией на пути к Самарканду. Здесь мы остановились ненадолго и к обеду приехали в Шейх-Казим, где встретили нескольких наших товарищей-пилигримов, которые шли через Гидждуван, и отдыхали вместе с ними до глубокой ночи.

Мне уже ранее рассказывали много удивительного о процветании края между Бухарой и Самаркандом, но на сегодняшнем переходе, когда я и в самом деле по обеим сторонам дороги видел, за немногими исключениями, возделанные земли, мои, возможно несколько преувеличенные, ожидания все же еще не оправдались. Сюрприз ждал меня только на следующее утро, после того как мы миновали небольшую пустыню Кель-Мелик, в ширину четыре и в длину шесть часов пути, где имеются караван-сарай и резервуар с водой, и вышли в район Кермине. Тут, на третий день пути, мы зачастую через каждый час, а то и полчаса проезжали мимо небольшого базара, где всегда бывало по нескольку постоянных дворов и торговцев скотом и постоянно кипящие гигантские самовары представлялись верхом цивилизации и комфорта. Эти деревни в корне отличаются от деревень Персии и Турции, крестьянские дворы здесь лучше обеспечены дарами земли, и будь тут побольше деревьев, можно было бы сказать, что, начиная от Понтийских гор - так как там кончается вольная растительность, - это единственная область, где можно встретить места, похожие на наши, западные. Около полудня мы остановились в Кермине в прекрасном саду на берегу тенистого пруда. Я все больше ценил общество моих друзей, потому что уже недалеко было время нашего расставания, и я с трудом привыкал к мысли, что обратный долгий путь из Самарканда в Европу мне придется совершить одному.

Из Кермине мы отправились с заходом солнца, потому что ночная прохлада сулила некоторое облегчение для нашей вконец измученной лошади; в полночь мы остановились на два часа и наутро, еще до наступления зноя, добрались до следующей станции. По дороге я во многих местах заметил каменные мильные столбы, (Камень по-турецки - "таш", это слово употребляется также для обозначения мили. Подобным образом возникло персидское "фарсанг" (в современном персидском - "фарсах") из "фар" ("высокий") и "санг" ("камень").) одни целые, другие развалившиеся, поставленные еще Тимуром, что и неудивительно, так как Марко Поло во [155] времена Октяя нашел в Средней Азии регулярное почтовое сообщение. Впрочем, вся дорога от Бухары до Кашгара носит еще следы былой культуры, часто прерывающиеся, но прослеживающиеся вплоть до самого Китая. Теперешний эмир тоже захотел отличиться и, чтобы польстить людскому ханжеству, повелел устроить в нескольких местах у дороги небольшие возвышения в виде террас для совершения молитвы; эти своего рода импровизированные мечети должны напоминать каждому прохожему об исполнении его долга. У каждого времени, таким образом, свои устремления.

Сегодняшний вечер мы провели в деревне Мир, в мечети, возвышающейся среди красивого цветника. Я устроился спать неподалеку от пруда и очень удивился, когда около полуночи меня разбудили крики целой толпы ссорившихся туркмен. Это были всадники-текинцы, служившие во вспомогательных войсках эмира во время его похода на Коканд и возвращавшиеся теперь в Мерв с отнятой у киргизов добычей. Эмир хотел их цивилизовать и дал некоторым туркменам белые тюрбаны в надежде, что они снимут свои дикие меховые шапки. Они послушно носили тюрбаны, пока были на службе у эмира, а потом, как я слышал, продали их.

Из Мира мы прибыли в Катта-Курган (Большая Крепость), где находится резиденция правителя губернии и живут самые знаменитые во всем ханстве сапожники. Так как в крепость с ее мощными каменными стенами и глубокими рвами ночью въехать было нельзя, мы остановились в придворном караван-сараяе у самой крепости. (О Катта-Кургане, расположенном у канала Нурман, где сам я не смог побывать, Радлов рассказывает следующее "Мы расположились здесь очень хорошо, свои палатки мы разбили в роскошном саду эмира вокруг большого пруда в густых тенистых аллеях могучих карагачей. Сад эмира довольно большой и, хотя он не соответствует нашим понятиям о парке при загородном дворце, тем не менее выгодно выделяется правильной планировкой, обычно здесь вовсе отсутствующей, своими гигантскими деревьями и красивыми широкими дорожками, обрамленными высокими выющими шпалерами виноградных лоз. На краю сада стоит дом эмира, имеющий несколько флигелей и двориков. Это весьма приятное сооружение для проживания летом, не отличающееся, однако, никакими украшениями. В главном флигеле расположен большой зал с двумя окнами в сад, которые днем оставались открытыми, и галерея, ведущая во двор, расположенный с другой стороны. Во дворе - небольшая мечеть, а рядом с нею жилые комнаты чиновников. Справа от главного здания - женские покои, в центре которых находится крытый дворик, куда свет попадает с потолка через башенное окно. Стены везде просто побелены. К этому дворику примыкает еще несколько других, для конюшен и служб. Здесь эмир каждое лето живет обычно один-два месяца, и здесь я услышал действительно ужасающие истории об его нравах. Его постоянно сопровождала целая свита женщин и мальчиков, и он требовал от своих дорогих подданных все нового товара. Я предполагаю обойти молчанием эти стороны летней жизни, которая далеко превосходит самый изощренный разврат нашего цивилизованного мира.

Сад эмира расположен приблизительно в полуверсте к югу от города. От него к городу ведет прямая, как стрела, дорога, каких я нигде больше в Средней Азии не встречал. Сам город Катта-Курган построен почти в форме квадрата, и в середине каждой стороны имеются ворота: на южной стороне - Самарканд-Дарваза (Самаркандские ворота), на восточной - Айдер-Чаван-Дарваза, на северной - Базар-Дарваза, на западной стороне - Бухара-Дарваза. В центре города на небольшой возвышенности стоит цитадель, довольно незначительная. Улицы узкие и извилистые, а дома и каменные стены большей частью наполовину развалившиеся. В городе я заметил только один сад, впрочем, группы деревьев стоят еще возле мечетей. Во всем городе имеется только одно здание, сложенное из кирпича, это мечеть, расположенная на базарной площади рядом с цитаделью. Она называется Медресе-и Накып и сооружена около 70 лет тому назад. Она также построена в форме четырехугольника, замыкающего дворовое пространство. Летом медресе пустует. В нем находились лишь два мюдарриса (учителя), хатиб, имам, муэдзин да еще 15 слепцов. Зимой здесь будто

бы бывает до ста человек. Базарная площадь - это улица со многими изгибами и поворотами. Она начинается на юге, у крепости, и тянется до Базар-Дарваза. В рядах домов по обеим сторонам ее - открытые лавки, большая часть которых по небазарным дням бывает заперта. Каждый день открыты лишь те лавки, в которых сидят ремесленники. На рыночной площади я видел только два караван-сарая. Дома большей частью, как уже говорилось, очень маленькие и чаще всего развалившиеся. Многие из них теперь стоят пустые, так как в них жили чиновники и солдаты. Жители самого города по большей части очень бедны, это главным образом ремесленники, рабочие и мелкие торговцы. Тут живет также 30-40 европейских семейств. Богатых купцов здесь всего двое или трое. В небазарные дни город совершенно пустынен, только на базарной площади увидишь группы людей, остальные улицы кажутся вымершими.

Если мы с улицы через узкие ворота войдем во двор, то чаще всего сбоку от ворот под глиняной крышей, опирающейся на деревянные столбы, увидим кормушки для лошадей. В больших городах поблизости от базара, где население живет очень скученно, они находятся в широком проходе, ведущем в маленький дворик. Двор чаще всего имеет квадратную форму и обнесен стеной, одна сторона которой служит одновременно стеной жилого дома. В дом можно войти через несколько небольших деревянных дверей с грубой резьбой, перед которыми возвышается терраса из утрамбованной глины в фут высотой. На террасе разостлано несколько ковров. Двери ведут в приемные комнаты главы дома, куда свет попадает через двор и через небольшие окна, заклеенные бумагой. Стены приемных комнат чаще всего просто заляпаны глиной и только у богатых людей побелены или украшены затейливым орнаментом. Потолок белый, у богатых отделан красками и золотом. В стенах находятся ниши, и в них обычно хранятся чайная посуда и библиотека хозяина, состоящая чаще всего из полурастрепанных книг. В ней всегда есть Коран. Пол в приемных комнатах чаще всего устлан туркменскими коврами, а на них разбросаны подушки в пестрых шелковых наволочках. Для гостей поважнее в каждой комнате найдется толстое шелковое ватное одеяло. В другой стене двора есть дверь побольше, и в ней время от времени показываются детские головы, которые украдкой наблюдают за вновь прибывшим гостем. Эта дверь ведет во второй двор, который устроен в общем так же, как и первый, и служит для пребывания семьи?.

[156] Здесь было полное оживление, и вообще я заметил на дорогах поразительное оживление, так как поход вызвал рост перевозок между Бухарой и Кокандом. Из Катта-Кургана особая дорога ведет через пустыню в Карши; она, по-видимому, часа на четыре короче, чем дорога, ведущая туда из Самарканда, но путникам приходится брать с собою воду, так как на этом отрезке пути в пустыне имеется несколько колодцев для животных, а для людей колодцев совсем мало. Я слышал, перед чайными лавками возчики и крестьяне вели разговоры о политике, что здесь, в деревне, более дозволено, чем в Бухаре. Бедные люди с восторгом рассуждали о подвигах своего эмира; они рассказывали, что из Коканда он якобы дошел до Китая и что, [157] распространив свою державную власть на весь Восток, он захватит также Иран, Афганистан, Индию и Френгистан, которые они считают соседними странами, и таким образом весь свет будет поделен между султаном и эмиром.

Нашей пятой и последней станцией перед Самаркандом, после того как мы выехали из довольно значительного селения Карасу, был Даул. Наш путь лежал по возвышенностям, с которых были видны большие леса, простиравшиеся с левой стороны. Мне говорили, что они тянутся до половины пути к Бухаре и в них находят убежище узбекские племена хитай и кипчак, которые часто становятся яги (врагами) эмира, напасть же на них не так легко, потому что они знают все лазейки в своих лесах. Все, что я слышал в Бухаре, во многом охладило большие ожидания, которые я возлагал на Самарканд относительно его исторического значения, тем не менее мною овладело невыразимое любопытство, когда мне указали на возвышавшуюся на востоке гору Чобаната, у подножия которой лежала моя Мекка - цель моих стремлений. Поэтому я со вниманием разглядывал все вокруг. Через два часа, когда мы спускались с холма, я увидел наконец посреди хорошо возделанной местности город Тимура. Должен признаться, что первое впечатление от разноцветных куполов и минаретов, ярко сверкавших в лучах утреннего солнца, было своеобразным и очень приятным.

Так как Самарканд благодаря очарованию прошлого и из-за его удаленности считается в Европе чем-то необыкновенным, мы попытаемся, поскольку не можем воспользоваться кистью, описать пером облик города. Поэтому я попрошу читателя сесть в мою повозку, тогда он увидит на востоке уже названную гору, а на конусообразной вершине ее - небольшой домик, где покоится Чобаната, святой покровитель пастухов. (Горы, которые почти непрерывной цепью тянутся в среднем течении Зеравшана, к югу от него именуются в целом Шахрисябзскими горами, потому что в этих горах находится независимое от Бухары бекство Шахрисябз. Эти горы состоят из двух хребтов, из которых северный в своей восточной части называется Алтаба-Таг, а в западной - Каман-Баран-Таг, или Самаркандские горы. Южный хребет, на южном склоне которого стоит город Шахрисябз, называется Султан-Хазрет-Таг. Эти горы весьма высоки, и во многих местах граница вечных снегов проходит значительно ниже их вершин. К западу горы немного понижаются, но все еще есть значительные горные цепи. Из Зеравшанской долины высоких гор я не заметил. К юго-западу от города Катта-Кургана начинается новая горная цепь, которая круто повышается по направлению к восточному плато и почти что острым углом вдается в Зеравшанскую долину на 6-8 верст. Эта горная цепь называется Тим-Таг. Мне говорили, что к юго-востоку от этой цепи гор находится обширная равнина, простирающаяся якобы до Бухары и носящая название Орта-Чель (Средняя равнина). Все эти южные горы террасами спадают до самой Зеравшанской долины, так что дорога между Катта-Курганом и Самаркандом проходит большей частью вдоль крайних отрогов гор. От северных пограничных гор параллельно реке Пенджикент идут горы Шункар-Таг (Соколиные горы); приблизительно в 15 верстах от Пенджикента Шункар-Таг поворачивает на север и соединяется с южными отрогами Сандзар-Тага; последние поворачивают на северо-запад и тянутся до города Джизак. К горам Сандзар-Таг с востока примыкают горные цепи Нуратанг-Таги, которые отделяют Зеравшанскую долину от северных песчаных степей и защищают ее от песков. К югу от Сандзар-Тага тянется шириной в 10-15 верст цепь довольно высоких холмов, которые, волнообразно повышаясь и понижаясь, соединяются с южными отрогами Нуратанг-Таги и образуют настоящий водораздел между Сырдарьей и Амударьей. В горах Сандзар-Таг берет начало речка Юлан-Ётто (через нее может перебраться змея); эта речка пробивается между Сандзар-Тагом и Нуратанг-Тагом и дает воду Джизаку. Главное направление гор Нуратанг-Таг-с востока на запад, они

начинаются у реки Юлан-Ётту и тянутся, пожалуй, верст на 150 до города Нурата (Святой отец), откуда произошло и название гор. Главный гребень находится на севере и называется Кара-Таг (Черные горы). Он очень крутой и имеет несколько зубцов. Южнее восточной части Кара-Тага почти особняком лежит горная цепь, носящая название Ходум-Таг; к ней с запада примыкают горы Караша-Таг, а к последним, почти параллельно Кара-Тагу, горы Ак-Таг. Ходум-Таг и Караша-Таг не особенно высоки и тянутся легкими волнами, Ак-Таг же крутой и имеет несколько зубцов, хотя он не так высок, как Кара-Таг. Кара-Таг и Ак-Таг сходятся в одну вершину у города Нурата. Заснеженных вершин в горах, ограничивающих Зеравшан с севера, я нигде не заметил. Пространство между обеими горными цепями Нуратанг-Таги, чаще всего шириной 15-20 верст, представляет собой не ровную долину, а перерезано более или менее высокими цепями холмов, которые в основном тянутся в направлении с севера на юг. (“Долина Зеравшана в среднем течении” доктора Радлова в журнале Географического общества в Берлине. Т. 6, вып. 5, 1871.) У подножия горы [158] раскинулся город, по площади равный Тегерану, только застроен он не столь густо и производит гораздо более благоприятное впечатление благодаря своим замечательным зданиям и руинам. Прежде всего глаз с восхищением и удивлением останавливается на нескольких высоких куполообразных зданиях, возвышающихся на северо-востоке, четырех медресе (пиштак); издали кажется, что они стоят совсем близко друг от друга. По мере приближения сначала открывается небольшой очаровательный купол, далее на юг - другой, более высокий; первый - это могила, а второй - мечеть Тимура. Прямо перед вами на юго-западной окраине города, на холме, высится цитадель (арк); вокруг нее виднеются другие здания - мечети и надгробные памятники. Представьте себе все это в густой зелени садов, и вы получите слабое представление о Самарканде, слабое, потому что персидская пословица гласит: “Надо не только услышать, но и увидеть”.

Мы все знаем, едва ли надо и упоминать об этом, что первое впечатление от города, когда находишься на большом расстоянии от него, по мере приближения ослабевает, а при въезде исчезает совершенно. Тем более горько разочароваться в таком городе, как Самарканд, куда добираться с невероятным трудом и, как оказывается, тоже для подтверждения этой истины. Поэтому, когда мы, въехав через Дарваза-Бухара, довольно долго добирались через кладбище до жилой части города и мне пришлось на память персидское стихотворение: “Самарканд - это жемчужина вселенной”, я, несмотря на дурное настроение, от всей души расхохотался.

Мы сначала остановились в караван-сараях около базара, где хаджи получают даровой постой, но в тот же вечер нас пригласили в частный дом по другую сторону базара, неподалеку от могилы Тимура. Для меня оказалось приятным сюрпризом, что [159] наш хозяин - служащий эмира, а точнее, ему доверен надзор за Самаркандским дворцом.

Так как прибытия эмира из Коканда, где он закончил победный поход, ожидали через несколько дней, мои спутники решили ради меня остаться в Самарканде и ждать, пока я не увижу эмира и не найду новых подходящих попутчиков-хаджи на обратный путь. Я воспользовался этим временем для осмотра достопримечательностей, которыми Самарканд, несмотря на свой жалкий вид, богаче любого другого города Средней Азии. Пребывая в роли хаджи, я начал со святых, но так как все, даже то, что было интересно только с исторической точки зрения, оказалось связанным с той или иной священной легендой, я счел своим долгом осмотреть все, как того и желал. Здесь насчитывают несколько сотен мест паломничества, и приезжающие обычно соблюдают при посещении их определенную последовательность, в зависимости от важности мест или личностей. Этой последовательностью при описании достопримечательностей Самарканда будем руководствоваться и мы, с той только разницей, что опустим те места и святых, которые не имеют значения для истории.

1. Хазрети Шах-и Зинда. Настоящее имя этого святого - Касым бин Аббас⁹⁴; по-видимому, он был корейшитом; он пользуется здесь большим уважением как глава тех арабов, которые принесли в Самарканд ислам. Его гробница находится за пределами города, к северо-западу от него, вблизи городской стены, в здании, которое служило летней резиденцией великому Тимуру и которое до сего дня сохранило многое от своей прежней роскоши. Все сооружение стоит на возвышенности, к которой ведут 40 довольно широких мраморных ступеней. Поднявшись наверх, попадаешь к зданию, расположенному в конце небольшого сада. Несколько узких коридоров ведут в большую комнату, а из нее направо узкий мрачный ход идет к столь же мрачной могиле святого. Помимо этой части здания, служившей мечетью, есть еще и другие комнаты, в которых разноцветный кирпич и мозаика сверкают великолепнейшими красками, словно они только вчера вышли из рук мастера. В каждой вновь обозреваемой комнате мы должны были совершать два рик'ата⁹⁵, и у меня уже болели колени, когда нас ввели в отделанное мрамором помещение, где хранятся три знамени, старый меч и панцирь, к которым прикладываются как к реликвиям великого эмира. Я совершил поклонение наравне со всеми другими, очень сомневаясь, впрочем, в подлинности этих вещей. Мне рассказывали также о мече, панцире, Коране и других реликвиях святого, однако ничего не показали. Напротив этого здания нынешний эмир велел построить небольшое медресе, которое имеет вид конюшен при дворце.

2. Масджиди Тимур (мечеть Тимура). Эта мечеть расположена в южной части города и по своим размерам и роскошной отделке каши (цветными кирпичиками)⁹⁶ очень похожа на [160] Масджиди Шах, которую Аббас II приказал построить в Исфахане, правда, купол, в отличие от мечети в Персии, имеет форму дыни. Надписи из Корана золотыми буквами почерком “сульс” здесь самые красивые из всех когда-либо виденных мною, если не считать надписей в развалинах Султание.

3. Арк (цитадель). К цитадели ведет довольно крутой подъем. Она разделяется на две части: внутреннюю и наружную; в последней находятся частные квартиры, а в первой располагается эмир. Хотя мне и расписывали дворец как замечательный во многих отношениях, я не нашел в облике этого обычного дома построенного едва ли сто лет назад, ничего любопытного! Сначала мне показали комнаты эмира; одну из них, айнахане⁹⁷; всю выложенную осколками зеркал, считают чудом света, но меня она заинтересовала гораздо меньше, чем помещение, которое носит название Талари-Тимур (приемный зал Тимура). Это длинный узкий двор, окруженный крытой галереей; на фронтальной стороне его находится знаменитый кёкташ, т.е. зеленый камень, который служил эмиру тронном; здесь-то, в этом огромном зале, и выстраивались соответственно рангу вассалы, спешившие сюда на поклон к нему со всех концов света. В середине зала, напоминающей арену, стояли три конных герольда, тотчас доносившие слова

победителя мира до тех, кто располагался в самом дальнем конце его. Так как камень был в четыре с половиной фута высотой, всегда какой-нибудь пленный знатного происхождения служил вместо скамеечки. Поразительно, что, по преданию, этот огромный камень, при уже упомянутой высоте имеющий десять футов в длину и четыре в ширину, был доставлен сюда из Бруссы. По правую сторону от камня в стену вделан кусок железа в форме половины кокосового ореха, на котором куфическим почерком вырезана арабская надпись. Его привезли сюда из сокровищницы султана Баязида Йилдырыма, и он будто бы служил амулетом одному из халифов. На стене высоко над камнем я увидел два фирмана, написанные золотом, почерком дивани, один - султана Махмуда, другой - султана Абдул Меджида, которые были присланы из Стамбула эмиру Саиду и эмиру Насрулле и заключали в себе как рухсат-и намаз, т.е. официальное позволение молиться, **(А именно молиться по пятницам, что всякий суннит может делать только с разрешения халифа или его представителей.)** так и введение в должность кравчего. Присвоение ее бухарскому эмиру издавна входило в правила этикета. Нынешние эмиры обычно только при восшествии на престол принимают почести, восседая на кёкташе, обычно же к нему приходят лишь благочестивые пилигримы, которые проносят три фатихи и с особым благоговением касаются головой того места, откуда когда-то приказы их прославленного монарха разносились до самых дальних уголков Азии. В Самарканде о Тимуре говорят так, будто известие о его смерти пришло из Отрара только вчера, и меня как османа спросили, с какими **[161]** чувствами иду я к могиле такого великого человека, от которого наш султан потерпел ужасное поражение.

4. Турбати Тимур (могила Тимура) находится к юго-востоку от города. Здесь стоит красивый мавзолей с великолепным куполом, окруженный стеной⁹⁸. По обеим сторонам довольно высоких ворот - два маленьких, похожих на большой, купола. Пространство между стеной и мавзолеем засажено деревьями, должно быть, это был сад, но теперь все это в страшном запустении. Вход в мавзолей - с востока, фронтон его, согласно предписанию, обращен к Мекке (кибла). Сначала попадаешь как бы в вестибюль, а уже оттуда - в сам мавзолей, построенный в форме восьмиугольника диаметром десять небольших шагов. Посредине, под куполом, на почетном месте, находятся две могилы, обращенные головами к Мекке. На одной лежит очень красивый темно-зеленый камень в 2 пяди шириной, около 6 пальцев толщиной и 10 пядей длиной, расколотый надвое. **(О том, отчего раскололся камень, ходят разные рассказы. Одни говорят, что победоносный Надир-шах велел привезти камень себе и в пути тот раскололся. Другие утверждают, что он с самого начала состоял из двух кусков и что это будто бы подарок китайской (монгольской) принцессы.)** Это могила Тимура. На другой лежит черный камень такой же длины, но немного пошире; это могила Мир-Сейида Береке, учителя Тимура, возле которого пожелал быть похороненным признательный великий эмир. Вокруг этих могил есть еще несколько других, больших и маленьких, где покоятся жены, внуки и правнуки эмира, но, если я не ошибаюсь, они были перенесены сюда из разных частей города уже впоследствии. Надгробные надписи на персидском и арабском языках, без каких-либо титулов, даже надпись на могиле эмира, очень просты, только слово “кёреген” написано повсюду⁹⁹.

Что касается внутреннего убранства мавзолея, то чрезвычайно искусно выполненные арабески с богатой позолотой и великолепной синевой лазури в самом деле поразительно красивы. Гробница Месуме Фатьмы **(Сестра имама Ризы умолила халифа Мамуна дать ей разрешение навестить брата, жившего в ссылке в Тузе. По дороге туда она умерла в Куме, и ее гробница, внутри которой до меня не бывал ни один европеец, - высокочтимый объект паломничества)** в Куме (Персия) не может идти в сравнение с мавзолеем, несмотря на то что отделка ее роскошна, тогда как красота мавзолея скромна. В головах могил стоят два рале (столы с откидными крыльями), куда на Востоке кладут священные книги и перед которыми муллы день и ночь по очереди читают Коран. За это они получают из вакфа (благочестивого учреждения) этого тюре¹⁰⁰ хорошее жалованье. Их, так же как мутавалли (инспекторов), издавна берут из ногайских татар, поэтому и теперь там было несколько светловолосых старших смотрителей.

Я нанес визит мутавалли и целый день был его гостем. В знак особого расположения он разрешил показать мне подземную, **[162]** т.е. настоящую, гробницу - честь, которой редко удостоиваются даже местные жители. Мы спустились по длинной узкой лестнице, которая начинается у входа и ведет в комнату под мавзолеем. Эта комната - точная копия лежащей над нею не только по своим размерам, но и по украшающим ее арабескам. Могилы расположены здесь в том же порядке, что и наверху, только их не так много. Утверждают, что в могиле Тимура много сокровищ, но это неверно, так как противоречит законам ислама. Здесь тоже есть рале, и на нем лежит написанный на коже газели Коран большого формата. Меня многие уверяли, ссылаясь на надежные источники, что это тот самый экземпляр, который написал Осман, секретарь Мухаммеда и второй халиф, и что Тимур привез эту реликвию из сокровищницы султана Баязида из Бруссы и она с давних пор в тайне хранится здесь, так как мусульманские властители наверняка стали бы враждебно относиться к Бухаре, если бы узнали об этом.

На фронтоне тюре так, что каждому бросается в глаза, белыми буквами на синем поле написано: “Сделал бедный Абдулла, сын Махмуда из Исфакана”. Дату я не смог найти. Шагах в ста от этого здания высится другой купол, более простой архитектуры, но достаточно древний. Здесь покоится любимая жена Тимура, которую также почитают как святую. Сбоку, на высоте купола, привешено что-то вроде растрепанного мотка, говорят, что в нем - муи-саадет, волосы из бороды пророка, и что они уже много лет защищают треснувший со всех сторон купол от падения.

5. Медресе. Некоторые из них еще населены, другие опустели и скоро превратятся в развалины. Лучше всего сохранились Медресе-Ширдар и Тилякари, построенные, правда, гораздо позже времени Тимура. Медресе Тилякари богато украшено золотом, отсюда идет и его название, что значит “сделанный из золота”. Оно построено в 1028 (1618) году богатым калмыком по имени Еленктош, принявшим ислам¹⁰¹. Та часть его, которую называют “ханака”, и вправду так богато отделана, что ее может превзойти только мечеть имама Ризы. Напротив этих медресе находится Медресе-Мирза Улуг, которое в 828 (1434) году велел построить внук Тимура, страстный любитель астрономии, чье имя оно и носит. Уже в 1113 (1701) году медресе сильно разрушилось. Здесь я позволю себе привести слова источника, которым я пользовался: “В кельях вместо учеников поселились ночные совы, а двери вместо шелковых занавесей закрывала паутина”. В этом здании помещалась всемирно известная обсерватория, строительство которой было начато в 832 (1440) году под руководством Гияс ад-Дина Джемшида, Муайида Кашани и ученого

израильянина Силах ад-Дина Багдади и завершено под руководством Али Кушчи. Это была вторая и последняя обсерватория в Азии. Первая была возведена известным своей ученостью Неджм ад-Дином в Мараре при Хулагу. Мне показывали место, где находилась обсерватория, но я смог различить [163] лишь кое-какие следы, оставшиеся от нее. Эти три медресе образуют главную площадь, или Регистан, Самарканда, которая, правда, меньше, чем Регистан в Бухаре, но заполнена лавками и постоянной гудящей толпой.

На некотором расстоянии от них, вблизи Дарваза-Бухара, виднеются развалины когда-то великолепного Медресе-Ханым, построенного китайской принцессой, женой Тимура, из желания прославиться; в нем, как говорит легенда, была тысяча учеников, и каждый из них получал из вакфа по 100 тилля годового содержания. Эта цифра наверняка сильно преувеличена, но развалины, на которых уцелели три стены и высокое фронтальное строение более чем в 100 футов высотой (пиштак), свидетельствуют о былом великолепии. Уцелевшая часть с башнями и искусным порталом сплошь выложена мозаикой прекрасного, ни с чем не сравнимого цвета и притом такой плотной, что мне с невыразимым трудом удалось отколоть чашечку цветка, от которого у меня сохранился в целости только внутренний бутончик из трех наложенных друг на друга лепестков. Вопреки разорению, совершаемому с ревностным усердием, внутри, где теперь расположилось депо конных повозок, сдаваемых внаем для поездок в Коканд или Карши, все еще видна мечеть с чудом сохранившимся гигантским рахле¹⁰², и еще многие десятилетия самаркандцам будет что ломать и крушить, пока они не уничтожат все окончательно.

Помимо названных монументальных памятников есть еще отдельные башни и куполообразные постройки, творения прошедших веков. Насколько это было возможно, я обследовал их все, но, несмотря на все мои старания, не смог обнаружить никаких следов знаменитой греческой и армянской библиотеки, которую, согласно широко распространенному преданию, победоносный Тимур перевез в Самарканд для украшения своей столицы. Эта басня, каковой я ее считаю, обязана своим происхождением чрезмерному патриотизму армянского священника по имени Хаджатор, который будто бы приехал из Кабула в Самарканд и там нашел огромные фолианты на тяжелых цепях в башнях, куда ни один мусульманин не осмеливался войти из страха перед джиннами. Позже, если я не ошибаюсь, один французский ученый включил эту басню в “Историю армян”, и так как мы, европейцы, не менее жителей Востока любим позабавиться всякими вещами, окруженными таинственным мраком, нам, т.е. нашим исследователям древностей, захотелось поверить, что азиатский завоеватель мира отправил несколько сот мулов, нагруженных греко-армянскими манускриптами, за 120 переходов в свою столицу, для того чтобы его татары принялись изучать иноземные языки и историю.

Насколько мала наша вера в существование упомянутой библиотеки, настолько категоричны возражения против любых утверждений, приписывающих самаркандским памятникам архитектуры китайский характер. Правда, границы сферы влияния [164] Китая отстоят только в 10 днях пути, но ведь до самого Китая 60 дней езды, поэтому человек, имеющий хотя бы малейшее представление о закрытых границах “Небесной империи”, сразу поймет, как мало общего могут иметь китайцы с закоренелыми мусульманами, не в меньшей мере сепаратистами.

Надпись на фасаде гробницы Тимура, с которой по стилю и украшающей ее отделке более или менее схожи все остальные монументы Самарканда, ясно доказывает, что мастерами были персы, и достаточно лишь сравнить эти памятники с памятниками Герата, Мешхеда и Исфахана, чтобы увидеть, что это искусство - персидское.

Но довольно о прошлом и истории Самарканда. В новом городе, стена которого высится на расстоянии часа езды от развалин старой стены, (Возможно, эти развалины просто указывают прежние границы предместий, так как Р. Г. де Клавихо, приезжавший в 1403 г. в составе посольства ко двору Тимура, рассказывает (как это явствует из перевода К. Р. Маркхэма, с. 172), что цитадель стояла на краю города, т.е. там, где и сегодня. Пространство между упомянутыми развалинами стены, где есть также глубокий ров, и новыми стенами было, вероятно, заселено, но не принадлежало к городу.) шесть ворот и несколько сохранившихся еще с прежних времен базаров, где продаются знаменитые кожаные изделия и со вкусом изготовленные деревянные седла, эмаль на которых сделала бы честь любому европейскому мастеру. Во время моего пребывания в городе Тимура на базарах, больших площадях и улицах была постоянная давка, потому что все было запружено вернувшимися из похода войсками. Обычное же число жителей составляет, вероятно, не более 15-20 тысяч, из них две трети - узбеки, треть - таджики. Эмир, главная резиденция которого находится в Бухаре, имеет обыкновение каждое лето проводить здесь два-три месяца, потому что Самарканд лежит более высоко и преимущественно в климате очевидны. В отличие от Бухары, где стояла гнетущая жара, в Самарканде оказалось очень приятно, только вода, которую мне расхваливали как аби-хайят (амброзию), была чрезвычайно плоха. Очень красив Дехбид (“Десять ив”), место паломничества и одновременно отдыха, расположенный в часе езды от Самарканда по другую сторону Зеравшана; там живут потомки Махдум-А'зама, умершего в 949 (1542) году и здесь же похороненного. У них есть свой ханака (монастырь), и они очень гостеприимно принимают паломников. Хотя Дехбид и расположен еще несколько выше Самарканда, все-таки поразительно, что я увидел здесь в середине августа в тени большой аллеи, которую велел в 1632 году посадить диванбеги¹⁰³ Наср в честь вышеупомянутого святого, тутовые ягоды, которые даже в полдень были прохладными. По дороге в Дехбид мне показали место, где был знаменитый Баги-Чинаран (Тополевый¹⁰⁴ сад), по развалинам можно определить, где стоял дворец, а деревьев совсем не видно.

Хотя мы и не можем согласиться с жителями Средней Азии, [165] которые все еще пользуются выражением “райский Самарканд” в применении к нынешним развалинам, все же нельзя не признать, что древняя столица Средней Азии по своему положению и благодаря окружающей ее роскошной растительности - самый прекрасный город в Туркестане. Уроженцы Коканда и Намангана ставят, правда, свои города выше, но прежде чем отдать им пальму первенства, хотелось бы увидеть их своими глазами.

Пробыв в Самарканде восемь дней, я твердо решил возвратиться на запад ранее упомянутым путем. Хаджи Билалу, правда, хотелось взять меня с собою в Аксу; он обещал отправить меня либо через Яркенд, Тибет и Кашмир в Мекку, либо, если улыбнется счастье, через Комул в Биджинг (Пекин), но Хаджи Салих отговаривал меня, ссылаясь на чересчур дальнее расстояние и на слишком маленький капитал, имевшийся в моем распоряжении. “Ты, может быть, и дойдешь до Аксу, пожалуй и до Комула, - говорил он, - потому что там есть мусульмане и братья, готовые

воздать тебе должные почести как дервишу из Рума, но дальше все наводнено одними черными неверными; они если и не помешают тебе идти, то и не дадут ничего. Идя через Тибет, ты, может быть, и найдешь попутчиков из Кашгара и Яркенда, но я не могу взять на себя ответственность и везти тебя с собою в Коканд, где все в страшном беспорядке из-за недавней войны. Коканд тебе надо увидеть, приезжай туда, когда все успокоится, а в данный момент тебе лучше всего вернуться через Герат в Тегеран вместе с попутчиками, которых мы тебе нашли”.

Слова моего благородного друга сильно подействовали на меня, и тем не менее я еще несколько часов боролся со своим первоначальным решением. Путешествие по суше в Пекин через древние земли татар, киргизов, калмыков, монголов и китайцев путем, на который не отважился бы даже Марко Поло, было в самом деле грандиозно! Однако голос благоразумия шептал мне: пока довольно! Мысленно я бросил взгляд на расстояние, которое осталось позади, и увидел, что даже теперь у меня нет предшественников ни в отношении длины пути, ни в способе его преодоления; тогда я сказал себе, что было бы прискорбно пожертвовать уже накопленным опытом, как он ни мал, ради опасной и неопределенной цели. Мне всего 31 год, думал я, у меня еще все впереди, а теперь лучше вернуться. Хаджи Биалал пошутил, что у меня не хватает мужества; может быть, европейский читатель согласится с ним, но местный опыт научил меня, что в данном случае нельзя пренебрегать турецкой поговоркой: “Лучше яйцо сегодня, чем курица завтра”.

Мои приготовления к отъезду были уже в полном разгаре, когда эмир торжественно въехал в город; об этом событии было объявлено за несколько дней, и множество народа собралось на Регистане, сам же въезд не ознаменовался особой пышностью. Процессию открыло около 200 сарбазов, натянувших поверх [167] нескладных бухарских халатов какие-то изделия из кожи, по каковой причине они стали называться регулярными войсками, сзади них ехали всадники со знаменами и литаврами, сам же эмир Музаффар ад-Дин и его сановники в белоснежных тюрбанах и широких шелковых одеждах всех цветов радуги походили скорее на женский хор в опере “Навуходоносор”, чем на татарских воинов, и лишь свита, в составе которой выделялись несколько кипчаков с характерными монгольскими чертами лица, вооруженных стрелами, луками и щитами, напомнила мне, что я в Туркестане. День въезда эмир объявил народным праздником, и по этому поводу на Регистане поставили несколько гигантских котлов, в которых готовили царский плов. В каждый котел клали мешок риса, трех разрубленных на куски баранов, огромную сковороду бараньего жира, из которого у нас сделали бы пять фунтов свечей, и небольшой мешок моркови. Так как плова давали сколько угодно, все ели и пили отважно.

На другой день был объявлен арз, или публичная аудиенция. Я воспользовался случаем, чтобы представиться эмиру в сопровождении своих друзей, и был очень удивлен, когда при входе во внутренний арк нас остановил мехрем и сообщил, что бадевет (его величество) желает видеть меня одного, без спутников. Не только я, но и мои друзья заподозрили недоброе. Я последовал за мехремом, целый час меня заставили ждать и ввели затем в одну из комнат, которые я уже ранее осматривал. Эмир возлежал на красном суконном матраце в окружении рукописей и книг. Я быстро собрался с духом, прочитал короткую суру с обычной молитвой за здоровье государя и, произнеся “амин”, которому вторил эмир, не дожидаясь разрешения, сел рядом с повелителем. Мое смелое поведение, вполне соответствовавшее, впрочем, званию дервиша, удивило эмира. Я давно разучился краснеть и потому спокойно выдержал пристальный взгляд эмира, который хотел, очевидно, смутить меня.

-Хаджи, ты, как я слышал, приехал из Рума для того, чтобы посетить могилу Баха ад-Дина и других святых Туркестана.

-Да, таксир (мой повелитель), но вместе с тем и для того, чтобы насладиться созерцанием твоей благословенной красоты (джемали мубарек - обычное выражение вежливости).

-Странно! И у тебя не было никакой другой цели? Ведь ты прибыл сюда из столь дальних краев.

-Нет, таксир! С давних времен моим самым горячим желанием было увидеть благородную Бухару и чарующий Самарканд, по священной земле которых, как справедливо замечает шейх Джелал, следовало бы скорее ходить на голове, а не на ногах. Впрочем, у меня нет никаких других занятий, и уже давно я стал джихангеште (странствующим по миру) и перехожу с места на место.

-Как? Ты - со своей хромой ногой - джихангеште? Просто поразительно.

- Таксир, я - твоя жертва (равносильно нашему “извини”). [168] Твой прославленный предок (Тимур, от которого ложно выводят свое происхождение нынешние бухарские эмиры, был, как известно, хром, поэтому враги называли его Тимур - ленк (Тамерлан), хромой Тимур.) страдал тем же недостатком, а ведь он был джихангир (победитель мира).

Этот ответ пришелся эмиру по душе, он стал расспрашивать меня о путешествии и о том, как мне понравились Бухара и Самарканд. Мои замечания, которые я все время старался расцвечивать персидскими стихами и изречениями из Корана произвели на него хорошее впечатление, потому что он сам мулла и недурно знает арабский язык. Он велел выдать мне серпан (одеяние) (Собственно сер-та-пай, т.е. “с головы до ног”, одеяние, состоящее из тюрбана, верхнего платья, пояса и сапог.) и 30 тенге, а при прощании приказал еще раз навестить его в Бухаре. Получив эмирский подарок, я как сумасшедший кинулся к своим друзьям, которые не меньше меня радовались моему счастью. Как мне передали, - вероятно, так оно и было, - Рахмет Би представил обо мне двусмысленное донесение, поэтому эмир принял меня недоверчиво. Перемене его мнения я всецело обязан исключительно гибкости своего языка. В этом случае вполне оправдала себя латинская поговорка: “Quot linguas calles, tot homines vales”¹⁰⁵.

После этого спектакля друзья посоветовали мне спешно уехать из Самарканда и, не останавливаясь даже в Карши, как можно скорее перебраться на другой берег Оксуса, где у гостеприимных туркмен-эрсари я смогу дожждаться прибытия каравана, идущего в Герат. Пробил час прощания; чувствую, что перо мое не в силах достоверно передать читателю мучительную сцену расставания с моими благородными друзьями, которые были расстроены не меньше меня. Шесть месяцев мы делили величайшие опасности, которыми нам угрожали пустыни, разбойники и стихии; неудивительно, что исчезла всякая разница в положении, возрасте и национальности и мы стали считать себя одной семьей. Разлука означала в наших глазах смерть; да и могло ли быть иначе в этих краях, где снова увидеться друг с другом почти невозможно? У меня сердце готово было разорваться при мысли, что этим людям, моим лучшим

друзьям на свете, которым я обязан своей жизнью, я не могу раскрыть свое инкогнито и принужден их обманывать. Я проложил путь к этому, хотел попытаться, но религиозный фанатизм, встречающийся еще даже в просвещенной Европе, имеет страшное влияние на мусульман. Мое признание в поступке, который по законам Мухаммеда считается смертным грехом, (Меня, как муртада, т.е. изменника, закидали бы камнями до смерти.) может быть, и не разорвало бы сразу все узы дружбы; но каким горьким, каким ужасно горьким было бы разочарование для искренне религиозного Хаджи Салиха!

Передав меня пилигримам, вместе с которыми я должен был добираться до Мекки, и отрекомендовав как можно лучше, как [169] брата или сына, мои спутники проводили меня после заката солнца до городских ворот, где нас дожидались повозки, нанятые моими новыми спутниками до Карши. Я плакал, как ребенок, когда, вырвавшись из последних объятий, занял свое место в повозке; мои друзья тоже заливались слезами, и еще долго они стояли на том же месте, воздев руки к небу, испрашивая мне для долгого пути благословение Аллаха. Я несколько раз оборачивался, но вскоре они исчезли, и я видел только купола Самарканда в матовом свете восходящей луны.

ХIII

От Самарканда до Карши через пустыню. - Кочевники. - Карши, древний Нахшеб. - Торговля и мануфактура. - Керки. - Оксус. - Автора обвиняют в том, что он беглый раб. - Туркмены-эрсари. - Мазари-Шериф. - Балх. - Автор присоединяется к каравану из Бухары. - Рабство. - Сейд. - Андхой. - Екетут. - Хайрабад. - Меймене. - Аккале.

Не буду знакомить читателя с моими новыми спутниками, происходившими из Оша, Маргелана и Намангана (Кокандское ханство). Они были для меня совсем не то, что мои добрые друзья, и вскоре я расстался с ними. Тем более я привязался к молодому мулле из Кунграда, который ехал с нами до Самарканда и оттуда надеялся дойти со мной до Мекки. Это был добродушный молодой человек, такой же бедный, как и я; он считал меня своим учителем и старался всячески услужить.

От Самарканда до Карши ведут три дороги: 1) через Шахрисябз самая длинная, ее можно было бы назвать окольным путем; 2) через Джам, всего в 15 миль; но эта дорога идет по каменистой горной местности и поэтому очень тяжела, если вообще проходима, для повозок; 3) через пустыню, что-то около 18 миль. Из Самарканда мы выехали по той же дороге, по которой прибыли из Бухары. У холма, с которого впервые открылся вид на город, дорога повернула влево. Мы проехали две деревни с хорошей застройкой, и, совершив переход в три мили, остановились у караван-сарая Робати-хауз, где дорога разделяется надвое, левая идет через Джам, правая - через пустыню. Мы выбрали последнюю. Эту пустыню, по сравнению с теми, которые мы видели раньше, можно скорее назвать средней величины лугом. Ее часто во всех направлениях пересекают пастухи, потому что здесь есть много колодцев с неплохой питьевой водой, а поблизости от них почти повсюду встречаются юрты узбеков. Колодцы по большей части глубокие, а возле них, чуть повыше, сделан каменный или деревянный резервуар, всегда в форме [170] четырехугольника, куда наливают вычерпываемую из колодца воду и где поят животных. Так как ведра малы и пастухи скоро устали бы вытягивать их, для этой цели приспособливают осла, а еще чаще верблюда. Животное, к седлу которого привязана веревка, проходит в направлении от колодца точно такое расстояние, которое соответствует длине веревки, и тем самым достает воду. Эти колодцы с пьющими овцами и серьезными пастухами в тихие вечерние часы представляют собой поэтическую картину, и меня очень порадовало сходство этой части пустыни с нашими пуштами в Венгрии.

Вследствии строгости полиции, которая по приказу бухарского эмира действует повсюду, даже здесь дороги были настолько безопасны, что по пустыне проходили не только небольшие караваны, но и одинокие путники. На второй день мы встретили у одного из колодцев караван из Карши. Среди проезжавших была молодая женщина, изменнически проданная своим собственным мужем старому таджику за 30 тилла. Она лишь в пустыне узнала о гнусной сделке; бедняжка кричала, плакала, рвала на себе волосы и, подбежав как сумасшедшая ко мне, воскликнула: "Хаджим (мой хаджи), ты прочитал много книг. Скажи мне, где написано, что мусульманин может продать свою жену, родившую ему детей?" Я сказал, что это грех, но таджик только посмеялся надо мной, потому что он, наверное, уже договорился с кази-келаном (верховным судьей) Карши и был уверен в надежности своей покупки.

Так как из-за сильной жары мы продвигались очень медленно, нам понадобилось два дня и три ночи, чтобы добраться до Карши. Мы увидели город, лишь поднявшись на плато, где справа идет дорога в Катта-Курган, а слева появляется река, которая течет сюда из Шахрисябза и теряется в песках далеко за Карши. Начиная отсюда и до самого города все время едешь по обработанной земле и мимо бесчисленных садов, а так как в Карши нет стены, то, миновав мост, вдруг замечаешь, что находишься уже в самом городе.

Карши, древний Нахшеб, - второй город Бухарского ханства как по своим размерам, так и по торговому значению; он состоит из собственно города и цитадели (курбанче), находящейся на северо-западной стороне и плохо укрепленной. В Карши в настоящее время десять караван-сараяв и богатый многолюдный базар; не будь политических неурядиц, город играл бы значительную роль в транзитной торговле между Бухарой, Кабулом и Индией. Жители говорят, что их 25 тысяч, большей частью это узбеки, они составляют костяк бухарских войск. Кроме них есть еще таджики, индийцы, афганцы и евреи; последние пользуются здесь правом ездить верхом и в самом городе, что им запрещено в других местах ханства. В промышленном отношении Карши славится ножевым производством, уступая, правда, соседнему Гиссару. Различные сорта ножевых изделий расходятся по всей Средней Азии, мало того, хаджи вывозят их в Персию, Аравию [171] и Турцию и продают в три-четыре раза дороже. Одна их разновидность, клинки из дамасской стали с рукоятками, отделанными золотом и серебром, изготавливается и в самом деле очень искусно, а в отношении прочности и изящества могла бы посрамить даже самые знаменитые английские изделия.

Среди рекомендательных писем к ишанам и муллам, которыми мои друзья снабдили меня на дорогу, одно было в Карши, к некоему Хасану, пользовавшемуся здесь большим уважением. Он принял меня очень ласково и посоветовал купить длинноухого скакуна, поскольку весь скот, особенно ослы, здесь очень дешевы, на оставшиеся же

небольшие деньги, как делают все хаджи, закупить ножей, иголок, ниток, стеклянных бус, бухарских платков, а больше всего сердолика, привозимого сюда из Индии и очень дешевого, так как, продолжал он, “у кочевников, мимо которых вам придется проезжать, можно будет кое-что приобрести за эти товары, по крайней мере облегчить свое существование, потому что зачастую за одну иголку или несколько стеклянных бусинок (монджук) можно получить столько хлеба и дынь, что на целый день хватит”. Я понял, что добрый человек прав, и в тот же день вместе с кунградским муллою отправился покупать названные предметы. В результате половина одна моего хурджи (сумки) была заполнена рукописями, а другая превратилась в склад товаров, предназначенных на продажу. Таким образом, я сделался в одно и то же время антикваром, торговцем галантереей, хаджи и муллою, а сверх того побочно занимался продажей благословений, нефесов, амулетов и других чудес.

Удивительная перемена! Прошел ровно год с тех пор, как я совершал эти разнообразные торговые операции, и вот теперь, запертый в четырех стенах, сижу и пишу по восемь часов в день. Там мне приходилось иметь дело с кочевниками, выбиравшими из стеклянных бусинок самые яркие, а из амулетов тот, края которого были обведены самым толстым слоем красной краски, здесь же мне приходится иметь дело с издателями, критикой и публикой, чьи разнообразные желания удовлетворить, конечно, труднее, чем запросы моды юной туркменки или смуглой дочери джемшидов.

К своему крайнему удивлению, я обнаружил в Карши публичное увеселительное место; ничего подобного я не встречал ни в Бухаре, ни в Самарканде, ни даже в Персии. Собственно говоря, это большой сад на берегу реки с несколькими аллеями и цветочными клумбами, носящий скромное название “календер-хане” (“дом нищих”). Здесь-то и прогуливается beau monde Карши с двух часов пополудни до заката солнца, а иногда задерживается на час позже. Там и сям дымятся самовары, а вокруг них всегда несколько теплых компаний. Эта развеселая толпа - зрелище для путешественников по Средней Азии весьма необычное. Впрочем, жители Карши отличаются веселым, легким нравом и считаются ширазцами Бухарского ханства.

[172] После трехдневного пребывания в Карши я выехал в сопровождении Молла Исхака (так звали моего спутника - кунградского муллу) и двух других хаджи в Керки, до которого было 14 миль. Туда ведет одна-единственная дорога. Проехав две мили, мы оказались в Файзабаде, большой и, как я слышал, богатой деревне. Миновав ее, мы провели половину ночи в развалинах цистерны, которых здесь много; все они остались со времен Абдулла-хана. Хотя окрестности считались совершенно безопасными, нам все-таки посоветовали быть после Карши настороже, потому что здесь уже есть туркмены, которым нельзя доверять. Мы поставили своих ослов в один угол развалин, а сами легли в передней части на своих сумках и спали поочередно до полуночи. Тогда мы встали и отправились дальше, чтобы до полуденного зноя достигнуть намеченной станции. Задолго до полудня мы добрались до цистерны Сенгулак. Увидев издали вокруг нее юрты и пасущийся скот, мы обрадовались; теперь мы поверили, что найдем воду, в чем прежде сомневались, нагрузив поэтому своих ослов водой про запас. Куполообразный высокий свод цистерны, несмотря на более чем двухсотлетний возраст, сохранился в абсолютной целостности, так же как и ниши, дающие тень путникам. Цистерна, расположенная в нижней части долины, весной доверху наполняется водой. Теперь глубина воды в ней была всего 3 фута, вокруг нее стояло около 200 юрт узбеков из племени кунград и найман, голые дети плескались в цистерне рядом со скотом, и все это несколько портило прекрасный вкус воды. Так как отсюда до Керки насчитывают шесть миль, мы решили облегчить нашим животным этот длинный переход и проделать его ночью, а день использовать для сна. К сожалению, наш покой вскоре был нарушен, так как узбекские девочки успели разглядеть наши кораллы и поспешили явиться с большими деревянными мисками верблюжьего и кобыльего молока, подстрекая нас к обмену.

Мы выехали через час после захода солнца. Была чудесная тихая ночь. Не прошло и четырех часов, как нас сморил сон, мы сели отдохнуть и заснули, держа поводья в руках. Нас разбудили всадники. Упрекнув в неосторожности, они велели нам ехать дальше. Мы вскочили на ноги и частью пешком, частью верхом добрались на восходе солнца до Оксуса. На нашем берегу, на холме, была цитадель, а на другом, на крутой возвышенности, - пограничное укрепление, а вокруг него городок Керки.

Оксус, текущий между двумя упомянутыми возвышенностями, почти в два раза шире, чем Дунай между Пештом и Офеном. Течение очень сильное, но, несмотря на это, есть песчаные отмели. Наша переправа длилась целых три часа, потому что, на наше несчастье, нас относило вниз по течению. Даже если переправа совершается при наиболее благоприятных условиях, а именно летом, когда вода в реке самая высокая, на нее тратят добрых полчаса, так как никому ни разу не удавалось провести [173] лодку, не посадив ее на мель; лодочнику приходится слезать в воду и с помощью каната перетаскивать лодку через мелкие места. К счастью, жара была не такая сильная, как при нашем переезде у Ханки, и нам не пришлось много страдать. Перевозчики оказались достаточно гуманными и не взяли с нас денег. Но едва мы ступили на другой берег, как нас задержал дерьябеги¹⁰⁶ губернатора Керки. Он обвинил нас в том, что мы - беглые рабы и пробираемся на родину, в свою еретическую Персию. Он приказал нам следовать со всеми пожитками за ним в крепость, где нас допросит сам губернатор. Можете себе представить, как меня удивило это подозрение. Трое моих коллег, физиономия и язык которых явно выдавали их происхождение, вовсе не тревожились, и действительно их скоро отпустили. Со мною они возились дольше. Но когда я увидел, что они силой хотят отнять у меня моего осла, мною овладело бешенство, и, перемешивая татаро-тюркский диалект с константинопольским, я совал им свой паспорт и, горячась, требовал, чтобы они показали его бию (губернатору) или провели к нему меня самого.

Привлеченный поднятым мною шумом, подошел топчибаши (начальник артиллерии) крепости, перс по рождению, взлетевший на свой нынешний пост из рабов, и зашептал что-то на ухо дерьябеги. Затем он отвел меня в сторону и рассказал, что сам он из Тебриза, это его родной город, не раз бывал в Стамбуле и сразу узнает человека из Рума. Он заверил меня, что я могу быть спокоен, со мною и моим имуществом здесь ничего не случится, но все иностранцы обязательно подвергаются обыску, потому что освобожденные рабы должны платить здесь, на границе, два дуката пошлины, а они, чтобы избежать этого, пускают в ход всякого рода переодевания. Вскоре вернулся слуга,

ходивший показывать мой паспорт губернатору; он вернул мне его с пятью тенге в придачу, подаренными бием, хотя я и не просил у него ничего.

Поскольку Керки - пограничная крепость и, так сказать, ключ к Бухаре со стороны Герата, опишем его подробнее. Как я уже говорил, укрепления делятся на две части. Цитадель на правом берегу очень мала, в ней четыре пушки, и в мирное время там живут несколько стражников. Сама крепость на левом берегу представляет собой построенный на возвышении замок, окруженный тремя стенами и насчитывающий, как я слышал, 12 чугунных и 6 медных пушек. Стены земляные, но довольно крепкие, особенно нижняя, в 5 футов шириной и 12 высотой. Вокруг крепости лежит городок, в котором 150 домов, 3 мечети, караван-сарай и небольшой базар; он также обнесен добротной стеной и глубоким рвом. Жители, узбеки и туркмены, занимаются отчасти торговлей, но больше земледелием. Вблизи городской стены находится могила знаменитого имама Керки, написавшего много трудов по экзотике. Провинция Керки начинается неподалеку от Чарджоу и тянется по берегам Оксуса и каналов этой реки до перевоза Хаджи-Салих (неправильно [174] называемого Хойя-Салу). Местность населена туркменами-эрсари, это единственное племя, которое платит дань эмиру, чтобы обезопасить себя от враждебных действий других племен. Прежде бухарский эмир имел владения и по другую сторону Оксуса, но победоносный Дост Мухаммед-хан отнял их, так что теперь у эмира, кроме Чарджоу и Керки, ничего не осталось.

К великому моему огорчению, я услышал, что Молла Земан, предводитель каравана, идущего из Бухары в Герат, прибудет сюда только через 8-10 дней. Я счел за лучшее не провести это время в Керки, и поехать к туркменам и в сопровождении Молла Ишана отправился к племенам кызыл-аяк и хасанменекли¹⁰⁷, среди которых было несколько мулл, видевших меня в Бухаре в обществе друзей. Туркмены-эрсари, переселившиеся сюда только около 200 лет назад с Мангышлака и 40 лет назад признавшие власть Бухары, мало что сохранили от национального характера туркмен. Их можно назвать только полукочевниками; большая часть их обрабатывает землю, но даже те, кто занимается исключительно скотоводством, утратили дикий характер, а вместе с ним и исконные добродетели своих соплеменников. В своем стремлении цивилизовать их Бухара отобрала у них меч и лишила честного простодушия, дав взамен Коран и религиозное лицемерие. Никогда не забуду сцен, которые я наблюдал в доме моего хозяина, одного из самых уважаемых туркменских ишанов. Хальфа Нияз унаследовал святость, знания и почет от своего отца. У него был текке (монастырь), где, по примеру Бухары, получали образование несколько групп учеников. К тому же он получил еще изн (разрешение) из Мекки читать священные стихи (касыде - и шериф). При чтении он обычно ставил чашу с водой, куда сплевывал по окончании каждого стиха. Эти плевки, в которые проникла святость текста, продавались затем всем желающим как чудодейственное лекарство. Только одна туркменская черта сохранилась у эрсари: любому чужаку они оказывают гостеприимство, все равно, живет он у них один день или год, потому что во всем Туркестане, за исключением таджиков, еще неизвестна пословица: "Nfte et poisson, en trois jours poison"¹⁰⁸.

Я ездил со своим хозяином также к Мазари-Шерифу (Святой могиле), которая находится в двух днях пути от его овы и в четырех-пяти днях от Керки, а от древнего Балха всего в пяти часах пути. Так как утверждают, что это могила Али, она считается во всем Туркестане важным местом паломничества. Чудотворная могила Шахи Мердана (Короля героев, т.е. Али), как еще принято называть Мазар, была обнаружена, по преданию, во времена султана Санджара (1150 г.)¹⁰⁹. Развалины, под которыми будто бы хранятся сокровища со времен дива¹¹⁰ (дьявола), были в Балхе везде и повсюду, и вышеназванный султан повелел начать раскопки, во время которых была найдена белая каменная плита с надписью: "Это могила Али, сына Абу Талиба, великого героя и сподвижника пророка". Обстоятельство это [175] представляет для нас интерес лишь постольку, поскольку оно дает возможность установить, что развалины древнего Балха (называемого на Востоке Умм уль-Билад, мать городов) тянулись на расстоянии пяти часов пути. Теперь только отдельные кучи земли указывают на место, где стояла древняя Бактра, а из более поздних развалин заслуживает упоминания лишь полуразвалившаяся мечеть, построенная повелителем сельджуков султаном Санджаром. В начале средних веков Балх был средоточием исламской цивилизации и носил тогда еще одно имя: Куббат уль-Ислам, т.е. Купол ислама. Поразительно, но здесь я обнаружил кирпичи такого же размера и качества, что и на йомутских развалинах, однако не нашел ни одного с надписями. Раскопки, бесспорно, увенчались бы успехом, однако приступить к ним, пожалуй, можно, лишь заручившись рекомендательным письмом, подкрепленным двумя-тремя тысячами европейских штыков.

Сегодняшний Балх, который считается столицей афганской провинции Туркестана и дает приют сердару с его гарнизоном, обитаем только зимой, потому что с началом весны все, даже самые бедные жители, перебираются в расположенный повыше Мазар, где жара не такая гнетущая и воздух не такой плохой, как среди развалин древней Бактры. Если Балх знаменит бесчисленным множеством опасных скорпионов, то Мазар славится чудесными красными розами (гюлисурх). Эти цветы растут на мнимой могиле Али, (Настоящая могила Али - в Неджефе.) их аромат и цвет в самом деле так прекрасны, что ничего лучшего я никогда не видел. Существует поверье, что розы не переносят пересадки отсюда и не могут расти ни в одном другом месте, даже в самом Мазаре.

В последние дни мучительного ожидания в Керки меня постигло ужасное несчастье, воспоминание о котором никогда не изгладится из моей памяти. В ожидании гератского каравана я проводил жаркие августовские дни на берегу Оксуса в компании туркмен-лебаб. Я жил во дворе заброшенной мечети; туркмены приносили с собой каждый вечер либо сборник своих песен, либо поэтические повествования, и я читал им вслух, причем мне доставляло особую радость то внимание, с которым они в тишине ночи, при глухом рокоте Оксуса слушали рассказы о деяниях какого-нибудь любимого героя.

Однажды наше чтение затянулось до глубокой ночи. Я порядочно устал и, забыв часто повторяемый совет не ложиться спать в непосредственной близости от развалившегося здания, растянулся возле стены и уснул, по видимому, очень скоро. Приблизительно, через час я проснулся от неопишимо сильной боли в ноге и, крича диким голосом, вскочил со своего ложа. Мне казалось, будто сотни ядовитых иголок пронзают мою ногу, как раз около большого пальца правой ноги. Мой крик разбудил самого старого из туркмен, который отдышал поблизости, и, ни [176] о чем меня не спрашивая, он запричитал: "Бедный хаджи тебя укусил скорпион да еще в самое плохое время саратана (самые жаркие дни года). Да поможет тебе бог!" С этими словами он схватил мою ногу, перевязал ее у

щиколотки так сильно словно хотел отрезать, затем быстро нашел губами место ранки и начал высасывать с такой силой, что я почувствовал это всем телом. Вскоре его сменил кто-то другой, и, наложив еще две повязки меня оставили одного, сказав в утешение, что к завтрашней утренней молитве решится, отпустит меня боль или я совсем избавлюсь от всех перипетий этого брэнного мира.

Изнемогая от зудящей, колющей жгучей боли я тем не менее вспомнил легенду о балхских скорпионах, знаменитых уже в древние времена благодаря своему яду. Из-за вполне понятного страха боль сделалась еще более невыносимой и после нескольких часов страданий я лишился всякой надежды о чем свидетельствует то обстоятельство, что, забыв о своем инкогнито, я начал громко и, как показалось татарам, рассказывающим мне позднее об этом, несколько странно стонать и жаловаться, потому что у них такие звуки издают обычно только при ликовании. Удивительно, что боль в течение нескольких минут распространилась с пальца ноги до темени, но лишь по правой стороне то и дело переливаясь вверх и вниз подобно огненному потоку. Ничто не в силах передать муки, ничто не может описать пытки, которые мне пришлось претерпеть после полуночи. Жить дальше стало невмоготу, и я бился головой о землю; заметив это меня крепко привязали к дереву. Обливаясь холодным потом от страха смерти, я пролежал несколько часов в полубомороке обратив взор к небосводу, усеянному яркими звездами. Плеяды постепенно клонились к западу, дорогому западу, которого как я полагал, я уже никогда больше не увижу. Ожидая в полном сознании голоса муэдзина, а лучше сказать наступления утра, я заснул тихим сном, и вскоре меня пробудило монотонное "Ла иллах, ил аллах". Придя в себя, я почувствовал некоторое облегчение. Колющие жгучие боли мало-помалу проходили, совершая в обратной последовательности тот путь, которым они явились Солнце не успело еще подняться на высоту копыя, как я уже встал на ноги, правда совершенно обессиленный. Мои спутники уверяли меня, что только утренняя молитва может изгнать дьявола забравшегося в тело человека с укусом скорпиона, в чем я, конечно не смог сомневаться. Да, эту ужасную ночь я не забуду вовек.

После долгого ожидания мы, наконец, получили сообщение о прибытии гератского каравана, и я поспешил в Керки в надежде продолжить свое путешествие, но отъезд снова задержался из-за споров о пошлине с возвращающихся домой рабов. У Молла Земана в караване было около 40 освобожденных рабов, частью из Герата, частью из Персии. Они отправились домой под его защитой, которая дорого обошлась несчастным, но идти в одиночку было слишком опасно, потому что первый встречный [177] мог снова схватить их и во второй раз продать в рабство. Несмотря на то что Земан был хорошо знаком со всеми пограничными чиновниками, у него всякий раз при переходе границы возникали перебранки не столько из-за таксы, которая здесь была твердой, сколько из-за числа рабов, которое он всегда стремился уменьшить, а начальство - увеличить. За раба могли посчитать любого незнакомого человека, а так как каждый хотел защититься от этого подозрения, то крикам, спорам и сумятице не было конца. В итоге дело все-таки отдавалось на усмотрение керванбаши, который из 100-150 едущих с ним людей признавал освобожденными рабами только тех, кого неопровержимо выдавали черты лица, речь или другие приметы. В общем, чаще всего подозрение вызывают бродяги и едущие без какой-либо определенной цели, а так как все они большей частью называют себя хаджи, то политика Молла Земана заключается в том, чтобы собрать в Бухаре как можно больше настоящих хаджи, а в их ряды вставить затем своих рабов - мнимых хаджи.

Целый день прошел в осмотре тюков с товарами, а также людей, верблюдов, лошадей и ослов. Наконец мы отправились в путь в сопровождении таможенника, который строго следил за тем, чтобы ни один путник не присоединился к каравану на окольной дороге. Только после того как мы доехали до необитаемых мест, где проходит граница Бухары, чиновник повернул назад, а мы продолжили свой путь по пустыне, рассчитывая через два дня добраться до ханства Андхой.

Мой тяжело нагруженный ослик резво трусил в ночной тишине, и в первый раз мне пришла в голову радостная мысль, что я повернулся спиной к Бухарскому ханству и теперь нахожусь на пути к дорогому Западу. Невелики, правда, плоды моего путешествия, думал я, но я везу самый ценный для меня приз - свою жизнь; мое сердце забилося сильнее от блаженства, едва я подумал о том, что, может быть, счастье будет сопутствовать мне и в дальнейшем и я достигну Персии - Мекки моих самых горячих желаний. Наш караван, состоявший из 400 верблюдов, нескольких лошадей и ослов, образовывал длинную цепь. Мы бодро шли всю ночь и, когда утро было уже в разгаре, достигли станции Сейид, находящейся в 6 милях от Керки; там есть несколько колодцев, но вода в них плохая. Уже на первой станции я заметил, что в караване было кроме меня несколько человек, страстно желавших поскорее дойти до южной границы Средней Азии. Это были освобожденные рабы, вместе с которыми устраивались на отдых и мы, хаджи. Находясь среди них, я узнал много печальных историй.

Возле меня был согнутый возрастом старик, который выкупил в Бухаре своего тридцатилетнего сына, чтобы вернуть мужа невестке, отца внукам. Сумма выкупа, 50 дукатов, заставила бедного старика взять в руки нищенский посох, но он сказал: "Лучше терпеть нужду, чем видеть сына в цепях". Он был родом из Хафа в Персии. Недалеко от меня лежал другой человек [178] из того же города, еще крепкий, но поседевший от горя, потому что туркмены несколько лет назад похитили у него жену, сестру и шестерых детей. Несчастному пришлось целый год колесить по Хиве и Бухаре, разыскивая членов своей семьи, томящихся в рабстве. После долгих скитаний он узнал, что жена, сестра и двое младших детей не вынесли жестокостей неволи; из оставшихся в живых четверых детей он смог выкупить только двоих, потому что за двоих других, превратившихся в хорошеньких девушек, потребовали слишком высокую цену. Немного дальше сидел молодой гератец, выкупивший свою пятидесятилетнюю мать. Два года назад на дороге из Герата в Гуриан на нее, ее мужа и старшего сына напала шайка разбойников (аламан); она видела, как оборонявшиеся мужчины пали под копыями и мечами туркмен; потом после бесконечных страданий она была продана в Бухаре за десять дукатов. Теперь же за нее пришлось отдать двойную цену, потому что владелец, узнав в покупателе ее сына, извлек немалую выгоду из сыновних чувств. Я не могу не упомянуть еще несчастного родом из Теббеса. Восемь лет назад он был взят в плен, а два года назад отец его выкупил. Они возвращались домой, но когда были всего в трех часах пути от родного города, на них напали туркмены и отправили их назад в Бухару, где их опять продали. Теперь оба они вновь были свободны и направлялись на родину. Но к чему еще и дальше рисовать читателю картины подобных злодеяний? К сожалению, это только лишь отдельные штрихи того злополучного бедствия,

которое вот уже несколько столетий опустошает эти области, но в особенности северо-восточную часть Персии. Считается, что в настоящее время более 15 тысяч туркменских всадников-текинцев днем и ночью помышляют о разбойничьем промысле, и поэтому легко себе представить, сколько домов и деревень разрушили эти алчные разбойники и скольким семьям принесли несчастье.

Мы выехали из Сейида около полудня. Местность вокруг - ровная сухая пустыня, дающая жизнь лишь какому-то растению вроде чертополоха, излюбленному корму верблюдов. Просто поразительно, как эти животные захватывают языком и проглатывают растение, которое способно поранить самую грубую руку. Мы неуклонно шли на юго-запад; нам показали вдалеке нескольких всадников из племени кара-туркмен, карауливших добычу; они напали бы на наш караван, если бы он не был столь велик. К вечеру мы расположились лагерем. Разбойники галопом скакали вблизи нас с двух сторон, но после того, как по ним дали несколько выстрелов, они оставили свои намерения. Через час после заката солнца мы отправились в путь и, проехав с величайшей осторожностью всю ночь, на следующее утро оказались среди развалин города Андхой.

Караван расположился на краю бывшего города, поблизости от ханского чахарбага. Никто из путников не осмеливался выйти из-под защиты керванбаши, наслышавшись рассказов о [179] разбойничьих склонностях жителей. Мы знали, что наверняка пробудем здесь несколько дней, потому что переговоры по поводу размера пошлины, которые ведет либо сам хан, либо его первый везир, всегда затягиваются. Вначале хан обычно требует за рабов, за животных и тюки с товарами явно завышенные цены, но, так как хан разрешает торговаться, снижение пошлины целиком и полностью зависит от длительности переговоров и ловкости керванбаши. Не имея охоты присутствовать при этом скучном деле, я вместе с другими хаджи отправился в город, чтобы поискать защиты в тенистой прохладе медресе и открыть лавочку по продаже своих товаров, с тем чтобы обратить их в насущную пищу и деньги. Я долго бродил по развалинам и наконец расположился во дворе мечети, неподалеку от резиденции хана.

Весь базар состоял из нескольких крытых рядов, где продавали хлеб, и из двух-трех лавок, где предлагали дешево купить какие-то ткани и готовую одежду. Наше присутствие немного оживило базар, женщины и дети с утра до вечера стояли вокруг разложенных товаров, однако торговля не шла, потому что вместо денег нам приносили фрукты и хлеб, а мы не хотели соглашаться на натуральный обмен в таких местах, где 50 дынь продавали за одну тенге, да и дыни здесь далеко не так хороши, как на берегу Оксуса. Меня, впрочем, поражало огромное количество фруктов, зерна и риса, произраставших в этой пустынной местности, скудно орошаемой небольшим солоноватым ручейком, притекающим сюда из Меймене. Летом вода в этом ручье кажется приезжему человеку почти непригодной для питья, а местные жители уже привыкли к ее плохому вкусу. Хотя в этой воде и не водится ришт¹¹¹, ее употребление наверняка имеет много других скверных последствий. Климат тоже пользуется дурной славой. В одном персидском стихотворении справедливо говорится: "В Андхое вода солоня и горька, песок жгуч, мухи и скорпионы ядовиты; хвалиться ему нечем, потому что это прообраз сущего ада". Несмотря на все пороки, Андхой еще 30 лет назад был весьма цветущим городом и, говорят, насчитывал 50 тысяч жителей, которые вели значительную торговлю с Персией тонкими черными овечьими шкурками, называемыми у нас "каракуль", и даже сильно конкурировал с Бухарой, где этот товар отличается самым высоким качеством. Андхойские верблюды пользуются наибольшим спросом во всем Туркестане, особенно порода, называемая "нер", отличающаяся густыми длинными волосами, свисающими с груди и шеи, стройным телосложением и необыкновенной силой. Теперь верблюды этой породы встречаются крайне редко, потому что они частью вывезены, частью вымерли.

У Молла Исхака был здесь земляк, один из наиболее уважаемых имамов. Поскольку он не раз приглашал нас к себе, я использовал эту возможность, чтобы познакомиться с местными знаменитостями, носящими духовный сан. Меня крайне поразил величайший беспорядок в делах как юридических, так [180] и религиозных. Кази-келан (верховный судья), пользующийся большим уважением в Бухаре и Хиве, здесь просто посмешище для детей: каждый делает то, что ему заблагорассудится, с помощью подарка можно добиться оправдания самого вопиющего преступления. Поэтому жители говорят о Бухаре как об образце справедливости, благочестия и земного величия и почитали бы себя счастливыми, если бы эмир взял их под свое покровительство. Один старый узбек заметил, что даже френги (англичанин) - "да простит ему господь его прегрешения!" были бы лучше нынешнего мусульманского правительства. Он прибавил, что еще помнит некоего Хаким-баши (Муркрофта?), умершего в доме его дяди еще во времена эмира Хайдара; он был искусный чародей и хороший врач и, если бы захотел, мог бы разбогатеть, при всем том он был непритязателен и снисходителен ко всем на свете, даже к женщинам. Я расспрашивал у нескольких человек о смерти этого путешественника, и все говорили мне, что он умер от лихорадки; это и в самом деле более вероятно, чем рассказы о его отравлении.

Андхой насчитывает в настоящее время около 2 тысяч домов, которые составляют город, и около 3 тыс. юрт, рассыпанных по окрестностям и в оазисах пустыни. Часто жителей определяют в 15 тыс., это большей частью туркмены-алиели с примесью узбеков и небольшого числа таджиков. Андхой, так же как и Хулум, Кундуз и Балх, издавна представлял собой самостоятельное ханство, но из-за своего местоположения на главной дороге, ведущей к Герату, в большей степени, чем последние, подвергался нападениям эмиров бухарского и афганского. Он процветал до 1840 года. Находясь под главенством Бухары, он вынужден был тогда сопротивляться победному продвижению к Оксусу Яр-Мухаммед-хана, который осаждал город в течение четырех месяцев, затем взял его штурмом, разграбил и разрушил до основания, превратив в груды мусора. Большая часть жителей, не успевшая бежать, погибла под мечами безжалостных афганцев. Нынешний правитель, Газанфар-хан, во избежание полного крушения бросился в объятия афганцев и сделал тем самым своими злейшими врагами, с одной стороны, Бухару, с другой - соседний Меймене. Во время нашего пребывания в Андхое он вместе с балхским сардаром участвовал в битве, причем оба потерпели поражение от маленького Меймене.

Между тем в нашем караване царил страшный беспорядок. Везир, намеревавшийся в отсутствие хана разбогатеть, взимая огромные пошлины, успел уже поссориться с керванбаши. Перебранка скоро перешла в буйную драку, а так как жители взяли сторону каравана, они быстро вооружились и были готовы на крайности. К счастью, хан, человек очень добрый, вернулся из своего похода, сгладил противоречия, снизив назначенную везиром

чрезмерную плату, и простился с нами, посоветовав соблюдать осторожность в пути, так как туркмены, пользуясь нынешней политической сумятицей, рыщут по дорогам [181] большими группами. Нас это несколько не пугало, так как в Андхое наш караван удвоился и нам нечего было бояться нападения разбойников.

Поэтому в тот же день к вечеру мы отправились в путь и остановились в Екетуте, в часе езды от Андхоя, где было назначено место сбора. Ночью мы двинулись в дальнейший путь, и следующая наша станция была на берегу ручья, который течет от Меймене; его русло в некоторых местах очень глубоко, а по берегам густо растут деревья. От Андхоя до Меймене считают 12 миль, два дня ходьбы для верблюдов. Мы уже проехали четыре мили, и проделать оставшиеся восемь миль не составляло бы труда, если бы нам не надо было тайком миновать Хайрабад, а к утру непременно дойти до окрестностей Меймене. Хайрабад как раз в то время был афганским, и керванбаши был прав, опасаясь приближаться к нему, потому что даже в мирное время афганцы не прочь взять пошлину разбоем. Можно представить себе, как обошлись бы военные власти с караваном, попади он им в руки. Несколько жителей Хайрабада, которые были в караване и при приближении к родному городу захотели расстаться с нами, принудили продолжить путь, страшась измены, так как, если бы афганцы нас обнаружили, они не замедлили бы все конфисковать. Хотя несчастные верблюды были очень тяжело нагружены, мы шли без остановок с 12 часов дня до 8 часов следующего утра; и велика же была наша радость, когда на следующее утро мы благополучно прибыли в ханство Меймене. Впрочем, на этом последнем переходе можно было ожидать препятствий не только от людей, но и вследствие природных трудностей, потому что приблизительно в девяти милях от Андхоя местность становится холмистой и по мере приближения к Меймене холмы превращаются в настоящие горы. Кроме того, нам еще пришлось преодолеть небольшую часть Баткана, болотистой местности, где, несмотря на жаркое время года, во многих местах стояла глубокая грязь, доставлявшая много страданий верблюдам и нашим ослам. Я ехал на бойком ослике, но, так как его ножки слишком часто увязали, он в конце концов устал подниматься, и только после долгих криков, упрашиваний и понуканий мне удалось заставить валаамову ослицу подняться с мягкого ложа и встать на ноги.

Мы расположились у подножия небольшой цитадели, называемой Аккале, в четырех часах езды от Меймене. Керванбаши подарил хаджи двух овец, чтобы отблагодарить бога за благополучное избавление от опасности. Мне как старшему поручили разделить подарок; мы целый день ели вместо хлеба баранину, а вечером все вместе спели телькины, которые я велел сопровождать зикром, т.е. во всю глотку прокричали две тысячи раз: "Йа-ху! Йа-хакк!" Отсюда мы сообщили в Меймене о своем прибытии, и к вечеру пришел таможенный чиновник, вежливый узбек, который все переписал. Ночью мы отправились в путь и на другое утро были в Меймене.

[182] XIV

Меймене. - Политическое положение и значение. - Нынешний правитель. - Соперничество между Бухарой и Кабулом. - Дост Мухаммед-хан. - Ишан Эйюб и мулла Халмурад. - Ханство и крепость Меймене. - Джемшиды и афганцы. - Чрезмерная пошлина. - Калайи-Нау. - Хазарейцы. - Налоги и плохое управление в Афганистане.

Прежде чем мы въедем в Меймене, познакомлю читателя с политическим положением в этой области. Поскольку город играет важную роль в политике, я считаю необходимым сделать некоторые предварительные замечания. Вся полоса земли по эту сторону Оксуса до Гиндукуша и Герата с давних пор была ареной постоянных споров и войн как между расположенными здесь небольшими разбойничьими государствами, из которых назовем только Кундуз, Хулум, Балх, Акче, Серепул, Шибирган, Андхой и Меймене, так и между соседними эмирами, бухарским и афганским, которые в своих захватнических интересах либо раздували пламя раздора, либо путем прямого вмешательства склоняли тот или иной город на свою сторону, ставя его в зависимое положение и используя в собственных целях. Главными соперниками были, в сущности, сами эмиры. До начала нашего столетия почти все время преобладало влияние Бухары, потом взяли верх афганские племена дураны, саддузи¹¹² и берекзи¹¹³. Дост Мухаммед-хану удалось отчасти силою, отчасти хитростью взять под свой скипетр все небольшие государства, за исключением Бадахшана. Он создал провинцию Туркестан и столицей назвал Балх, где повелел расположиться сардару с десятью тысячами войска, частью регулярного (палтан)¹¹⁴, частью состоящего из местной полиции, и тремя батареями полевых орудий. Энергичный Дост Мухаммед-хан не придавал большого значения обладанию горным Бадахшаном; местный правитель объявил себя его вассалом, и афганец на какое-то время удовлетворился этим. По-другому обстояло дело с Меймене. Город лежит на полпути к Бухаре, и его не раз безуспешно осаждали как Яр-Мухаммед, так и Дост Мухаммед-хан. В 1862 году, когда старый баракзайский правитель в последний раз обнажил свой меч против неверного Герата; содрогнулась вся Средняя Азия, однако Меймене выстоял и на этот раз, и храбрость узбеков вошла в поговорку. Можно представить себе, с какой гордостью воскликнули жители по смерти Дост Мухаммед-хана¹¹⁵, что из всех соседних городов только их Меймене не присягнул афганскому знамени.

Смерть Дост Мухаммед-хана, одно из важнейших событий в истории Средней Азии, была сразу же воспринята как начало больших изменений и политических неурядиц. Бухарский эмир [183] захотел первым воспользоваться случаем; несмотря на известную всем скупость, он послал для поддержки маленького Меймене 10 тысяч тилла, и было установлено, что эмир вскоре перейдет Оксус и, таким образом, соединенными усилиями будет совершено нападение на афганцев, их общего врага. Однако у нынешнего правителя Меймене, двадцатидвухлетнего пылкого молодого человека, не хватило терпения дожидаться союзников, и он начал борьбу на свой страх и риск. Захватив у афганцев несколько небольших селений, он украсил ворота своей крепости тремястами длинноволосыми черепами. Во время нашего пребывания в городе как раз велись приготовления к другим битвам.

Так как наш караван и здесь расположился за пределами города, я посетил текке некоего ишана Эйюба, к которому у меня было рекомендательное письмо от Хаджи Салиха. Я всеми силами старался приобрести благосклонность этого человека, потому что очень боялся встретиться в Меймене с одним давним знакомым, который мог раскрыть мое инкогнито и подвергнуть меня величайшей опасности. Дело в том, что в Константинополе я познакомился с неким муллой Халмурадом, который утверждал, что он из Меймене. Он в течение четырех месяцев

давал мне уроки джагатайско-турецкого языка¹¹⁶. Этот мулла, человек хитрый, еще на берегу Босфора заметил, что я совсем не Решид-эфенди, за которого себя выдаю. Узнав о моем намерении совершить путешествие в Бухару, он предложил мне свои услуги в качестве чичероне, уверяя, что он таким образом служил английскому Молла Юсуфу (доктору Вольфу). Я оставил его в сомнении относительно своих намерений. Он отправился в Мекку, и оттуда собирался через Бомбей и Карачи вернуться на родину; поэтому я боялся встречи с ним еще в Бухаре, так как был твердо убежден, что, несмотря на все добро, которое я для него сделал, он с готовностью выдаст меня даже за жалкие гроши. Поскольку из-за афганского похода всякое сообщение между Меймене и Бухарой было прервано, я, к счастью, не столкнулся с ним в Бухаре. Но я полагал, что в Меймене мне вряд ли удастся избежать встречи с этим человеком, и, чтобы предупредить его атаки, счел необходимым упрочить свое положение, стараясь снискать уважение и благосклонность всеми уважаемого ишана Эйюба. После трехдневного пребывания в городе я взял, наконец, инициативу в свои руки и спросил о нем. “Как, - удивленно сказал ишан, - ты знал Халмурада? (Мир ему и долгих лет нам!) На его долю выпало счастье умереть в Мекке, а так как он был моим закадычным другом, я взял его детей в свой дом, и вот тот малыш (он указал на мальчика) - его сын”. Я дал мальчику целую нитку стеклянных бус, сказал три фатихи за упокой души умершего, (Когда я вернулся в Тегеран, мой друг Исмаил-эфенди, бывший в то время поверенным в делах Порты при персидском дворе, рассказал мне, что за месяц до моего прибытия здесь был проездом один мулла из Меймене, чьи приметы полностью соответствовали моему якобы пребывавшему in aeternitate¹¹⁷ мулле, и тот говорил в посольстве обо мне как о своем бывшем ученике, с которым занимался джагатайским языком. Таким образом, Халмурад не умер, просто судьбе было угодно, чтобы мы не встретились.) и мой вполне обоснованный страх пропал.

[184] Теперь я стал ходить повсюду с большей свободой и вскоре на углу улицы открыл свою лавочку, товар в которой, к моему великому сожалению, начал иссякать, потому что я ничем не мог ее пополнить. “Хаджи Решид, - сказал мне один из моих спутников, - ты уже съел половину своих ножей, иглонок и бус, скоро ты съешь другую половину и осла в придачу, что же тогда будет?” Он был прав, однако что я мог поделаться? Меня беспокоило будущее, особенно приближающаяся зима, потому что до персидской границы было еще далеко, а все попытки увеличить кассу кончались неудачей. Впрочем, я находил утешение в своем собственном опыте: дервиш, хаджи, нищий никогда не уйдет с пустыми руками из дома узбека, я мог повсюду надеяться на кусок хлеба и на фрукты, кое-где могли дать и старую одежду, а этого вполне хватило бы для продолжения путешествия. Читатель хорошо понимает, что мне пришлось страдать и страдать очень много, но тяготы мне облегчали привычка и надежда возвратиться в Европу. Я сладко спал под открытым небом на голой земле и считал себя счастливым уже потому, что не надо было больше постоянно бояться разоблачения и мученической смерти, потому что нигде больше не сомневались в том, что я - хаджи.

Все ханство Меймене в населенной своей части - 18 миль в ширину, 20 миль в длину. Кроме столицы в нем десять деревень и иных населенных пунктов, из которых самые значительные - Кайсар, Кафиркале, Альмар и Ходжакенду. Жителей, подразделяемых на оседлых и кочевников, насчитывают до ста тысяч, по национальности это большей частью узбеки из племен мин, ачмайли и дас, которые могут выставить 6-8 тысяч всадников на хороших конях и хорошо вооруженных, отличающихся, как уже упоминалось, необыкновенной храбростью. Нынешнего властителя Меймене зовут Хусейн-хан, это сын Хукумет-хана, которого его родной брат, дядя теперешнего правителя, здравствующий и поныне, приказал сбросить со стен цитадели, для того чтобы, по его собственным словам, поставить во главе всех дел более способного сына. Но так как Хусейн-хан был еще недееспособен, нетрудно разгадать побудительные причины этого гнусного убийства; хотя Мирза Якуб (так зовут любезного дядюшку) играет роль везира, все знают, что Хусейн-хан - всего лишь ширма.

Впрочем, молодого властителя в Меймене любят больше, чем его дядюшку. Даже у нас его называли бы человеком приятной наружности, а в глазах узбеков он настоящий Адонис. Подданные хвалят его за добросердечность и забывают о жестоком законе, согласно которому вместо телесного наказания или **[185]** денежного штрафа хан может любого из них отправить в Бухару на невольничий рынок. Ханы Меймене взяли за правило каждый месяц препровождать некоторое число таких несчастных в Бухару, и здесь это никому не кажется странным, потому что таков древний обычай.

Город Меймене расположен в горах и становится виден только тогда, когда ехать до него остается не более четверти часа. Он крайне грязен, дурно построен и состоит из 1500 глиняных хижин, трех глиняных мечетей, двух кирпичных медресе и базара, тоже построенного из кирпичей и готового вот-вот развалиться. Жители-узбеки, но наряду с ними есть таджики, гератцы, до 50 семей евреев, несколько индийцев и афганцев. Все они пользуются равной свободой, и их нимало не беспокоят религиозные и национальные различия. Что касается Меймене как крепости, то ни в простых городских стенах и рвах, ни в цитадели, находящейся в западной части города, мне не удалось увидеть ту исполинскую твердыню, которая смогла противостоять обученной по английскому образцу афганской артиллерии и всей мощи Дост Мухаммад-хана. Земляные городские стены имеют в высоту 12 футов, в ширину - 5 футов, ров неширокий и не особенно глубокий, цитадель, правда, стоит на одиноко возвышающемся высоком и крутом холме, но поблизости есть другие, более высокие горы, и с них одна батарея в течение нескольких часов может превратить ее в груды развалин. Поэтому весьма вероятно, что прославленная сила Меймене заключается не в его стенах и рвах, а скорее в храбрости его защитников. В узбеке из Меймене с первого взгляда можно распознать бесстрашного наездника, и поспорить с ним мог бы только узбек из Шахрисябза. Решительный, воинственный характер жителей этого маленького ханства, да к тому же еще горный перевал у реки Мургаб всегда будут доставлять немало трудностей афганцам и прочим завоевателям, которым вздумалось бы подойти к Оксусу с юга. Укрепления Керки могут оказать очень слабое сопротивление; кто захочет взять Бухару, должен разрушить Меймене или заручиться его дружбой.

В Меймене нашего керванбаши и наиболее важных купцов нашего каравана задерживали не трудности с таможенными пошлинами, а личные интересы. Они хотели дожидаться по крайней мере двух-трех конных базаров, так как тут прекрасные и очень дешевые лошади, которых доставляют на рынок узбеки и туркмены из соседних областей;

отсюда их вывозят большей частью в Герат, Кандагар, Кабул, а часто даже в Индию. Лошади, которых, как я сам видел, продавали в Персии за 30-40 дукатов, здесь стоят 100-160 тенге (14-15 дукатов), и даже в Бухаре, Хиве и Карши мне не приходилось видеть, чтобы таких прекрасных лошадей продавали по столь низкой цене. Однако базар в Меймене богат не только лошадьми, он предлагает большой выбор плодов земли и изделий местной промышленности, например ковров и материй из овечьей и верблюжьей [186] шерсти, изготовляемых туркменскими и джемшидскими женщинами. Весьма значительную роль играет вывоз отсюда в Персию и Багдад кишмиша (сушеного винограда), аниса и фисташек, которые стоят здесь 30-40 тенге за центнер.

Спустя восемь дней я пошел к каравану, чтобы узнать, когда он двинется в дальнейший путь. Здесь я, к своему удивлению, услышал, что они целый день искали меня для того, чтобы я помог освободить четырех руми, арестованных по приказанию ханского дядюшки, так как, согласно вынесенному судьей приговору, с них можно было снять подозрение в том, что они беглые рабы, только в том случае, если заслуживающий доверия свидетель подтвердит истинность их турецкого происхождения. Но прежде чем отправиться к хану, я хочу представить читателю моих "соотечественников", так как иначе я забыл бы этих в высшей степени интересных людей. Это были не кто иные, как арестанты, бежавшие через необъятную Киргизскую степь в Бухару из Тобольской губернии в Сибири, где они восемь лет прожили в ссылке на тяжелых работах, надеясь из Бухары вернуться через Герат, Мешхед, Тегеран и т.д. в Гюмрю (Елизаветполь)¹¹⁸. История их бегства и прочие приключения очень длинны, поэтому постараюсь изложить их вкратце.

Во время последней русско-турецкой кампании они официально, а скорее всего, на свой страх и риск занимались грабежом (чапаул) на Кавказе и попали в руки русскому военному патрулю, а затем, как они того заслуживали, были отправлены по этапу в Сибирь. Там они днем валили деревья в тобольских лесах, а на ночь их запирали в тюрьму, где давали хлеб, суп, а иногда даже мясо. Прошли годы, прежде чем они научились русскому языку от охранявших их солдат. Беседы породили более доверительные отношения, вскоре они стали протягивать друг другу бутылки с водкой, и в один прекрасный день прошлой весной, когда оба солдата-охранника выпили согревающего напитка несколько больше обычного, арестанты свалили по ошибке русских вместо дубов, сменили топоры на оружие убитых и после долгих опасных блужданий, когда они питались травой и корешками, добрались до киргизских юрт. Там они были в совершенной безопасности, так как кочевники считают добрым делом помогать подобного рода беглецам. Из Киргизских степей они через Ташкент пришли в Бухару, где эмир дал им немного денег на дорогу. В пути их неоднократно принимали за беглых рабов, но только в Меймене они встретились с серьезной опасностью.

По настоянию своих спутников и керванбаши я в тот же день в сопровождении ишана Эйюба пошел в цитадель. Вместо хана нас принял его дядя, который счел мои показания достаточными и отпустил всех четырех беглецов. Они со слезами на глазах благодарили меня за спасение, и весь караван радовался. Через два дня мы отправились в дальнейшее путешествие, в Герат.

Теперь наш путь все время шел по гористой местности. Первая станция, которой мы достигли через шесть часов марша в [187] юго-западном направлении, называлась Альмар, а состояла она из трех деревень, лежащих порознь. Не успел караван спешиться, как появился сборщик податей из Меймене, сопровождаемый несколькими всадниками, и потребовал дополнительной пошрины. Переговоры, с криками и бранью, продолжались несколько часов, но в конце концов пришлось уступить, бедный керванбаши и купцы, обобранные вторично, заплатили за товары, скот и рабов, и к вечеру мы двинулись дальше. Мы миновали довольно значительное селение Кайсар и после полуночи прибыли на станцию Нарын, проехав пять миль по узким плодородным долинам, которые, однако, были покинуты, так как эти прекрасные места стали небезопасны из-за разбоя, чинимого туркменами, джемшидами и фирузкухами. В Нарыне мы отдохнули всего несколько часов, поскольку нам предстоял семичасовой переход. Проехав целый день без остановок, мы прибыли вечером в деревню и на станцию Чичакту, вблизи которой есть еще одна деревня, называемая Фемгузар. Так как у керванбаши и у некоторых других путешественников были дела в деревне Ходжакенду¹¹⁹, лежащей в горах к юго-востоку, в трех часах пути, мы задержались здесь на целый день. Эта деревня считается границей Меймене и одновременно всего Туркестана. Юзбаши, по имени Девлет Мурад, исполнявший здесь обязанности пограничного стража, снова взял с нас налог, в третий раз в ханстве Меймене, на этот раз под названием "камчин-пулу", т.е. "налог за нагайку". (В Средней Азии существует обычай давать эскорту деньги за нагайку, подобно тому как у нас дают чаевые, и этот юзбаши получил от хана право требовать плату с каждого прохожего, даже если он его не сопровождал и не охранял; именно в этом и заключалась его годовая выручка.) Когда я выразил свое удивление по поводу этой несправедливости одному гератскому купцу, тот мне ответил: "Мы благодарим бога, что с нас берут только пошлину. Раньше проезд через Меймене или Андхой был очень опасен, потому что сам хан велел грабить караваны и мы могли потерять абсолютно все". Здесь, в Чичакту, я в последний раз видел узбекских кочевников и откровенно признаюсь, что с большим сожалением простился с этими честными, простодушными людьми; из всех народов Средней Азии кочевники Хивинского и Бухарского ханства оставили у меня самое хорошее впечатление.

В Чичакту наш караван был взят под защиту эскортом джемшидов, которых хан выслал навстречу нам из Бала Мургаба, потому что дорога идет отсюда в довольно широкой долине, по правую сторону которой живут туркмены-сарыки, по левую - разбойники-фирузкухи. Земли здесь чрезвычайно плодородные, но, к сожалению, заброшенные и необработанные. Как я слышал, наш караван за все время пути от Бухары не подвергался такой большой опасности, как здесь. Охрана состояла из 30 хорошо вооруженных джемшидов на прекрасных конях, к тому же еще вдвое больше боеспособных людей было в составе самого [188] каравана, и, несмотря на это, на каждом шагу налево и направо на холмы высылалась конная разведка, и все были напряжены до предела. Можно представить себе, в каком состоянии духа находились несчастные, только что спасшиеся от рабства люди, которые с величайшим трудом и большими расходами добрались до этих мест, где над ними снова нависла угроза плена. К счастью, величина каравана и в особенности бдительность спасли нас от нападений. Весь день мы шли по великолепным лугам, покрытым, несмотря на позднее время года, цветами и травами, доходившими до колен, и, отдохнув ночью, приехали на следующее утро к развалинам крепости Кале-Вели¹²⁰, еще два года назад здесь жили люди, но затем крепость подверглась набегу туркмен-сарыков и была разорена. Жители были частью проданы в рабство, частью убиты, а несколько одиноких

домов и крепостные стены скоро превратятся в развалины. Джемшидские всадники, сопровождавшие нас всего один день, потребовали здесь свой камчин-пулу, причем с рабов в два раза больше, чем с пеших и всадников; они уверяли, что их требования справедливы, потому что иначе после уплаты таможенной пошлины хану в Бала Мургабе на их долю ничего не останется.

К вечеру второго дня после нашего отъезда из Чичакту прекрасная долина кончилась, и неровная дорога, которая теперь вела к реке Мургаб, шла в горной теснине, местами очень крутой и такой узкой, что навьюченные верблюды проходили с большим трудом. Как я слышал, это единственный путь, ведущий через горы к берегу реки. Армии, которые захотят переправиться через Мургаб, должны идти либо через пустыню, будучи уверенными в дружбе салоров и сарыков, либо через упомянутый горный проход, заручившись дружеской поддержкой джемшидов, потому что в ущельях джемшиды могут нанести большие потери даже самой сильной армии. На берег реки мы вышли только к полуночи, и измученные трудной горной дорогой люди и животные скоро заснули глубоким сном. Проснувшись на следующее утро, я увидел, что мы находимся в довольно длинной долине, окруженной высокими горами и перерезанной в середине светло-зелеными водами Мургаба; (Мургаб начинается в расположенных на востоке высоких горах, которые называются Гур, и течет на северо-запад через Марчах и Пендждех, теряясь за Мервом в песках. Говорят, что раньше он соединялся с Оксусом, но это совершенно невозможно, так как он всегда был горной рекой, которая не могла долго течь по песчаной местности.) картина была чарующая. С полчаса мы шли по берегу Мургаба в поисках подходящего места для переправы, так как река была очень быстрая, хотя и не особенно глубокая, и из-за высоких берегов и разбросанных по дну каменных глыб ее не везде можно было перейти.

Переправу начали лошади, за ними пошли верблюды, а завершить это хитрое дело должны были наши ослики. Как известно, ослы пуще огня и смерти боятся воды и грязи, поэтому [189] я считал необходимым соблюсти меры предосторожности и переложил свой дорожный мешок, где лежали манускрипты, самая драгоценная добыча моего путешествия, на верблюда. Сев затем в пустое седло, я заставил своего осла войти в реку. С первых шагов по каменистому дну бурной реки я почувствовал, что произойдет что-то нехорошее, и хотел сойти, но это оказалось ненужным, так как, сделав еще несколько шагов, мой скакун повалился под громкий хохот стоявших на берегу спутников, а затем, вконец напуганный, помчался, как я того желал, к противоположному берегу. Холодное утреннее купанье в прозрачном Мургабе было неприятно только тем, что не во что было переодеться, и мне пришлось просидеть несколько часов, завернувшись в ковры и мешки, пока моя насквозь промокшая одежда не высохла на солнце.

Караван расположился поблизости от крепости, внутри которой вместо домов были одни только юрты, где и находилась резиденция ханов, или князей, джемшидов.

Эта часть Мургабской долины, известная под названием Бала Мургаб, (В то же время я слышал, что название Бала Мургаб носит только крепость. Вероятно, когда-то она была весьма значительна, так как многочисленные развалины внутри нее и в окрестностях свидетельствуют о былой культуре.) то есть Верхний Мургаб, простирается от границ высокой горной цепи Хазара до Марчаха¹²¹ (Змеиный колодец), где живут туркмены-салоры; рассказывают, что с древнейших времен они подчинялись джемшидам, иногда те их оттуда изгоняли, но теперь они опять живут там. К юго-западу от крепости долина становится такой узкой, что ее скорее можно назвать ущельем, посреди которого, пенясь, с адским шумом мчится Мургаб. Только выше Пендждеха¹²², где река становится глубже и спокойнее, ширина долины достигает одной-двух миль. Вероятно, во времена существования могущественного Мерва здесь была значительная культура, но сегодня тут хозяйничают туркмены, по стопам которых следуют нищета и разрушения.

Джемшиды ведут свое происхождение от Джемшида, легендарного царя пишдаидов¹²³. Достоверность этих рассказов, конечно, очень сомнительна. Но их персидское происхождение неоспоримо. Оно проявляется не столько в их языке, сколько в истинно иранском типе, который эти кочевники сохранили в такой чистоте, какая в самой Персии встречается только в южных провинциях. Отброшенные уже несколько столетий назад к крайней границе расселения персидской нации, они значительно уменьшились в числе вследствие постоянных войн. Теперь они насчитывают не более 8-9 тысяч кибиток; они живут в большой бедности, рассеянные по упомянутой долине и близким горам. При Алла Кули-хане большая часть их была насильно переселена в Хиву, где им была отведена для поселения плодородная, обильно орошаемая Оксусом полоса земли (Кётк-шег). Там им жилось, несомненно, лучше, но тоска по родным [190] горам заставила их вернуться, и теперь они снова живут в родных местах как новые поселенцы, далеко не в блестящих условиях. По одежде, образу жизни и характеру джемшиды похожи на туркмен, столь же страшны и их набег, однако они не могут быть такими же частыми из-за их малочисленности. В настоящее время их ханы (у них их, собственно, два: Мехди-хан и Алла Кули-хан) - вассалы афганцев и получают хорошее вознаграждение от гератского сардара. Афганцы еще во времена Дост Мухаммад-хана всячески старались использовать оружие джемшидов в своих интересах, чтобы, во-первых, иметь на северной границе Мургабской долины постоянный сторожевой корпус против нападения со стороны Меймене, а во-вторых, парализовать могущество туркмен, дружбой которых Дост Мухаммед-хан не смог заручиться никакими дарами. Говорят, Мехди-хан, упомянутый предводитель джемшидов, оказал значительные услуги при осаде Герата и тем самым приобрел совершенную благосклонность не только эмира, но и его преемника, теперешнего правителя Шер Али-хана, повелевшего назначить его опекуном своего несовершеннолетнего сына, которого он поставил управлять Гератом. Протяженность афганской границы до Мургаба поэтому весьма иллюзорна, так как джемшиды отнюдь не признают верховной власти гератского сардара и готовы открыто проявить свою вражду, едва им перестают платить за службу.

Здесь, как и повсюду, главную трудность представляли таможенные дела каравана. На протяжении всего пути нам говорили, что на левом берегу Мургаба начинается Афганистан и хотя бы прекращается взимание пошлины с рабов. Но мы жестоко обманулись. Джемшидский хан, который лично вел переговоры с керванбаши о таксе, потребовал плату с тюков, скота и рабов еще большую, чем его предшественники, и когда тариф объявили, все были ошеломлены, а некоторые безудержно плакали. Даже хаджи он заставил заплатить по два франка за осла, что было весьма трудно для всех, а особенно для меня. Но хуже всего пришлось одному индийскому купцу, который в Меймене купил несколько тюков аниса за 30 тенге. Плата за провоз груза до Герата стоила ему 20 тенге, до сих пор он уже

заплатил 11 тенге таможенных пошлин, а здесь он должен был отдать еще 30, так что одни только расходы по перевозке составили 61 тенге. Неслыханные вымогательства, чинимые здесь купцу законным образом, препятствуют всяким торговым сношениям, и из-за ужасной тирании своих правителей жители не могут пользоваться произрастающими вокруг иной раз даже в диком виде дарами природы, доход от которых удовлетворил бы многие потребности их домашней жизни.

Гористая отчизна джемшидов производит три достойных упоминания дикорастущих продукта, собирать которые волен любой и каждый. Это: 1) фисташки, 2) бузгунча - плод, по виду напоминающий орех, используется как краситель; фисташки [191] стоят полфранка батман, бузгунча - 6-8 франков; 3) терендже-бин - сахаристое растение, довольно вкусное, его собирают с куста наподобие манны и употребляют в Герате и Персии для изготовления сахара. Горы Бадгис (дословно "где поднимается ветер") богаты этими тремя продуктами. Жители собирают их, но из-за огромных издержек купец может дать за них самую ничтожную цену, и бедность, таким образом, благодаря подобной торговле уменьшается незначительно. Джемшидские женщины изготовляют из овечьей и козьей шерсти различные материи, особенно славятся платки, носящие название "шаль", за которые в Персии хорошо платят.

Четыре дня мы пробыли на берегу Мургаба вблизи упомянутых развалин. Я часами бродил возле этой прекрасной светло-зеленой реки, стремясь побывать в рассыпанных тут и там юртах, крытых кусками старого рваного войлока и имевших вид жалкий и обветшалый. Напрасно предлагал я свои стеклянные кораллы, свои благословения и нефесы. Людям был нужен хлеб, а не подобные предметы роскоши. И с религией здесь, среди джемшидов, дело обстояло плохо, а поскольку я не очень-то мог рассчитывать на свое звание хаджи и дервиша, я отказался от намерения пробраться дальше, до Марчаха. По слухам, там должны быть расположены каменные развалины с минаретом (башни и колонны, может быть, времен глубокой персидской древности). Эти рассказы не представлялись мне вполне заслуживающими доверия, иначе англичане, достаточно хорошо знающие Герат и его окрестности, упомянули бы об этом. Ввиду неопределенности сообщений я не захотел подвергать себя опасности.

От Бала Мургаба до Герата считают четыре дня езды на лошадях, для верблюдов в этой гористой местности требуется вдвое больше времени, тем более для наших, чрезмерно нагруженных. К югу от Мургаба виднелись два горных пика, и нам сказали, что мы прибудем туда через два дня марша. Оба носят название Дербенд, т.е. "Перевал"¹²⁴, они намного выше и уже, чем перевал на правом берегу Мургаба, ведущий в Меймене, и их легче оборонять. По мере продвижения вперед природа приобретает все более дикий и романтический характер. Высокие скалистые глыбы, образующие перевал Дербенд, увенчаны развалинами старого укрепления, о котором ходят самые разнообразные басни. Дальше, у второго Дербенда, почти на самом берегу Мургаба, находятся руины старого загородного дворца. Это летняя резиденция знаменитого султана Хусейн-мирзы¹²⁵, приказавшего построить здесь каменный мост, Пул-Табан, следы которого можно еще обнаружить. Во времена этого самого просвещенного правителя Средней Азии вся местность процветала, и на берегу Мургаба стояло в ту пору еще несколько загородных дворцов.

Пройдя через второй перевал, мы оставили за собой Мургаб, и дорога повернула направо, к западу, на возвышенную равнину, [192] которая вплотную граничит с той частью пустыни, которая населена салорами. Здесь начинается подъем на высокую гору Балх-Гузар; переход через нее продолжался целых пять часов. Около полуночи мы прибыли на место, носящее название Могор, и оттуда на следующее утро приехали к развалинам города и крепости Калайи-Нау¹²⁶, окруженным теперь несколькими кибитками хазарейцев, которые на вид еще беднее джемшидских кибиток. Как я слышал, еще 50 лет назад Калайи-Нау был в цветущем состоянии и служил своего рода перевалочным пунктом для караванов, направлявшихся из Персии в Бухару. Тогда городом владели хазарейцы, они были настолько заносчивы, что предъявляли требования правительству Герата, однако битвы, навязанные ими Герату, погубили их самих. Они превратили в своих врагов и персов, потому что состязались с туркменами в разбойничьих набегах на Хорасан. В то время Калайи-Нау имел для работорговли то же значение, что теперь Мерв.

Обитающие здесь хазарейцы из-за смешения с иранцами не сохранили монгольский тип в чистом виде, как их братья в окрестностях Кабула, к тому же они по большей части сунниты, тогда как те причисляют себя к шиитам. Если мне правильно сообщили, то северные хазарейцы отделились от южных только во времена Надира; под давлением нового окружения они частично стали суннитами. Говорят, что хазарейцы (В Персии хазарейцев именуют берберами; некогда в горах между Кабулом и Гератом существовал город Шахри-Бербер, о величине, блеске и великолепии которого рассказывают легенды. Бернс говорит в своем сочинении о Кабуле (стр. 232): "Остатки этого имперского города под тем же названием (Бербер) видны еще и по сию пору".) были перевезены Чингисханом из Монголии, своей прародине, на юг Средней Азии и благодаря влиянию шаха Аббаса II обращены в шиизм. Поразительно, что они заменили свой родной язык персидским, который даже в населенных ими областях не повсеместно распространен, и лишь небольшая часть, оставшаяся изолированной в горах поблизости от Герата и уже несколько столетий занимающаяся выжиганием угля, говорит на некоем жаргоне монгольского языка. Они называют себя, так же как и место, где они живут, Гоби.

Баба-хан, глава хазарейцев в Калайи-Нау, вследствие своей бедности и слабости должен был бы по крайней мере признать верховную власть Герата, отстоящего всего в двух днях пути. Но он тоже напускает на себя вид независимого правителя, и не успел наш караван расположиться около развалин, как он появился собственной персоной и потребовал пошлину. Снова брань и споры. Керванбаши собрался отправить посольного к сардару в Герат, угроза подействовала, и вместо таможенной пошлины уже он удовольствовался изрядным камчин-пулу, причем безбожный хан не забыл даже хаджи, и мне снова пришлось заплатить два франка за своего осла. Купцы закупили здесь [193] много фисташек и легкой суконной ткани барак, производством которой славятся хазарейские ткачи; во всей Северной Персии и в Афганистане она идет на шитье верхней одежды, чекменей.

От Калайи-Нау до Герата дорога опять идет через высокие горы. Расстояние всего 20 миль, но путь очень утомителен, и нам понадобилось четыре дня, чтобы преодолеть его. В первый день мы остановились у деревни Альвар, неподалеку от развалин бывшей разбойничьей крепости, где обитал Шир Али Хазаре. На второй день мы перешли через гору Серабенд, вершина которой покрыта вечными снегами; там мы изрядно намерзли, несмотря на

то что сожгли невероятное количество дров. На третий день дорога все время шла под откос, местами она становилась очень опасной, так как тропинка шириной в фут тянулась по склону горы, и один неверный шаг мог увлечь верблюда и человека в глубокую пропасть. Мы благополучно спустились в долину Серчешме, где находится основной исток полноводного ручья, который орошает с севера Герат и затем устремляется в Герируд. На четвертый день мы, наконец, добрались до Карруха¹²⁷, принадлежащего Герату и отстоящего от него в четырех милях.

Караван, отправившийся в Бухару по весне, вышел из Герата, когда тот был под осадой Дост Мухаммед-хана. С тех пор прошло шесть месяцев, известие о взятии, разграблении и опустошении города дошло до нас уже давно, и легко представить себе стремление гератцев разыскать свой дом и увидиться с семьей и друзьями. Несмотря на это, всем нам пришлось ждать целый день, пока сборщик податей, дерзко, по-афгански, нагрянувший еще рано утром, не составил точной описи всех прибывших и всего, что привезено. Я представлял себе Афганистан как страну почти организованную, где благодаря длительным контактам с западными основами можно будет найти по крайней мере какой-то порядок и гуманность. Я думал, что уже близок конец моему маскараду и моим страданиям. К сожалению, я ошибался. Первый же встреченный мною афганский чиновник затмил своей жестокостью и варварством среднеазиатских представителей власти, и все, что мне рассказывали об ужасах афганского таможенного досмотра, показалось мне слабым в сравнении с тем, что я здесь увидел. Тюки с товарами, которые владельцы не захотели открывать, были под стражей отправлены в город, багаж путешественников осмотрен и переписан вещь за вещь; несмотря на прохладную погоду, всем пришлось раздеться, и все предметы одежды, кроме рубашек, кальсон и верхнего платья, были обложены пошлиной. Этот грубиян, сборщик податей, хуже всего обошелся с хаджи, он не пощадил даже небольшого запаса галантерейных товаров и, что совсем неслыханно, назначил таксу в пять кранов с каждого осла. За этих животных, стоивших в общем 20-25 кранов, мы уже до сих пор переплатили уйму всяких пошлин. Так как многие действительно были бедны и не могли ничего заплатить, он заставил их продать [194] своих ослов; его возмутительный метод действий жестоко отразился и на мне - я лишился почти всех средств.

К вечеру, когда грабеж закончился, появился губернатор Карруха, имевший чин майора, чтобы получить свой камчин-пулу. Он был достаточно суров, однако его истинно военная выправка и застегнутый на все пуговицы мундир, первый вновь увиденный признак европейской жизни, произвели на меня невыразимо отрадное впечатление. Баторхан (так его звали) сразу заметил не только мое изумление, но и мои чужеродные черты лица. Он принялся расспрашивать керванбаши, велел мне сесть поблизости от него и обходился со мною предупредительно, выделяя среди прочих. Беседуя со мною, он все время сводил разговор к Бухаре, часто тайком улыбался мне, словно желал поздравить меня с благополучным завершением миссии (потому что он так думал), и, хотя я непоколебимо упорствовал в своем инкогнито, он протянул мне на прощанье правую руку и хотел на английский манер потрясти мою, но я, предупредив его, поднял обе руки с намерением дать ему фатиху, после чего он со смехом удалился.

На следующее утро наш караван должен был войти в Герат, потратив более шести недель на путь, который можно было бы пройти за 20-25 дней. Мы уже показали на отдельных примерах, как мало благоприятен этот путь для торговли. Теперь мы постараемся представить в одном списке все таможенные тарифы, по которым мы платили за рабов, тюки и скот в самых разных местах на всем протяжении пути.

Заплачено тенге (по 75 сантимов в 1 тенге)

Название места	Тюк с товарами	Верблюд	Лошадь	Осел	Раб
Керки	20	5	3	1	22
Андхой	26	5	3	2	20
Меймене	28	5	3	1	25
Альмар	-	3	2	-	
Фемгузар	1	3	2	1	1
Кале- Вели	-	5	3	1	5
Мургаб	30	5	3	2	15
Калайи-Нау	-	5	3	2	-
Каррух	-	15	10	5	-
Итого	105	51	32	15	88

Если к этому еще прибавить 20%, которые взимают с товаров в Герате, то можно составить представление о продажной цене, которую назначает купец, чтобы вознаградить себя за все труды.

[195] XV

Герат. - Его разоренное состояние. - Базар. - Бедственное положение автора. - Сардар Мухаммед Якуб-хан. - Парад афганских войск. - Встреча с сардаром. - Поведение афганцев при штурме Герата. - Везир Назир Наим. - Финансовое положение. - Майор Тодд. - Мусалла, могила Султан Хусейн-мирзы. - Могила Ходжи Абдуллы Ансари и Дост Мухаммед-хана.

Путешественник, подъезжающий к Герату с севера, конечно, будет поражен, когда, обогнув гору Ходжа Абдулла Ансари, увидит перед собой прекрасную необозримую равнину, называемую Джелгей Герат, со множеством каналов и рассыпанных вокруг деревень. Хотя деревьев, главного украшения всякого пейзажа, здесь совсем нет, все же заметно, что ты достиг конца Туркестана, собственно Средней Азии. Герат с полным правом можно назвать воротами Средней Азии или ключом к ней, и, не соглашаясь вполне с жителями Востока, которые называют его Дженнетсифат,

т.е. “Похожий на рай”, мы все же не можем не признать, что окрестные земли представляют собой прелестную плодородную местность. Благоприятные природные условия и важное политическое значение Герата сделали его, к сожалению, яблоком раздора для соседних стран, и если вспомнить о вечной борьбе, которая здесь происходит, об осадах, которые должен был выдержать город, то поражаешься, как быстро заживают тут самые глубокие раны. Только два месяца назад здесь хозяйничали дикие афганские орды, опустошая и разрушая все, и тем не менее пашни и виноградники выглядели сейчас цветущими, а луга покрывала высокая трава, усеянная цветами.

В городе, как в любом восточном городе, есть старые и новые развалины, и как везде, так и здесь первые прекраснее и величественнее последних. Остатки архитектурных памятников на Мусалла (место молитв) напоминают руины древнего города Тимура; разрозненно стоящие круглые башни напоминают крепости Исфахана, но город или сама крепость, в том состоянии, в котором я ее видел, - это руины, какие даже на Востоке редко встретишь.

Мы въехали через ворота Дарваза-Арак. Дома на пути к ним, привратные постройки и сами ворота были похожи на груды мусора. Недалеко от ворот внутри города находится арк (цитадель), из-за своей высоты он был главной целью афганской артиллерии и теперь сожжен и наполовину разрушен. Украдены все двери и оконные рамы, так как во время осады не было топлива, и в пустых проемах каменных стен сидят теперь несколько голых афганцев или индийцев как достойные стражи подобного места. По мере нашего продвижения мы на каждом шагу видели все большее разорение, целые кварталы стояли [196] пустые и покинутые. Только базар (т.е. крытая куполом территория, выдержавшая уже много осад), несмотря на то что его новое население появилось здесь лишь три месяца назад, представлял собой довольно интересный образчик жизни, характер которой еще отчетливее, чем на базаре в Бухаре, определяло смешение народов Индии, Персии и Средней Азии. Настоящая сутолока была только на участке от караван-сарая Хаджи Расул до караван-сарая Но, и, хотя расстояние было невелико, в глаза резко бросалось разнообразие рас - афганцев, индийцев, татар, туркмен, персов и евреев. Одни афганцы выступают в своем национальном костюме, который состоит из длинной рубахи, нижних штанов и грязного полотняного платка; другие одеты крайне небрежно, но по-военному, причем красный английский мундир, любимая одежда, с которой они обычно не расстаются даже ночью, наброшен на рубаху; голову покрывает живописный индийско-афганский тюрбан. Третьи, уже цивилизованные, обычно носят полуперсидский костюм. Оружие есть у всех, любой афганец, штатский или военный, даже на базар очень редко ходит без меча и щита, и я видел, как многие, чтобы выгладеть достаточно представительными, таскают с собой целый арсенал, состоящий из двух пистолетов, меча, кинжала (ханджара), ружья и щита. С дикой живописностью афганца можно сравнить только похожего на туркмена джемшида, бедно одетый гератец, голый хазарец, тимури¹²⁸ из окрестных мест теряются рядом с ним, все смиренно проходят мимо него, и никогда властелин или завоеватель не был так ненавистен, как афганец ненавистен жителям Герата.

Сам базар, который существует еще со времен султана Хусейн-мирзы периода расцвета Герата и насчитывает, следовательно, уже примерно 400 лет, можно назвать прекрасным даже в развалинах; говорят, раньше он занимал целую улицу, от Дарваза-Арак до Дарваза-Кандагар. (Изо всех ворот это единственные, мало пострадавшие от осады. Гератцы утверждают, что они никогда не могут быть разрушены, потому что их построили англичане, которые кладут кирпич на кирпич по всем правилам, а не афганцы, которые замешивают известь на слезах угнетенных.) Разумеется, теперь, особенно после последней осады и разграбления, лавки базара начинают открываться лишь мало-помалу, однако при грабительской системе пошлин, взимаемых афганцами, торговля и промышленность не могут иметь большого будущего. Просто невероятно, какие налоги берутся с продавцов и покупателей за каждый товар. К тому же налоговые ставки на базаре, по-видимому, не отрегулированы. Например, за пару сапог, которые стоят пять франков, платят полтора франка налога, за шапку, которая стоит два франка, - один франк, за шубу, которая стоит восемь франков, - три франка налога и т.д. Каждый предмет, который ввозится или вывозится, должен штемпелеваться сборщиками пошлин, которые сидят в разных частях базара и города.

[197] Коренные жители Герата - персы¹²⁹, принадлежащие к племени, которое продвинулось от Систана к северо-востоку и заселило провинцию Хорасан, в которой Герат вплоть до последнего времени был столицей. Позже иммиграция, поощряемая Чингисом и Тимуром, привела к смешению коренного населения с турецко-татарской кровью, и возникло общее название “аймаки” или “чахар-аймак” для всего населения, которое делится на хазарейцев, джемшидов, фирузкухов, тайменей или тимури - племена совершенно разного происхождения, и только с политической точки зрения они могут рассматриваться как одна нация. Это о жителях Джёлгей Герата.

Крепость занесена большей частью персами, которые перебрались сюда в последнее столетие, чтобы вести пропаганду в пользу Персии. Это большей частью ремесленники и купцы. Афганцев в Герате один на десять человек, они уже наполовину стали персами и очень враждебно настроены против своих соотечественников, особенно после последней осады; кабулец или какар из Кандагара в роли порабитателя для них так же чужд и ненавистен, как и для коренных жителей Герата.

Пестрая толпа, которую я встретил в Герате, произвела на меня приятное впечатление. Афганские солдаты в английской военной форме и в фуражках военного образца - головном уборе, который противоречит положениям ислама и введение которого в турецкую армию считается невозможным, (Османь утверждают, что, согласно традиции, сипер (любой головной убор, который имеет кокарду) и зуннар (набедренный пояс монаха) строго запрещены как символы христианства. Султан Махмуд II, вводя в Турции первую европейскую милицию, очень хотел заменить чрезвычайно бесполезную феску фуражкой или похожим головным убором, но он, истребитель янычар, не осмелился на это, так как был бы своими лучшими друзьями объявлен отступником.) - заставляли меня поверить, что я в стране, где мне больше не надо бояться исламского фанатизма и где я могу постепенно отказаться от надоевшей маскировки. Да, оттого что я увидел разгуливающих вокруг солдат со сбритыми усами, что по исламу считается смертельным грехом и даже в Константинополе рассматривается как отречение от религии, меня охватила радостная надежда, что, может быть, я встречу здесь английских офицеров. Как был бы я счастлив, если бы нашел здесь сына Британии, который при тогдашних политических обстоятельствах обладал бы, конечно, влиянием! Я забыл, что Восток никогда не бывает тем, чем он кажется, и разочарование мое было, к сожалению, очень горьким.

Поскольку, как я уже говорил, моя касса почти совсем истощилась, по прибытии в Герат мне тотчас же пришлось продать осла. Бедное животное от путешествия совсем исхудало, я получил за него только 26 кранов, из которых должен был еще заплатить 5 кранов налога за продажу и еще другие маленькие долги. Мое положение было критическим. С голодом еще можно было как-то справиться, но ночи стали уже очень прохладные, и, несмотря на закалку, я очень страдал, когда вынужден был спать [198] в своей скудной одежде в открытых всем ветрам развалинах на голой земле. Мысль, что Персия находится отсюда лишь в десяти днях езды, придавала мне надежду, но попасть туда оказалось трудной задачей, так как идти одному было совершенно невозможно, а караван, который снаряжался в Мешхед, хотел дожидаться пополнения и более благоприятного момента, потому что туркмены не только дороги сделали ненадежными, но даже у ворот Герата брали людей в плен, грабили деревни и караваны.

Через несколько дней по приезде я услышал, что персидский посол Мохаммед Бакир-хан, которого губернатор Хорасана послал в Герат, чтобы приветствовать молодого сардара, вскоре собирался вернуться в Мешхед. Я сразу нанес ему визит и попросил его взять меня с собой. Перс был очень вежлив, но, хотя я несколько раз упоминал о том, что у меня нет средств, он не обращал на это никакого внимания и спрашивал у меня, ужасно обезображенного хаджи, не привез ли я с собой из Бухары хороших лошадей. Все его слова, казалось, были направлены на то, чтобы раскрыть мое инкогнито; я понял, что мне нечего от него ожидать, и ушел. Вскоре после этого он покинул Герат; вместе с ним уехало большинство хаджи, прибывших сюда со мной из Самарканда и Керки. Все меня покинули, только Молла Исхак, мой верный товарищ из Кунграда, верил моим словам, что в Тегеране меня ждет лучшая участь, и остался со мной. Добрый малый днем выпрашивал для нас пропитание и топливо, а вечером готовил ужин, который он соглашался съесть вместе со мной из одной миски лишь после настойчивых просьб. Впрочем, Молла Исхак играет одну из интереснейших ролей в моих приключениях, вместо Мекки он сейчас живет в Пеште, и мы еще упомянем о нем в последующих записях.

В поисках источников помощи для дальнейшего путешествия в Мешхед я пошел также к шестнадцатилетнему сыну теперешнего короля Афганистана, правящему принцу сардару Мухаммед Якуб-хану, который был поставлен во главе завоеванной провинции, так как его отец сразу после восшествия на престол поспешил в Кабул, чтобы пресечь попытки своих братьев оспаривать его право на корону. Молодой принц жил в Чарбаге, во дворце, который служил когда-то местом пребывания майора Годда; хотя дворец сильно пострадал от осады, он все же был больше приспособлен для жилья, чем совершенно разрушенная цитадель. Часть четырехугольного двора, или сада, как его обычно называют, хотя я видел в нем только несколько деревьев, служила для ночлега ему и его многочисленным слугам, в противоположной части, в большом удлиненном покое, проводился в течение четырех-пяти часов арз (публичная аудиенция). Принц был всегда в мундире с высоким стоячим воротником и сидел обычно в кресле у окна, а так как бесконечные просители, которых он должен был принять, вскоре ему надоедали, он приказывал маршировать перед своими окнами роте рисале, кадровым войскам афганцев, и, казалось, его очень забавляли повороты [199] колонны и громоподобные команды муштрующего офицера, который, впрочем, выкрикивал: "Right shoulder forward! Left shoulder forward!"¹³⁰ - с истинно английским произношением.

Когда я в сопровождении Молла Исхака вошел в упомянутый двор, строевая подготовка шла полным ходом. У солдат была очень хорошая выправка, гораздо лучше, чем в оттоманской армии, муштруемой уже в течение 40 лет, их можно было бы принять за европейских солдат, если бы многие из них не надели прямо на босые ноги красные остроносые кабульские башмаки и если бы короткие штаны с длинными штрипками не были натянуты таким образом, что грозили лопнуть в любой момент. Посмотрев немного, я двинулся к двери приемного зала, возле которой толпилось множество слуг, солдат и просителей. Благодаря большим тюрбанам, которые я и мой спутник надели на себя, и моему виду отшельника, который я приобрел вследствие трудного путешествия, все расступились и беспрепятственно пропустили меня в зал.

Я застал принца в том виде, как было описано выше, по правую руку от него сидел его везир, а далее по порядку вдоль стен другие офицеры, муллы и жители Герата, среди них один перс, Имамверди-хан, который по причине какого-то мошенничества бежал сюда из Мешхеда. Перед принцем стояли его мухрдар (хранитель печати) и четверо или пятеро других приближенных. Я вошел с приветствием, подобающим моему положению дервиша, направился, не обратив на себя особого внимания общества, прямо к принцу и сел между ним и везиром, потребовав у этого довольно толстого офицера подвинуться, причем мне пришлось прибегнуть к помощи рук. Это вызвало смех, я же, ничуть не изменяя себе, сразу поднял руки, чтобы произнести сидячую молитву. (Это арабская молитва, и состоит она из следующих слов "Боже, Господь наш, дай занять нам благословенное место, так как истинно Ты даруешь нам жизнь".) Пока я это проделывал, принц пристально смотрел на меня, и я заметил, что он был поражен, а когда я сказал "амин" и все присутствующие вместе со мной погладили бороды, принц приподнялся в своем кресле и воскликнул, показывая на меня пальцем, полусмеясь, полуудивленно: "Валлахи, биллахи шума инглиз хастид!" ("Ей богу, клянусь, вы англичанин!").

Громкий смех сопровождал странную выходку молодого принца, он же, не оставляя своей выдумки, вскочил с кресла, встал напротив меня и, хлопая в ладоши, как ребенок, которому пришла счастливая мысль, воскликнул: "Хаджи курбанет ("Пусть я буду твоей жертвой"), скажи мне, не правда ли, ты англичанин-табдил („инкогнито“)?" Его поведение было таким наивным, что мне, право же, было жаль лишать мальчика радости; однако у меня было основание бояться дикого фанатизма афганцев, и, сделав вид, что шутка оказалась немного грубоватой, я сказал: [201] "Сахиб мекун („Оставь"), ты ведь знаешь слова: „Кто правоверного даже в шутку назовет неверным, сам станет неверным". Дай мне лучше что-нибудь за мои фатихи, чтобы я мог отправиться дальше". Мой серьезный вид и хадис, который я произнес, привели молодого человека в замешательство, пристыженный, он сел и извинился, сказав, что никогда не видел хаджи из Бухары с такими чертами лица. Я ответил, что я не из Бухары, а из Константинополя, и, когда я предъявил ему для доказательства свой паспорт, а также рассказал о его кузене Джалал ад-Дин-хане, сыне Акбар-хана, который в 1860 г. побывал в Мекке и Константинополе и с которым султан был особенно обходителен, он, казалось, изменил свое мнение. Паспорт передавали из рук в руки, все высказывали свое одобрение, принц дал

мне несколько кранов и отпустил с приказанием посетить его еще несколько раз во время моего пребывания, что я и сделал.

Впрочем, хоть эта шутка и прошла для меня удачно, для моего дальнейшего пребывания в Герате она имела неприятные последствия. После принца каждый старался обнаружить во мне замаскированного англичанина, и ко мне приходили персы, афганцы и гератцы, без сомнения, для того, чтобы проверить справедливость своих подозрений. Самым настырным был некий Хаджи Шейх Мухаммед, старик, пользовавшийся славой великого астролога и астронома. И действительно, насколько я его узнал, он довольно много читал по-арабски и по-персидски. Он рассказал мне, что путешествовал с Ханыковым и оказывал ему в Герате много услуг, за что тот дал ему письмо к русскому послу в Тегеране, которое он хотел бы переслать теперь через меня. Тщетно я пытался доказать доброму старцу, что у меня нет ничего общего с русскими, но так и не смог поколебать его уверенности. Удивительнее всех казались мне персы и афганцы. Они полагали, что видят во мне человека а la Эльдред Поттингер, который прибыл в Герат как торговец лошадьми, а позже правил городом. Мне говорили, что у меня здесь кредит в сотни и даже тысячи дукатов, и все же никто не хотел дать мне несколько кранов на хлеб.

Как бесконечно долго тянулось время, которое мне пришлось прожить в Герате, дожидаясь каравана! Город имел мрачный, печальный вид, страх перед завоевателями был написан на лицах жителей, и предметом разговоров все еще была последняя осада, захват и разграбление. По свидетельству гератцев, которое, впрочем, совсем неверно, Дост Мухаммед-хан захватил город не благодаря храбрости кабульцев, а из-за предательства гарнизона. По их рассказам, любимый ими Султан Ахмед был отравлен, а его сын Шанаваз, которого гератцы почти обожают, только тогда получил известие о предательстве, когда большая часть палатана¹³¹ уже проникла в крепость. Бой, который вел осажденный хан вместе со своими верными, истинно любящими его подданными против озлобленного тестя¹³² был одним из наиболее ожесточенных, описание ужасов сражения больно [202] слушать, а еще страшнее рассказы о грабеже, начавшемся через несколько дней после захвата, когда многие гератцы со своим имуществом вернулись в город: четыре тысячи афганских солдат, которые были выбраны для этого из разных племен и полков, по данному им знаку набросились со всех сторон на незащищенные дома, и говорят, что они не только отнимали деньги, одежду, оружие, утварь и прочее имущество, что ни попадало им на глаза, но и заставляли каждого раздеваться почти донага, так что жители остались полуголыми в совершенно разграбленных, опустошенных домах. Даже у больных отнимали постели и одежду, у грудных детей - их колыбели и не имеющие никакой ценности пеленки. Один мулла, у которого отняли все его книги, рассказывал мне, что он потерял около 60 прекраснейших рукописей. Больше всего он жалел, что вынужден был расстаться с Кораном, завещанным ему дедом. Он умолял грабившего афганца оставить ему эту единственную книгу, обещая молиться по ней за грабителя. "Не трудись, - сказал кабулец, - у меня есть дома маленький сын, он будет молиться за тебя по этой книге. Давай - ка ее сюда".

Те, кто знает алчность афганцев, легко может себе представить, как они вели себя во время грабежа. Город грабили один день, а окрестности опустошались осаждающими войсками в течение нескольких месяцев. Впрочем, это единственные последствия войны, которые встречаются даже в цивилизованных странах, и мы не будем очень упрекать афганцев. Жаль только, что из-за ужасной политики, вместо того чтобы залечивать нанесенные ими раны, они старались еще больше истощить завоеванные провинции, и в окрестностях, где они, бесспорно, могли бы играть важную роль, их так ненавидели, что население скорее было готово начать отчаянную борьбу, чем признать власть афганцев. Герат, которому предстоит теперь вернуться к жизни, отдан в руки добродушного, но неопытного подростка. Его опекун, джемшидский хан, завел общие дела с туркменами, против которых ему следует защищать страну, а те распространяют сферу своих разбойничьих набегов на местности, лежащие в нескольких часах езды от Герата, и не проходит ни одной недели, когда бы не грабили деревни и не уводили в плен жителей. Между прочим, везир принца по имени Назир Наим, человек, чьи грубые черты лица являются вывеской воплощенной глупости, за два месяца так разбогател, что приобрел в Кабуле два дома с виноградниками. Так как внутренние дела города и провинции находятся в его руках, все свое служебное время он обычно окружен тяжущимися и просителями мест. Он быстро устает от этого, и, поскольку с вопросами или просьбами, адресованными новому правителю, всегда обращаются к нему, он, чтобы предотвратить скучные переговоры, дает стереотипный ответ: "Хар чи пиш буд!", т.е. "все, как было раньше". В рассеянности он обычно отвечает так даже тогда, когда ему жалуются на убийство или кражу; пораженный проситель хочет [203] изложить свое дело еще раз, но ему грозно повторяют: "Хар чи пиш буд", и он вынужден удалиться.

Блестящим доказательством большой путаницы во всех делах может быть тот факт, что, несмотря на неслыханные поборы и вечные репрессии, молодой сардар не в состоянии покрыть из доходов провинции расходы на служащих и гарнизон, который состоит из 1400 человек. Мистер Иствик (*Journal of a Diplomat's Three Years Residence in Persia. II, 244.*) сообщает, ссылаясь на высказывания принца - губернатора Хорасана, что доходы Герата составляли ежегодно 80 тыс. туманов (38 тыс. фунтов стерлингов), но на них надо было содержать кроме корпуса гражданских служащих пять полков пехоты и около 4 тысяч кавалеристов, для чего названной суммы, естественно, не хватало. Сегодняшний Герат при больших доходах имеет гораздо меньшие расходы, запуганный город легко держать в рамках, и только беспорядкам нужно приписать то, что для покрытия правительственных расходов необходимо присылать из Кабула ежемесячное пособие. Если бы Дост Мухаммед прожил еще хоть один год, чтобы наладить дела во вновь завоеванной провинции, то включение Герата в состав Афганистана было бы возможно. Сегодня их связывает только страх, но достаточно нападения на Герат, неважно с чьей стороны, и гератцы первыми возьмутся за оружие против афганцев. Не только жители-шииты, склоняющиеся, естественно, в сторону Персии, но даже ревностные сунниты предпочли бы в Герате кзылбаша¹³³ теперешним угнетателям, и не будет преувеличением, если я скажу, что они втайне больше всего хотели бы прихода англичан, чьи гуманность и любовь к справедливости заставляют забыть разницу религий и национальностей. Во время правления майора Годда гератцы видели в его усердии и готовности пожертвовать свои средства для выкупа рабов (*В Герате распространена легенда, будто Стодарт был послан в Бухару, чтобы выкупить томящихся там в рабстве гератцев.*) такую черту, которая им казалась неслыханной при правлении их ханов. Они привыкли к тому, что их собственное местное правительство грабит и убивает, но не щадит

и не делает подарков.

За два дня до моего отъезда один афганец уговорил меня совершить прогулку в лежащую неподалеку деревню Газергах, чтобы посмотреть там могилы Ходжи Абдуллы Ансари и Дост Мухаммед-хана. По дороге туда я посетил прекрасные руины Мусалла. Остатки мечети и надгробного памятника, который великий султан Хусейн-мирза велел построить для себя за десять лет до своей смерти (901 г.х.)¹³⁴, как уже упоминалось, представляют собой подражание памятникам Самарканда. (Особенно большое сходство памятник имеет с надгробием в усыпальнице Тимура, хотя он значительно меньше. Украшения и надгробные надписи - это искуснейшие произведения скульптуры, какие себе только можно представить. Некоторые камни имеют по три выбитые друг над другом надписи, выполненные прекраснейшим почерком сульс; нижние, средние и верхние заключают стихи.) Время еще [204] надолго сохранило бы эти произведения искусства, но в период последних двух персидских осад здесь бесстыдно бесчинствовали фанатики-шииты. Можно пожалеть, что европейские офицеры, например генерал Боровский и генерал Бюлер, первый - поляк, второй - эльзасец, участвовавшие в вышеназванных военных походах, не помешали этому. В самом Газергах, расположенном в часе пути от Герата, на довольно высоком холме и видимом поэтому уже из города есть много интересных памятников скульптуры и архитектуры времен Шахрух-мирзы, сына Тимура, которые подробно описал Феррье, (*Caravan Journeys and Wanderings by J.P. Ferrier (1847), c. 177 и 178.*) допустив, правда, одну ошибку, которую, конечно, можно простить путешествующему офицеру. Святого в Газергах зовут Ходжа Абдулла Ансари, последняя часть имени показывает, что он был арабом и именно из того племени, которое вместе с пророком совершило хиджру (бегство). 600 лет назад он пришел из Багдада в Мерв и оттуда в Герат, где умер и где почитается как святой. Его теперь считают покровителем провинции и города. Дост Мухаммед-хан велел похоронить себя у него в ногах, чем также очень польстил своим землякам и озлобил врагов. На могиле, которая находится между стеной ближайшего здания и надгробным камнем ходжи, еще не было никаких украшений и даже никакого камня, когда я ее видел. Его сын и преемник хотел сначала укрепить фундамент наследства, а затем украсить уже могилу своего предшественника. Несмотря на это, афганцы с благоговением совершают сюда паломничество, и в ближайшее время святой будет отодвинут в тень своим могущественным соперником. И поделом ему: он, вероятно, был одним из многих арабских мошенников, а Дост Мухаммед-хан - основоположник афганской нации.

XVI

Автор присоединяется к каравану, идущему в Мешхед

10 ноября 1863 года я выехал из Герата, ворот Средней Азии или Индии, как его обычно называют, чтобы с большим караваном, который шел в Мешхед, совершить последнюю часть моего путешествия. Караван насчитывал 2 тысячи человек, половина из них были хазарейцы из Кабула, которые в бедности и нужде, с женами и детьми предприняли паломничество к шиитским святыням. Хотя мы составляли единое целое, все же мы делились на определенные группы. Я присоединился к группе афганцев из Кандагара, которые вели в Персии торговлю индиго или мехами из Кабула. Они случайно наняли того же джилодара, который раньше после моих уговоров разрешил мне сесть на легко нагруженного мула; я обещал расплатиться за это в Мешхеде, [205] как если бы я один пользовался им. Своими словами о том, что в Мешхеде я смогу избавиться от бедности, я сам вызвал первые сомнения относительно моего положения хаджи, но совсем снять маску я все же не решался, потому что афганцы, более фанатичные, нежели бухарцы, конечно, начали бы мстить мне в дороге. Впрочем, это неопределенное положение делало более интересными отношения с моим ближайшим окружением, потому что если одни считали меня истинным турком, то другие пытались обнаружить во мне англичанина, партии ссорились между собой, и было забавно наблюдать, как последние одерживали победу над первыми, между тем как я по мере нашего приближения к Мешхеду все более освобождался от своего униженного положения дервиша и становился настоящим европейцем. Некоторые афганцы, агенты крупных фирм из Мултана и Шикарпура, торговавших индиго, казалось, вполне приспособились к моему превращению; в то время как еще в районе Герата они хвастались своим положением гази (борцов против англичан) и с великим бахвальством говорили о победе в Кабуле, вблизи Мешхеда они сообщили мне, что они якобы тоже английские подданные, и попросили представить их в Мешхеде векиль довлету (английскому консульскому агенту), так как его защита принесла бы им большую пользу в делах. Это они сказали, даже не покраснев. Житель Востока родился и умер в маске, и искренности нет и никогда не будет на Востоке.

Наш путь шел через Нукре, Кале-Сефер-хан, Рузенек, Шебеш и Кохсан. У Шебеша начинаются леса, они тянутся по берегу Герируда и служат убежищем для подстерегающих добычу туркмен. В Кохсане, где кончается территория Герата, нам пришлось на два дня задержаться, чтобы заплатить последнюю афганскую пошлину. На второй день с башни караван-сарая мы заметили большое облако пыли, которое приближалось к деревне. "Туркмены! Туркмены!" - раздавалось со всех сторон, смятение в караване и в деревне было неопишное, наконец облако пыли приблизилось, и мы увидели большое стадо диких ослов; они были уже в нескольких сотнях шагов, но затем круто повернули и скрылись в пустыне. Отсюда до персидской границы, которая начинается у Кахриса и Тайбада, тянется та ничейная полоса земли, по которой текинцы, салоры и сарыки посылают свои аламаны с севера в южную сторону до Хафа, Каина и даже Бирджана. Аламаны эти состоят из сотен всадников, которые нападают на деревни и уводят в плен жителей и стада.

Наш караван, несмотря на его многочисленность, взял еще с собой всех владеющих оружием людей из Кохсана в качестве эскорта. У Кафиркале мы встретили караван, шедший из Мешхеда. Я узнал, что полковник Долмедж, английский офицер на персидской службе, с которым я был знаком раньше, находится в Мешхеде, и был очень рад этому. После Кафиркале мы прибыли в караван-сарай Дагару. Здесь дорога разветвляется: одна идет через Кахрис и Турбати-Шейх-Джам по равнине; [206] другая - через Тайбад, Ризу, Шехрино, она очень гористая и поэтому, как говорят, менее опасна, чем первая, которую выбрала большая часть каравана, в то время как мы, в угоду афганцам, должны были идти по второй.

Наш путь от Тайбада пролегал по пустынной покинутой местности, которая носит название Бахарэ; здесь живут

сунниты-хазарейцы, пришедшие сюда из Калайи-Нау. Надо миновать пять станций, прежде чем дойдешь до равнины Календерабад. В Шехрино я встретил сертиба (генерала) Юсуф-хана, главу хазарейцев, который получает жалованье от Персии, но является ее злейшим врагом. Его назначение на границу, с одной стороны, правильно, потому что только хазарейцы могут ладить с туркменами, и туркмены боятся их; с другой стороны, не совсем благоразумно с политической точки зрения держать здесь в качестве пограничной охраны врагов, имея в виду опасность, которая грозит Персии со стороны афганцев.

От Шехрино мы шли через Химметабад и Келлемунар (это слово обозначает “холм в виде черепа”); последняя станция лежит на вершине горы и состоит из одной-единственной башни, которая была построена для защиты от нападений. Мы очень страдали от сильного холода, но уже на следующий день дошли до Феримона, первой деревни с персидским населением на нашем пути, и там в теплом хлеву я смог позабыть свои многодневные страдания. Наконец на двенадцатый день после нашего отъезда из Герата сверкающие вдали позолоченные купола мечети и надгробного памятника имама Ризы убедили меня в том, что я достиг города, где мои страдания должны были закончиться и куда я так долго стремился.

Чувства, обуревавшие меня с приближением к Мешхеду, были похожи на те, какие овладевают потерпевшим кораблекрушение, который долгими днями, уцепившись за бревно, плавает в грозном бурном море и вот наконец попадает на палубу спасительного судна. В Мешхеде я вместе с маской тягостного инкогнито мог сбросить обтрепанную одежду и угнетающую бедность и забыть многочисленные страдания опасного приключения, продолжавшегося несколько месяцев. Здесь мне предстояло встретить просвещенного принца, губернатора провинции и дядю европеизированного, как казалось, шаха Ирана. Более того, у меня была надежда, что я смогу обнять старого знакомого, единственного европейца, который находился здесь, на далеком Востоке. Поэтому неудивительно, что сияние золотых куполов, под которыми покоится имам Риза, (Имам Риза, сын имама Мусы, алид высокого происхождения, пробудил вследствие большой привязанности, которую питала к нему тогда еще тайная секта шиитов, ревность и зависть халифа Мамуна, сына Харун ар-Рашида, халиф сослал его в Тус, город вблизи сегодняшнего Мешхеда. Так как имам и здесь был предметом всеобщего почитания, халиф, как говорят, отравил его. Смерть имама рассматривается как мученичество, и город поэтому назван Мешхед, т.е. “Место мученичества”.) своими расходящимися на [207] многие мили вдали лучами пробудило в моей груди неизъяснимо радостное чувство, я разделял блаженство паломников, тысячами стекающих к гробу своего святого, пилигримов из Туркестана, Афганистана и Индии, увидевших, что после утомительного путешествия они стоят у цели своих горячих желаний.

Впервые увидев знаменитый Мешхед, благочестивые шииты начинают собирать камешки, увешивать кусты пестрыми лоскутками и отводят душу, запевая гимны и песни. Имам Риза, который завлек их сюда с далекой родины, - восьмой из двенадцати имамов. Он носит почетный титул “султан эль-гураба” (“князь чужеземцев”) и является покровителем странствующих; так как он сам умер в изгнании, я могу понять воодушевление, которое испытывают его приверженцы, когда, счастливо избежав нападения туркмен, прибывают в пределы его города.¹³⁵

Был один из тех прекрасных осенних дней, которыми так богат восточный Иран. Местность - голая равнина с немногими холмами - не очень романтична; но тем красивее возвышающийся, словно оазис, город, окруженный садами, блистающий разноцветными куполами. Что происходило вокруг меня в караване, я не видел, потому что радостными глазами неотрывно смотрел на массу домов. Не гробница имама, не останки великого Харун ар-Рашида, которые покоились тут же, не гробницы ученого астролога Насреддина Туси, Газали или Низам аль-Мулька занимали меня, а моя судьба, которая оттесняла на задний план все исторические достопримечательности, сладкое чувство, что долгая мука наконец окончилась и что с прибытием в этот город для меня начинается новая жизнь.

Из своих мечтаний я пробудился лишь тогда, когда караван, пройдя через Дарваза-и Герат (Гератские ворота), двигался длинной широкой улицей Пайин Хиабан (Нижняя аллея) в сторону Сахни Шериф (Святое преддверие). Широкий ров, края которого засажены тенистыми деревьями, придает улице привлекательный вид и немало способствует тому, что она является одной из красивейших в Персии. Особенно поразительна кольшущаяся толпа, которая безостановочно течет во всех направлениях. Все одежды Персии, даже, можно сказать, всей Восточной Азии представлены здесь. Это центр шиитского мира. Индийцы, хазарейцы, гератцы и бухарцы, которые на родине должны всегда ходить со склоненной головой из-за господства суннитов, здесь гордо поднимают голову и причудливо контрастируют с туркменом или узбеком, который робко крадется вдоль стены. Он - суннит, следовательно, чужак, и к тому же еще ненавистный гость. Правда, в Иране он едва ли подвергнется жестокому обращению, но все-таки он чувствует себя здесь вдвойне под гнетом жестокости, которую в собственной стране проявляет по отношению к сторонникам Али, и он разыгрывает здесь скромность.

Пустынными улицы Мешхеда бывают редко; но особенно полны и даже, я бы сказал, забиты они в ясные осенние дни, [208] и если в эту пору, между десятью и двенадцатью часами, взглянуть на пеструю сутолоку на всех улицах, то едва ли запомнишь точно хотя бы один из окружающих тебя сотен предметов - настолько ошеломляющее впечатление она производит. Примерно в двухстах шагах от роскошной резиденции имама вниз по краям рва рядом со стоящими по обеим сторонам лавками снуют мелкие торговцы и старьевщики, которые носят свои товары на руках, плечах и голове и производят своеобразный шум распевными выкриками, сопровождаемыми жестиком. Продавцы и покупатели причудливо перемешались, и часто невозможно пробиться через этот клубок людей. Тем не менее заторы на улицах случаются редко. Пешеходы, всадники, нагруженные верблюды, привязанные друг к другу мулы, навьюченные узлами с товарами, с кеджеве (корзины для путешествий), из которых кокетливо выглядывают наполовину скрытые покрывалами благочестивые персидские дамы, - одни въезжают в ворота святого места паломничества, другие выезжают оттуда. Вслед уезжающим отовсюду звучит “Зиарет кабул” (“Да будет твое паломничество приятно!”), а навстречу прибывающему - “Ильгимазидуа!” (“Помолись за меня!”). В этом шуме, в этом хаосе голосов, в этой оглушающей суматохе нищим лишь необычайно громким криком все-таки удается выманить подавание у святых паломников. Многочисленные сейиды (потомки пророка) с большими зелеными тюрбанами даже здесь способны острым глазом наблюдателя разглядеть только что прибывшего; они протискиваются к нему, чтобы предложить свои услуги в качестве чичероне в святых местах. Пение, крик, вой; вспльчивый

ширазский погонщик мулов ругается и дико размахивает хлыстом, женщины и дети взвизгивают от страха; нашему европейскому глазу вся эта суэта представляется все более и более ужасной, мы уже думаем, что приближается величайшая опасность, и тем не менее из этой массы все выпутывается в должном порядке, каждый спокойно движется к месту своего назначения, не претерпев никаких потерь, не имея оснований жаловаться на несчастье.

Привыкнув к тяжелому, подавленному настроению в туркестанских городах, я был почти ошеломлен этой картиной. Я пошел в караван-сарай, вымылся и привел в порядок свой изорванный костюм, намереваясь прежде всего разыскать упомянутого ранее моего друга - европейца, полковника Долмеджа. Справляться о человеке с европейским именем в священном городе Мешхеде - это всегда неприятное дело, и тем более когда спрашивающий - хаджи, о внешних атрибутах которого свидетельствовало мое обличье. После долгой беготни мне удалось наконец добраться до нужных ворот, и кто сможет описать состояние моей души, когда я взялся за железную ручку, чтобы постучать. Появился слуга, но, едва увидев меня, он со словами проклятия закрыл дверь перед моим носом и удалился. Я постучал второй раз. Появился тот же человек. Однако я уже не ждал [209] его вопроса, а силой ворвался во двор. "Кто ты, хаджи, что тебе надо? - закричал он на меня. - Что за дела могут быть у тебя с моим господином? Разве ты не знаешь, что он неправоверный?" - "Правоверный или неправоверный, - воскликнул я гневно, - иди скорей, позови своего господина и скажи ему, что пришел гость из Бухары!"

Слуга удалился. Я между тем вошел в комнату, и как велика была моя радость, когда я в первый раз снова увидел стол и кресла, предметы европейского образа жизни. Я остановился перед ними, как перед священными реликвиями, долго смотрел на них влажными глазами и даже не заметил сразу газеты, которая лежала на столе. Это был номер стамбульской "Levant Herald". Какое изобилие новостей обнаружили в ней мои жадные глаза! Я погрузился в чтение и не вдруг увидел, что передо мной стоит стройный молодой британец в европейском военном мундире. Он пристально смотрел на меня, однако не мог узнать. Некоторое время мы стояли молча друг перед другом. Когда я наконец понял, что он ни за что меня не вспомнит - и это было неудивительно при моей невероятно обезображенной внешности, - я прервал паузу: "What, you don't recognize me?" ("Что, вы не узнаете меня?"). Мой голос заставил его вспомнить обо мне, о моих приключениях, которые он частично знал. Не отвечая, он бросился ко мне, обнял и, как дитя, заплакал, увидев меня жалким и оборванным.

При первом же объятии множество насекомых, которыми кишела моя одежда, перешли на него. Он едва обратил на это внимание, но по его вопросам: "Ради бога, что вы наделали? Что с вами стало?" - я понял, какие изменения оставило на моей внешности это опасное приключение. Мои рассказы затянулись до позднего вечера. Нетрудно представить себе, какое чувство сострадания пробудило в сердце чувствительного европейца описание моих переживаний. На Западе нас разделяют нюансы национальных особенностей и положения, а на далеком Востоке европейцы видят друг в друге кровных родственников. Полковник Долмедж это отлично доказал. В течение моего четырехнедельного пребывания там я причинил ему немало неприятностей, и все же он был постоянно добр, осыпал меня благодарностями и постарался, чтобы я смог продолжить дальнейшее путешествие окрепшим и набравшимся сил.

Через несколько дней, когда я отдохнул, Мешхед, этот во многих отношениях интересный город восточной Персии, возбудил мое внимание и в другом отношении. Я не знал, с чего начать обозрение многообразных достопримечательностей, о которых кое-что слышал, - с исторических, религиозных или литературных памятников. При моем первом появлении в Сахни Шериф я своим жадным любопытством привлек к себе внимание многих голодных сейидов, которые приняли меня за паломника - суннита и усердно старались показать мне достопримечательности святого места. Странно, подумал я, Конолли, Фрэйзер, [210] Бернс, Ханьков и даже официальный Истик приложили немало усилий, чтобы хоть издали взглянуть на это святилище. Они охотно заплатили бы сотни за вход сюда, а меня почти вынуждают к этому. Однако все эти мусульманские святыни после десяти месяцев псевдопаломничества порядком утомляли меня, поэтому я отклонил навязчиво предлагаемые услуги и один посетил мавзолей, находящийся слева от двора¹³⁶, а также великолепную мечеть Гаухар-шад.

Мавзолей (Сооружение над гробницей имама Ризы в его сегодняшнем виде поставил Шахрух-мирза, сын эмира Тимура. Особого блеска оно достигло при Сефевидах, которые хотели повысить значение Мешхеда, чтобы отвлечь правоверных от дорогостоящего паломничества в Мекку.) как снаружи, так и внутри покрыт позолотой: это, бесспорно, самая богатая усыпальница в мусульманском мире, которой уступают в роскоши и богатстве даже Медина, Неджеф (где покоится Али), Кербела и Кум. Хотя со времени строительства эта усыпальница несколько раз была ограблена и разорена, (Виновниками разорения Мешхеда были большей частью узбеки, они ограбили город в 1587 г под предводительством Абдул Мумин-хана из Бухары, который увел многих жителей в плен, кроме того, разоряли город афганцы и гражданские войны, бушевавшие внутри городских стен. Говорят, что сыновья Надира похитили из мечети при усыпальнице золотой шар весом 420 фунтов, в новейшее время многие сокровища похитил разбойник Салар.) массивные решетки еще и сегодня хранят бесчисленные сокровища. При этом стены мавзолея увешаны редчайшими драгоценностями, которые были подарены усердными шиитами в знак любви к своему святому. Тут вы видите бриллиантовый плюмаж (джикка), в другом месте - меч и щит, усеянные рубинами, богатые античные браслеты, большие массивные канделябры, очень дорогие ожерелья; эти, а также прочие драгоценности производят на входящего такое ошеломляющее впечатление, что он уже не знает, любоваться ли ему изящной архитектурой мечети, цветными окнами, богатыми арабесками, роскошными коврами, усеянными бриллиантами, толстой массивной серебряной решеткой или благоговейной толпой. И все же последняя - самое интересное. С каким раскаянием, самоотречением и смирением, с каким восторгом и радостью стоит здесь шиит! Доски, на которых написаны обычные молитвы, свисают с прутьев решетки; перед каждой собралась маленькая группа молящихся, которые или молятся сами, или повторяют молитвы за чтецом, всхлипывают и жалуются, словно хотят испросить вечное блаженство у ворот рая. Дикий бахтиар и курд, хитрый исфаханец и ширазец, простой турок из Азербайджана, удрученный среднеазиатцем, благородные ханы и мирзы, бедные крестьяне и слуги - все здесь пестро перемешались; и в самом деле, это неповторимое, возвышенное зрелище; грубые сыны Азии с принужденной нежностью целуют решетку, пол и особенно большой замок, висящий на решетке двери. Лишь муллы и сейиды не проявляют восторга. Их волнуют только денежки. Они повсюду толпятся около молящихся и не уходят, прежде чем [211] не получат

вожде ленную лепту за свои пожелания счастья и прочие любезности. После того как паломник, почтительно пятясь и благоговейно целуя белые мраморные ступени, покидает внутреннее помещение, он приобретает почетный титул “мешхеда”, который он будет носить на печати и на могильном камне, который он всегда будет ставить перед своим именем и который придает его имени столько же святости, а его персоне столько же блеска, как и титул хаджи (паломник, посетивший Мекку). Выйдя на воздух, пилигрим обычно глубоко вздыхает, его глаза сияют от радости, он вне себя от счастья, потому что не только исчез груз его прежних грехов, но и впредь он может идти спокойно и уверенно по жизненному пути.

Мечеть Гаухар-шад, которая находится на этом же дворе, напротив усыпальницы имама Ризы, славится скорее не богатством, а как произведение искусства. Высокий портал из разноцветных изразцов, освещенный солнцем, благодаря своим великолепным краскам представляет феерическое зрелище, и я долго спорил сам с собой, чему отдать предпочтение: самаркандским или гератским однотипным памятникам искусства. Известно, что эта мечеть - времен Шахрух-мирзы; хотя она и не того же мастера, но создана в том же стиле. Руины Медресе-Ханым в Самарканде, как и развалины на Мусалла в Герате, были, может быть, роскошнее и богаче, но, мне кажется, едва ли красивее. Внутри также преобладают превосходные изразцы. Золото и серебро хотя и встречаются, все же персы правы, когда называют усыпальницу имама Ризы царственной, а мечеть - произведением искусства.

Выйдя из этих роскошных сооружений, я был увлечен толпой нищих и пилигримов к трапезной имама Ризы, или, как ее именуют местные жители ашпазхане Хазрет (кухня Его Высочества). Хазрет, как титулуют *par excellence* Его Святость, считается чрезвычайно богатым. Он владеет банями и караван-сараями, базарами, харчевнями, мыловарнями - одним словом, всем, что дает удобства стекающимся к нему гостям. Его гостем может стать любой человек, однако только на семь дней. Люди побогаче, естественно, благодарят и отказываются; более бедные, напротив, отказываются редко и обычно в течение шести дней насыщаются пловом Его Высочества. Хотя кухня моего друга Долмеджа не оставляла желать ничего лучшего, меня разбирало любопытство, и я не мог отказать себе в последнем раз в том, чтобы не воспользоваться ролью хаджи. Так как я носил еще бухарский костюм, никто не обратил на меня внимания, когда я уселся рядом с шиитскими и суннитскими дервишами. После того как мы немного подождали в большом зале, появилась вереница слуг с мисками, полными дымящегося риса. Рассказывают чудеса о том, какая полезная, вкусная и благословенная еда у Его Высочества, но прогорклый жир и испорченный рис убедили меня в обратном. Я, правда, порылся пятерней в миске, как и мои соседи, но остерегся от еды и был [212] чрезвычайно рад, когда после завершения трапезы и получения обычного подаяния смог удалиться.

Впрочем, мне кажется, что истинная причина почитания имама Ризы жадными до денег персами не столько его широко известная святость и неприкосновенное право убежища, сколько сказочное богатство, которое ему приписывают. Только правоверным разрешено входить в святые места. Индийцы, армяне и евреи не смеют даже глаза поднять на них. Их взгляд даже на расстоянии пятисот шагов оказывает оскверняющее, лишаящее святости действие.

Поскольку я заговорил о евреях, должен упомянуть о неожиданности, преподнесенной мне здесь, в Мешхеде, одним сыном Израиля, который был моим спутником еще в Бухаре. Когда я окликнул его на улице: “Яхуди! Яхуди!”, он, дрожа, приблизился ко мне и сказал: “Ради бога, хаджи, не называй меня здесь яхуди. Вне Мешхеда я принадлежу к своему роду, но здесь, в Мешхеде, я должен разыгрывать роль магометанина!” Причиной этого страха и притворства евреев является следующая характерная история. Несколько лет назад одна еврейка, страдавшая какой-то сыпью на руках, пошла за советом к персидскому врачу; он предписал ей сунуть руку во внутренности только что убитой собаки, так что ей, несмотря на все отвращение, ничего не оставалось, как поймать одного из бедных уличных псов и принести его в жертву. К несчастью, этот лечебный эксперимент пришелся на тот же день, в который мусульмане празднуют Ид-и Курбан (праздник жертвоприношения). История вскоре стала известна, а жестокость и зависть привели к тому, что убийство собаки истолковали как издевательство и насмешку над обычаем правоверных. Толпы, только и дожидавшиеся благоприятных обстоятельств, яростно набросились на еврейский квартал: убивали, грабили и разбойничали сколько душе угодно. Те, кто, потеряв все, спасли свою жизнь, должны были перейти в ислам, если хотели дальше влачить свое существование. Вынужденное изменение веры действовало только в стенах Мешхеда, а вне их еврей оставался предан своей вере, и, хотя с течением времени и под еврейским влиянием нетерпимость правоверных уменьшилась, все же еврей желает, чтобы в святом городе его считали мусульманином.

Меня чрезвычайно забавляло, что благодаря костюму и разговору - среднеазиатский диалект стал для меня из-за длительного пользования им почти совсем естественным - все прочие спутники - пилигримы считали меня настоящим бухарцем. Напрасно я убеждал их, что я сын прекрасного Стамбула; все отвечали мне лукаво: “Да, знаем мы вас, бухарцев; здесь, у нас, вы хотите перекуситься, потому что боитесь возмездия за свою жестокость. Но вы напрасно стараетесь; мы всегда видим вас насквозь!” Итак, бухарец - в Мешхеде, в Бухаре - мешхедец, в пути - русский, европеец или еще какая-нибудь мистическая личность! Что еще люди из меня сделают? Подобные предположения [213] и подозрения, к счастью, не представляли серьезной опасности здесь, где по крайней мере существует хоть какая-то тень системы правления. В далекой Азии все и вся выступают инкогнито, но особенно странники. Как вздымалась моя грудь при мысли, что скоро я уеду из этого мира обмана и притворства на Запад, который со всеми его пороками все-таки стоит бесконечно выше древнего Востока, на Запад, где лежит моя родина, желанная цель моих стремлений.

Меня хорошо принял правящий наместник; осыпанный знаками почтения и подарками, я мог не торопясь закончить подготовку к дальнейшей поездке в Тегеран. И несмотря на то, что Тегеран лежит от Мешхеда на расстоянии 30 дней езды, а зима делает столь долгое путешествие малоприятным, тот миг, когда я выезжал из городских ворот, был для меня безмерно счастливым.

Прежде чем расстаться со святым городом, я съездил на могилу великого иранского барда, на могилу Фирдоуси, которая, как мне указали, находится на развалинах Туса, лежащих к северу от города. Надгробный памятник очень скромный, а под ним лежит один из величайших национальных поэтов мира, который воспел историю своего народа в 60 тысячах стихов, включив в свой язык не более двух чужих (арабских) слов, хотя персидский язык того времени,

как и нынешний, насчитывал из десяти слов наверняка четыре арабских. Он хотел остаться верным иранцем и считал позором пользоваться языком угнетателей своего народа. Личность Фирдоуси - также редкое исключение в Азии. Султан Махмуд Газневи послал ему вместо обещанной большой суммы только 30 драхм. Поэт счел себя оскорбленным, и, так как он находился в то время в бане, он роздал деньги своим слугам. Рассказывают, что позже государь раскаялся, однако посланный поэту караван с ценностями встретил похоронную процессию с телом Фирдоуси. Дочь его тоже отвергла дар неблагодарного правителя. Сокровища вернулись обратно; поэт умер окруженный почетом, а имя султана клеймят вечным позором, потому что сатира:

О шах Махмуд, если уж ты никого не боишься, побойся хоть бога! -

будет еще долго, долго жить в устах народа¹³⁷. Как непохож великий поэт на нынешних персов!

XVII

Из Мешхеда в Тегеран

Подобно тому как все в Персии зависит от правителя, безопасность и комфорт на дорогах зависят от командующего в провинции офицера. Путешествие из Мешхеда в Тегеран всегда [214] считается рискованным предприятием; но особенно опасен Хорасан, где страх перед туркменами, белуджами и курдами заставляет задуматься любого. В то время, когда я пустился в обратный путь, власть над этой местностью принадлежала Султану Мурат-мирзе, называемому “мечом государства”. Он был энергичный и талантливый человек, и наряду с другими похвалами, которые ему воздавались вполне по заслугам, существовала поговорка: “Ребенок мог бы уверенно и спокойно пройти по улицам с полной тарелкой фруктов на голове”. Эта поговорка свидетельствовала о признании его усилий обеспечить в стране безопасность и одновременно поощряла всех к поездкам.

В Нишапур ведут две дороги: одна - через горную область, другая - по более низкой холмистой местности. Я выбрал вторую. Когда я в сопровождении своего татарина, чья лошадь была с избытком нагружена всем необходимым для странствия, выехал на своем крепком коне, то предвкушение счастливой возвращения домой и удобства хорошо снаряженного путешествия привели меня в на редкость радостное настроение. То и дело встречались караваны паломников или караваны с товарами. При таких встречах всегда обмениваются приветствиями. Велико же было мое удивление, когда я в одном из предводителей каравана, который шел из южной Персии в святой город, узнал того ширазца, в обществе которого два года назад посетил руины Персеполя Накш-и Рустем и прекрасный город, где родился великолепный Хафиз. Если в Азии с кем-нибудь длительное время попутствуешь, то уже становишься наполовину его родственником. Славный ширазец был чрезвычайно обрадован, узнав меня; каравану пришлось смириться с остановкой на четверть часа, и, пока мы, сидя на песке, раскуривали дружеский кальян (персидская трубка), в памяти моей всплыло много картин прекрасного прошлого. Великолепные монументы древнеперсидской цивилизации! Как оживило, как воодушевило меня воспоминание о вас! Валериан с его цепями, Шапур с его гордым обликом¹³⁸, благотворный Ормузд - все эти искусные барельефы, казалось, плыли передо мной в воздухе, как фата-моргана; но теперь их очарование возросло в тысячу раз, потому что я оставил позади сказочную Бактрию и Согд, те места, которые вызывали ужас даже у войск Александра.

Я пообещал ширазцу вскоре снова посетить его родину, это обещание его утешило, и мы расстались. Так, бодро продвигаясь вперед, в первый день я не почувствовал никакой усталости; к ночи я прибыл на станцию Шерифабад. Это был первый вечер, который я провел как хорошо снаряженный путник. Раньше мне всегда нужно было сначала выпросить дров и муки, я должен был произнести благословения и молитвы за приют; всегда мне приходилось бояться, что меня выставят из дома голодным. Теперь я был господин; гордо въехал я в чапархане (почтовый двор), грубым тоном потребовал квартиру; хотя внешне я [215] казался вполне человеком Востока, почтмейстер вскоре заметил, что имеет дело с путешественником, который располагает мощным эликсиром жизни. А что не сделает перс за деньги! Мой татарин приготовил хороший ужин: рис, сахар, жир, мясо - всего было в изобилии; глаза бедного узбека сияли от радости, когда он, вспоминая прошлое, смотрел на окружающее его богатство, и действительно, наш ужин, пусть и не роскошный, все же был очень хорош, по крайней мере для персидской станции.

На следующее утро перед нами встала задача достичь Кадамгаха, лежащего в девяти милях отсюда. Девять фарсахов в Хорасане - это очень много, потому что пословица говорит: “Миля в этой провинции бесконечна, как женская болтовня, и кто примется измерять их, у того все мерные цепи лопнут”. Все европейские путешественники жалуются на трудности дороги. Но для меня, только что вернувшегося из Туркестана, где я на каждом шагу терпел мучения, это были сухие пустыки. Совершенно один с моим татаринком, хорошо вооруженный, верхом на добром коне, я лишь теперь начал ощущать всю прелесть настоящего путешествия. О вы, кто в закрытом вагоне в страшную июльскую жару вынужден любоваться лицом запыленного и закопченного кондуктора, знаете ли вы, что такое путешествие? Хорошее седло лучше ваших мягких кресел. Человек передвигается беспрепятственно и свободно; его поводья - это его вольная воля, его меч - его закон, его ружье - это власть, его защищающая; он как птица свободен ото всех, но и все также свободны от него; и если он к тому же еще знает язык и обычаи страны, если он может обходиться без переводчика, без рекомендательных писем и без охраны, тогда его путешествие воистину великолепно! Весь день на воздухе, обеденный отдых ему вдвое слаще, а кто может описать блаженство вечера, когда путешественник, отдыхая, сидит неподалеку от своей пасущейся лошади в окружении нужных в пути вещей перед весело потрескивающим костром, на котором готовится его ужин! Лучи заходящего солнца тщетно соперничают с радостным блеском глаз. После дневного перехода ужин кажется необычайно вкусным! Сон под усеянным звездами балдахинном неба освежает его во сто раз лучше, чем на роскошной постели в королевской спальне!

Кадамгах, название моей второй станции, означает “след стопы”; это место паломничества, где, как утверждают религиозные предания, на одной мраморной плите были обнаружены следы стопы Али, который когда-то якобы стоял там. Следы стопы святого - на Востоке не редкость. Христиане, мусульмане и буддисты почитают их совершенно одинаково. Их имеется бесчисленное множество; меня, правда, всегда удивляло, что эти чудесные

памятники столь большого размера, из-за чего их можно было бы принять скорее за следы огромного слона. Однако религиозный фанатизм мало заботится о логике и красоте формы. В горах Шираза, например, есть след длиной в три [216] человеческие стопы, в Герате - такой же; подобные следы ноги показывают и на горе Синай, и в далеком Хотане, в Китайской Татарии, где, как говорят, однажды проходил святой Джафар бен Садык. Но, как уже сказано, набожные люди не обременены такого рода сомнениями. *Mundus vult decipi, ergo dicipiatur*¹³⁹.

Под защитой этого святого места находятся многочисленные харчевни для благочестивых пилигримов. В одной из них я устроился со всем возможным комфортом и уже собирался выпить чаю в тени тополей, как появился мулла и с набожным видом пригласил меня посетить святое место. Поскольку мулле просто захотелось выпить чашку чаю, я удовлетворил его желание. Его дальнейшие настоятельные просьбы убедили меня в том, что у него были также и денежные намерения, а так как холодная мраморная плита, хранящая святой след, не представляла для меня никакого интереса, тем более что во время своих странствий я видел их предостаточно, мне ничего другого не оставалось, как с помощью нескольких кранов (кран равен франку) избавиться от гостя и от благочестивой обязанности.

На третий день путь лежал по низкой холмистой местности в сторону очень известной в Персии и даже, я бы сказал, во всей Азии равнины Нишапур. Джёлгей Нишапур (Нишапурская равнина) в глазах перса - это верх красоты и богатства. Для него воздух там чище и благоуханнее, чем где-либо, ее вода - самая сладкая в мире, плоды ее земли ни с чем не сравнимы, а когда он с гордостью и радостью указывает на лежащие к северо-востоку горы, богатые бирюзой и благородными металлами, можно себе представить, как сияют от восторга его глаза, когда он говорит об этих местах своей родины. На меня как равнина, так и лежащий в центре ее город хотя и произвели приятное впечатление, но отнюдь не очаровали. На исторические памятники я едва ли обратил бы внимание, если бы не один перс, который, узнав во мне иностранца, подъехал ко мне и, не дожидаясь просьбы, начал сверх всякой меры расхваливать свой родной город. "Что пользы в твоих словах! - воскликнул я. - Посмотри на лежащие вокруг руины! Это ты называешь цветущим городом? Посмотри на эти сторожевые башни, которые землелепец воздвигает против разбойничьих нападений туркмен; и это ты называешь культурой?". Но перс твердо стоял на своем и оставался глух к моим возражениям. Наличие руин в глазах иранца необходимо для создания картины культуры, и, несмотря на все мои саркастические замечания, он рассказал мне все-таки о тысячах деревьев и водопроводах, которые находятся на этой равнине.

Не столь значительным оказался и сам Нишапур. На базаре полно европейских и персидских товаров, однако напрасно путешественник будет искать здесь следы того богатства и тех памятников архитектуры, которые так прославляются восточными историками. Единственная достопримечательность города - это мастерские по шлифовке бирюзы, которых здесь много. В необработанном виде этот камень имеет сероватый цвет [217] и только после многократной шлифовки приобретает свой знаменитый небесно-голубой оттенок. Чем темнее синева, чем более выпуклая и гладкая у него поверхность, тем больше он ценится. Прожилки считаются недостатком. Интересно, что некоторые камни через несколько дней после шлифовки теряют свой цвет. Неопытный покупатель, который не знает этой тонкости, часто становится жертвой обмана со стороны персов. Так случается со многими паломниками: они покупают в Нишапуре бирюзу прекраснейшего лазурно-голубого цвета, а позже, после их прибытия на место, она становится блеклой и бесцветной, и они выбрасывают камни. Сейчас бирюзовые рудники далеко уже не столь прибыльны, как раньше, ибо все они, вместе взятые, сданы в аренду за незначительную цену - 2 тысячи дукатов; торговля бирюзой, которая раньше велась очень оживленно с Европой, особенно с Россией, также сильно сократилась.

Прежде чем мы расстанемся с Нишапуrom, упомянем еще двух знаменитых поэтов, чьи могилы немало прославили этот старый город Ирана. Один - это Фарид ад-Дин Аттар, великий мистик и философ, который написал интересное произведение "Мантик ат-тайр" ("Логика птиц")¹⁴⁰. В нем представлены все разновидности пернатого мира, их мучает желание понять смысл своего существования, и они жаждут найти источник истины. Орлы, коршуны, соколы, а также ворон, голубь, горлица и соловей - всех их одинаково интересует этот важный вопрос. Все навешают всезнающую Худхуд, волшебную птицу Соломона, которую считают учителем, и спрашивают ее в чрезвычайно курьезной беседе о желаемых сведениях. Она разыгрывает скромность, дает мудрые советы и ведет стаю на ту тропу, по которой попадают к Симургу, Фениксу восточного мира, который одновременно предстает символом ярчайшего света. Легко можно понять, что птицы олицетворяют человечество, Худхуд - пророка, а Симург - высшее божество. Благодаря роскошному восточному богатству картин, благодаря многочисленным прекрасным подробностям произведение это очень значительно и интересно. Второй поэт, прах которого покоится в Нишапуре, - это Хайям, резкий антипод первого. Атеист, как сказали бы наши святоши, дерзко высмеивающий Мухаммеда и ислам, он попирает ногами все самое великое и прекрасное, иронизирует и насмехается над самыми святыми законами и порядками. И все-таки Хайяма читают не меньше, чем первого поэта. Персия - именно та страна Азии, которая благодаря проявлению всех крайностей наиболее отчетливо показывает свой восточный характер. Здесь встречаются атеист и склонившийся в глубоком поклоне святоша, и яростных столкновений не происходит. Да, Персия - это наиболее верная картина восточной жизни.

От Нишапура три дневных перехода до Себзеvara. Лежащие между ними места остановок уже многократно описаны, и они не представляют особого интереса, так же как и окруженный крепкой стеной город, расположенный на довольно плодородной [218] равнине. Из Себзеvara через четыре дня попадаешь в Мезинан, который считается важным местом, так как дальше следуют четыре города Хорасана, вызывающие страх: Аббасабад, (Эти станции нельзя назвать добровольно выбранным местом жительства, так как жители постоянно сидят взаперти, заниматься земледелием не осмеливаются, и правительство держит их здесь лишь для охраны дороги. Аббасабад, например, - это колония, которая была даже специально заложена для этой цели. Жители - грузинского происхождения; они сохранили еще многое от своего кавказского облика, хотя, как говорил мне один из них, красота народа все более и более убывает, потому что здесь нет знаменитого кахетинского вина, кавказского токая.) Мияндешт, Меямей и Шахруд. Эти четыре персидских города имеют ужасную репутацию. Кто не слышал о них? С ними связано так много опасностей и разнообразных приключений, это - Сцилла и Харибда иранского народа; кто хочет рассказать о

большой смелости, пусть не забудет занести эти четыре названия в дневник своих приключений. “Но почему?” - спросите вы. Ответ очень прост. Эти станции находятся на краю той большой равнины, которая переходит на севере в туркменскую пустыню. Здесь нет ни гор, ни рек, которые бы отделяли ее от Персии, и так как разбойничающие сыны пустыни мало обращают внимания на государственные границы, их набеги очень часты, и именно эти четыре города стали, можно сказать, ареной их действий. Их добыча редко бывает скудной, потому что здесь проходит главная дорога в Хорасан, по которой часто движутся многочисленные, богато нагруженные караваны и бредут любящие странствия, хорошо снаряженные паломники.

Перс никогда не устанет рассказывать о приключениях, связанных с туркменами. На одной из этих станций произошло, между прочим, следующее: некий персидский генерал послал вперед свое войско в 6 тысяч человек и отстал лишь на короткое время, чтобы спокойно докурить кальян; когда он, удовлетворив прихоть, в сопровождении нескольких слуг отправился вслед за своими людьми, на него внезапно напали туркмены на быстрых конях. В несколько минут он был ограблен и взят в плен, а еще через несколько недель его продали в Хиве за 25 дукатов. Здесь также подвергся нападению пилигрим на пути к могиле имама Ризы; он увидел нападавших издалека, и у него еще хватило времени спрятать свое маленькое состояние под камнем. Когда он был продан и привезен в Хиву, он написал оттуда своей дражайшей половине. “Мое дорогое дитя! Там-то и там-то, под таким-то и таким-то камнем я спрятал 40 дукатов. Пришли сюда 30, чтобы выкупить меня, и сохрани остальные, пока я не вернусь из страны туркмен, где приходится заниматься рабским трудом!”

Причин для страха и осторожности вполне достаточно, однако главной виной несчастий иранцев была их смехотворная трусливость. Караваны здесь обычно собираются в большие массы; их сопровождают пушки с горящими фитилями, солдаты с обнаженными мечами. Часто все вместе они образуют весьма [219] значительное скопище людей; но как только показываются хотя бы несколько удалых разбойников, они теряют присутствие духа и разбегутся, бросают оружие, отдают все свое добро, в конце концов даже сами протягивают руки навстречу оковам и дают увести себя в тяжелое, часто пожизненное заключение или рабство.

Я проехал эти станции совсем один, в сопровождении моего татарина, такой поездки до меня не совершал еще ни один европеец. Конечно, меня предостерегали не делать этого, однако что мне в моем туркменском наряде было беспокоиться о туркменских разбойниках! А мой татарин озирался вокруг в страстном желании обнаружить своих земляков; я полагаю, что они бы не стали истязать муллу своей веры, а наоборот, еще бы богато одарили за фатихи, которые мы могли им прочесть. Четыре дня я блуждал по пустыне, однажды в сумерках сбился с пути, но так и не увидел ни одного туркмена; я встретил только несколько группок дрожащих персидских путешественников. Больше, чем страх перед туркменами, меня мучали огромные расстояния между станциями, особенно между Меямеем и Шахрудом, где мне пришлось просидеть в седле 16 часов кряду. Это самый большой перегон в Персии, да, пожалуй, и во всей Азии, и он страшно утомляет как коня, так и всадника.

Поэтому легко можно представить себе, как пристально всматривается путешественник вдаль в надежде увидеть окружающие Шахруд сады. Так как город лежит у подножия горы, его видно уже на расстоянии нескольких миль. Усталый всадник думает, что он совсем близко; но его ждет страшное разочарование: после того как он увидел город в первый раз, нужно проехать еще пять миль, пока наконец не войдешь в его ворота. Более монотонного пути не может быть: нет ничего, на чем остановиться глазу; летом этот путь, должно быть, просто мучителен из-за совершенного отсутствия воды. На свое несчастье, я принял деревню, лежащую поблизости от Шахруда, за сам город, скрытый в ложбине; представьте себе мою ярость, когда я понял ошибку и мне пришлось прибавить еще добрых полчаса ко времени пути до станции. Я сел на лошадь около 12 часов ночи, и было уже более 6 часов вечера, когда я проехал по плохой мостовой Шахруда и остановился в одном из главных караван-сараяв. Бедный конь был совершенно измучен, да и я не меньше его.

Когда я мутным от усталости взором обвел четырехугольник караван-сарая, к своему величайшему изумлению я обнаружил сына Британии, да, настоящего англичанина с истинно манчестерской физиономией, сидящего у дверей одной из келий. Британец, один-одинешенек, здесь, в Шахруде, - это, конечно, редкость, почти чудо. Я уставился на него, он, погруженный в глубокую задумчивость, измерил меня удивленным взглядом. Мой бухарский костюм, мой чрезмерно утомленный вид вывели его из состояния флегматичности, и кто знает, что подумал он обо мне, когда я, несмотря на всю свою усталость, не смог [220] уклониться от такой редкой встречи, едва волоча ноги, приблизился к нему и сказал: “How are you, sir?”¹⁴¹. Он, кажется, меня не понял, и я повторил свой вопрос. Тут он, явно пораженный, вскочил со своего места, на его лице, как говорится, заиграли все краски. “Well!”¹⁴² - сказал он, от удивления заикаясь. “Где вы выучили английский? Не в Индии ли?” - спросил он меня. Я хотел было еще больше взвинтить его любопытство и сыграть с ним великолепную шутку, однако постоянный двор основательно смутил меня и отнимал всякое желание к этому. Я представился ему. Его радость была несказанной. К великому изумлению моего татарина, который все еще считал меня правоверным, британец обнял меня и повел к себе в комнату. Мы провели славный вечер, и на другой день в угоду ему я позволил себе отдохнуть, потому что бедному малому было необычайно приятно после шестимесячного отсутствия всяких связей с европейским миром поговорить о милом Западе здесь, в глубине Персии. Беднягу, которого через несколько месяцев после этой встречи ограбили и убили на дороге, звали Лонгфилд. Он был здесь по поручению одной крупной бирмингемской фирмы, чтобы закупить хлопок, всегда возил с собой много денег и забыл, к сожалению, подобно многим другим, что Персия - далеко не цивилизованная страна, как этого можно было бы ожидать по рассказам шарлатанов, представляющих ее в Европе, и что на паспорта и рекомендательные письма шаха едва ли стоит полагаться.

Шахруд - значительный торговый центр между провинциями Мазендеран и Ирак; в Мазендеран, вплоть до самых берегов Каспийского моря, ведет очень романтическая, но и очень плохая дорога. Окрестности богаты водой, особенно красив ручей Руди-шах (Королевский ручей), пресная прозрачная вода в котором со звонким журчанием течет через город. Караван-сараяв несколько, и в одном из них расположена фактория большой русской торговой компании “Кавказ”, которая в последнее время почти вытеснила английскую торговлю в Хорасане благодаря импорт-

ной торговле Астрахани и Баку через Астрабад. Да, русские обладают огромным влиянием во всей Азии, от Камчатского залива до Константинополя, и ни для кого это влияние не является таким опасным, как для британского льва, которому русский медведь теперь крепко наступает на пятки, и наступит время, когда он вцепится ему в шкуру своими острыми когтями.

От этого пункта до Тегерана мне нужно было ехать еще одиннадцать дней. Вся дорога безопасна. Станция следует за станцией, и ничто не представляет особого интереса, если не упомянуть о своеобразных различиях между жителями Ирака и Хорасана. Провинция Хорасан благодаря своему соседству со Средней Азией переняла некоторые грубые обычаи, в то время как в Ираке все больше проявляется тонкость иранского образования. Здесь путешественника всегда принимают с большой вежливостью, конечно, если чувствуют, что у него есть звонкая [221] монета, при этом делают вид, будто поступают так отнюдь не из-за денег. Появление гостя рассматривают как приятное событие, ему вручают подарки, сопровождая их изощреннейшими комплиментами, и горе кошельку непосвященного!

Во время своего путешествия по южной Персии я достаточно изучил иранский этикет и сам играл в таких случаях роль иранца. На комплименты я отвечал комплиментами, и даже на несколько градусов выше. Хотя я и принимал подарки, но в цветистой речи просил дарителя самого отведать подаренного, и он не мог противостоять моим высокопарным фразам, моим частым цитатам из Саади и других любимых поэтов. Он терял самообладание, поспешно принимался за еду и фрукты, которые сам преподнес на хонче (деревянное блюдо), и очень часто, многозначительно кивая головой, мне говорили: “Эфенди, в тебе больше иранского, чем в самом иранце, ты слишком скользкий, тебя нельзя поймать”. И действительно, это немалое искусство - обмануть перса! Столетней, я бы даже сказал, тысячелетней давности, старинные, глубоко укоренившиеся обычаи так натренировали жителей Персии в хитрости и внешней утонченности, что беспечный европеец часто попадает на удочку простого крестьянина и даже маленького ребенка. Речь, жесты, телодвижения - все вместе направлено на то, чтобы обмануть чужестранца, не посвященного в местные условия. Как можно легко себе представить, очень часто дает провести себя и оказывается позорно обманутым именно европеец, который кичится своей цивилизацией, относится пренебрежительно к человеку Востока и не признает его.

Чем ближе я подъезжал к Тегерану, тем суровее становилась зима; был уже конец декабря, и если на низменности меня мало беспокоил мороз, то на высоких местах было очень холодно, так как климатические различия в Персии дают себя заметно почувствовать уже на расстоянии трех-четырех часов езды. Больше всего на меня нагнала страху суровая погода на двух станциях: Гоше и Ахуан; обе станции состоят всего из нескольких домиков, расположены на горе и к тому же при большом числе гостей редко могут дать всем приют. В Гоше мне повезло, потому что отдельно стоящий чапархане оказался пустым, я удобно устроился в его теплых стенах, между тем как на улице был лютый мороз. По пути в Ахуан я уже во многих местах видел снег, холодный северный ветер заставлял меня несколько раз сходить с лошади и разогревать ноги ходьбой.

Когда я подъезжал к самому Ахуану, снег уже был толщиной в несколько футов, и он так крепко смерзся, что во многих местах дорога шла буквально через снежные перевалы. Крыша над головой и дрова были пределом моих мечтаний. Но здесь, как ни вглядывался я в покрытую снегом холмистую равнину, нигде не мог обнаружить ни жилья, ни даже развалин. Наконец с большой поспешностью, внушающей уважение, - что стало уже обычным для меня - въезжаю в чапархане. Почтмейстер очень вежлив - это [222] хорошее предзнаменование. Когда он указал мне закопченную, но хорошо защищенную от холода комнату, я был чрезвычайно рад и вполуха слушал то, о чем он мне с удовольствием долго и подробно рассказывал, а именно, что он с минуты на минуту ждет прибытия жены сипахсалара, персидского генералиссимуса и военного министра, которая на обратном пути из Мешхеда еще сегодня или самое позднее завтра должна здесь проехать. Мадам сипахсарал путешествовала, как нетрудно себе представить, со свитой в 40-50 слуг; если она нагрянет в тесное прибежище, это отнюдь не доставит им радости. Однако я пока мало думал об этой фатальной случайности, а создавал удобства для себя и своей лошади. Когда в очаге весело запыхал огонь, а из пиалы пошел пар от горячего чая, я забыл перенесенный холод, перестал думать о возможности неожиданного вторжения и лишь с наслаждением прислушивался к дикому свисту борея, который, казалось, хотел подразнить меня в моем теплом приюте. После чая я почувствовал, наконец, как благотворное тепло разливается вокруг и внутри меня и снял поэтому свою одежду; я с удовольствием занялся кухней. Плов и жареная курица были уже почти готовы, однако когда я примерно в полночь собирался начать свою лукуллову трапезу, я слышал сквозь вой ветра топот всадников и зычные голоса.

Едва я успел вскочить, как вся свита, бряцая оружием, с проклятиями, шумом и криком спешила за моей дверью, которая, естественно, была на запоре. “Холла, хо! Вставай! Выходи! Кто здесь? Прибыла жена сипахсалара, принцесса королевской крови! Все тотчас должны удалиться!”

Вполне понятно, что я открыл не сразу. Всадники спросили у почтмейстера, кто там в комнате, и когда услышали, что это хаджи и к тому же еще суннит, бросились с мечами и прикладами на мою дверь, крича: “Эй, хаджи! Убирайся, не то дождешься, что мы переломаем тебе все кости!”

Это был критический, чрезвычайно критический момент. Если человеку очень уютно, то вряд ли он захочет вдруг покинуть единственное убежище и в лютый мороз провести ночь на улице. Возможно, не столько страх перед зловещими последствиями, сколько неожиданность и внезапное вторжение навели меня на смелую мысль не отступить, а отважно принять бой. Мой татарин, который находился вместе со мной в комнате, побледнел. Я вскочил со своего места, схватил ружье и меч и, сунув в руки моему татарину пистолет с приказом стрелять по первому знаку, приблизился к двери с твердым решением застрелить первого, кто ворвется. Мое намерение, по-видимому, угадали по ту сторону двери, потому что начали переговоры, и я заметил, что мой изысканный персидский язык вскоре показал штурмуящим, что бухарцем меня считали ошибочно. “Кто ты, собственно? Говори же! Кажется, ты не хаджи”, - раздалось из-за двери “Какой хаджи! Кто хаджи! - воскликнул я. - Не произносите этого мерзкого слова, и я не бухарец и не перс, а имею честь быть [223] европейцем! Меня зовут Вамбери-сахиб”. После этих слов на мгновение стало тихо. Люди, казалось, были ошеломлены, но больше всех был потрясен мой татарин, который впервые узнал это

имя от своего спутника-хаджи, а теперь из собственных уст благочестивого мусульманина услышал, что тот, оказывается, неверный. Бледный как смерть, он уставился на меня большими глазами. Я оказался между двух огней. Многозначительное подмигивание успокоило моего спутника, да и персы изменили свой тон; европеец, страшное слово для людей Востока, везде действует как электрический ток. Брань сменилась вежливостью, угрозы - просьбами, и, когда наконец они стали меня умолять впустить в комнату хотя бы двух самых главных всадников, а остальные согласились довольствоваться конюшней и чуланом, я открыл дрожащим персам дверь. Черты моего лица сразу же доказали им правильность моего утверждения. Разговор между нами становился все оживленнее и приветливее, и через полчаса мои персы, одурманенные араком (водкой), лежали в углу и храпели, как лошади. Моему татарину я тоже должен был для успокоения дать некоторые разъяснения; добрый малый охотно смирился. Покидая на следующее утро ледяные холмы и проезжая по приветливой Дамганской равнине, я вспоминал ночное происшествие с содроганием.

Дамган считают старой Гекатомпилеей ("город с сотней ворот"); наши археологи упорно выдвигают это предположение, хотя окрестности не хранят ни малейших следов развалин города, в который вела сотня ворот. Конечно, грекам и персам, которые очень похожи друг на друга в благородном искусстве хвастовства, можно верить, лишь делая скидку на это свойство. Я отбрасываю из ста ворот восемьдесят, однако даже город с двадцатью воротами трудно представить себе на том незначительном пространстве, которое сегодня называют Дамганом. В городе, пожалуй, едва ли больше тысячи домов, в два жалких караван-сарая в центре голого базара достаточно хорошо свидетельствуют о том, что сам он в коммерческом отношении не так значителен, как это всюду думают.

Английский путешественник Фрейзер сожалеет, что никто не может ему решить загадку чихиль духтаран (сорок девушек) или чихиль саран (сорок голов), которые почитаются и лежат под одним надгробием. Число "сорок" у мусульман священо, но особенно у персов, и сорок мужей, которых, по мусульманской легенде, Моисей убил и вновь вернул к жизни, можно встретить во многих местах. Примечательно при этом, что здесь, в Дамгане, дамский пол возвышен до ранга мучениц или святых; в Кельне подобные вещи обращают на себя меньшее внимание, чем в Дамгане, чьи женщины изрядно прославились в округе как раз из-за недостатка целомудрия.

Из Дамгана я доехал через две станции до Семнана, который знаменит хлопком, но еще больше своими лепешками к чаю. В Персии каждый город имеет что-то свое, специальное, из-за [224] чего его считают не только первым в Персии, но и непревзойденным в мире. В Ширазе - лучшие барашки, в Исфахане - лучшие персики, в Натанзе - лучшие груши и т.д., и при этом странно, что предметы, осыпанные похвалами, в этих местах или плохие, или, что еще забавнее, их вовсе нет. О семнанских лепешках к чаю я слышал еще в Мешхеде и даже в Герате. Впрочем, в этом отношении у меня уже был опыт, проверенный неоднократно, и потому многого я не ожидал. Я долго искал их на базаре, прежде чем нашел несколько заплесневелых лепешек. "Семнан, - сказал мне один торговец, - действительно известен этим товаром, но вывоз его так велик, что нам ничего не остается". Другой сказал: "Да, Семнан славился когда-то этим товаром, однако плохие времена испортили и его!" Здесь по крайней мере были отговорки и извинения, а в других местах ложь проявляется во всей своей наготе.

Отсюда дорога в Тегеран идет через Лосгирд [Ласджерд], Дехнемек и Кишлак, через знаменитый перевал Хавар. Эта горная тропа считается знаменитыми *Caspiæ Pylae*¹⁴³, и действительно она - единственная в своем роде. Дорога, которая тянется между высокими горными скалами, - дикая и романтическая, а многочисленные крутые повороты словно специально созданы, чтобы служить превосходным укрытием для разбойников. Как в былые времена, так и теперь здесь еще много грабителей; есть скала, которая называется Душегубец, есть Отцеубийца и т.д. Сильное эхо делает эту дорогу еще страшнее, и я видел, как ужас отражался на лице моего татарина. Я проезжал здесь совсем один с оружием в руках и встретил на пути несколько подозрительных лиц. Поэтому настроение у меня намного улучшилось, когда я миновал ущелье и спустился на большую плодородную равнину Верамин. Эта равнина, на северном краю которой возвышался известный в древности и по легендам город Рагес¹⁴⁴, была усеяна, как рассказывают, деревнями и городами; многие народы, многие орды из Татарии, Северной Индии и Аравии прошли здесь. Сам город Рагес в начале средних веков был жемчужиной, он служил местом отдыха для Сельджукидов, Газневидов и даже еще для Тимуридов. Сегодня все лежит в развалинах. Европейский археолог ищет надписи на разбросанных тут и там грудах камней, для перса равнина ценна как богатая охотничья область, и если бы не было многочисленных подземных водопроводов, которые свидетельствуют о значительной культуре прошлого, то легенды Верамина можно было бы считать пустой сказкой.

Чувства, которые охватили меня перед приездом в Мешхед, только, я сказал бы, пожалуй, еще более сильные, овладели мною при мысли, что я вновь увижу Тегеран, исходный пункт моих фантастических странствий, место, где у меня так много друзей, убежденных, что я уже канул в вечность. Чтобы сократить время в пути, я решил объединить два последних перегона. Правда, провести тринадцать часов в седле очень утомительно, подумал [225] я, но ведь я прибуду туда, где смогу отдыхать в течение двух месяцев. Так убаюкивал я себя сладчайшими надеждами и бодро продвигался вперед с самого раннего утра до позднего вечера. Когда солнце посылало свои последние лучи, я увидел вдалеке Тегеран и блестящий купол Шах-Абдул-Азима. Я и сегодня еще не знаю, от чего - от большой ли радости или от внезапного наступления ночи, потому что сумерки здесь в это время года очень коротки, а может быть, от усталости, которая меня немного одурманила, - но я заблудился в непосредственной близости от персидской столицы, совсем недалеко от знаменитых руин, расположенных около той скалы, на которой гебры (огнепоклонники) выставляют трупы своих близких на съедение птицам. Целых два часа я блуждал вокруг, пробирался через рвы и болота, причем один раз лошадь завезла меня в холодную воду по самые бедра; мне пришлось порядком поколесить по садам и загонам, пока я наконец глубокой ночью не нашел дорогу.

Разве не странно, что на всем пути со мной ничего не случилось, что я невредимым пересек далекие области, пережил столь опасные приключения, что мне удавалось сберечь свой скарб и сохранять всегда сухими и в хорошем состоянии мои рукописи, драгоценную добычу моего путешествия, а здесь, на пороге, у самого входа в надежную гавань, надо же было приключиться несчастью, для меня незабываемому: я потерял один из моих драгоценнейших манускриптов из-за того, что промок! Да, судьба капризна, говорят на Востоке, и противиться ей просто наивно!

Когда я достиг ворот Тегерана, они были уже закрыты. Ночь я провел в новом караван-сараяе, а когда на следующее утро проехал через забытые, как всегда, народом базары, рассыпая проклятия и удары, я слышал, как некоторые персы с раздражением и удивлением восклицали: “Что за дерзкий бухарец!” Я встретил также нескольких европейцев, которые вначале не узнавали меня в моем маскарадном костюме, но потом заключали в крепкие объятия. Вскоре я подъехал к воротам турецкого посольства, и кто сможет описать мою радость при виде оставленных мною мест и тех друзей, которых я покинул десять месяцев назад, полный самых смелых и фантастических планов! Они полагали тогда, что я иду навстречу явной гибели, и до сегодняшнего дня считали, что я стал жертвой среднеазиатского коварства и варварства.

XVIII Из Тегерана в Лондон

На первый взгляд персидская столица показалась мне местом, где процветают цивилизация и образованность, где можно встретить черты европейской жизни. Если въезжать в город, держа [226] путь с запада на восток, то, конечно, невозможно найти слова, чтобы выразить чувство отвращения к жалким глиняным хижинам, кривым и узким переулкам. Совсем иным кажется город путешественнику, если он приехал из Бухары. Расстояние от Бухары до Тегерана - только 60 дней езды, а в социальных условиях между этими городами зияет пропасть, измеряемая столетиями. Когда я после своего прибытия в первый раз проезжал по базару, я с детским удовольствием, даже с каким-то восторгом, не меньшим, чем изумление моего татарского спутника, рассматривал многочисленные предметы роскоши европейского происхождения, ткани, платки, игрушки, но особенно привлекло мое внимание цветное богемское стекло; европейское искусство внушало мне в то время уважение, которое сегодня представляется просто забавным. Но тогда иначе не могло и быть. Если так странствовать, как я, если так вжиться в татарскую сущность, как вынужден был сделать я, то, разумеется, неудивительно, что сам становишься почти татарин. Настоящее инкогнито, когда в чужом облике хорошо сознаешь свое собственное прежнее существо, длится очень короткое время; полная изоляция и постоянное чужое окружение преобразуют человека *polens volens*. Напрасно путешественник будет сопротивляться этим изменениям, потому что прошлое вытесняется свежими впечатлениями и отходит на задний план, а псевдосуществование становится помимо его желания действительностью.

Эти изменения в моем существе и поведении, тотчас замеченные моими европейскими друзьями, дали им материал для разговоров. Смеялись над моими приветствиями, жестикующей во время беседы, над походкой и особенно над моим образом мыслей; многие утверждали даже, что глаза у меня стали чуточку более раскосыми, чем раньше. Наблюдения эти очень часто забавляли и даже веселили меня; однако не могу не отметить странного чувства, которое закрадывалось мне в душу при мысли, что мне нужно вновь привыкать к европейскому образу жизни. Чрезвычайно непривычным мне представлялось и спокойное пребывание в течение нескольких недель на одном месте. Были также некоторые другие европейские обычаи, к которым я приспособлялся с трудом.

Прежде всего, слишком тесной и давящей мне казалась одежда; волосы, которые я начал отращивать, ощущались грузом на голове, а когда я слышал, как несколько европейцев, стоя в комнате друг против друга, разговаривают, оживленно жестикую, мне всегда представлялось, будто они все так возбуждены, что в следующий момент вцепятся друг другу в волосы. И какими смешными казались мне даже военная выправка и твердый шаг французских офицеров, находящихся на персидской службе! Внутренне я радовался гордой подтянутости моих европейских земляков, ведь контраст с вялой походкой сутулящегося жителя Средней Азии, к которой привыкли мои [227] глаза и которую я сам усвоил, слишком бросался в глаза, и его нельзя было не заметить.

Перечислить все обилие впечатлений, которые вызывала у меня столица Ирана, было бы слишком трудно. Кто знает разницу между жизнью на Востоке и на Западе, тому едва ли нужно говорить, что Тегеран по сравнению с Бухарой был для меня Парижем.

Велико было удивление “всего Тегерана”, когда стало известно о счастливом завершении моих приключений. Такой (разрешенное исламом искусство перевоплощения) является у жителей Востока известным и хорошо разработанным делом, но им было непонятно, как это френги тоже может быть таким умелым в этом искусстве. Они бы, конечно, не так сильно завидовали моему успеху, но им очень понравилась шутка, которую я позволил себе с их заклятыми врагами, суннитскими татарами.

Несмотря на то что Персия - ближайший сосед государств, расположенных в пустынях Туркестана, представления персов об этих странах очень путанны и даже фантастичны; все обращались ко мне, чтобы получить сведения о них. Я был приглашен к некоторым министрам, а позже мне посчастливилось даже быть представленным Его Персидскому Величеству. Шах осведомился обо всех своих высокородных братьях на далеком Востоке, и когда я указал на их политическую незначительность и слабость, он не удержался от некоторого бахвальства и сказал везиру: “С 15 тысячами человек можно было бы всему положить конец”. Разумеется, восклицание после катастрофы в Мерве: “Каввам! Каввам! *Redde mihi meas legiones*”¹⁴⁵ - было совершенно забыто. (Неудачный поход против Мерва, направленный, как я заметил, собственно, против Бухары, был предпринят под руководством неспособного и подлого придворного, который носил титул Кавам эд-Доуле (“прочность государства”). Все беды, как и крупное поражение, которое персы потерпели там от текинцев, произошли только по вине этого офицера. Он оценивал туркмен так, как Вархерусков в Тевтобургском лесу, но был слишком труслив, чтобы принять такой конец, как римский полководец. И его монархом был не Антоний¹⁴⁶. Может быть, и он кричал: “*Redde mihi meas legiones*”, но его удалось успокоить 24 тысячами дукатов; подлый трус и поныне занимает видный пост в Персии.)

В беседе мы коснулись также Герата. Наср эд-Дин-шах спросил, как выглядит сейчас город и что делают жители. Я ответил, что Герат превращен в развалины, а жители молятся о благе Его Персидского Величества. Шах сразу понял, на что я намекаю, и быстро, как он обычно говорит, сказал, подобно лисе в басне: “Таких разрушенных городов я не люблю”. В конце аудиенции, которая продолжалась полчаса, государь выразил удивление по поводу моего путешествия и наградил меня в знак особой милости орденом Льва и Солнца четвертого класса, после чего мне

пришлось сделать для него краткое описание своего путешествия.

[228] 28 марта, в тот самый день, в который я в прошлом году начал свое путешествие в Среднюю Азию, я покинул Тегеран, чтобы отправиться через Тебриз в Трабзон. До Тебриза меня сопровождала прекрасная весенняя погода, и можно легко вообразить мои чувства, когда я вспоминал об этих же днях прошлого года. Тогда каждый шаг приближал меня к дикому варварству и неизвестным опасностям, теперь же - к цивилизации и дорогой родине. Глубоко трогало меня участие, которое выражали мне в пути европейцы. В Тебризе это были мои замечательные друзья, швейцарцы Ханхарт и другие, и английский вице-консул мистер Аббот, в Эрзеруме - мистер Маджек (Majack), в Трабзоне - мой ученый друг доктор Блау, но особенно господин Драгорич (Dragorich), первый - прусский, второй - австрийский консул, которые своей предупредительностью и братским приемом сделали меня своим вечным должником. Эти господа знают тяготы путешествия по Востоку, и признание с их стороны - лучшая награда, которую может ожидать путешественник.

Подобно тому как, покинув Курдистан, я больше не мог обнаружить в чертах османа ничего восточного, так теперь в Стамбуле я увидел только великолепно расписанный занавес восточной жизни, не существующей на самом деле. Только три часа довелось мне пробыть на берегу Босфора, и я был счастлив, что, несмотря на столь короткий срок, сумел нанести визит барону фон Прокеш-Остену, неутомимому ученому и дипломату, и я навсегда запомнил его добрые советы относительно работы над этими мемуарами. Затем я отправился через Кюстендже в Пешт, где оставил своего спутника-дервиша, муллу из Кунграда, который сопровождал меня от Самарканда. (Как этот бедный хивинец, попавший вместо Мекки в венгерскую столицу, глазел на все и изумлялся, читатель может легко себе представить. Больше всего его поражала доброта френги, то, что они его не убили, чего он боялся больше всего, ибо так поступали его соотечественники.) Но мне не дано было долго оставаться на родине, так как я хотел еще до окончания сезона сделать доклад о своем путешествии в английском Королевском географическом обществе, что мне и удалось благодаря доброй протекции моих друзей. 9 июня 1864 года я прибыл в Лондон, и мне стоило невероятных усилий привыкнуть к смене двух таких совершенно разных городов, как Бухара и Лондон.

И вправду удивительно, как действует на человека привычка. Хотя я перешел от одной крайности к другой постепенно, все казалось мне таким неожиданным, новым и странным, словно я раньше только во сне видел Европу, а сам я - житель Азии. Мои странствования оставили во мне слишком сильные впечатления; и разве можно удивляться тому, что я был похож на застигнутого врасплох ребенка, когда на Риджен-стрит и в салонах знати думал о пустынях Средней Азии и о юртах туркмен и киргизов.

[229] II ЧАСТЬ

ТУРКМЭНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И СОЦИАЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ

Границы и деление племен. - Ни правителей, ни подданных. - Деб. - Ислам. - Чисто внешние изменения, вызванные им. - Аксакалы сами по себе власти не имеют. - Влияние мулл. - Конструкция юрты кочевника. - Аламань и руководство ими. - Туркменские поэты. - Трубадуры. - Простые свадебные обряды. - Лошади. - Могильные холмы. - Траур по умершим. - Происхождение туркмен. - Некоторые общие извлечения из истории туркмен. - Их политическое и географическое значение в настоящее время.

А. ГРАНИЦЫ И ДЕЛЕНИЕ

Туркмены, или тюркмены, (Это слово состоит из собственного имени *Тюрк* и суффикса - мен, соответствующего немецким *-tum* или *-schaft*, тогда как номады называют себя по преимуществу тюрками. Употребительное у нас слово "туркмен" является персидским искажением тюркского оригинала¹⁴⁷) как они сами себя называют, населяют по большей части пустынные области, простирающиеся по эту сторону Оксуса от берега Каспийского моря до Балха и от Оксуса на юг до Герата и Астрабада. Кроме небольших пространств возделываемых земель по Оксусу, Мургабу, Теджену, Гёргену и Этреку, где туркмены немного занимаются земледелием, эта территория представляет собой огромную ужасную пустыню, где путешественник может зачастую блуждать неделями, не находя ни капли пресной воды, ни тени хотя бы одного дерева. Зимой там сильные холода и глубокие снега, а летом - палящая жара и глубокие пески; бури же в разное время года различаются только тем, что одни из них готовят каравану и путешественнику сухую могилу, а другие - сырую.

Чтобы более точно передать деление туркмен, мы воспользуемся их собственными выражениями. В соответствии с нашими, европейскими понятиями мы называем главные группы племенами, принимая за исходную точку целую нацию. Но [230] туркмены, которые, как явствует из истории, никогда не объединялись в единое целое, называют свои главные группы словом "халк" (по-арабски "народ", "люди") и выделяют следующие: 1) човдур, 2) эрсари, 3) али-или, 4) кара, 5) салор, 6) сарык, 7) теке, 8) гёклен, 9) йомуты. Халк распадается на отдельные таифе, а те, в свою очередь, - на тире. (Как уже говорилось, мы примем для политического деления выражения, употребляемые самими номадами, добавляя условное значение. Итак:

Халк - собственно "народ", означает "племя"

таифе -- "народ", -- "орда"

тире -- "обломок", -- "клан"¹⁴⁸)

Мы кратко коснемся всех этих главных племен, обратив особое внимание на три южных: теке, гёклен и йомутов, поскольку нам довелось увидеть их вблизи и познакомиться с ними.

1. Племя човдур живет в южной части области, расположенной между Каспийским и Аральским морями, и насчитывает приблизительно 12 тыс. юрт. Его главные тире, рассеянные от Каспийского моря до Старого Ургенча, Бульдумфаса¹⁴⁹ и Кёкчеге в Хиве, следующие¹⁵⁰: абдал (Abdal), игдыр (Jgdyr), эсенул (Essenlu), карачовдур

(Karatschador), бозаджи (Bosadschi), бурунджук (Burundschuk), шейх (Scheich)¹⁵¹.

2. Племя эрсари живет на левом берегу Оксуса от Чарджоу до Балха, подразделяется на 20 таифе и большое число тире¹⁵²; говорят, что число их юрт составляет от 50 до 60 тыс. Поскольку они большей частью живут на берегу Оксуса и обязаны платить дань бухарскому эмиру, их часто также называют “лебаб-туркмены”, т.е. “прибрежные туркмены”.

3. Али-или¹⁵³, главное место жительства которых Андхой, образуют только три небольших тире и насчитывают не более 2-3 тыс. юрт.

4. Кара. Небольшое, но чрезвычайно дикое туркменское племя, которое большей частью кочует вблизи колодцев в огромной песчаной пустыне между Андхоем и Мервом и находится в состоянии войны со всеми соседними народностями из-за своих беспощадных грабежей.

5. Салор¹⁵⁴. Самое древнее из известных в истории туркменских племен, знаменитое своей храбростью еще во времена арабского нашествия. Вероятно, ранее оно было более значительно, но постоянные войны очень сократили его, теперь у племени всего 8 тыс. юрт, и если еще 10 лет назад оно владело таким важным пунктом, как Мерв, то ныне, вытесненное туркменами-теке, живет в Марчахе и его окрестностях. Оно состоит из следующих тире и таифе:

[231]

Таифе	Тире
1) ялавадж (Jalavadsch)	яс (Jas), йизи (Jisi), сакар (Sakar), ордуходжа (Orduchodscha).
2) караман (Karaman).	атам (Atam), гёрджикли (Gürdschikli), бейбё-леги (Beybülegi).
3) анабёлеги (Anabçlegi).	яджи (Jadschi) ¹⁵⁵ , бохара (Bochara) ¹⁵⁶ , бакаш-тёре-тимур (Bakaschtüre-timur)

6. Сарык. В смысле храбрости пользуются не меньшей славой, чем племя салор, и поэтому тоже значительно уменьшилось в числе. Теперь сарыки живут в окрестностях Пенде по берегу Мургаба и жестоко враждуют со всеми туркменами, кроме соседних джемшидов.

Они делятся на следующие тире и таифе:

Таифе	Тире
1) хорасанлы (Chorasanli)	беденг (Bedeng), ходжалы (Chodschali), кизыл (Kisil), хусейналы (Huseinali).
2) бирадж (Biradsch)	канлыбаш (Kanlibasch), кульча (Kultscha), суд-жан (Sudschan).
3) сохты (Sochti)	япыр (Japug), муматай (Mumatay), курд (Kurd), кадыр (Kadyr).
4) алаша (Alascha)	коджак (Kodschak), богаджа (Bogadscha), ху-сейнкара (Huseinkara), саад (Saad), ёкензис (Oekensis)
5) херзеги (Hersegi)	ерки (Jerki), джанибег (Dschanibeg), курама (Kurama), ятан (Jatan), япагы (Japagy).

Мне говорили, что у них до 12 тыс. юрт.

7. Теке¹⁵⁷. В настоящее время это самое большое и могущественное туркменское племя, распадающееся на две главные группы: ахальские теке (к востоку от Теджена) и мервские теке; по самым надежным сведениям, они насчитывают около 60 тыс. юрт. Так как у них меньше пригодной для возделывания земли, чем у остальных туркмен, они, так сказать, самой природой обречены разбойничать, и действительно, это бич божий для северо-восточных областей Персии, для Герата и его окрестностей. Из его подразделений, которые, очевидно, более многочисленны, я смог записать только следующие:

Таифе	Тире
1) ётемыш (Oetemisch)	келлечо (Kellertscho), султанис (Suitanis), сич-мас (Sitschmas), кара-ахмед (Kara Ahmed).
2)бахши (Bachschi)	перренг (Perreng), топас (Topas) кёрсагры (Kürsagru), аладжагёз (Aladschaguz). ташаяк (Taschajak), аксефи-гёй (Aksefi Güy) ¹⁵⁸ , мави (Mawi), сакыр (Sakir), касылар (Kasuar).
3)тохтамьш (Tochtamisch)	бокбурун (Bokburun), аманзай (Amansay), гёк-че-бег (Güktsche Beg), кара (Kara), хар (Char), контор (Kongor), юсуф (Jusuf), язи (Jasi), арык-караджа (Arik Karadscha).

8. Гёклен¹⁵⁹. По их положению и по тем обстоятельствам, в которых я застал это племя, я могу назвать его самым мирным и цивилизованным. Гёклены очень охотно занимаются земледелием, и большинство их являются подданными персидского государя. Они живут на прекрасной земле Гургана, имеющего славное прошлое (теперь развалины Шахри-Джурджан).

[232]

Таифе	Тире
1) чакыр (Tschakir)	гекдиш (Gükdisch), аламет (Alamet), тораман (Toraman), хорта (Chorta), каравул (Karawul), кёсе (Kose), кулкара (Kulkara), баймал (Baynal).
2) бегдили (Begdili)	парк (Park), аманходжа (Amanchodscha), боран (Boğan), карышмар (Karischmar).
3) кайи (Kaji)	джанкурбанлы (Dschankurbanli), эркекли (Erkekli), кизыл (Kisil), акинджик (Akindschik), тикенджи (Tikendschi), бокходжа (Bokchodscha), кодана (Kodana), темек (Temek), карнас (Karnas), дари (Dari).
4) карабалкан (Karabalkan)	чотур (Tschotur), капан (Kapan), сигирсики (Sigirsiki), пашей (Paschey), аджибег (Adschibeg).
5) кырык (Kuguk)	гийинлык (Gijinlik), суфиан (Sufian), дехене (Dehene), каракусу (Karakusu), чеке (Tscheke), гёкче (Güktsche), кабасакул (Kabasakul) ¹⁶⁰ ёнгют (Oengyt), кёнгёр (Küngür).

6) байиндыр (Bajindir)	калайджи (Kalaydschi), кёрюк (Кцгък), япаги (Japagi), яджи (Jadschi), кесир (Kesir), ясагалык (Jasagalik), тёренг (Тцгренг).
7) геркес (Gerkes)	моллалар (Mollalar), кёсе (Kose), атанияз (Atanijas), мехрем (Mehrem), бёрре (Borre).
8) янгак (Jangak)	кётчют (Kцtschyt), маджиман (Madschiman), кётю-дизегри (Кцть Disegri), сарыдже (Saridsche), экиз (Ekis).
9) сенгрык (Sengrik)	карашур (Karaschur), кучи (Kutschi), Пар (Char), шейхбеги (Scheischbegi).
10) ай-дервиш (Aj Derwisch)	ёчу (Oetschu), коджамас (Kodschamas), дехли (Dehli), чиксары (Tschiksari), араб (Arab), аджем (Adschem), карджик (Kardschik).

Говорят, что эти 10 групп насчитывают 10 тыс. юрт, число, может быть, не преувеличенное.

9. Йомуты, живущие на восточном побережье и некоторых островах Каспийского моря, в общем называются “гёргенские йомуты”, т. е. йомуты с Гёргена. Кроме того, есть еще хивинские йомуты, т.е. йомуты из Хивы, избравшие для жительства другой конец пустыни, поблизости от Оксуса¹⁶¹. Наиболее значительные места, где обычно располагаются гёргенские йомуты, если начинать перечисление от персидской границы, следующие:

1) Ходжа-Нефес¹⁶², в нижней части устья Гёргена, с 40-60 юртами, поставляющими множество отважных морских разбойников, от которых не знает покоя персидское побережье; 2) Гёмюштепе - зимняя квартира, летом здесь не живут из-за свирепствующей лихорадки. Этот район расположен в верхней части устья Гёргена, который здесь весьма глубок и изобилует рыбой, что служит большим подспорьем для кочевников; 3) Гасанкули, на берегу залива того же названия. Эта местность густо населена летом, здесь вызревают хорошие дыни; 4) Этрек, восточнее Гасанкули, на берегу одноименной реки, которая в шести милях отсюда впадает в море; 5) Чекишляр, или яйлак (летовка), поблизости от холма Ак-Тепе, возвышающегося на берегу моря; [233] 6) Челекен, (Правильнее Челекен от персидского “Чар-кен”, т.е. “Четыре рудника” - по названию четырех основных продуктов этого острова¹⁶³) остров всего в нескольких милях от материка, жители его - мирные торговцы.

Йомуты образуют следующие кланы и орды:

Таифе	Типе
1) атабай (Atabay)	сехене (Sehene), дюнгирчи (Дьngirtschi), тана (Tana), кисарка (Kisarka), кесе (Kese), темек (Temek).
2) джафер-бай (Dschafer bay)	подразделяются опять-таки на:
а) ярала (Jarali)	ири-томач (Iri Tomatsch), кызыл (iCisil), сакал-лы (Sakalli), аригкёзели (Arigkцseli), чоккан-боркан (Tschokkan borkan), онук-томач (Onuk Tomatsch)
б) нурала (Nurali)	кельте (Kelte), карынджик (Karindschik), гази-ли-кёр (Gasili kцr), хоссанкулулу-кёр-панкётек (Hossankululu kцr Pankцtek).
3) шериф-джуни (Scheref Dschuni) ¹⁶³ :	из которых одна часть живет в Гёргене, другая - в Хиве
а) Гёрген (Gцrgen)	кара-белке (Kara bцlke), теведжи (Tewed-schi) ¹⁶⁴ , йилгай (Jilgay), джафер (Dschafer)
б) Хива (Chiwa)	ёкюз (Oekus), салак (Salak), ушак (Uschak), коджук (Kodschuk), мешрик (Meschrik) ¹⁶⁶ йимрлеи (Jimreli).
4) огурджалы семедин (Semedin), гирай (Giraj) ¹⁶⁷ , терекеме (Terekeme), недин (Nedin). (Ogurdschali)	

Огурджалы не признают себя соплеменниками йомутов¹⁶⁸, потому что не занимаются разбоем. Так как они деятельно поддерживают мирные торговые сношения с Персией, они стали подданными шаха и ежегодно платят 1000 дукатов дани. Однако в дела их внутреннего управления персы не вмешиваются. Сами йомуты обычно насчитывают у себя 40-50 тыс. юрт, но эта цифра столь же мало достоверна, как и все другие, так как национальная гордость этих номадов выражается в данных об их количестве. Несмотря на это, суммируем отдельные показатели:

човдур	12000 юрт	сарык	10000 »
эрсари	50000 »	теке	60000 »
али-или	3000 »	гёклен	12000 »
кара	1 500 »	йомуты	40000 »
салор	8000 »		196500 юрт

В среднем в одной юрте считают 5 человек, что дает в сумме 982500 человек. Эта цифра должна рассматриваться как минимум, потому что я уменьшил туркменские показания почти на треть.

Б. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА

Во время моего пребывания среди туркмен меня больше всего поразило то, что я не нашел никого, кто бы хотел командовать, и ни одного человека, который хотел бы повиноваться. Сам [234] туркмен обычно так говорит о себе: “Биз бибаш халк боламыз” (“Мы - народ без главаря”), “да нам никого и не надо, мы все равны, у нас каждый - король”. В политических институтах всех прочих номадов можно найти какие-то следы правления, в лице аксакала у тюрок, риш-сефида у персов, шейха у арабов; у туркмен нет ничего подобного. В племенах есть, правда, свои аксакалы, которых в какой-то мере почитают, но их любят и терпят до тех пор, пока они не пытаются проявить свое превосходство какими-то приказами или чрезмерным важничаньем. Читатель непременно спросит, как же могут эти известные разбойники, чья жестокость не знает границ, жить вместе, не уничтожая друг друга. Да, это удивительно, но еще более удивит читателя то, что, несмотря на кажущуюся анархию, несмотря на всю дикость, у них - пока они не объявят вражду всенародно, - меньше разбоя и убийств, меньше несправедливости и безнравственности, чем у других

азиатских народов, социальные условия которых покоятся на базе исламской цивилизации. Жителями пустыни управляет часто даже тиранящий их древний и могущественный властелин, невидимый, но отчетливо проявляющий себя в слове “деб”(обычай, нравы, устои) (“Деб” (у киргизов “тере”) - слово арабского происхождения и восходит к слову “эдеб” (“нравственность”). Туркмены строжайшим образом соблюдают все, что предписывает деб, и питают отвращение ко всему, что он запрещает. Наряду с дебом можно было бы упомянуть и религию, сказывающуюся при определенных обстоятельствах, однако она далеко не имеет того влияния, которое ей приписывают, хотя и заимствована из фанатичной Бухары. Повсеместно распространено мнение, что туркмен грабит и продает перса из-за того, что тот принадлежит к ненавистной шиитской секте. Однако это глубокое заблуждение, и я твердо убежден, что туркмен не отказался бы удовлетворить свою жажду разбоя, который разрешается дебом, если бы вместо персов его соседями были сунниты-турки. И ведь он часто подтверждает это, нападая на суннитские Афганистан, Меймене, Хиву и даже на Бухару. Впоследствии собственный опыт убедил нас в том, что большая часть рабов в Средней Азии принадлежит к суннитам. Однажды я спросил разбойника, известного своей набожностью, как это он может продавать в рабство своего брата-суннита, ведь пророк повелел: “Кулли муслим хурр”, т.е. “каждый мусульманин свободен”. “Эх, - отвечал туркмен с полнейшим равнодушием, - Коран - божья книга и, конечно, намного благороднее человека, а ее продают и покупают за несколько кранов. Так чего же ты хочешь? Иосиф сын Якуба был пророком, а его тоже продали. Разве он стал хуже от этого?”

Примечательно, что деб очень мало пострадал в восьмисотлетней борьбе с религией, так как многие запрещенные исламом обычаи, против которых борются муллы, продолжают жить в своей первозданности, и ислам не только у туркмен, но [235] и у других кочевников Средней Азии изменил лишь внешнюю форму старой религии. Чем прежде были солнце, огонь и другие явления природы, тем теперь стали Аллах и Мухаммед, но в глубине души кочевник все тот же, что и 2000 лет назад, и его характер может перемениться только тогда, когда он заменит свою легкую юрту прочным домом, построенным тяжким трудом, т.е. когда он перестанет быть кочевником.

Возвращаясь к влиянию аксакалов, заметим, что, хотя они в общем и представляют соответствующее племя в сношениях с чужеземцами, если имеют дело с Персией, Россией или другими туркменскими племенами, они не являются уполномоченными посланниками. Насколько они бессильны, не раз имели возможность узнать Россия и Персия, старавшиеся с большими издержками привлечь на свою сторону аксакалов, чтобы прекратить грабежи и разбой, но до сих пор не достигшие заметного успеха. Муллы пользуются большим уважением, но не потому, что они представляют ислам, а из-за уважения ко всему религиозному, следовательно, и к мистическому, перед чем суеверные кочевники испытывают страх. Впрочем, муллы, получившие образование в Хиве и Бухаре, - хитрый народ: они появляются, окружив себя ореолом святости, а затем, набив кошельки, уезжают.

В основе социальных связей лежит прочная спаянность как отдельных подразделений, так и всего племени. Каждый туркмен, даже четырехлетний ребенок, знает, к какому таифе и тире он принадлежит, и с гордостью говорит о могуществе и численности своего клана, так как это, действительно, то оружие, которое защищает его от произвола других. Если же обида нанесена какому-либо члену племени, все племя должно требовать удовлетворения.

Что касается отношений йомутов к соседним племенам, то я нашел, что они живут в непримиримой старинной вражде с гёкленами. С теке они пытались заключить мир как раз в то время, когда мы были в Этреке, что было счастливой случайностью для нас, путешественников, однако, как я услышал впоследствии, мир не был заключен; и то, что эти в высшей степени воинственные племена не имеют возможности объединиться, - великое счастье для персов. Персы, особенно жители Мазендарана, Хорасана и Систана, постоянно подвергаются разбойничьим набегам отдельных племен, и объединение теке и йомутов привело бы к нескончаемым бедам. Неизменное военное счастье вскружило туркмену голову, и он лишь посмеивается в кулак, когда эта страна угрожает ему или высылает свою армию.

Иначе обстоят дела с Россией. Могущества русских йомуты побаиваются, хотя знают о нем только по небольшому гарнизону Ашуры. Мне говорили, что года четыре назад русские вопреки всем договорам, заключенным с Персией, напали на Гёмюштепе, причем солдат было всего 120; туркмены, численность которых была намного больше, обратились в бегство, предоставив [236] русским грабить и жечь их кибитки. Даже среди теке распространилась легенда об адском оружии, будто бы примененном русскими, но я считаю, что дело не в этом, а в дисциплине, которой не смогли противостоять кочевники.

В. СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ

Теперь последуем за туркменом в его домашнее окружение и поговорим о нем самом, его одежде и юрте. Туркмен - татарского происхождения, но он сохранил тип своей расы только там, где обстоятельства не способствовали смешению с иранской кровью. Особенно это бросается в глаза у теке, гёкленов и йомутов; чисто татарские физиономии встречаются у них только в тех кланах, и семьях, которые посылали меньше аламанов в Персию и поэтому ввели в свою среду меньше кудрявых черноволосых рабов. Впрочем, туркмена, независимо от того, в большей или меньшей степени он сохранил свой оригинальный тип, всегда можно узнать по смелому пронизательному взгляду, который отличает его от всех кочевников и горожан Средней Азии, и по его гордой, воинственной осанке. Хотя я встречал много молодых людей воинственного вида среди каракалпаков и узбеков, свободную и непринужденную манеру держаться мне удалось наблюдать только у туркмен. Одежда у них та же, что и в Хиве, только и у мужчин, и у женщин немного модифицирована добавлением нескольких предметов роскоши из Персии. Главную роль в одежде играет красная шелковая рубаха; хотя она запрещена установлениями ислама, ее тем не менее носят представители обоего пола; у туркменских женщин она составляет всю домашнюю одежду, и мои глаза с трудом привыкали к виду пожилых матрон, зрелых дев и молоденьких девочек, расхаживающих в длинных, доходящих до лодыжек рубахах. Головной убор мужчин - меховая шапка, она легче и сделана с большим вкусом, чем неуклюжие узбекские или башнеобразные персидские шапки. Обычно они носят также чапан, заимствованный из Хивы и похожий на наш халат; отправляясь в чапаул (разбойничий набег), они укорачивают его. По праздникам

женщины повязывают вокруг пояса поверх длинной рубахи большую шаль, свисающую двумя концами; обязательны также красные или желтые сапоги на высоком каблуке, но больше всего они любят украшения: массивные серебряные браслеты, ожерелья, серьги и кольца, продеваемые в нос, а также футляры для амулетов, наподобие наших патронташей. Эти футляры, подобно нашим орденским лентам, часто висят у них справа и слева и сопровождают каждое движение громким позвякиванием. Туркмену очень нравится такое бряцание, поэтому он навешивает побрякушки на жену и на коня; если же у него для этого недостает средств, то он крадет перса и навешивает на него цепи, чтобы слышать хоть какое-нибудь бряцание. Дамский костюм довершает некое подобие венгерского доломана, который, свисая [238] с плеч, должен быть такой длины, чтобы виднелся конец косы с вплетенной в нее лентой.

Туркменская юрта очень красива и вполне соответствует кочевому образу жизни. Юрту такой же формы можно встретить по всей Средней Азии вплоть до далекого Китая. Она состоит из трех частей: во-первых, из деревянного каркаса, во-вторых, из войлочного покрытия, в-третьих, из внутреннего убранства. За исключением деревянного остова все составные части изготовляют туркменские женщины. На них лежит обязанность поставить и снять жилище, упаковать юрту при переезде на другое место и погрузить ее на верблюда, тогда как сами женщины идут рядом пешком. Юрты бедняков и богатых различаются по внутренней отделке. Бывают юрты только двух видов: кара-ой, т.е. черная, потемневшая от времени, и ак-ой, т.е. белая юрта, обтянутая внутри белоснежным войлоком, ее разбирают для новобрачных и самых почетных гостей. В общем, юрта, какой я видел ее в Средней Азии, произвела на меня очень хорошее впечатление. Летом в ней прохладно, зимой ощущаешь приятное тепло, а как отраднo очутиться под ее защитой, когда в необозримых степях свирепствует ураган. Чужеземец часто боится, что силы стихии разорвут на тысячи кусков стены жилища толщиной всего в палец, но туркмена это мало беспокоит, он укрепляет веревки и сладко спит, ибо рев бури звучит для него как нежная колыбельная песня.

О нравах, обычаях и занятиях туркмен можно было бы написать целую книгу, - так велики и поразительны различия между их и нашим образом жизни. Но мы вынуждены ограничиться здесь несколькими характерными чертами. Главное дело в жизни туркмена - это аламан, т.е. товарищество по грабежу, или чапаул, т.е. нападение. Он моментально готов вооружиться и сесть на коня, как только получит приглашение отправиться в поход, сулящий, по его мнению, выгоду. План подобного предприятия всегда держится в тайне даже от ближайших родственников. После того как выбран сердар (предводитель) и получено благословение (фатиха) муллы, каждый участник похода с наступлением вечера направляется своим особым путем к заранее условленному месту сбора. На населенные пункты всегда нападают в полночь, на караваны или вражеские отряды - при восходе солнца.

Нападение у туркмен, так же как у гуннов и татар, скорее можно назвать набегом. Атакующие разделяются на несколько групп и с разных сторон дважды, реже трижды, обрушиваются на ничего не подозревающую жертву, так как туркменская пословица гласит: "Ики денг учте дон", т.е. "попробуй два раза, а на третий поверни назад". Подвергшиеся набегу должны быть очень решительными либо чувствовать себя очень сильными, чтобы оказать сопротивление подобному нападению врасплох; с персами это случается крайне редко; и очень часто бывает так, что один туркмен успешно сражается с пятью персами, а то и более.

[239] Туркмены рассказывали мне, что часто один туркмен берет в плен четырех-пятерых персов. "Нередко, - говорил мне один кочевник, - персы от страха бросают оружие, просят веревки и вяжут друг друга. Нам надо только сойти с лошади и связать последнего". Даже не упоминая о поражении, которое 22 тыс. персов потерпели от 5 тыс. туркмен совсем в недавнее время, можно считать фактом крупное превосходство сынов пустыни над иранцами, и я склонен думать, что даже самого смелого лишает мужества древний, вошедший в историю ужас перед татарами с севера. И какой дорогой ценой приходится нам расплачиваться за свою трусость! Можно считать счастливым того, кого зарубили при набеге. А безвольному, сдающемуся на милость победителя, связывают руки, и всадник либо сажает его в седло, причем ноги ему связывают под брюхом лошади, либо гонит его перед собой; если же невозможно ни то, ни другое, то всадник привязывает его к хвосту своей лошади и на протяжении многих часов, а то и нескольких дней он должен следовать за разбойником на его родину, в пустыню.

Об участи вновь прибывших пленников уже говорилось, я хочу описать только одну сцену, свидетелем которой был в Гёмюштепе и которую не забуду. Аламан вернулся домой с богатой добычей: пленными, лошадьми, ослами, скотом и другим движимым и недвижимым имуществом. Приступили к разделу добычи. Составили столько долей, сколько человек принимало участие в грабеже; кроме того, в середине оставили кучу, как я потом понял, для добавок. Разбойники шли по порядку, осматривали свою долю; первый остался доволен, второй тоже, третий осмотрел зубы доставшейся ему персиянки и заметил, что его доля слишком мала. Тогда предводитель обратился к куче, оставленной на добавки, и поставил возле бедной рабыни осленка; прикинув общую стоимость этих двух существ, туркмен остался доволен. Эта сцена повторялась неоднократно; хотя меня крайне возмущала бесчеловечность процедуры, я не мог не рассмеяться, наблюдая, как чудно составляется та или иная доля для разбойников.

Главное оружие, обеспечивающее туркмену превосходство в разбойничьих набегах, - его лошадь, животное и в самом деле удивительное, и сын пустыни любит ее больше жены и детей, больше, чем самого себя. Интересно смотреть, с каким тщанием туркмен ее растит, как укрывает ее от холода и зноя, как роскошно убирает седло, так что сам он в бедной рваной одежде верхом на холеной разряженной лошади являет странное зрелище. Но эти прекрасные животные действительно стоят потраченных на них трудов, и все, что рассказывают об их быстроте и выносливости, совсем не преувеличение. Туркменская лошадь - арабского происхождения, и до сих пор прекрасные чистокровные кони называются "бедеви", т.е. "бедуины". Лошади теке очень высоки, они хорошие скакуны, но далеко не так выносливы, как более низкорослые лошади йомутов.

[240] Доход, который приносит туркмену отвратительное ремесло похищения людей, далеко не вознаграждает его за связанные с этим ремеслом опасности, так как он лишь изредка уменьшает нищету, в которой рождается сын пустыни. Даже если у туркмена остается немного денег, он очень редко может ими воспользоваться, настолько прост его образ жизни. Я знал много туркмен, которые, несмотря на все свое благосостояние, постоянно ели вяленую рыбу, а хлеб позволяли себе только один раз в неделю, как последний бедняк, для которого пшеница недоступна из-за высокой цены.

В домашнем быту туркмен являет картину абсолютной праздности. В его глазах страшнейший позор для мужчины - приложить руки к каким-нибудь домашним делам. Он должен заниматься лишь своим конем. Как только он с этим управится, он идет к соседу или присоединяется к группе мужчин, сидящих кругом перед палаткой, и принимает участие в разговоре, рассуждая либо о политике и последних разбойничьих набегах, либо о лошадях. Тем временем из рук в руки переходит неизбежный чилим, род персидской трубки, для которой табак не увлажняется. По вечерам, особенно в зимнее время, они любят слушать красивые сказки и истории. Они радуются присутствию бахши (трубадура), который под аккомпанемент своего дутара, двухструнного инструмента, поет отрывки из “Кёр-оглы” и песни Аман-моллы или Махтумкули¹⁶⁹, национального поэта, почти обожествляемого туркменами. Этот поэт, считающийся святым, был из племени гёклен и умер приблизительно 80 лет назад. Овеянное легендами жизнеописание изображает его необыкновенным человеком, который, даже не побывав в Бухаре и Хиве, изучил все книги и все науки на свете исключительно благодаря божественному вдохновению. Однажды, сидя на лошади, он крепко заснул и во сне увидел себя в Мекке, в окружении пророка и первых халифов. Он осмотрелся с благоговейным трепетом и увидел, что его подзывает к себе Омар, патрон туркмен. Он подошел к нему, тот его благословил и слегка ударил в лоб, после чего он проснулся. С этого мгновения сладчайшие стихи полились из его уст, и его книга еще долгое время будет занимать у туркмена первое место после Корана. Для нас, впрочем, собрание стихов Махтумкули интересно тем, что оно дает нам чистый образец туркменского наречия, а по содержанию своему стихи такого рода, особенно те, где речь идет о предписаниях по уходу за лошадьми, об оружии и аламани, очень редко встречаются в литературе восточных народов. У меня остались в памяти сцены, когда на празднествах или во время обычных вечерних бесед бахши принимался декламировать стихи Махтумкули. В Этреке кибитка одного из таких трубадуров стояла рядом с нашей, и когда он приходил к нам со своим инструментом, вокруг него вскоре собирались молодые люди, и он пел им героические песни. Его песни состояли из сиплых гортанных звуков, которые мы сочли бы скорее хрипом, чем пением. Он [241] сопровождал их ударами по струнам, сначала тихими, а затем, по мере того как он воодушевлялся, все более неистовыми. Чем горячее становилась битва, тем более нарастало возбуждение певца и воодушевление молодых слушателей; зрелище в самом деле было романтическое. Юные кочевники, испуская тяжелые стоны, бросали шапки на землю и с неподдельным бешенством хватили себя за волосы, словно хотели сразиться сами с собою.

И пусть это не покажется нам странным. Воспитание, получаемое молодым туркменом, как раз на то и направлено, чтобы создать у него подобное настроение. Чтению и письму учится лишь один из тысячи, юношескую фантазию занимают лошади, оружие, сражения и разбойничьи набеги. Однажды я слышал, как Ханджан, человек очень добрый, с упреком выговаривал своему отцу, что NN похитил уже двух персов, “а из него, - прибавил он, указав на сына, - никогда не выйдет мужчины”.

У туркмен есть обычаи и нравы, которые не встречаются у других народов Средней Азии, и это очень любопытно. К ним относится прежде всего брачная церемония, согласно которой закутанная с головы до ног в большое покрывало или шелковый платок невеста должна скакать наперегонки со своим будущим мужем, и нередко случается, что спеленутая амазонка быстрее достигает цели, чем тренированный, свободно сидящий юноша. Иногда невеста во время скачек держит на коленях заколотого ягненка или козу; жених и его приятели преследуют ее, она же должна на полном скаку ловкими поворотами избежать преследования, так чтобы никто не приблизился к ней и не вырвал козу или ягненка. Эта игра называется “кёкбёрю” (“зеленый волк”) и распространена у всех номадов Средней Азии. Через два, иногда через четыре дня после свадьбы молодую пару разлучают, и лишь по истечении года начинается постоянная совместная жизнь.

Следует, кроме того, рассказать, как туркмен соблюдает траур после кончины любимого члена семьи. Существует обычай, традиция, согласно которой в юрте покойного в течение года каждый день без исключения в тот час, когда он испустил дух, плакальщицы заводят обычные причитания, в которых должны принимать участие все присутствующие члены семьи. При этом они, как правило, продолжают свои дневные занятия; и забавно бывало смотреть, как туркмен с криками отчаяния чистит оружие, курит трубку или обедает. Женщины обычно жалобно подпевают, кричат и плачут даже в то время, когда, находясь неподалеку от юрты, они чистят шерсть, прядут или выполняют другую домашнюю работу. Должны прийти также друзья и знакомые покойного, чтобы изъявить свое сочувствие, даже если известие о несчастье дошло до них только через несколько месяцев. Пришедший садится перед юртой, иногда ночью и ужасным криком, длящимся 15 минут, оповещает всех, что он исполнил свой долг по отношению к усопшему; когда умирает [242] уважаемый предводитель, заслуживший звание батыра, т.е. храбреца, на его могиле насыпают большой холм, называемый “йоска”, (Этот обычай существовал у древних гуннов и до сих пор бытует в Венгрии. Например, в Кашау (Верхняя Венгрия) всего несколько лет назад по совету графа Эд. Карольи был насыпан могильный холм в память высококочтимого графа Ст. Сечени.) и каждый порядочный туркмен должен бросить по крайней мере семь горстей земли, так что холм часто достигает 60 футов в окружности и 20-30 футов в высоту. Эти холмы особенно заметны на высоких равнинах, туркмены знают их все и называют по именам, т.е. по имени того, кто под ним лежит.

Позвольте мне закончить этот краткий очерк о туркменах еще более кратким обзором их истории, но при этом я коснусь только того, что сам слышал о бытующих среди них традициях. “Мы все происходим, - говорил мне мой ученый друг Кызыл-Ахунд, - из Мангышлака. Нашими предками были Сёюн-хан и Эсен-или. Йомуты и теке - сыновья первого, чоудоры и гёклены - второго. Мангышлак в древние времена назывался Минг-Кишлак, т.е. “тысяча зимних квартир”, это родина как тех племен, которые отделились от нас и перешли в Персию, так и эрсари, салоров и остальных племен. Все наши древние святы, например ишан Ирек-ата, (Ирек-ата значит “большой отец”; по-венгерски: *црег атауа*, т.е. “старый отец”.) ишан Сары-эр, покоятся в окрестностях Мангышлака, и счастлив тот, кто сможет побывать на их могилах”. Ханджан рассказывал мне, что еще 150 лет назад у туркмен не было иной одежды, кроме той, которую они изготовляли из овечьих шкур и из кож лошадей и диких ослов. Теперь все это исчезло, и единственным воспоминанием о старом национальном костюме остались меховые шапки.

Вследствие вражды, царящей между различными племенами, они называют друг друга бранными кличками “потомки рабов”. Время, когда они покинули общую прародину, нельзя определить точно. Эрсари, сарыки и салоры

уже во времена арабского нашествия жили в восточной части пустыни по эту сторону Оксуса, теке, гёклены и йомуты пришли на свою теперешнюю родину позже, может быть во времена Чингисхана и Тимура. Эмиграция теке, гёкленов и йомутов происходила только группами и, можно сказать, еще и теперь не вполне закончилась, так как многие йомуты и гёклены предпочитают кочевать в своих древних исконных местах. В средние века туркменских всадников можно было большей частью встретить на службе у хивинского и бухарского ханов, а часто и под персидскими знаменами. Они славились своей храбростью, главным образом стремительными атаками, и некоторые их предводители, например Кара-Юсуф, участвовавший с племенем салоров в походах Тимура, приобрели историческую известность. Туркмены во многом способствовали [243] тюркизации северных областей Персии, особенно во время правления атабеков в Иране, и большая часть тюркского населения Закавказья, Азербайджана, Мазендерана и Шираза, (До сих пор в окрестностях Шираза есть четыре или пять тюркских племен, ведущих кочевой образ жизни. Их ильханы (предводитель), с которым я познакомился в 1862 г., рассказывал мне, что он может собрать 30 тыс. всадников и что некоторые из них, например кашкайцы и аллахверди, были переселены сюда Чингисханом. В Европе недооценивают это обстоятельство, и даже хорошо осведомленный Бернс ищет тюркок-ширази, о которых упоминает в своих песнях Хафиз, в одноименной местности поблизости от Самарканда.) бесспорно, туркменского происхождения. Удивительно, что, несмотря на не стихающую ожесточенную вражду между туркменами и их собратьями-шиитами, живущими в Персии, туркмены всегда признают превосходство образования в Азербайджане. Если бахши просят спеть что-нибудь хорошее и своеобразное, он всегда исполняет азербайджанские песни, даже пленный иранец тюркского происхождения может надеяться на милосердие, так как туркмен всегда говорит: “Кардашимиз дир ол кафир” т.е. “он наш брат, этот неверный”.

Последнее массовое выступление туркмен произошло при Надире и Ага Мухаммед-хане. Первый из них в начале прошлого века с помощью туркмен и афганцев пробудил Азию от сна, второй основал свою династию в основном туркменским мечом! Туркмены очень хорошо знают это и жалуются на неблагодарность Каджаров, которые со времен Фатх Али-шаха совершенно забыли о них и даже лишили многих предводителей причитающихся им пенсий.

Чтобы составить понятие о политической значимости этих номадов, достаточно бросить взгляд на карту Средней Азии. Мы тотчас увидим, что благодаря своему положению они стали стражами южных границ всей азиатской возвышенности, или Туркестана, как они сами его называют. После кипчаков туркмены, бесспорно, самый воинственный и дикий народ в Средней Азии; за ними, в городах Хивы, Бухары и Коканда, - средоточие трусости и изнеженности, и если бы туркмены уже несколько веков тому назад не образовали железный барьер, то дела в этих краях, наверное, не остались бы в том же положении, в каком они были после Кутейбы и Абу Муслима. (Кутейба завоевал Туркестан при халифе Омаре; Абу Муслим, который вначале был наместником в Мерве, долго сражался за независимость совместно с туркменами и хорезмийцами против своего государя, багдадского властелина.) По-видимому, цивилизация предпочитает двигаться с юга на север, но как может проникнуть хотя зародыш ее в Среднюю Азию, пока туркмены угрожают тысячами опасностей каждому путешественнику и каждому каравану?

[245] II ХИВА

Хива - столица.- Основные районы, ворота и городские кварталы. - Базары.- Мечети. - Медресе, или училища; их основание, организация и обеспечение. - Полиция. - Хан и его правительство. - Налоги. - Суды. - Ханство. - Каналы. - Политическое деление. - Плоды земли. - Промышленность и торговля. - Дороги. - Население ханства. - Казахи (киргизы). - Сарты. - Персы. - История Хивы в XIX веке. - Ханы и их родословная.

A. СТОЛИЦА

Поскольку речь идет о восточном городе, нет нужды упоминать о том, что изнутри Хива предстает совершенно иной в сравнении с тем, что она обещает снаружи. Если читателю приходилось уже видеть персидский город самого низшего ранга, то скажем ему, что Хива еще хуже. Впрочем, представьте себе три-четыре тысячи глиняных домишек с неровными небеленными стенами, разбросанных в величайшем беспорядке, обнесите их в воображении глиняной стеной толщиной в 10 футов, и вы получите представление о том, что такое Хива.

Районы

Обычно город делят на две части: а) собственно Хиву и б) Ичкале, т.е. цитадель, окруженную стеною и отделенную от внешнего города четырьмя воротами. Ичкале состоит из следующих кварталов (махалля): Пехливан, Улуёгудж, Акмесджид, Йипекчи, Кошбегимахаллеси. В самом городе девять ворот, а именно: на север ведут Ургенч-дарвазасы, (Дарваза - персидское слово, означающее “ворота”) Гендумгях-дарвазасы, Имарет-дарвазасы; на восток - Исмахмудата-дарвазасы, Хезарасп-дервазасы; на юг - Шихлар-дарвазасы, Пишкеник-дарвазасы, Рафенек-дарвазасы и на запад - Бедрхан-дервазасы. В городе насчитывают 10 махалля (кварталов), а именно: 1) Ор, 2) Кефтерхане, 3) Мивестан, где продаются фрукты, 4) Мехтерабад, 5) Еникале, 6) Бала-Хауз, где есть большой водоем, окруженный платанами, 7) Нанемесорама, (Значение слова: “деревня, где не едят хлеба”) 8) Нуруллабай, 9) Багче, 10) Рафенек.

Базары

Базаров или таких торговых рядов, какие встречаются в Персии или в городах других стран Востока, в Хиве нет совсем. Заслуживает упоминания только тим - маленький, хорошо устроенный [246] базар с довольно высокими сводчатыми помещениями, где размещаются около 120 лавок и караван-сарай. Здесь можно найти все, что предлагает русский рынок: сукна и скобяные товары, предметы галантереи, льняные ткани и ситец, а также то немногое, что доставляется из Бухары и Персии. Вокруг тима располагаются нанбазари (хлебный рынок), бакалбазари (бакалейный рынок), шембазари (шелковый и свечной рынок) и сертарашбазари (10-12 цирюлен, где бреют головы; попросить сбрить бороду означало бы прослыть сумасшедшим или обречь себя на смертную казнь). Из базаров мы должны еще упомянуть Кичик-караван-сарай, где выставляют на продажу рабов, привезенных сюда теке и йомутами. Без этого предмета торговли Хива совсем бы не могла существовать, так как вся земля обрабатывается рабами. На этой теме мы

остановимся подробнее, когда речь пойдет о Бухаре.

Мечети

В Хиве немного мечетей старинной и искусной архитектуры. Следует назвать только: 1) Хазрети-Пехливан-здание, которому уже четыре столетия. Оно имеет один большой и два маленьких купола; в нем находится могила Пехливана Ахмеда Земчи¹⁷⁰, почитаемого святого и покровителя города Хивы. Внешний вид его не сулит многого, однако внутренняя отделка изразцами выполнена с большим вкусом; к сожалению, в мечети темно, и из-за скудного освещения многое скрыто от взоров. Как в самой мечети, так и в преддверии всегда толпятся поклонники мнемотехники, которые, постоянно слушая Коран, выучили его наизусть и все время читают вслух отрывки из него; 2) Джумаа-месджиди, где хан творит пятничную молитву и где читается официальная хутба (молитва за царствующего правителя); 3) Хан-месджиди в цитадели; 4) Шалекер, построенная уроженцем Хивы; 5) Атамурад-Кушбеги, 6) Карагёз-месджиди.

Медресе (училища)

В Средней Азии по числу училищ и великолепию их отделки можно судить о степени благосостояния и религиозной образованности населения. Принимая во внимание ограниченность в средствах, те усердие и готовность к пожертвованиям, которые проявляют не только хан, но и простые ремесленники при сооружении и обеспечении училищ, действительно достойны всяческих похвал. Образцом в этом отношении служит Бухара, древнейший центр исламской цивилизации в Средней Азии, но и в Хиве есть несколько училищ, из которых мы упоминаем следующие:

1) Мемедин (**Сокращение от Мухаммед-Эмин.**) -хан-медресе, построенное в 1842 г. [247] персидским архитектором по образцу перворазрядного персидского караван-сарая. Справа от него находится довольно неуклюжая башня, намного выше двухэтажного медресе; однако она осталась неоконченной вследствие смерти строителя. В этом училище 130 худжр (келей), поэтому в нем могут проживать 260 учеников; оно ежегодно получает доход в 12 тыс. хивинских батманов пшеницы и 5 тыс. тилля (2,5 тыс. ф.ст.) деньгами. Чтобы дать читателю приблизительное представление об этом учебном заведении, приведем данные о распределении доходов и тем самым одновременно представим его персонал:

5 ахундов (профессоров) ежегодно получают 3000 батманов и 150 тилля,

1 муэдзин (призывающий к молитве) ежегодно получает 200 батманов,

2 служителя ежегодно получают по 200 батманов,

1 цирюльник ежегодно получает 200 батманов,

2 мутевали, или инспектора, получают десятую часть всего дохода;

остальное распределяют между учениками, образующими три класса:

1 класс получает 60 батманов и 4 тилля,

2 класс " 30 " 2 ",

3 класс " 15 " 1 ";

2) Аллакули-хан - 120 худжр, ежегодный доход воспитанников составляет 50 батманов, и 2 тилля (1 ф.ст.);

3) в медресе Кутлуг Мурад-инак каждая худжра получает 50 батманов и 3 тилля;

4) в медресе Араб-хан очень мало худжр, но они очень хорошо обеспечены;

5) Ширгази-хан.

Эти медресе - единственные постройки среди глиняных хижин, заслуживающие наименования домов; дворы в них большей частью содержатся в чистоте, нередко засажены деревьями или превращены в сады. Об учебных дисциплинах мы поговорим, когда речь пойдет о Бухаре, центре среднеазиатской учености, а пока лишь заметим, что занятия проводятся в помещениях профессоров с отдельными группами учеников, составленными с учетом их умственных способностей.

Полиция

В каждом квартале города есть мираб, (**Мираб, по-турецки субаши, - должность, которая сыграла и играет до сих пор большую роль в ареале от китайской границы до Адриатического моря.**) отвечающий за общественный порядок в своем районе и следящий, чтобы в течение дня не произошло драк, краж или других преступлений. Охрана города ночью поручена четырем пайшабам (главным сторожам), которые обязаны всю ночь стоять в карауле у ворот цитадели, тогда как младшие сторожа, а их у каждого главного восемь, т.е. всего 32, исполняющие одновременно обязанности палачей, обходят город и хватают всех, кто показывается на улице позже часа пополудни. Особое внимание они обращают на попытки взлома и на запрещенные любовные приключения, и горе тому, кого застанут на месте преступления.

[248] Б. ХАН И ЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВО

Чиновники

Едва ли надо говорить, что хивинский хан может деспотически, по собственному усмотрению, распоряжаться жизнью и смертью подданных. По своему положению хозяина страны он то же, что отец семьи. Подобно тому как глава семьи выслушивает, если ему нравится, дельный совет раба, так и хан иногда считается со словами одного из своих министров. Только улемы, снискавшие любовь народа ученостью и безупречным образом жизни, могут держать хана в некотором страхе и ставить преграду его произволу. Таково же положение почти всех других азиатских правительств, но это отнюдь нельзя объяснить врожденными изъянами или полным отсутствием правительственных установлений. Напротив, во все времена и во все периоды истории на Востоке существовали законы, направленные против тирании и произвола, но они никогда не приобретали большого значения, потому что бесхарактерность и недостаток благородных чувств у подавляющей массы народа на Востоке благоприятствовали и до сих пор благоприятствуют преступлениям правителей.

По хивинскому своду законов, имеющему монгольское происхождение, в государстве существуют следующие

правлящая верхушка и администрация:

1) хан, или падша; (Никогда не “падишах”, что наводит меня на мысль, что слово “падишах”, может быть, аналогично турецкому “паша” (от “баш”, т.е. “глава”)¹⁷².) всегда избирается из состава победоносного племени. Ему помогают:

2) инак; (Дословно “младший брат”.) их может быть четверо: двое - из ближайших родственников хана, двое других - его соплеменники. Один из первых всегда управляет провинцией Хазарасп;

3) накиб, духовный владыка; всегда должен быть из сейидов (потомков пророка); состоит в одном звании с шейх-уль-исламом в Константинополе; (В Константинополе накиб аш-шериф, глава сейидов, стоит в звании ниже шейх ал-ислама.)

4) бий (не смешивать с баем, с которым у него общее только значение слова); должен во время битвы быть по правую руку хана;

5) аталык, своего рода советник; обязательно должен быть из узбеков; число их определяет хан;

6) кошбеги, везир, или первое должностное лицо при ханском дворе; с него, собственно говоря, начинается весь корпус чиновников, зависящих от прихоти правителя.

7) мехтер, что-то вроде мажордома; отвечает за управление двором и страной. Мехтер всегда должен быть из сартов (древнейшего персидского населения Хивы)¹⁷¹;

[249] 8) есаулбаши; их двое, предводители лейб-гвардейцев; их обязанность - вводить просителей на официальную аудиенцию (арз). В том же звании состоит диван, своего рода государственный секретарь и вместе с тем глава финансового ведомства;

9) мехремы, их тоже двое; занимают посты камергеров. Это доверенные лица, пользующиеся большим влиянием на хана и правительство;

10) минбаши, командир 1000 всадников; (По моим сведениям, общая численность вооруженных сил хивинского хана составляет 30 тыс. человек, но я слышал, что в период опасности он может удвоить это число.)

11) юзбаши, командир 100 всадников;

12) онбаши, командир 10 всадников.

Эти 12 категорий собственно и составляют чиновничество, называемое “сипахи”. Оно, в свою очередь, подразделяется а) на тех (категории 2, 3, 4, 5), которых хан никогда не может сместить, б) на служащих в собственном смысле слова (категории 6, 7, 8, 9), получающих определенное содержание и в) на тех, кто состоит на службе только во время войны. Высших чиновников награждают поместьями, простые воины получают от хана коня и оружие и освобождаются от всех налогов и податей.

До сих пор речь шла о светских чиновниках. Улемы, или священники, верховный глава которых - накиб, делятся на следующие категории:

1) кази-келян, верховный судья и глава судопроизводства во всем ханстве;

2) кази-орду, сопровождающий хана в качестве верховного судьи в походах;

3) алем, глава пяти муфтиев;

4) реис, инспектирует школы и следит за соблюдением законов религии;

5) муфтий, по одному в каждом значительном городе;

6) ахунд, профессор или учитель начальной школы. Первые трое принадлежат к высшему чиновничеству и при вступлении в должность получают от хана значительные суммы, трое последних получают жалованье фруктами и деньгами (в достаточном количестве) из вакфа (имущества, предназначенного на благотворительные цели), однако существует обычай, по которому хан ежегодно делает им различные подарки в праздники курбан и ноуруз. Хивинские улемы не так славятся ученостью, как бухарские, но зато они не столь заносчивы и надменны; многие из них от всей души стремятся, насколько возможно, просветить своих соотечественников и смягчить грубость их воинственного нрава.

[250] Налоги

В Хиве существует два вида налогов: а) салгыт, соответствующий нашему поземельному налогу: с каждых 10 танабов (1 танаб равен 60 квадратным локтям)¹⁷³ годной для обработки земли хан получает ежегодный налог в 18 тенге (10 шиллингов). Воины (нукеры или атлы), улемы и ходжи, или сейиды (потомки пророка), налогов не платят; б) зекат, состоящий в том, что со всякого ввозимого товара взимается 2,5% стоимости, с крупного рогатого скота, верблюдов и лошадей - 1 тенге с головы, с овец - полтенге ежегодно. (Однако этот налог платят только те, кто владеет более чем десятью головами скота, т.е. стадом.) Кроме того, с каждой зарегистрированной лавки платят каждый год 6 тенге. Салгыт взыскивается под непосредственным руководством кошбеги и мехтера, которые ежегодно объезжают главные округа и поручают взимание налога в данной местности яшолу. (Яшолу, т.е. те, кто находится в почтенном возрасте, как называют седебородых в Хиве.) За сбором зеката следит любимый мехрем хана, объезжающий вместе с писарем кочевые племена; так как пересчитать скот невозможно, он ежегодно устанавливает каждому племени определенный тариф после беседы и достижения договоренности с его яшолу. Конечно, большая часть сбора при таком методе достается мехтеру; в прошлом году хану пришлось поверить, что у каракалпаков всего 6 тыс. голов крупного рогатого скота, у йомутов и човдуров - только 30 тыс. овец, что составляет, как я слышал, лишь треть часть действительного поголовья.

Суды

Как явствует из вышесказанного, мечети и частные дома казиев и муфтиев, коим доверено судопроизводство, являют собой места, где происходит судебное разбирательство. Кроме того, каждый волен принести жалобу губернатору города или провинции, который выносит решение по урфу, т.е. по своему усмотрению¹⁷⁴. Каждый губернатор и даже сам хан должен ежедневно по крайней мере в течение четырех часов вести арз, т.е. открытый прием, и только болезнь может освободить его от этой обязанности. Поскольку на прием допускаются абсолютно все,

зачастую правителю приходится выслушивать и улаживать ничтожнейшие семейные раздоры. Мне говорили, что хану доставляет удовольствие смотреть на разъяренных супругов, он еще больше их подзадоривает, и глава государства держится за бока от хохота, в то время как муж и жена у него на глазах тузят друг друга, валяясь в пыли.

[251] В. ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО

Границы

Хивинское ханство, известное в истории под именем Хорезм (Хорезм - персидское слово и означает "воинственный", "боевой"¹⁷⁶.) и называемое в соседних странах Ургенчем, со всех сторон окружено пустынями; крайняя граница обрабатываемых земель на юго-востоке - город Фитнек, на северо-западе - Кунград и Кёне-Ургенч, на юге - Медемин и Кучек. Попытаться указать площадь земель, населенных оседлыми жителями, было бы столь же бесполезно, как и определить число проживающих там людей, поэтому мы предпочитаем дать возможно более полное топографическое описание ханства, и пусть географ попытается сделать расчеты. С уверенностью можем отметить большое плодородие почвы, объясняемое не столько целесообразной ее обработкой, сколько хорошим орошением благословенной водой Амударьи.

Каналы

Каналы в Хиве двух видов: а) арна - образованные самой рекой и лишь время от времени расширяемые и углубляемые жителями;

б) яб¹⁷⁵ - прорытые, шириной в одну или две сажени; большей частью они выходят из арна, и этими ябами вся страна, т.е. обрабатываемая земля, пронизана, словно густой сетью. Из арна заслуживают упоминания следующие:

1) Хазрети-Пехливан-арнасы, начинается между Фитнеком и Хезареспом, течет мимо Хивы и теряется в песках, миновав Зей и область йомутов;

2) Хазават-арнасы, начинается между Ханкой и Янги-Ургенчем, проходит западнее Хазавата и теряется в землях йомутов;

3) Шахбад-арнасы, начинается выше Янги-Ургенча, проходит мимо Шахбада, Ташауза и Илали и теряется у Кёкчеге;

4) Ярмиш-арнасы начинается напротив Шаббаз-Вели и протекает по области между Кят-Кунградом и Янги-Ургенчем;

5) Кылычбай-арнасы берет начало между Хитаем и Гёрленом, идет мимо Илали и теряется в песках за Кёкчеге.

6) Ходжайли-арнасы.

На другом берегу находятся:

7) Шурахан-арнасы, который начинается в одноименной местности и, дав воду Ябкенари и Аккамьшу, исчезает на северо-востоке;

8) Илтазар-хан-арнасы, протекающий по землям каракалпаков.

[252] [Административное] деление

Политическое деление Хивы соответствует числу городов, каждый из которых имеет своего собственного бия, или губернатора, и тем самым составляет отдельный округ. Самые интересные из них-это столица Хива, промышленный центр Янги-Ургенч и Кёне-Ургенч. До монгольского нашествия Кёне-Ургенч был столицей ханства, теперь это бедная деревушка; от бывшего великолепия остались, во-первых, развалины двух башен, одни из них довольно значительны; обе башни построены в той же грубой манере, что и остальные среднеазиатские башни. Предание рассказывает, что калмыки разрушили их в ярости, потому что издали показалось, что они совсем рядом, и наступающие думали, что они от них убегают. Во-вторых, сохранился купол Тёребег-ханым, выложенный красивыми изумрудными кирпичами и, в-третьих,-Мазлум-хан-Солугу.

Ниже приведены главные города и округа с относящимися к ним деревнями и данные о расстоянии от Оксуса:

Город	Расстояние от Оксуса	Деревни
	в ташах или милях	
Хива	6	К западу: Бедрхан, Киник, Акъяб, Хасиан, Ташаяк, Тюесичти; к югу: Сирчели, Шихлар, Рафенек, Энгерик, Писекеник, Пирнаказ, Акмесджид; к востоку: Сайят, Кият, Шихбагы, Кеттебаг; к северу: Гендумгях, Перише, Халил, Нейзехас, Гаук, Чарахшик, Зиршайтан, Ордумизан.
Хезаресп	1	Дженгети, Шихарик, Ходжалар, Хим-метбаба, Бичакчи, Ишанчепе, Багат, Найман, Бешарык.
Янги-Ургенч	1 ¹ / ₄	Гайбулу, Шабадбою, Кучилар, Орос-лар, Сабунджи, Кёнджю, Сагринджи, Ахун-Баба, Карамаз, Кипчаклар.
Кунград	-	Кит, Ногай, Сарсар, Сакар
Ташауз	6	Камышлыкак, Конградлар, Каргалар, Ярмишбою, Бастырмали
Гёрлен	1	Джелаир, Ионушкали, Эшим, Везир, Алчин, Баскир, Ташкале, Карголи
Ходжейли	2	Кетмечи-Ата, Джарнике, Найманлар (в лесах), Камыш-чоли, Дервиш-ходжа
Чимбай	-	
Шахбад	4	Ходжалар, Кефтерхане, Кёккамьш
Шурахан	-	
Кылычбай	4 ¹ / ₂	Халимбег, Багалан, Алиелибою, Бозяпбою
Мангыт	1 ¹ / ₂	Пирмамача, Кятлар, Кенегёс

Кипчак	-	Басуяпбою, Ногайшан, Кауджиргали, Канлылар
Хитай	1 ¹ / ₂	Аккум, Иоморлутам, Куланлу
Акдербенди Джамли	7	
Кят	1 ¹ / ₂	
Ханки	1	Медер, Гёдже, Ходжалар, Шагаллар
Фитнек	2	
Шаббаз-Вели	2	
[253]		
Джагатай	4 ¹ / ₂	
Амбар	5	Бастырмалы, Вейенган-калеси
Янги-Яп	-	Алчин, Везир
Нёкс	-	
Кучек	9	
Кёне-Ургенч	6	
Кят-Кунград (между Гёрленом и Янги Ургенчем)	2	
Нохас (между Ханкой и Хазареспом)	2	
Рахмет-Верди-Бег (вблизи гор Овейс-Карайне)	-	
Канглы	1	
Илалы (между Медемином и Ташхаузом)	8	
Кошкопрю	-	
Хазават	6	
Медемин	-	

Г. ПЛОДЫ ЗЕМЛИ, ремесла и торговля

Мы уже неоднократно упоминали о плодородии хивинской почвы; особенно можно отметить зерновые, хороший рис, преимущественно гёрленский, прекраснейший шелк в Шахбаде и Янги-Ургенче, хлопок, руян - род корня, из которого добывается красная краска, и фрукты, лучше которых, пожалуй, нет не только в Персии и Турции, но даже в Европе. Замечательные яблоки в Хезараспе, груши и гранаты в Хиве и ни с чем не сравнимые восхитительные дыни, о которых идет слава до отдаленного Пекина, **(Я привез в Венгрию семена четырех разных сортов, и если судить по первому опыту, то дыни, вероятно, будут давать урожай и на низменностях Венгрии.)** так что владыка Небесной империи не забывал истребовать среди ежегодных даров, прибывавших к нему из Китайской Татарии, несколько ургенчских дынь. За них дают хорошую цену даже в России, так что тот, кто увозит воз дынь, возвращается с возом сахара.

Из изделий хивинской промышленности славится ургенчский чапан, т.е. кафтан из Ургенча, его шьют из полосатой двухцветной ткани (шерсти или шелка, а часто обе нити смешаны) по типу наших халатов; кроме того, широко известны хивинская медная посуда, хезареспские ружья, ташаузское полотно.

Самую большую торговлю Хива ведет с Россией. Караваны в одну-две тысячи верблюдов весной идут в Оренбург, осенью - в Астрахань; они везут хлопок, шелк, шкуры, одежду для ногайцев и татар, шагреньевые кожи и фрукты на ярмарку в Нижний (который они называют "Макариа")¹⁷⁷ и привозят обратно котлы и другую посуду из чугуна (местное "джёген"), ситец (сорт, употребляемый у нас на обивку мебели, а здесь он идет на женские рубахи), перкаль¹⁷⁸, сукно, сахар, железо, плохие ружья **[254]** и некоторые галантерейные товары. Значительную статью вывоза составляет также рыба, впрочем, рыбу русские доставляют и сами под охраной трех пароходов, которые находятся в Аральском море и, согласно трактату, заключенному последним русским посольством в Хиве, могут доходить до самого Кунграда. С Персией и Гератом торговля ведется в незначительных размерах, **(Правда, в Герате и его окрестностях охотно носят хивинский чапан (кафтан из Хивы) и дают за него хорошую цену, но этот товар привозят туда через Бухару)** потому что дороги, ведущие туда, находятся в руках туркмен. Сношения между Хивой и Астрабадом поддерживают одни только йомуты, которые ежегодно приводят 00-150 верблюдов с самшитом (для гребней) и нефтью. Торговые сношения с Бухарой, напротив, намного оживленнее. Туда вывозят одежду и полотно, а покупают чай, пряности, бумагу и изготавливаемые там мелкие галантерейные товары.

Для торговли внутри страны в каждом городе один или два раза в неделю работает базар. Даже в тех местах, где живут одни кочевники и нет ни одного дома, создается базарная площадь (базарли-джай) с несколькими глиняными хижинами, чтобы можно было устраивать базарную торговлю, которая в этой местности носит характер праздника. Житель Средней Азии часто едет на базар за 10-12 миль ради покупки нескольких иголок или прочей мелочи, но на самом деле им движет тщеславие, так как он садится на своего самого красивого коня и берет с собой лучшее оружие.

Д. НАСЕЛЕНИЕ ХАНСТВА

В Хиве живут 1) узбеки, 2) туркмены, 3) каракалпаки, 4) казахи (называемые у нас киргизами), 5) сарты, 6) персы.

1. Узбеки

Узбеки - это название народа, большей частью оседлого и занимающегося земледелием. Они живут на обширном

пространстве от южной оконечности Аральского моря до Камула (40 дней пути от Хивы) и считаются преобладающей народностью в трех ханствах и Китайской Татари. Узбеки подразделяются на 32 главных таифе (племена): 1) кунград (Kungrad), 2) кипчак (Kiptschak), 3) хитай (Chitai), 4) мангыт (Mangit), 5) нокс (Nucks), 6) найман (Nayman), 7) кулан (Kulan), 8) кият (Kiet), 9) ас (As), 10) таз (Tas), 11) саят (Sajat), 12) джагагай (Dschagatay), 13) уйгур (Ujgur), 14) акбет (Akbet), 15) дёрмен (Dormen), 16) ёшун (Oeschyn), 17) канджигалы (Kandschigaly), 18) ногай (Nogai), 19) балгалы (Balgali), 20) митен (Miten), 21) джелаир (Dschelair), 22) кенегёс (Kenegcs), 23) канлы (Kanli), 24) ишкили (Jschkili), 25) бёйюрлю (Böjürgly), 26) алчин (Altschin), 27) ачмайлы (Atschmayli), [255] 28) каракурсак (Karakursak), 29) биркулак (Birkulak), 30) тыркыш (Turkysch), 31) келлекесер (Kellekeser), 32) минг (Ming).

Это деление старо, обращает на себя внимание только то обстоятельство, что даже отдельные племена широко разбросаны по названной территории, и исследователя поражает, часто ему кажется просто невероятным, что узбеки из Хивы, Коканда и Яркенда, чей язык, обычаи и лица совершенно различны, осознают свою принадлежность не только к одной нации, но и к одному племени, к одному роду.

Хочу только заметить, что в Хиве представлено большинство племен, и хивинец по праву гордится своей древнеузбекской национальностью, противопоставляя ее Коканду, Бухаре и Кашгару. Хивинского узбека с первого взгляда выдает примесь иранских черт, ибо у него есть борода, которую у жителей Туркестана всегда можно рассматривать как чужеродный элемент, тогда как цвет и черты лица очень часто указывают на чисто татарское происхождение. Да и по характеру своему хивинский узбек предпочтительнее остальных своих соплеменников, он простодушен и откровенен, а по натуре еще столь же дик, как и окружающие его кочевники, но у него нет утонченного лукавства, выработанного восточной цивилизацией, и после настоящего османа это второй житель Востока, из которого еще что-то могло бы получиться.

То обстоятельство, что в Хиве в меньшей мере представлено исламское образование, которым славится Бухара, в значительной степени способствовало сохранению хивинскими узбеками многого как из их языческих обычаев, так и из персидских религиозных обрядов. Любовь к музыке и народной тюркской поэзии, к которым среднеазиатский кочевник питает страсть более пылкую, чем представитель любой образованной нации, здесь сильнее, чем в Коканде, Бухаре и Кашгаре. Хивинские исполнители на дутаре (двухструнной гитаре) и кобузе (лютне) славятся по всему Туркестану. Величайший узбекский поэт Навои известен всем и каждому, но не проходит ни одного десятилетия, чтобы не появился лирик второй или третьей величины. В Хиве я познакомился с двумя братьями. Один брат, Мунис, писал стихи, некоторые из них я собираюсь позже издать; второй, Мираб, с величайшим терпением переводил на узбекско-тюркское наречие большой исторический труд Мирхонда, чтобы сделать его более доступным для своего сына, владевшего, впрочем, и персидским языком. Эта работа продолжалась 20 лет, однако он стеснялся кому-нибудь в этом признаться, потому что занятие другими науками, кроме религиозных, считается легкомысленным¹⁷⁹.

Несмотря на многовековой возраст города, хивинские обычаи носят печать прежней героической жизни. Очень часто бывают демонстративные сражения, битвы, а особенно конские скачки с великолепными призами. Каждая значительная свадьба не обходится без скачек на 9, 19, 29, т.е. победитель получает по 9, [256] 19 или 29 штук из всякого вида имущества, например 9 овец, 19 коз и т.д., что зачастую составляет порядочную сумму. О скачках невесты со своим будущим мужем, так называемом кёкбёрю, мы уже говорили. От прежних жителей страны, огнепоклонников, в Хиве сохранились праздники и игры, которые, вероятно, существовали и в других частях Средней Азии до введения ислама, но теперь совершенно забыты.

2. Туркмены

О них мы уже говорили более подробно. Здесь, в Хиве, есть а) йомуты, живущие на юге, по краю пустыни от Кёне-Ургенча до Хазавата, в областях Караильгин, Кёкчеге, Узбек-яп, Бедркенд и Медемин; б) човдуры, кочующие также около Кёне, а именно у Кызыл-Тақыра и Порсу, но чаще западнее, между Аральским и Каспийским морями. Гёкленов здесь совсем немного.

3. Каракалпаки

Они живут по ту сторону Оксуса, напротив Гёрлена и далее почти до Кунграда, вблизи больших зарослей. Лошадей у них мало, овец почти совсем нет. Каракалпаки славятся тем, что у них самые красивые женщины в Туркестане, но зато их самих изображают величайшими идиотами. Я насчитал среди них 10 главных племен: 1) баймаклы (Bajmakli), 2) хандекли (Chandekli), 3) терстамгалы (Terstamgali), 4) ачамайлы (Atschamayli), 5) кайчили-хитай (Kayschili Chitai), 6) ингаклы (Ingakli), 7) кенегес (Keneges), 8) томбоюн (Tombojun), 9) саку (Saku), 10) онтёртурук (Onturturuk). Их число определяется в 10 тыс. кибиток. С незапамятных времен они подчинены Хиве. Сорок лет назад они восстали под предводительством Айдоста, который вторгся в Кунград, но позднее был разбит Мухаммед Рахим-ханом. Восемь лет назад они опять восстали под предводительством Сарлыга, имевшего, как говорят, 20 тыс. всадников и причинившего большие опустошения. В конце концов восставшие были разбиты Кутлуг Мурад-бием и рассеяны. В последний раз они восстали три года назад, их предводитель Эр-Назар построил себе крепость, но был также побежден.

4. Казахи (киргизы)

Теперь их в Хиве очень мало, так как в недавнее время они большей частью оказались под властью России. Об этом кочевом народе Средней Азии мы поговорим, когда речь пойдет о Бухаре.

5. Сарты

Сарты, называемые в Бухаре и Коканде таджиками, - древнее персидское население Хорезма, число их здесь относительно невелико. Постепенно они смешали свой родной персидский язык [257] с тюркским. Сартов, как и таджиков, можно узнать по их лукавству и изяществу; узбеки их не очень любят. Характерно, что, хотя уже пять столетий они живут вместе, смешанные браки между узбеками и сартами были очень редки.

6. Персы

Это либо рабы, которых здесь около 40 тыс., либо освобожденные из неволи; кроме того, они образуют небольшую колонию в Ак-Дербенде и Джамли. Впрочем, в материальном отношении рабу живется в Хиве неплохо, так как он превосходит скромного узбека в хитрости и скоро богатеет. Многие предпочитают, выкупившись на волю,

поселиться там же и не возвращаются на родину. Раба в Хиве называют “догма”, а его детей - “ханезад”, т.е. “рожденный в доме”. Позор перенесенного рабства стирается лишь в третьем поколении.

Е. ОБ ИСТОРИИ ХИВЫ В XIX ВЕКЕ

1. Мухаммед Эмин-инак (1792-1800)¹⁸⁰

После того как Надир-шах, без боя овладевший ханством, внезапно удалился от дел, (После того, как он в 1740 г. победил Йолбарса (Льва)-шаха и несколько месяцев спустя вернулся в Герат.) к власти в Хиве пришли киргизы Малой Орды (или устюртские казахи, т.е. казахи Верхнего Юрта). Они правили до конца столетия, когда появился узбекский предводитель из племени конрад и заявил свои права на престол. Он называл себя Мухаммед Эмин-инак. Этим титулом он хотел подчеркнуть свое происхождение из последней правящей узбекской фамилии. Ему удалось собрать небольшое войско и направить его против казахского князя. Однако тот был тогда еще достаточно силен и не раз побеждал своего противника, принудив его в конце концов бежать в Бухару, где он и прожил несколько лет в уединении. Но его приверженцы продолжали борьбу до тех пор, пока не добились некоторых успехов, после чего отправили к нему депутацию из 40 всадников. Он вернулся и вновь встал во главе войска. На этот раз ему больше повезло, он прогнал казахов и, взойдя на престол, основал нынешнюю правящую династию, которая, как явствует из прилагаемой генеалогии, наследовала ему без всяких перерывов (см. стр. 258).

2. Ильгузер-хан (1800-1804)¹⁸¹

Он продолжал войну с Бухарой, поддерживавшей падающую власть казахов. Пока он находился в окрестностях Чарджоу, подстрекаемые бухарцами йомуты под руководством своего [259] вождя Тапишдели напали на Хиву, овладели городом и разграбили его. Ильгузер сразу отправился в Хиву, но по дороге был разбит бухарцами и, спасаясь бегством, погиб в водах Оксуса. Ему наследовал его сын Мухаммед Рахим.

3. Мухаммед Рахим (1804 -1826)¹⁸², называемый также Медрехим

Он сразу же обратил оружие против йомутов, выгнал их из столицы и получил солидное возмещение за причиненные убытки. Не менее успешной была его борьба с каракалпаками, выступавшими против него под предводительством Айдоста; он быстро заставил их подчиниться. Не столь удачно шли военные действия против Кунграда, где права на престол оспаривал один из его родственников, с которым он вел войну в течение 17 лет. Все это время Кунград находился в осаде, но стойкий защитник, смеясь над тщетными усилиями противника, прокричал ему однажды с зубчатой башенной стены:

«Уч ай савун, т.е. три месяца кислого молока,
» » кавун, » » » дынь,
» » кабак, » » » тыквы,
» » чабак, » » » рыбы».

Тем самым он хотел ему сказать, что у него на каждое время года есть особая еда, которую он получает, не выходя из города, что хлеб ему не нужен и его нельзя заставить сдать из-за голода.

Чтобы отомстить за смерть отца, Медрехим двинулся на Бухару, где в то время бразды правления находились в руках слабоумного эмира Сейида, представлявшего дервишем. Хивинцы разорили многие города вблизи Бухары и взяли тысячи пленных. Об этом доложили эмиру, и тот отвечал: «Ахир Регистан амандур», т.е. что у него ведь есть Регистан, (Главная площадь Бухары.) место надежное, и бояться ему нечего. Произведя большие опустошения, Медрехим вернулся домой с огромной добычей и в конце своего правления одолел еще теке и йомутов у Астрабада.

4. Алла Кули-хан (1826-1841)¹⁸³

Унаследовал от своего отца наряду с полной казной (казной) еще и могущественное влияние на соседние народы. Старания его сохранить вовлекли хана в бесконечные войны. В Бухаре слабоумному Сейиду наследовал энергичный Насрулла. Желая взять реванш за позорные поражения отца, он начал войну и наголову разбил хивинского наследного принца Рахим Кули-гёре. В это время пришло известие, что русские движутся из Оренбурга на Хиву и что даже бухарский эмир выступил только по наущению неверных. Замешательство было велико, так как говорили, что [260] у московитов более 80 тыс. войска и свыше ста пушек. (Такова версия хивинцев. Однако известно, что у генерала Перовского, который командовал корпусом, было 10-12 тыс. человек, погибавших от жестокого холода и во время отступления терпевших большой урон от хивинцев) Продав напрасно долгое время помощи от “инглизов” из Герата, хан отправил около 10 тыс. всадников под командованием Ходжа Нияз-бая навстречу русским, которые уже продвинулись с равнины Урге до озера Атьёлу, расположенного в шести милях от Кунграда. Хивинцы рассказывают, что они напали на неприятеля и учинили неслыханную резню. Многих они захватили в плен, и в Кунграде мне показывали двух русских, ставших пленниками в том сражении. Позже, когда они официально перешли в ислам, хан их освободил и пожаловал подарки, к тому же они там вступили в брак. После победы хан повелел насыпать в окрестностях Дёвкары с двух сторон укрепления, а начальствовать над гарнизоном поставил Ходжа Нияз-бая. Теперь же эти укрепления уже десять лет как разрушены и оставлены. Чтобы возблагодарить бога за удачу в борьбе против русских, Алла Кули приказал построить медресе (училище) и щедро его обеспечил.

Между тем непрерывно продолжалась война с Бухарой. Были побеждены также гёклены, и значительную их часть насильно переселили в Хиву. (В Хиве существует старинный, но странный обычай, согласно которому целые племена

вдруг насильно переселяют в свою собственную страну, оказывая им всяческую поддержку, чтобы вблизи легче было надзирать за ними, ибо неприязнь их никогда не проходит)

5. Рахим Кули-хан (1841-1843)¹⁸⁴

Унаследовал престол после смерти отца и сразу же был втянут в дела с джемшидами, кочевой персидской народностью, живущей на восточном берегу Мургаба. Хивинцы поселили их 10 тыс. кибиток вместе с предводителем на берегах Оксуса, вблизи Кылычбая. С другой стороны, в борьбу с узбеками вступили сарыки, которые в то время владели Мервом. Против них отправили младшего брата хана, Медемин-инака, но дорога от Хивы до Мерва была ужасна, многие солдаты в пути заболели, а так как в это же время бухарский эмир осаждал город Хезаресп, инак быстро повернул оружие против него, одержал победу и заключил мир. В это время Рахим Кули-хан умер.

6. Мухаммед Эмин-хан (1843-1855)¹⁸⁵

Принял бразды правления, на которые справедливо претендовал, причем не по закону престолонаследия, поскольку у покойного хана были сыновья, а по прежним своим заслугам. Медемин-хана считают самым прославленным монархом Хивы новейшего времени, потому что он восстановил, насколько это оказалось возможно, прежние границы Хорезмского государства, которые [261] не существовали уже 400 лет, и благодаря победам над всеми окрестными кочевниками значительно способствовал увеличению как престижа ханства, так и его доходов.

Спустя всего два дня после того, как его подняли на белой кошме (Как мне рассказали, совершение этой церемонии - привилегия еще со времен Чингисхана исключительно седобородых из племени Чагатай.) - это своего рода восшествие на престол в Хиве и Коканде, - он пошел на сарыков, самое храброе из всех туркменских племен, которое пожелал вместе с плодородной Мервской равниной подчинить своей власти. После шести походов ему удалось взять Мервскую крепость и находящийся поблизости от нее форт Йолётен. Но едва он успел вернуться в Хиву, как сарыки вновь взбунтовались и перебили весь оставленный в Мерве гарнизон вместе с комендантом. Вскоре хан предпринял новый поход, в котором участвовали также джемшиды, давние враги сарыков. Победителем оказался их предводитель Мир Мухаммед, который с триумфом вступил в Хиву к великой досаде всех узбекских героев.

Сарыки, таким образом, были подчинены, но тут повели себя враждебно теке, жившие тогда в Караяпе и Кабуклы между Мервом и Ахалом; они отказались платить ежегодную дань, и Медемину не оставалось ничего другого, как обратить свой меч, с которого еще не стекла туркменская кровь, против этого племени. После трех походов, во время которых множество людей и животных нашло гибель в песчаной пустыне, удалось взять верх над частью мятежников, и хан оставил там гарнизон, состоящий из йомутов и узбеков, под начало двух предводителей. К несчастью, они перессорились, и первый из них вернулся в Хиву, но хан в наказание сбросил его с высокой башни. Этим поступком хан обратил в своих врагов всех йомутов; они тайно присоединились к теке и позднее стали виновниками его смерти. Медемин собрал к этому времени 40 тыс. всадников из узбеков и других кочевников, плативших ему дань. Часть он отправил к укреплениям Ходжа Нияз-бая против русских, двигавшихся тогда к Хиве от восточного побережья Аральского моря. С другой же частью он сам направился к Мерву, чтобы одним ударом положить конец вечным туркменским неурядицам. Он сразу взял Караяп и пошел дальше к Серахсу (древний Сиринкс). Когда он отдыхал в своем шатре недалеко от него на одном холме (Об этом холме рассказывают, что здесь нашел свою смерть также Абу Муслим, могущественный вассал, а позднее враг багдадского халифа.) прямо посреди стана, на него напали несколько дерзких вражеских всадников, и, несмотря на его крики: "Мен хазретем" ("я-хан"), они отрубили ему голову, прежде чем слуги поспешили на помощь. При виде отрубленной головы, которую туркмены отослали потом в подарок персидскому шаху, (Шах, справедливо боявшийся Медемину, так как тот после взятия Серахса непременно захватил бы Мешхед, вначале оказал почести отрубленной голове своего врага и велел построить для нее небольшую усыпальницу у замковых ворот (Дарваза-и Довлет). Но позднее он велел ее разрушить, потому что, как говорили, благочестивые шииты принимали ее за могилу имама и из-за суннита впадали в греховное заблуждение.) среди [262] его войск распространился панический ужас. И все-таки они отступили в полном порядке, провозгласив по дороге, что государем будет Абдулла-хан.

7. Абдулла-хан (1855-1856)¹⁸⁶

Не успел новый хан прибыть в смущенную случившимися событиями столицу, как начались раздоры из-за престола. Законный претендент Сейид Мухаммед-хан, имевший преимущество возраста, обнажил свой меч в присутствии всех мулл и знатных людей страны, сочтя, что он утвердит свое право, если тотчас убьет хана; но его усмирили, а затем заперли в темницу. Двух принцев переманили к себе йомуты, чтобы возвести их на престол, но об этом вскоре узнали и принцев задушили, а йомутов, поскольку их злые козни раскрылись, решили наказать. Хан двинулся на них с несколькими тысячами всадников, но они заявили о своей невинности, и поскольку навстречу ему вышли босиком седобородые старики с висящими на шее обнаженными мечами, что было признаком покорности, на этот раз их оставили в покое. Между тем через два месяца йомуты снова начали враждебные действия; хан разгневался, спешно собрал две тысячи всадников и бросился на бунтовщиков, теперь уже оказавших явное сопротивление. Дело кончилось неудачей, узбекам пришлось бежать, и, когда принялись искать хана, оказалось, что он погиб в числе первых и был брошен вместе с остальными мертвецами в общую могилу.

8. Кутлуг Мурад-хан (правил всего 3 месяца)¹⁸⁷

Ему наследовал Кутлуг Мурад-хан, его младший брат, сражавшийся бок о бок с ним и возвратившийся с тяжелыми ранами. Несмотря на это, он был готов продолжать борьбу, стоившую жизни его брату, но предводители

йомутов попросили мира и пообещали, что вместе с двоюродным братом хана, попавшим к ним в руки в последней стычке и провозглашенным затем ими ханом, они явятся в Хиву и повинятся. Хан и его министры поверили им, назначили день, и они действительно явились: 12 тыс. человек на своих лучших лошадях, с великолепным оружием. Утром в день представления хан принял своего двоюродного брата, и тот, обняв его, предательски пронзил кинжалом. Хан рухнул наземь, а туркмены бросились на присутствовавших придворных. Во время этой страшной сумятицы мехтер взобрался на крепостную стену и, объявив оттуда о злодейском преступлении, призвал хивинцев убивать всех йомутов, которые только есть в городе. Парализованные ужасом туркмены, на [263] которых накинута жителями, истекали кровью под саблями мужчин и даже под ножами женщин, подобно ягням в руках мясника. По улицам Хивы текла кровь, и понадобилось несколько дней, чтобы убрать мертвецов.

В течение восьми дней после резни Хива оставалась без правителя. Трон предлагали довольно деловому Сейиду Мухаммед-тёре, однако его пристрастие к опиуму помешало ему стать ханом, и он отказался в пользу своего младшего брата.

9. Сейид Мухаммед-хан (1856-до сего дня)¹⁸⁸

Ханом стал Сейид Мухаммед, слабоумие которого всем известно. Читатель о нем уже неоднократно слышал. Во время его правления Хива была разорена гражданскими войнами с йомутами; колонии, основанные прежними ханами, были разрушены и обезлюдели. Пока йомуты и узбеки убивали друг друга и уводили в рабство женщин и детей, прибывшие джемшиды, следуя пословице: “Inter duos litigantes tertius est gaudens”¹⁸⁹, напали на безоружное население, разграбили всю Хиву от Кылычбая до Фитнека и вернулись на берега Мургаба с богатой добычей в сопровождении двух тысяч персидских рабов, освободившихся во время смуты.

Нищета, холера, чума, истребление населения повлекли в конце концов за собой установление мира. Рассчитывая на поддержку русских, в Кунграде поднял мятежное знамя новый претендент на престол по имени Мухаммед Пенах; он сразу отправил посольство через Мангышлак в Астрахань, умоляя русского монарха о покровительстве. Но об этом стало известно, и члены миссии были убиты в пути. Позднее, когда русские императоры у него кончились, Мухаммед Пенах был убит собственными сторонниками, главных же зачинщиков “упаковали”, т.е. пришили руки к туловищу влажной кожей, а затем отправили в Хиву, где их ждал ужасный конец.

С тех пор как я покинул Хиву, там произошли события, о которых мы должны сказать здесь несколько слов. После Сейид Мухаммед-хана, скончавшегося в конце 60-х годов, престол наследовал его сын Сейид Мухаммед Рахим-хан¹⁹⁰. Тогда ему было, вероятно, самое большее 20 лет, и помимо обычных волнений, сопровождавших его восшествие на престол, он навлек на себя ненависть и вражду России, достигшие такого размера, что правительство Петербурга, одержав победы в Бухаре и Коканде, объявило войну и этому последнему независимому государству в Центральной Азии и, насколько можно судить по происходящим ныне событиям, прикончит и его.

[264] III БУХАРА

Город Бухара, его ворота, кварталы, мечети, училища. - Училище, основанное царицей Екатериной. - Их предназначение быть рассадником фанатизма, а не учености. - Базары. - Полицейская система строже, чем где-либо в Азии. - Бухарское ханство. - Жители: узбеки, таджики, киргизы, арабы, мервцы, персы, индусы, евреи. - Управление. - Различные чиновники. - Политическое деление. - Армия. - Очерк истории Бухары.

A. ГОРОД БУХАРА

Как мне говорили, для того чтобы объехать вокруг Бухары, понадобится целый день, но на деле оказалось, что в окружности Бухара занимает не более четырех миль. Хотя окрестности ее неплохо возделаны, все-таки в этом отношении Хива намного превосходит Бухару. В городе 11 ворот: Дарваза-Имам, Дарваза-Мазар, Дарваза-Самарканд, Дарваза-Оглан, Дарваза-Талипач, Дарваза-Ширгиран, Дарваза-Каракель, Дарваза-Шейх-Джелал, Дарваза-Намазгах, Дарваза-Салахане, Дарваза-Карши. Он делится на две основные части: Деруни-Шахр (внутренний город) и Беруни-Шахр (внешний город) и на различные кварталы, из которых наиболее значительны махалля Джуйбар, Хиабан, Мирекан, Малькушан, Сабунгиран.

Об общественных зданиях и площадях города у читателя уже составилось представление по предшествующей главе, однако тем не менее попытаемся изложить наши заметки по этому поводу.

Мечети

Бухарцы говорят, что в их родном городе 360 больших и малых мечетей, так что благочестивый мусульманин может для развлечения каждый день отправляться в новую мечеть. Я смог обнаружить едва ли половину названного числа, из них заслуживают упоминания только: 1) Масджиди-Калян, построенная Тимуром и реставрированная Абдулла-ханом. Здесь эмир при большом скоплении народа совершает пятничную молитву; 2) Масджиди-Диванбеги, которую велел построить в 1029 (1629) г. некий Наср, диванбеги (государственный секретарь) эмира Имам Кули-хана, вместе с одноименным прудом и медресе; 3) Мирекан; 4) Масджиди-Могак¹⁹¹, подземная, где, по преданию, говорят одни, собирались первые мусульмане, по словам других - последние огнепоклонники. Первая версия кажется мне более правильной, потому что, во-первых, огнепоклонники могли найти подходящее место за городом на открытом [265] воздухе, а во-вторых, многие куфические письма свидетельствуют об их исламском происхождении.

Медресе (училища)¹⁹²

Бухарцы любят также хвастаться множеством медресе и опять-таки называют любимое число - 360, хотя их не более 80. Самые известные: 1) медресе Кукельташ, построенное в 1426 г., в нем 150 худжр, и каждая стоит 100-120 тилля. (После того как медресе построено, худжры раздают даром, но в дальнейшем их можно приобрести только за определенную цену.) Ученики первого класса ежегодно имеют доход в 5 тилля; 2) медресе Мирараб, построено в 1529

г., в нем 100 худжр, каждая стоит 80-90 тилля и дает 7 тилля дохода; 3) Кош-медресе Абдулла-хана, построено в 1572 г., в нем тоже около 100 худжр, но они дешевле, чем в предыдущих медресе; 4) медресе Джуйбар, построено в 1582 г. внуком великого ученого и аскета того же имени. Оно получает самое богатое содержание, так как каждая худжра дает 25 тилля дохода, но народу в нем мало, потому что оно стоит на окраине города; 5) медресе Турсинджан, где каждая худжра имеет ежегодно 5 тилля дохода; 6) медресе Эрназар, которое через своего посланника велела основать императрица Екатерина, в нем 60 худжр, и каждая дает доход в 3 тилля.

В общем именно училища Бухары и Самарканда были причиной сложившегося представления о чрезвычайной учености высших школ Средней Азии, которое долгое время существовало не только в странах ислама, но даже и у нас, в Европе. Поверхностный наблюдатель мог легко счесть готовность к пожертвованиям при сооружении такого рода заведений признаком высоких побуждений. К сожалению, в основе всех этих побудительных стремлений лежит слепой фанатизм; как в средние века, так и теперь в этих школах кроме начал логики (мантики) и философии (хикмета) изучают лишь Коран и вопросы религии. (Иногда случается, что некоторым людям хочется заняться поэзией или историей, но им приходится делать это втайне, так как считается позорным тратить время на такие пустяки.) Мне говорили, что общее число учеников составляет пять тысяч. Они стекаются сюда не только из всех уголков Средней Азии, но и из Индии, Кашмира, Афганистана, России и Китая. Самые бедные получают от эмира ежегодную стипендию, так как благодаря медресе и строгому соблюдению ислама Бухара оказывает столь могущественное влияние на все соседние страны.

Базары

Таких базаров, как в главных городах Персии, здесь не встретишь. Только немногие из них имеют своды и построены из камня, самые большие крыты деревом или камышовыми циновками, положенными на длинные жерди. Различают несколько [266] базаров: Тим-и Абдулла-хан, построенный по персидскому образцу правителем, носившим то же имя, после его возвращения из Мешхеда (1582); Рестей-сузенгеран, где продают швейные принадлежности; Рестей-Саррафан, где стоят менялы и торговцы книгами; Рестей-Сергеран - золотых дел мастера; Рестей-Чилингеран - место слесарей; Рестей-Аттари - торговцев пряностями; Рестей-Каннади-торговцев сахаром и сладостями; Рестей-Чай-фуруши-торговцев чаем; Рестей-Читфуруши, Базари-Латта, где находятся торговцы полотном; Тимче-Дарайфуруши, где стоят бакалейщики, и т.д. У каждого базара есть свой староста, отвечающий перед эмиром за порядок и за цены. Кроме базаров есть еще около 30 небольших караван-сараяв, которые частью служат складами для хранения товаров, частью используются как жилье для приезжающих.

Полиция

В Бухаре самая строгая полиция из всех известных нам азиатских городов. Днем раис собственной персоной объезжает базары и общественные места либо отправляет туда многочисленных полицейских и шпионов, а приблизительно через два часа после захода солнца никто больше не смеет показываться на улице. Сосед не может навестить соседа, а больной вынужден умереть из-за того, что нет лекарства, так как эмир дал разрешение арестовывать даже его самого, если миршабы (ночные сторожа) встретят его на улице в запрещенное время.

Б. БУХАРСКОЕ ХАНСТВО

Жители

В настоящее время ханство граничит на востоке с Кокандским ханством и городами Бадахшана, на юге, по Оксусу, - с лежащими на другом его берегу районами Керки и Чарджоу, на западе и на севере границу образует Великая Пустыня. Границы нельзя считать установившимися, невозможно и определить число жителей. Без преувеличения можно назвать цифру 2,5 млн. Жители подразделяются на оседлых и кочевников, а по национальности - на узбеков, таджиков, киргизов, арабов, мервцов, персов, индусов и евреев.

1. Узбеки. Они состоят из тех же 32 племен, которые мы перечислили в разделе о Хиве, но заметно отличаются от своих соплеменников в Хорезме как лицом, так и характером. Бухарские узбеки жили в более тесном контакте с таджиками, чем хивинские с сартами, и при этом утратили многие черты национального типа и свойственно узбеку скромное простодушие. Узбеки - господствующий народ в ханстве, так как сам эмир - тоже узбек из племени мангыт, и поэтому они составляют вооруженные силы страны, хотя высшие офицеры очень редко выходят из их рядов.

[267] 2. Таджики, коренные жители всех городов Средней Азии; здесь их больше всего, поэтому Бухара - единственное место, где таджик гордится своей национальностью. Он считает границами своего прежнего отечества, древнего Хорасана, (Chog в древнеперсидском языке означает "солнце", son - "область", Chorasan означает, таким образом, "солнечная страна", т.е. Восток.) на востоке Хотан (в Китае), на западе - Каспийское море, на севере - Ходжент, на юге - Индию.

3. Киргизы, (Kir значит "поле", giz или ges - корень глагола gismek, т.е. "странствовать", "бродить". Слово "киргиз" означает по-тюркски, таким образом, "человек, странствующий по полю", "кочевник"¹⁹³ и прилагается как общее название ко всем народам, живущим подобным образом. Слово "киргиз", конечно, употребляют и как обозначение племени, но только для подгруппы казахов, живущих в Коканде в окрестностях Хазрети-Туркестана.) или казахи, как они сами себя называют. В Бухарском ханстве их очень немного, тем не менее, пользуясь случаем, изложим наши скромные заметки об этом народе, самом большом по численности и наиболее замечательном в Средней Азии по самобытности кочевой жизни. Во время своих странствований я часто встречал отдельные группы киргизских кибиток, но когда я пытался узнать у жителей об их численности, они всегда смеялись над моим вопросом и отвечали: "Сначала сосчитай песчинки в пустыне, тогда ты сможешь сосчитать и нас, киргизов". Так же невозможно определить границы их проживания. Мы знаем, что они живут в Великой Пустыне, лежащей между Сибирью, Китаем, Туркестаном и Каспийским морем, и эта местность, а также их социальные условия в достаточной мере доказывают, насколько ошибочно передавать киргизов то под русское, то под китайское владычество. Россия, Китай, Коканд, Бухара или Хива распоряжаются у киргизов только лишь до тех пор, пока их офицеры, высланные для взимания налогов, живут среди кочевников. Киргизы смотрят на сбор налогов как на гигантский набег, которому они должны быть

благодарны за то, что сборщики довольствуются десятой долей или какой-либо иной частью. Так как революции, происходившие в мире в течение столетий, а может быть, и тысячелетий, оказали очень незначительное воздействие на киргизов, у этого народа, который встречался нам лишь небольшими группами, можно встретить подлинную картину тех нравов и обычаев, которые характеризовали туранские народы в древнейшие времена и которые представляют собой причудливое смешение добродетели и жестокости. Поражает сильная тяга всех этих народов к музыке и поэзии, но наибольшее впечатление производит их аристократическая гордость. Если встречаются два киргиза, то первый вопрос, который они задают друг другу, таков: “Ети атанг кимдир?”, т.е. “Кто твои семь отцов (предков)?” Тот, кого спрашивают, даже ребенок по восьмому году, всегда знает точный ответ, в противном же случае его сочтут крайне невоспитанным и неразвитым. В отношении храбрости киргизы [268] далеко уступают узбекам, а особенно туркменам; и ислам у них имеет более шаткую основу, чем у последних двух народов. Обычно лишь богатые баи нанимают в городах муллу, который за определенное жалованье, выплачиваемое овцами, лошадьми и верблюдами, занимает место учителя, священнослужителя и секретаря.

Для нас, европейцев, киргизы, даже если контакты с ними были частыми, - всегда явление удивительное. Перед нами предстают люди, которые ежедневно, в палящий зной или в глубоком снегу, в течение нескольких часов кочуют со всем своим скарбом, ища нового прибежища опять-таки всего на несколько часов; это люди, никогда не слыхавшие о существовании хлеба, вся их пища состоит только из молока и мяса. Киргиз считает жителей городов и всех прочих людей, живущих на одном месте, больными или сумасшедшими и жалеет всех тех, у кого не монгольский тип лица. По его эстетическим понятиям, монгольская раса - это высшее проявление красоты, так как Бог, выдвинув вперед лицевые кости, сделал ее представителей похожими на лошадь, а лошадь в глазах киргизов - венец творения.

4. Арабы. Это потомки тех воинов, которые при Кутейбе, во время третьего халифа, участвовали в завоевании Туркестана и впоследствии поселились там. Однако, кроме черт лица, они мало что сохранили от своих братьев, живущих в Хиджазе и Ираке. Только немногие, как я обнаружил, говорят по-арабски. Число их, по слухам, доходит до 60 тыс. Большею частью это жители окрестностей Варданзи и Вафкенда.

5. Мервцы. Это потомки тех 40 тыс. персов, которых эмир Саидхан около 1810 г., после завоевания Мерва с помощью сарыков, переселил в Бухару. По своему происхождению, собственно говоря, это тюрки из Азербайджана и Карабаха, которых Надир-шах привел с их старой родины в Мерв.

6. Персы. Частью это рабы, а частью те, кто, выкупив себя, остался жить в Бухаре, где, несмотря на всяческие религиозные притеснения, так как они лишь тайком могут совершать обряды шиитской секты, они охотно занимаются торговлей или ремеслами, потому что здесь жизнь дешевле, а заработать легче, чем у них на родине. Персы, намного превосходящие по умственным способностям жителя Средней Азии, обычно возносятся из рабского своего положения до самых высоких чиновничьих должностей; нет почти ни одного губернатора провинции, у которого те или иные должности не занимали бы персы, бывшие ранее его рабами и оставшиеся верными ему; персы кишат также и в окружении эмира, и первые сановники ханства принадлежат к этой нации. В Бухаре персов считают людьми, больше общавшимися с френги и лучше постигшими их дьявольский склад ума. Впрочем, эмиру Музаффар ад-Дину пришлось бы несладко, если бы Персия вздумала угрожать ему вторжением, как это уже бывало, потому что он вряд ли добился бы многого с армией, где комендантами гарнизонов [269] были Шахурх-хан и Мухаммед Хасан-хан, а топчубаши (начальниками артиллерии) - Бейнель-бек, Мехди-бек и Лешкер-бек; все пятеро - персы.

7. Индусы. Правда, их всего около 500; они живут разбросанно, без семей, в столице и провинциях и каким-то удивительным образом держат в своих руках весь денежный оборот. Нет ни одного базара в какой бы то ни было деревне, где бы ни появился со своим мешком индус-ростовщик. Выказывая глубочайшую покорность, подобно армянину в Турции, он страшно обирает узбека, а так как у благочестивого кади большей частью находятся общие дела с поклонником Вишну, то он и становится зачастую его жертвой.

8. Евреи. Их в ханстве около 10 тыс. В основном они живут в Бухаре, Самарканде и Карши и больше занимаются ремеслами, чем торговлей. По своему происхождению это персидские евреи, а именно из первого пленения. Они переселились сюда 150 лет назад из Казвина и Мерва и живут в величайшем угнетении, презираемые всеми. Они не смеют идти дальше порога, когда приходят к правоверному, но если тот пожалует к еврею, то еврей поспешно уходит из собственного дома и стоит у дверей. В городе Бухаре они ежегодно выплачивают 2 тыс. тилля джизьи (дани). Эту сумму доставляет глава общины; при сем он получает для всей общины две легкие пощечины, предписываемые Кораном в виде знака покорности. Прослышав о привилегиях, дарованных евреям в Турции, некоторые из них выехали в Дамаск и в другие районы Сирии, но это происходило в глубокой тайне, так как в обычном случае желание эмигрировать карается конфискацией имущества или смертью. Удивительно, что они поддерживают почтовую связь через хаджи, ежегодно отправляющихся из Туркестана в Мекку; мои спутники тоже принесли несколько писем и все их доставили адресатам.

Управление

Форма правления в Бухаре сохранила очень немного древнеперсидских или арабских черт, так как преобладает тюрко-монгольский элемент. Государственное устройство, основанное на иерархической системе, носит военный характер, на вершине власти находится эмир в качестве генералиссимуса, правителя и религиозного главы. Военное и гражданское начальство подразделяется на следующие группы: а) катта-сипахи, т.е. высшие чиновники, б) орта-сипахи, т.е. средние чиновники и в) ашаги-сипахи (сабиты). В первые две группы в соответствии с правилами должны приниматься только урукдары, т.е. представители знатных родов, так как они вступают в свою должность по ярлыку, т.е. письменному приказу, и биллигу, (Ярлык и биллиг - древнетюркские слова. Первое означает “письмо”, “писание”; корень *jer*, венгерское *ig*, турецкое *jas*. Второе значит “знак”, по-венгерски *belyeg*.) т.е. знаку; но уже [270] издавна этих должностей удостаиваются также персы, бывшие ранее рабами. В следующем списке перечисляются все чины, в том порядке, как они следуют от эмира и вниз.¹⁹⁴

капа-сипахи...

1) Аталык

- 2) диванбеги (государственный секретарь)
- 3) парваначи, правильное фарманачи или фарманчи, предъявитель ханского указа

орта-сипахи...

- 4) тохсаба, собственно тугсахиби, т.е. “несущий, как знамя, туг” (конский хвост)
- 5) инак
- 6) мирахур (шталмейстер)

ашаги-сипахи (сабиты)...

- 7) чухрагаси, собственно чехреагаси, т.е. “лицевой”, потому что во время публичных аудиенций он стоит напротив эмира
- 8) мирза-баши (старший писарь)
- 9) ясаулбеги и карагулбеги
- 10) юзбаши
- 11) пенджабаши
- 12) онбаши

Кроме перечисленных, следует еще упомянуть тех, кто входит в придворный штат эмира. Здесь верхушку составляют кушбеги (везир), мехтер, досторхончи (метрлотель) и зекатчи (сборщик податей). Закатчи выступает одновременно в качестве министра финансов и мажордома эмира. Затем следует мехремы (личные слуги), число которых увеличивается или уменьшается в зависимости от обстоятельств; их посылают также в качестве комиссаров в провинции по чрезвычайным делам. Любой подданный, недовольный решением губернатора, может обратиться к эмиру, после чего ему назначают мехрема, который становится как бы его адвокатом и едет вместе с ним в его провинцию; он расследует дело и излагает его эмиру для окончательного решения. Помимо того, есть еще одачи (привратник или церемониймейстер), бакаул (провиантмейстер) и саламгази, который во время публичных процессий отвечает вместо эмира на приветствие: “Ве алейкум эс селям”.

Впрочем, эти должности и чины существуют при теперешнем эмире лишь номинально, так как он враг пышности и многие посты оставил незанятыми.

Политическое деление

Политическое деление ханства, как и в Хиве, соответствует числу крупных городов. В настоящее время Бухара состоит из следующих округов (порядок их перечисления зависит от их величины и числа жителей): 1) Каракель, 2) Бухара, 3) Карши, 4) Самарканд, 5) Керки, 6) Хисар, 7) Миянкаль или Кермине, 8) Катта-Курган, 9) Чарджоу, 10) Джизак, 11) Ура-Тюбе, [271] 12) Шахрисябз; последний равен по величине Самарканду, но из-за его постоянной вражды с эмиром лишь частично может быть причислен к ханству. Губернаторы, которые по своему чину являются диванбеги или парваначи, получают определенную долю доходов управляемой ими провинции, но в исключительных случаях должны от нее отказаться. В непосредственном подчинении у каждого губернатора находятся тохсаба, мирза-баши, ясаулбеги и несколько мирахуров и чохрагаси.

Вооруженные силы

Постоянное войско ханства состоит из 40 тыс. всадников, но может быть увеличено до 60 тыс. Наибольший контингент поставляют Карши и Бухара; особенно славятся своей храбростью люди из Карши, так рассказывали мне в Бухаре. Однако я нашел эти данные весьма преувеличенными, потому что эмир во время похода на Коканд, когда его армия состояла самое большее из 30 тыс. человек, должен был содержать вспомогательные войска, выплачивая им немалое жалованье, чего скупой Музаффар ад-Дин, конечно, не стал бы делать, если бы вышеозначенное число было правильным. Жалованье, выплачиваемое только в военное время, составляет 20 тенге (16 шиллингов) в месяц, на что всадник обязан содержать самого себя и лошадь. Кроме того, половина добычи принадлежит воинам. Впрочем, и в самом деле непонятно, почему при столь значительном количестве подданных эмир не соберет большего войска, и странно также, почему он не берет вспомогательные войска у 50 тыс. эрсари, а предпочитает идти к теке и даже держит на службе сарыков, выплачивая им ежегодно 4 тыс. тилля жалованья.

В. ИЗ ИСТОРИИ БУХАРЫ

Основателем Бухары считается Афрасиаб, великий туранский воитель. Раннюю историю заменяют различные басни, и мы можем лишь сделать заключение, что тюркские орды с древнейших времен были грозой тех мест, персидское население которых было отделено от своих иранских братьев уже во времена Пишдадидов. Первая нить настоящей истории начинается со времени арабской оккупации, и нам остается лишь сожалеть, что отважные искатели приключений не оставили иных сведений, кроме тех, которые рассеяны в “Тарихи Табари” и некоторых других арабских источниках. Ислам не смог так легко пустить корни в Мавераннахре (стране между реками Оксус и Яксарт), как в других странах, и арабам приходилось постоянно повторять обращение в новую веру, как только они возвращались в города после долгого отсутствия. До завоевания Чингисханом (1220) Бухара и Самарканд, а также значительные в то время города Мерв (Мерв-и Шах-и Джихан, т.е. Мерв, король мира), Карши (Нахшеб) и Балх (Умм-ул-Билад, т.е. мать [272] городов) принадлежали Персии, несмотря на то что губернии Хорасан, как она тогда называлась, был выдан из Багдада особый фирман об инвеституре. С вторжением монголов персидский элемент был совершенно вытеснен тюркским, узбеки повсюду завладели браздами правления, и Тимур, хромой завоеватель мира из Шахрисябза (Зеленого города), пожелал сделать Самарканд столицей всей Азии. Но вместе с ним умерли и его планы, и собственно история ханства начинается с дома Шейбани, основатель которого Абулхайр-хан сломил могущество Тимуридов в их собственных государствах. Его внук Шейбани Мухаммед-хан расширил границы Бухары от Ходжента до Герата, но когда захотел захватить Мешхед, был разбит шахом Исмаилом и погиб в сражении в 916 (1510) г. Одним из наиболее способных его преемников был Абдулла-хан (род. в 1544 г.). Он вновь завоевал

Бадахшан, Герат и Мешхед и благодаря своим заботам о развитии культуры и торговли заслуживает того, чтобы его поставили рядом с великим правителем Персии шахом Аббасом II. Во время его правления на дорогах Бухары были караван-сарай и прекрасные мосты, а в пустынях - цистерны; все развалины такого рода сооружений носят его имя. Его сын Абд ал-Мумин недолго удержался на троне, он был убит [1004 (1595) г.]. После вторжения персидского предводителя Тёкёла¹⁹⁵, опустошившего все на своем пути, вскоре погибли последние потомки Шейбанидов.

В череде последовавших затем долгих сумятиц и гражданских войн главными претендентами, оспаривавшими престол, были Вали Мухаммед-хан, дальний родственник Шейбани по боковой линии, и Баки Мухаммед. После того как Баки Мухаммед пал в бою под Самаркандом в 1025 (1616) г., Вали Мухаммед-хан основал свою династию, которая, как говорят, существовала до Абу-л-Файз-хана, умолявшего Надир-шаха о мире (1740 г.). В этот период больше других правителей выделялись Имам Кули-хан и Насир Мухаммед-хан (1650). Их щедрая поддержка класса ишанов во многом способствовала тому, что религиозный фанатизм в Бухаре и даже во всем Туркестане поднялся на такую ступень, которой он не достигал нигде и никогда за всю историю ислама. Абу-л-Файз-хан и его сын были предательски убиты их везиром Рахим-ханом. После смерти убийцы, продолжавшего самостоятельно управлять государством в качестве везира, власть захватил Даниял-бий, за ним последовали эмиры Шах Мурад, Саид-хан и Насрулла-хан.

Поскольку история трех последних правителей уже изложена Малькольмом, Бёрнсом и Ханьковым, а мы смогли бы добавить мало нового, не будем больше следовать за событиями этой эпохи, а поговорим лучше в следующей главе о войнах, которые вели Бухара и Коканд в последние три десятилетия.

[273] IV КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО

Жители. - Деление. - Коканд. - Ташкент. - Ходжент. - Маргелан, Андижан. – Хазрети - Туркестан. - Ош. - Политическое положение. - Последние войны.

Коканд, или Фергана, как его называли древние, на востоке граничит с Китайской Татарией, на западе - с Бухарой, где протекает Яксарт, на севере - с Великой Ордой, на юге - с Каратегином и Бадахшаном. Мы не можем привести данные о его площади, но она больше, чем площадь Бухары или Хивы, да и плотность населения здесь больше¹⁹⁶.

По числу городов и другим показателям можно считать, что население сегодняшнего Коканда составляет более трех миллионов человек.

1. Узбеки. Они образуют истинно оседлую часть населения и по своему типу, как уже упоминалось в главе о Хиве, очень отличаются от узбеков Бухары и Хивы. Так как узбеки уже несколько веков представляют господствующую нацию в Туркестане, которая раньше, чем другие народы этих областей, приняла ислам с его цивилизацией, с самим названием “узбек” связывается всегда более благоприятное представление об образованности и хорошем тоне. Поэтому киргизы, кипчаки и калмыки, едва поселившись в городах, обычно отказываются от своей национальности и называют себя узбеками. Так издавна повелось в Коканде, и можно без преувеличения сказать, что половину людей, именующих себя узбеками, скорее всего надо считать по национальности смесью упомянутых номадов¹⁹⁷. По манере держать себя кокандский узбек выглядит очень неуклюжим, чему больше всего виною нескладная широкая одежда. Если бы не номады, защищающие узбеков, то города уже давно оказались бы во власти Китая, России или Бухары.

2. За узбеками следуют таджики. Хотя их не больше, чем в Бухаре, расселены они более компактно. Часто они образуют целые деревни и города, чего нигде больше не встретишь. Так, в городе Ходженте, в деревнях Велекендаз и Кисакус (вблизи Ходжента) живет только первоначальное персидское население, и говорят, что такие значительные города, как Наманган, Андижан и Маргелан, (В письменных документах три последних города называются так: Неменган, первоначально Немек кон, т.е. “соляные копи”, 2) Эндекган от “Эндек” - “маленький” и 3) Мургинан, т.е. “курица и хлеб”. Эту этимологию мне сообщили мои друзья; может быть, она не совсем правильна, но персидское происхождение все же бесспорно.) еще 400 лет назад принадлежали таджикам. Что касается их характера, то кокандские таджики немного лучше, чем их соплеменники в Бухаре. Надо только отметить, [274] что их язык чище в отношении грамматических форм и словарного запаса, чем язык остальных таджиков. Преимущественно это заметно в Коканде, где жители говорят на языке, многое сохранившем от говора Рудаки, старейшего персидского поэта, родом бухарца. В остальных городах Коканда, особенно на китайской границе, таджиков очень мало.

3. Казахи - самый многочисленный народ в ханстве. Они ведут кочевую жизнь в гористой местности между озером Чаганак и Ташкентом и платят хану такую же дань, как и в Хиве. Среди кокандских киргизов есть зажиточные, имеющие дом в Хазрети-Туркестане или в других местах, но в них они никогда не живут. Впрочем, киргизы, несмотря на свое численное преимущество, пользуются незначительным влиянием в ханстве.

4. Киргизы, или собственно киргизы, каковым именем у нас ошибочно назвали всех казахов, живущих в южных областях ханства между Кокандом и Сарыколом; из-за их воинственного характера то одна, то другая правительственная партия использует их для осуществления своих планов переворота. Число их юрт составляет около 50 тыс., приблизительно столько же, что и у туркмен-теке.

5. Кипчаки, по нашему мнению, самое древнее и наиболее примитивное тюркское племя, которое из всех племен этой большой семьи, рассеянной от Комула до Адриатического моря, больше всего сохранило верность своей старой национальности как по типу лица и характеру, так по языку и обычаям. Нашего читателя вряд ли заинтересует баснословная этимология названия “кипчак”, приводимая Рашид ад-Дином Табиби. Возможно, что раньше под этим названием существовало могущественное племя, и сегодняшние кипчаки, насчитывающие всего 5-6 тыс юрт, утверждают, что их предки завоевали и заселили Дешти Кипчак¹⁹⁸, как издавна назывался Туркестан в восточных исторических источниках. Несмотря на свою малочисленность, кипчаки и поныне оказывают могущественное влияние на политические дела в Коканде, они назначают ханов, а потом смещают их, и часто бывало, что 500 их всадников овладевали каким-нибудь городом, а хан не осмеливался выступить против них. В тюркском наречии, на котором говорят кипчаки, я не различил ни одного персидского или арабского слова, их диалект можно считать

лучшим переходным пунктом от монгольского к джагатайскому языку. То же самое можно сказать о типе лица кипчаков в сравнении с другими тюркскими народами Средней Азии. Раскосыми глазами, безбородым подбородком и выдающимися скулами они похожи на монголов, к тому же они по большей части маленького роста, но удивительно ловки. Храбростью кипчаки превосходят все остальные народы Средней Азии и представляют вернейший образчик человека из огромной орды, которая перевернула когда-то всю Азию.

Кокандское ханство разделяется на несколько округов, которые, как и повсюду, названы по именам наиболее [275] значительных городов. Столица - Коканд, (Вероятно, происходит из "Хобкенд" - "прекрасная деревня", "прекрасное место".) или Коканди-Латиф, т.е. "Очаровательный Коканд", как называют его местные жители; он расположен в прекрасной долине и по площади в шесть раз больше Хивы, втрое больше Бухары и в четыре раза больше Тегерана¹⁹⁹. Южная часть города, где находится резиденция хана, только в недавнее время окружена стеной, северная остается открытой. Число жителей и домов сравнительно невелико, потому что дома окружены большими фруктовыми садами, так что часто требуется четверть часа, чтобы миновать 10-15 домов. Что касается архитектурного стиля, то обычно даже сами кокандцы отдают предпочтение Бухаре, поэтому нетрудно представить себе облик этой столицы. Из камня построены только четыре мечети и небольшая часть обширного базара, где продаются лишь русские товары и местные шелковые и шерстяные ткани, а также изделия из кожи. Широкой известностью пользуются седла, плети и прочее снаряжение для верховой езды, производимые в столице ханства.

После Коканда заслуживает упоминания Ташкент, главный торговый центр ханства, где в настоящее время, как я слышал от многих людей, есть немало состоятельных купцов, ведущих значительную торговлю с Оренбургом и Кызыл-Джаром (Петропавловском). Ташкент, поддерживающий транзитную торговлю с Бухарой, Кокандом и Китайской Татарией, - один из важнейших городов Средней Азии, к нему тайком подбираются русские, их последние форпосты (Кале-Рахим), как уже отмечалось, отделяют от него всего несколько дней пути. Обладая этим важным и в военном отношении пунктом, Россия без труда овладеет Бухарским и Кокандским ханствами, так как то, чего не смогли добиться русские штыки, совершит пламя разногласий, раздуваемое между обоими ханствами Петербургом.

Наиболее значительные после Ташкента города - это Ходжент, где около 5 тыс. домов и много фабрик, изготавливающих алачу (вид хлопчатобумажной материи), 15 медресе и вдвое больше мечетей; Маргелан - большой город, средоточие кокандской учености и в настоящее время местопребывание Ходжа Бузурка, главы ордена Махдум-Азам (этот духовный сановник отказал в благословении нынешнему бухарскому эмиру, въезжавшему в город победителем, и тот не посмел наказывать его за это); Андижан, где изготавливается лучший в ханстве атрес, тяжелая шелковая материя; Наманган, в окрестностях которого в основном обитают кипчаки. Кроме того, заслуживают быть названными Хазрети-Туркестан с высоко почитаемой могилой Ходжа Ахмед Ясеви, книга которого о морали и религии ("Мешреб") (Мне удалось привезти в Европу один экземпляр этой в высшей степени оригинальной книги, написанный по-турецки, и я надеюсь издать ее вместе с переводом.) [276] и поныне служит излюбленным чтением кочевников и оседлых жителей Коканда; города Шахри-Манзил и Чуст, где производятся знаменитые ножи, ценящиеся в Туркестане больше всех после гиссарских; Шарихан, известный лучшими шелками, и Ош в восточной части ханства, называемый также Тахти-Сулейман, "Трон Сулеймана", который ежегодно посещает множество паломников. Само место паломничества представляет собой холм, возвышающийся посреди города Оша. Там среди развалин старого здания с колоннами, построенного из плитняка, показывают высеченный из мрамора трон, а также место, где возделывал землю Адам, первый пророк, по учению ислама. Последняя басня особенно хороша и уместна, поскольку ее сочинитель хотел представитьномадам земледелие как религиозный долг.

Как бы там ни было, Ош не лишен интереса для наших археологов. Руины, особенно колонны, как мне описали, определенно указывают на их греческое происхождение, и если бы мы захотели разыскать восточную колонию Александра, то легко можно было бы представить себе, что Ош и есть то место, где отважный македонянин неким архитектурным памятником отметил восточную границу своей гигантской империи. (Аппиан (De rebus Syriacis, I VII) упоминает много городов, основанных греками и Селевком, и среди них (греч.), который, по-видимому, имеет в виду Плиний (VI, 16), когда говорит "Ultra Sogdiana oppidum Tarada, et in ultimis eorum finibus Alexandria ab Alexandro Magno condita"²⁰¹. Это или иное расположенное по соседству место было, очевидно, для великого завоевателя древности пределом его продвижения в этом направлении, так как там, говорит Плиний, были воздвигнуты алтари Геркулеса, Бахуса, Семирамиды, Кира и Александра "Finis omnium eorum ductus ab illa parte terrarum, includente flumine Jaxarte, quod Scythae Silin vocant"²⁰². Действительно, что касается города Александрии Этсхаты, слова Арриана (Exped Alex, I IV, с. I, 3 и с. IV, 10) совпадают со строками Плиния, который рассказывает, что этот город Александр рассчитывал сделать пограничной крепостью против жителей другого берега реки и основал колонию македонских ветеранов, греческих наемников и изъявивших согласие обосноваться там варваров из соседних стран. Город был построен на берегу Яксарта, и существует мнение, что это нынешний Ходжент. А что, если Ош был тем местом, где стояли колонны Александра (Курций, VII, б)? Однако предположение, что Александр прочно овладел какой-либо областью по ту сторону Яксарта, едва ли совместимо с рассказом Арриана. Курций (VII, 9) описывает остатки алтаря Бахуса как "монументы, состоящие из многих отдельных груд камней, расположенных на некотором протяжении, и восьмидесяти высоких деревьев, стволы которых обвиты плющом")

Что касается политического положения Кокандского ханства, то его самостоятельность столь же стара, как независимость Бухары и Хивы²⁰⁰. Правящий ныне род утверждает, что он по прямой линии происходит от Чингисхана; это, однако, неправдоподобно, так как его род был низвергнут с трона Тимуром, и после Бабура, последнего Тимурида в Коканде, браздами правления попеременно завладевали Шейбаниды и другие предводители из кипчаков и киргизов. Род, восседающий на троне в настоящее время, или, лучше сказать, воюющий ради него с Бухарою, - кипчакского происхождения, и как говорят, только [277] 80 лет как пришел к власти²⁰³. На учреждениях Коканда меньше всего сказались арабское или древнеперсидское влияние, и руководящим началом считается Яса-Чингис (Кодекс Чингиса). При восшествии на престол здесь также возносят хана на белом войлоке, а он при этом должен пускать стрелы во все четыре стороны света. (Этот обычай, странным образом, существует до сих пор и в Венгрии. Король, в полном облачении, со всеми атрибутами королевской власти, должен во время коронации на коне

подняться на холм и взмахнуть мечом во все четыре стороны.)

ВОЙНЫ МЕЖДУ БУХАРОЙ И КОКАНДОМ

А. При эмире Насрулле

Вражда между Бухарой и Кокандом существует с древних времен. После того как дом Шейбанидов стал управлять всеми делами в Туркестане. Коканд, за исключением нескольких городов, оставшихся в руках кипчаков, был присоединен к Бухарскому ханству, затем отделился и в период своего самостоятельного существования чаще всего примыкал к восточным соседям: Кашгару, Яркенду и Хотану, которые были в ту пору независимыми городами. Когда китайский император присоединил эти города к своей державе, Коканд, полагая, что противник на востоке слишком могуществен, счел нужным возобновить распри с Бухарой, и война, которая велась в Средней Азии во время нашего пребывания там, - это продолжение борьбы, начатой Мухаммед Али-ханом Кокандским и эмиром Насруллой.

Мухаммед Али-хан, которого кокандцы называют своим величайшим монархом нового времени, с одной стороны, бесспорно, много сделал для того, чтобы возвеличить ханство, расширив его границы и повысив благосостояние, но с другой - возбудил зависть алчного эмира Насруллы. Больше всего эмира раздражало то, что кокандский хан установил связи с Хивой, заклятым врагом Бухары, и дружески принял при дворе бежавшего в Коканд его дядю и соперника. Некоторые люди добавочную причину усматривают в гостеприимстве, оказанном капитану Конолли; в общем, пиши для раздоров между обоими ханствами было достаточно, и разрыв считался неизбежным.

Разбив наголову в 1839 г. русских²⁰⁴ при Шахидане, (По рассказам кокандцев, сильный отряд казаков с правого берега Яксарта обошел в это время Хазрети-Туркестан и продвинулся к Ташкенту, но в пути на него напали кокандцы, и отряд, понеся большие потери, рассеялся) Мухаммед Али-хан, считая столкновение с эмиром неизбежным, предпочел быть нападающей стороной. Итак, он двинулся к бухарской границе, взял Ура-Тюбе и уже угрожал Джизаку и Самарканду, когда, убедившись в бесплодности начатых интриг, против него выступил эмир с превосходящими силами узбекских [278] всадников и 500 человек только что организованной милиции (сарбазы), которой командовал ее создатель Абдул Самед-хан. Мухаммед Али счел разумным отступить. Насрулла на протяжении трех месяцев осаждал Ура-Тюбе и наконец взял его, пролив в отместку немало крови местных жителей и превратив их тем самым в своих злейших врагов. Не успел эмир вернуться в Бухару, как они с согласия Мухаммед Али-хана напали на бухарский гарнизон и вырезали солдат и офицеров.

Как только Насрулле сообщили об этом происшествии, он пришел в ярость, в большой спешке собрал все свои силы и двинулся к Ура-Тюбе. Мухаммед-Али опять отступил, и большая часть жителей, страшась разгневанного эмира, ушла вместе с ним. Однако на этот раз ему не удалось вернуться. Насрулла преследовал его по пятам, Мухаммед Али-хан проиграл битву и потерял город. Понимая, что его преследуют и что столица под угрозой, он выслал навстречу победителю парламентаров. Вскоре при Канибадаме был заключен мир, по которому Мухаммед Али-хан должен был уступить Ходжент и многие другие населенные пункты.

Понятно, что этот мир не мог удовлетворить ни одну из сторон. Чтобы еще больше досадить побежденному, злобный эмир назначил губернатором вновь завоеванной провинции брата Мухаммеда Али, ранее бежавшего в Бухару и претендовавшего на хивинский трон. Но на этот раз эмир просчитался. Мать кокандского правителя помирила братьев, и, прежде чем эмир узнал об этом, Ходжент вместе со всей прилегающей к нему областью вновь присоединился к Коканду, и теперь ему пришлось иметь дело не с одним, а с двумя врагами.

Гневу бухарского тирана не было границ, и жажда мщения побудила собрать неслыханные вооруженные силы. Помимо обычной армии, состоявшей из 30 тыс. всадников и тысячи сарбазов, он взял на службу еще 10 тыс. туркмен из племен теке и салор. Достигнув в несколько быстрых переходов Коканда, эмир застал врасплох Мухаммеда Али, так что тому пришлось бежать из столицы. Около Маргелана его поймали, и спустя десять дней он был казнен в собственной столице вместе с братьями и двумя сыновьями. (Чтобы оправдать свой гнусный поступок, Насрулла велел распустить слух, что Мухаммед Али женился на своей матери и что именно за это он подверг его казни.) За ним в руки палача попало большинство его сторонников, их имущество было конфисковано. Эмир, отягощенный богатой добычей, вскоре вернулся в Бухару, оставив в завоеванном городе Ибрахим-бия, мервца по рождению, с гарнизоном в 2 тыс. солдат.

Не прошло и трех месяцев, как кипчаки, до тех пор державшейся нейтралитета, выступили против бухарцев, захватили город вместе с находившимся там гарнизоном и возвели на трон [279] Шир-Али-хана, сына Мухаммед Али-хана. (Генеалогия ныне правящего в Коканде дома, начиная с Мухаммеда Али, такова:

Мухаммед Али Шир Али

||

(от первой жены)   (от второй жены)

|||

Мулла-хан-Софи-бек Сарымсак Султан Мурад Худояр

||

Шах Мурад несколько маленьких детей)

Не желая, чтобы их еще раз подобным образом застигли врасплох, кокандцы вознамерились обнести стеной ту часть города, где живет хан. Этот план был быстро выполнен, так как на строительстве заставили работать пленных из эмирского гарнизона. Жители знали, что эмир постарается отомстить, и никто не удивился, когда вскоре после этого происшествия перед Кокандом появились 15 тыс. бухарцев под предводительством кокандца, претендента на кокандский престол, давнего протеже Насруллы. Мусульманкул (так его звали), по-видимому, еще в пути договорился со своими соотечественниками, и ему открыли городские ворота. Войдя в город, он первым делом выступил против Насруллы, несмотря на то что Насрулла обещал сделать его ханом, и вместе с присоединившимися к нему горожанами обратил в бегство пришедших с ним бухарцев.

Четырежды обманутый эмир не пожелал уступить и вновь отправил армию, на этот раз под предводительством Шахрух-хана, (Между тем гнусного Абдул Самед-хана, убийцу Конолли, Стоддарта и Назелли, постигла справедливая кара. Эмир, отправивший его в Шахрисябз, убедился в его явном предательстве и, поскольку ничего не мог поделать с ним силой, решил справиться хитростью. Абдул Самед долго увертывался, но когда, наконец, попал в ловушку и заметил палача в соседнем зале, вспорол себе кинжалом живот, чтобы даже смертью своей досадить государю, столь походившему на него характером.) уже тогда имевшего звание главнокомандующего. Но Шахрух-хан дошел только до Ура-Тюбе, потому что поход был прерван по получении известия о болезни эмира, находившегося в Самарканде. Через несколько дней Насрулла умер, освободив, таким образом, мир от одного из величайших тиранов.

Я слышал из надежного источника, что эмир Насрулла умер всего лишь от припадка чрезмерного гнева, вызванного как неоднократными неудачными походами против Коканда, так и беспримерной стойкостью защитников города Шахрисябза. (Шахрисябз, прежде называвшийся Кеш, - родина Тимура, его жители отличаются крайне воинственным характером.) [280] Он 30 раз выступал в поход против этого города, а теперь уже шесть месяцев безуспешно осаждал его. Противником Насруллы там был некий Велинаме²⁰⁵, на сестре которого он женился, с тем чтобы благодаря новому родству приобрести верного вассала. Надо было случиться, чтобы известие о взятии Шахрисябза пришло в день смерти эмира. Находясь почти в беспамятстве, изверг приказал все-таки умертвить неверного шурина и всех его детей; но так как он не мог увидеть кровь собственными глазами, он вечером, за несколько часов до смерти, велел позвать к себе жену, сестру Велинаме. Несчастная женщина, мать двоих детей, дрожала от ужаса, но это не смягчило умирающего тирана: он приказал обезглавить ее возле своего ложа, и, устремив взгляд на кровь сестры своего заклятого врага, негодая испустил последний вздох.

Б. При эмире Музаффар ад-Дине

Между тем дела в Коканде тоже приняли новый оборот. Мусульманкул был убит, а на белом войлоке вознесли Худояр-хана. Вначале он проявил большую активность и дал несколько небольших сражений русским, наступавшим от Яксарта. Но пока он был занят на границе, в столице провозгласили ханом Малля-хана. Располагая незначительными силами, Худояр-хан предпочел бежать в Бухару в надежде возвратить трон с помощью эмира Музаффар ад-Дина. Сразу после смерти отца Музаффар ад-Дину пришлось отправиться в Шахрисябз, который снова восстал, несмотря на обрушившуюся на него кровавую месть. Он как раз стоял у стен Чиракчи, укрепления, принадлежавшего Шахрисябзу, когда пришло известие, что губернатор Ура-Тюбе, родом из Шахрисябза, присоединился к кокандцам и что Малля-хан уже продвинулся к Джизаку.

Эмир Музаффар ад-Дин, подстрекаемый своим гостем и протеже Худояр-ханом, не выдержал, оставил уже сильно стесненный Шихрисябз и с 15 тыс. человек выступил к Коканду, поскольку Малля-хан, обладавший, как все утверждали, недюжинными способностями, представлял для него серьезную угрозу. Следуя политике своего отца, Музаффар ад-Дин сначала велел убить своего противника в спровоцированном им самим заговоре, а после того, как в Коканде все пришло из-за этого в величайшее смятение, овладел столицей и назначил правителем Худояра. Законный наследник престола Шах Мурад бежал к кипчакам.

Худояр-хан не пробыл в своем новом звании и четырех месяцев, как на него напали кипчаки во главе с Шах Мурадом, и ему снова пришлось бежать в Бухару. Эмир, попавший в смешное положение в роли покровителя, собрал все свои силы, чтобы как следует отомстить Коканду. Выслав вперед Шахрух-хана с 40 тыс. человек и Мухаммед Хасан-бека с 30 пушками, он сам в сопровождении нескольких сотен теке поспешил к Коканду, [281] твердо решив не возвращаться до тех пор, пока не подчинит своей власти все, вплоть до китайской границы.

В Коканде было хорошо известно намерение молодого эмира, там знали и его алчность, поэтому жители сделали все возможное, чтобы воспрепятствовать бухарцам. Улемы объявили вторгшегося хана кафиром и провозгласили против него джихад (религиозную войну), все взялись за оружие, но тщетно. На этот раз эмир в самом деле присоединил к своим владениям не только Коканд, но и все земли до китайской границы. Самое сильное сопротивление оказали кипчаки под предводительством своего вождя Алимкула²⁰⁶, на них напали туркмены, и, вероятно, междоусобная война двух самых диких первобытных татарских племен представляла собой интересное зрелище. После того как Алимкул погиб в сражении, во главе племени встала его жена, и война некоторое время продолжалась при ней, пока наконец не был заключен мир с эмиром. Завоеванное ханство, из которого эмир вывез в Бухару все пушки, большое количество прочего оружия и немало сокровищ, было разделено на части. Коканд достался Шах Мураду, любимцу кипчаков, Ходжент - Худояр-хану. Музаффар ад-Дин отправился в свою столицу, и на этом пути я встретил его 15 сентября 1863 г.

С того времени в Коканде, вероятно, произошли новые перемены. Подобные раздоры часто бывали раньше между Кашгаром, Хотаном и Яркендом. Они прекратились только после того, как Китай присоединил эти ханства. Очевидно, точно так же вскоре русская оккупация положит конец бесплодной гражданской войне.

Так оно и случилось, как достаточно хорошо известно читателям по последним событиям в Центральной Азии. Бухара и Коканд с частью своей территории также потеряли независимость и стали вассалами "белого царя" на Неве. (Подробнее о русско-туркестанской войне см. в моей работе "Zentralasien und die englisch-russische Grenzfrage" (Leipzig, 1873, с. 1-7 и 60-150)).

V КИТАЙСКАЯ ТАТАРИЯ

Приближение к ней с запада. - Управление. - Жители. - Города.

Если путешественник проедет от Оша 12 дней, то достигнет китайской границы у города Кашгара. Дорога туда идет по гористой местности, где кочуют со своими стадами кипчаки. Говорят, что во времена Чингисхана здесь кое-где были деревни, теперь не увидишь даже развалин. Места для разведения огня и груды развалин указывают, где

обычно располагались на стоянку караваны и путешественники. Кипчаки, несмотря на [282] свою дикость и воинственность, редко нападают на отдельных путников; крупные караваны, идущие из Китая, должны платить умеренную дань, а так они никого не беспокоят.

На расстоянии дневного пути от Кашгара наталкиваешься на первый китайский пост, состоящий из десяти солдат и писаря. Пост пропускает только тех, у кого есть паспорт, выданный наманганским аксакалом, который, находясь на китайской службе, исполняет обязанности агента. Предъявив паспорт, каждый путешественник должен подробно рассказать о том, что он видел и слышал на чужбине. Писарь составляет отчет в двух экземплярах: один экземпляр посылают на следующий сторожевой пост для сравнения с результатами нового допроса, а второй отправляют губернатору. Как мне рассказал Хаджи Билал и другие друзья из Китайской Татарии, лучше всего в таких случаях отвечать словами “Бельмей-мен” (“Не знаю”). (Впрочем, у китайцев есть пословица, вполне соответствующая этому правилу. Они говорят: “Беджиду йиха-ле Джиду ши-хале” - “Я не знаю - одно слово, я знаю - десять слов”, т.е., произнеся “я не знаю”, ты сказал все, после слов “я знаю” тебя спросят еще, и тебе придется многое объяснить.) Никого не могут, да и не хотят заставлять рассказывать, а сам писарь доволен, если облегчают его служебные обязанности.

Под названием “Китайская Татария” мы обычно чаще всего понимаем ту часть Китайской империи, которая в виде острия лежит между 93 и 69 градусами восточной долготы и граничит на севере с Большой киргизской ордой, а на юге - с Бадехшаном и Тибетом. Говорят, что местность до Или и Кёне-Турфана [Куня-Турфан] с незапамятных времен находилась под властью Китая, тогда как Кашгар, Яркенд, Аксу и Хотан были присоединены всего 150 лет назад. Упомянутые города беспрестанно враждовали между собой, пока наконец несколько человек из знати под предводительством властителя Яркенда Ибрахимбека, стремясь положить конец раздорам, не привели в страну китайцев, которые только после долгих колебаний начали править там и продолжают управлять этими городами до сих пор по системе, отличной от норм, существующих во всех остальных провинциях Небесной империи.

А. УПРАВЛЕНИЕ

Как я слышал из достоверного источника (известно уже, что мой друг Хаджи Билал был священником в доме губернатора), в каждой из этих провинций есть два органа управления: один-китайский, или военный, а другой-татаро-мусульманский. Их главы состоят в одном чине, но татарский настолько подчинен китайскому, что лишь через него может сноситься с высшей властью в Пекине. Китайское начальство, живущее в укрепленной части города, состоит из следующих лиц:

1) анбан; его отличительными знаками служат пуговица из сердолика на шапке и павлинье перо. Его годовое жалованье [283] составляет 36 ямбю, (Ямбю - большой кусок серебра с двумя ушками, по форме напоминает наши гири. В Бухаре за эту монету дают 40 тилля.) приблизительно 20 тыс. франков. Ему подчинены:

2) далуи, секретари; их всего четыре, из них один заведует корреспонденцией, второй - казной, третий управляет уголовным судопроизводством, четвертый - полицией;

3) джи-зо-фанг, хранитель архива.

Двор китайского высшего офицера именуется “ямун”, и сюда в любое время может прийти каждый желающий и подать жалобу на несправедливость нижних офицерских чинов или по иному делу. Характерно, что перед самым входом в дом анбана стоит огромный барабан, по которому жалобщик должен ударить один раз, чтобы вызвать секретаря и два раза, чтобы вызвать самого анбана. Ни днем, ни ночью, ни зимой, ни летом не остается неуслышанным этот призыв о помощи, во всяком случае, такое случается очень редко. Подобный колокол можно было бы рекомендовать некоторым служителям правосудия даже в Европе.

Татаро-мусульманский чиновничий корпус, которому доверено судопроизводство, взимание налогов и исполнение других дел внутреннего управления у некайского населения, включает следующих лиц:

1) ванг, или хахим, состоящий в одном чине с анбаном и получающий разное жалованье;

2) хазначи, или газначи, как его называют татары, которому доверена казна;

3) ишикага (дословно значение: страж дверей), своего рода церемониймейстер и главный интендант;

4) шангбеги, своего рода секретарь, переводчик и посредник между китайским и мусульманским начальством;

5) казибег, кади, или судья;

6) ортенбеги, почтмейстер, отвечающий за все почтовые станции в его округе. Почтовая система в этой стране имеет большое сходство с персидским чапаром. Правительство сдает внаем некоторые дороги, и функции почтмейстера заключаются в том, чтобы следить, повсюду ли арендаторы держат хороших лошадей. От Кашгара до Комула считают 40 станций, которые почта проезжает за 16, в исключительных случаях даже за 12 или 10 дней. От Комула до Пекина считают 60 станций, которые преодолевают за 20 или 15 дней. Итак, все расстояние от Кашгара до Пекина, которое составляет 100 дневных переездов, почта обычно проезжает за один месяц; (Удивительно, что почталыоны, почти всегда калмыки, могут совершать эти стремительные поездки верхом в 30 дней и 30 ночей несколько раз в год. У нас такого рода скорость считается необыкновенной. В истории известны верховые переезды Карла XII из Демотики в Штральзунд и турецкого курьера из Сигетвара в Венгрии, где умер Сулейман Великий²⁰⁷, в Кютахью, совершенные за 8 дней.)

7) баджир, сборщик пошлин.

[284] Б. ЖИТЕЛИ

Большая часть населения Китайской Татарии, главным образом жители четырех провинций, ведет оседлую жизнь и занимается земледелием. Что касается национальности, то они называют себя узбеками, хотя с первого взгляда видно их истинно калмыцкое происхождение. Узбеков в том смысле, как это слово понимается в Бухаре и Хиве, в Китайской Татарии никогда не было. Здесь под узбеками понимают народ, образовавшийся вследствие смешения

вторгавшихся с севера калмыков и киргизов и коренных персидских жителей. Заметно, что в тех местах, где древнее персидское население было гуще (теперь оно совсем исчезло), иранский тип является более преобладающим, чем в других районах. За узбеками следуют калмыки и китайцы: первые из них либо воины, либо номады, вторые - купцы и ремесленники, они встречаются только в главных городах, да и то в малом числе. Наконец, мы должны упомянуть дунган или дёнгенов, рассеянных по всей территории от Или до Камула. По национальности это китайцы, а по религии - мусульмане²⁰⁸, все они принадлежат к толку шафиитов. **(В суннизме существуют четыре мазхаба (религиозно-правовые школы) ханафиты, шафииты, маликиты и ханбалиты. Все четыре одинаково чтимы, и отдать предпочтение одной из них считается грехом.)** Дунгане, или дёнгены, означает на китайско-татарском диалекте “обращенные” (османо-турецкое *donne* - “ренегат”), и, как утверждают, эти китайцы, насчитывающие до миллиона человек, были обращены в ислам во времена Тимура одним арабским искателем приключений, будто бы прибывшим с упомянутым завоевателем из Дамаска в Среднюю Азию и бродившим по Китайской Татарии под видом чудотворца и святого. Дунгане отличаются большим фанатизмом и ненавистью к своим соплеменникам немусульманской веры; хотя они образуют далекий восточный форпост ислама, они каждый год отправляют множество хаджи в Мекку.

Что касается общего характера народа, то китайские татары показались мне честными, незлобными и до того простодушными, что это граничит с глупостью. Сравнение их с жителями других городов Средней Азии напоминает сопоставление бухарца с лондонцем и парижанином. Меня часто забавляло, как необычайно скромны были желания моих спутников и с каким восторгом они говорили о своей бедной родине. Им представляются слишком роскошными и расточительными не только Рум и Персия, но и Бухара, и, хотя ими управляет народ, отличающийся от них по языку и религии, они все же предпочитают свое правительство, власти трех мусульманских ханств. Впрочем, у них нет причин быть недовольными китайцами. По достижении пятнадцатилетнего возраста каждый из них, за исключением ходжи (потомков пророка) и мулл, платит ежегодный подушный налог в 5 тенге (3 франка 75 сантимов). Солдат вербуют, а не берут насильно, при этом мусульманские **[285]** полки имеют преимущественное право образовывать отдельный корпус, и, за исключением мелочей, касающихся внешнего вида, им не чинят ни малейших препятствий в соблюдении их религии. Высшим чиновникам в этом отношении приходится хуже, они должны носить соответствующую их чину одежду, длинные усы и косу, но что самое ужасное - по праздникам присутствовать в пагоде и перед раскрытым портретом императора, выражая свое поклонение, трижды касаться лбом пола. **(“Седже”, как это называется в исламе, разрешается только перед Богом, во всех других случаях считается идолопоклонством)** Мусульмане заверяли, что их высокопоставленные соотечественники в таком случае держат тайком между пальцами бумажку, на которой написано “Мекка”, и благодаря этой хитрости коленопреклонение совершается не в честь небесного императора, а в честь священного города.

Что касается общественных отношений, то легко можно представить себе, как уживаются друг с другом китайцы и мусульмане, настроенные сепаратистски. Дружеские отношения невозможны, но я заметил, что не существует и особой вражды. Китайцы, составляющие меньшинство, никогда не дают почувствовать, что они господствующая нация, и особой беспристрастностью отличается начальство. Поразительно, что китайцы не одобряют перехода в свою религию, поэтому не приходится удивляться, что они с особой тщательностью следят за тем, чтобы мусульмане исполняли свой религиозный долг, и строго наказывают нерадивых. Если мусульманин не молится, китайцы обычно говорят ему: “Как ты неблагодарен. У нас несколько сотен богов, и мы удовлетворяем их всех, ты же утверждаешь, что у тебя только один бог, и то ты не можешь помолиться ему”. Даже муллы, как я не раз имел возможность убедиться, восхваляют любовь китайских чиновников к справедливости, несмотря на то что они обычно ведут беспощадные речи против их религии. Татары не устают хвалить искусство и ловкость своих властителей, и если они начинают разговор о могуществе чонг-кафиров (великих неверных, т.е. собственно китайцев), то он не имеет конца. **(О взятии Пекина англо-французской армией им, впрочем, было известно. Когда я спросил Хаджи Билала, как же это согласуется с китайским всемогуществом, он ответил, что френги хитростью сначала одурманили всех жителей Пекина опиумом, а потом, конечно, легко смогли войти в спящий город.)**

Странно, конечно, что повсюду, от западных до самых отдаленных восточных границ, я слышал, как последователи ислама, будь то турки, арабы, персы, татары или узбеки; порицали и высмеивали свои собственные недостатки, зато хвалили и возвеличивали добродетели и заслуги немусульманских народов. Они признают, что кафирам присущи большие способности, человеколюбие и беспримечная справедливость, и тем не менее с горящими глазами восклицают: “Эль-хамд лиллах ана муслим!”, т.е. “Хвала богу за то, что я мусульманин!”

[286] В.ГОРОДА

Среди городов, перечень которых мы сообщим в описании дорог Китайской Татарии, Хотан и Яркенд отмечаются как самые цветущие, Турфан-Или и Камул - как самые крупные, Аксу и Кашгар - наиболее священные. В Кашгаре, насчитывающем 105 мечетей (вероятно, всего лишь глиняных хижин, предназначенных для молитв) и 12 медресе, находится высоко почитаемая гробница Хазрети Афака, национального святого Китайской Татарии. Хазрети Афак значит “Его высочество горизонт” и выражает бесконечность способностей святого, настоящее имя которого было Ходжа Садык. Он много способствовал религиозному образованию татар. Кашгар, говорят, прежде был значительнее, а его жители богаче, чем теперь. Упадок целиком и полностью объясняют вторжением кокандских ходжи, которые каждый год нападают на город, загоняют китайцев в крепость и грабят все подряд. Так они, мародерствуя, хозяйничают до тех пор, пока осажденный гарнизон не запрашивает Пекин и не получает официального разрешения на защиту. Кокандские ходжи, толпа хищных бродяг, грабят таким образом город уже несколько лет, и все-таки китайцы остаются китайцами.

Здесь тоже произошли важные изменения со времени появления первого издания моей “Книги путешествий”. Китайская Татария, правильнее - Восточный Туркестан, под предводительством Якуба Кушбеги, **(Подробнее о жизненном пути Якуба Кушбеги и освободительной войне Восточного Туркестана см. в моей книге: “Zentralasien und die englisch-russische Grenzfrage” (Leipzig, 1873, с. 271-308))** авантюриста из Коканда, освободилась от китайского

господства и образует теперь независимое государство, равное по величине всем трем туркестанским ханствам, вместе взятым²⁰⁹.

VI ПУТИ СООБЩЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Сообщение Средней Азии с Россией, Персией и Индией. - Дороги в трех ханствах и в Китайской Татарии.

Наиболее активные транспортные связи Средняя Азия поддерживает с Россией, они осуществляются по следующим основным путям:

а) из Хивы караваны идут в Астрахань и Оренбург, откуда некоторые состоятельные купцы добираются до Нижнего Новгорода и даже до Петербурга;

б) из Бухары преимущественно в летнюю пору поддерживается бесперебойная связь с Оренбургом. Чаще всего ездят именно этим путем, на него тратят 50-60 дней, и лишь в [287] исключительных случаях он занимает больше или меньше времени. Если среди киргизов нет особых волнений, то даже самые маленькие караваны идут по этому пути;

в) из Ташкента караваны отправляются в Оренбург и Кызыл-Джар (Петропавловск). До Оренбурга они доходят за 50-60 дней, а до Петропавловска - за 70 дней. Это самые многочисленные караваны, так как путь проходит по очень опасным местам;

г) из Намангана и Аксу в Пулат (Семипалатинск) ходят большей частью китайские караваны в сопровождении сильного конвоя, они достигают своей цели за 40 дней. Одиночные путешественники могут беспрепятственно проходить мимо киргизов, но только в том случае, если они путешествуют как дервиши. Многие мои спутники совершили путешествие в Мекку через Семипалатинск, Оренбург, Казань и Константинополь.

Таковы пути сообщения, идущие на север. Связи с югом значительно слабее. Хива имеет обыкновение отправлять ежегодно один-два небольших каравана в Персию через Астрабад и Дерезез. Бухара проявляет несколько большую активность, однако отсюда уже два года ни один караван не отправлялся через Мерв в Мешхед, потому что теке прервали всякое сообщение. Самая оживленная дорога - гератская, тут караваны расходятся налево и направо, направляясь в Персию, Афганистан и Индию. Дорога через Карши и Балх в Кабул имеет второстепенное значение, потому что переход через Гиндукуш представляет трудности. Даже летом на ней мало народу.

Помимо названных путей сообщения мы должны еще упомянуть путеводные нити между самыми укромными уголками Туркестана и отдаленнейшими местами Азии, поддерживаемые одиночными пилигримами или нищими. Что может быть интереснее этих замечательных бродяг, без гроша в кармане покидающих свою родину, чтобы пройти тысячи миль по странам, названия которых они едва ли слышали прежде, среди народов, совершенно отличных от них по облику, языку и обычаям. Нимало не задумываясь, бедный (Богатые люди крайне редко подвергают себя тяготам паломничества. Найдена замена этому. Они снабжают деньгами на дорогу своего представителя и отправляют его в Мекку, где он вместо своего имени вставляет в молитву имя посланного его человека. Сам он довольствуется тем, что после его кончины на могильном камне будет написано "хаджи") житель Средней Азии может под впечатлением последнего сна отправиться в Аравию и даже в самые отдаленные западные области турецкого государства. Терять ему нечего, он хочет увидеть мир и слепо следует своему инстинкту. Я говорю "мир", т.е. его мир, который начинается в Хиве и кончается в турецкой державе. Европу он считает прекрасной, однако, по его мнению, она полна колдовства и прочей чертовщины, так что он не осмеливается вступить в этот опасный лабиринт даже с самой надежной ариадниной нитью в руках.

[288] Мы убедились на опыте, что чем дальше углубляешься в пределы Туркестана, тем больше становится ежегодное число пилигримов. Хаджи, отправляющихся из Хивы, насчитывается от 10 до 15 в год, из Бухары - от 30 до 40, а из Коканда и Китайской Татарии - от 60 до 80. Если к этому прибавить еще желание персов посетить святыне места Мешхеда, Кербелы, Кума и Мекки, то нельзя не заметить существующую еще и поныне страсть азиатов к странствованиям. Семья, заложенное древним переселением народов, все еще существует, и не будь западной цивилизации и ее могущественного влияния, со всех сторон окружающего Азию, кто знает, какие бы изменения уже совершились.

ДОРОГИ В ТРЕХ ХАНСТВАХ

А. Дороги в Хивинском ханстве и пограничных землях

1. От Хивы до Гемюштепе:

а) дорогу Орта-йолу можно легко преодолеть верхом за 14-15 дней. Она насчитывает следующие станции 1) Акгап, 2) Медемин, 3) Шоргель (озеро), 4) Капланкыр, 5) Дехли-Ата, 6) Кахриман-Ата, 7) Коймат-Ата, 8) Ети-Сири, 9) Джанык, 10) Улу-Балкан, 11) Кичиг-Балкан, 12) Керен-таги (горная цепь), 13) Кызыл-Такыр, 14) Богдайла, 15) Этрек, 16) Гемюштепе,

б) Теке-йолу можно преодолеть за 10 дней. Говорят, что она имеет следующие станции 1) Медемин, 2) Денен, 3) Шахсанем, 4) Ортакую, 5) Алты-Куйрук, 6) Чирлалар, 7) Чин-Мухаммед, 8) Сазлык, 9) Этрек, 10) Гемюштепе. По-видимому, этой дорогой пользуются для аламанов, так как только таким образом можно объяснить тот факт, что удается столь быстро преодолеть большие расстояния по обычному пути.

2. От Хивы до Мешхеда

Есть две дороги, одна - от Хезареспы в Дерезез, к югу, через пустыню, требует 12 дней пути, другая, идущая через Мерв, имеет 7 главных станций или колодцев Дари, Сагри, Намакабад, Шакшак, Шуркен, Ак-Яб, Мерв

3. От Хивы до Бухары (главная дорога)

Хива-Ханка	6 ташей (или фарсахов)	Тёйебоюн - Тюнюклю	6 ташей (или фарсахов)
Ханка-Шурахан	5 »	Тюнюклю - Уч-Уджак	10 »
Шурахан - Аккамыш	6 »	Уч-Уджак - Каракель	10 »
Аккамыш - Тёйебоюн	8 »	Каракель-Бухара	9 »

4. От Хивы до Коканда

Имеется дорога через пустыню, она не идет через Бухару. У Шурахана выезжают за пределы ханства и обычно за 10-12 дней добираются до Ходжента. Путь можно сократить, повернув у Джизака. По этой дороге ехал Конолли в сопровождении кокандского принца, которого он встретил в Хиве.

[289] 5. От Хивы до Кунграда и побережья Аральского моря

Хива - Янги-Ургенч	4 таша	Канлы - Ходжа-Или	22 таша
Янги-Ургенч - Гёрлен	6 »	(пустыня)	
Гёрлен Янги-Яп	3 »	Ходжа-Или - Кунград	4 таша
Янги-Яп - Хитай	3 »	Кунград - Хаким-Ата	4 »
Хитай-Мангыт	4 »	Хаким-Ата - Чортангель	5 »
Мангыт - Кипчак	1 »	Чортангель - Бозатава	10 »
Кипчак - Канлы	2 »	Бозатава - берег моря	5 »

Итого 73 таша Это расстояние, если дорога не очень плохая, можно проехать за 12 дней.

6. От Хивы до Кунграда через Кене [Куны-Ургенч]

Хива - Газават	3 таша	Кызыл-Такыр - Порсу	6 таша
Газават - Ташхауз	7 »	Порсу - Кёне	9 »
Ташхауз - Кёкчеке	2 »	Кёне - Ходжа-Или	6 »
Кёкчеке - Кызыл-Такыр	7 »		

Отсюда до Кунграда, как уже упоминалось, 4 таша, что в общем составляет 44 таша. Итак, эта дорога была бы ближе, чем через Герлен, но, во-первых, дорога через Кене небезопасна, а во-вторых, ехать через пустыню тяжело, поэтому чаще всего едут по пятому маршруту.

7 От Хивы до Фитнека.

Хива - Шейх-Мухтар	3 таша	Ишантепе - Хезаресп	2 таша
Шейх-Мухтар - Багат	3 »	Хезаресп - Фитнек	6 »
Багат - Ишантепе	2 »	Всего	16 ташей

Прибавив это число к указанным в пятом маршруте 73 ташам, мы увидим, что наибольшее протяжение ханства, расположенного вдоль Оксуса, не превышает 89 ташей.

Б. Дороги в Бухарском ханстве и его окрестностях

1. От Бухары до Герата.

Бухара - Хошрабат	3 таша	Меймене - Кайсар	4 таша
Хошрабат - Текендер	5 »	Кайсар Нарын	6 »
Текендер - Черчи	5 »	Нарын - Чичакту	6 »
Черчи - Карахинди	5 »	Чичакту - Кале-Вели	6 »
Карахинди - Керки	7 »	Кале-Вели - Мургаб	4 »
Керки - Сейид (колодец)	8 »	Мургаб - Дербенд	3 »
		Дербенд - Калайи-Нау	8 »
Сейид-Андхой	10 »	Калайи-Нау-Сарчешме	9 »
Андхой - Баткак	5 »	Сарчешме - Герат	6 »
Баткак - Меймене	8 »	Всего	108 ташей

Это расстояние можно проехать верхом за 20-25 дней

2. От Бухары до Мерва.

Надо добираться через Чарджоу, из этого города через пустыню есть три разные дороги

[290] а) через Рафатак, на пути есть колодец, длина дороги 45 фарсахов;

б) через Учхаджи, на пути 2 колодца, длина 40 фарсахов;

в) через Йолкую, это восточная дорога длиной 50 фарсахов.

3. От Бухары до Самарканда (обычная дорога):

Бухара - Мазар	5 ташей	Мир - Катта-Курган	5 »
Мазар - Кермиие	6 »	Катта-Курган - Даула	6 »
Кермине - Мир	6 »	Даула - Самарканд	4 »
		Всего	32 таша

На повозках, обычно груженных, по этой дороге надо ехать 6 дней; верхом на хорошей лошади это расстояние можно

проехать за 3 дня, а курьеры едут всего 2 дня.

4. От Самарканда до Керки:

Самарканд - Робати-хауз	3 таша	Карши - Файзабад	2 таша
Робати-хауз - Найман	6 »	Файзабад - Сангзулак	6 »
Найман - Шуркутук	4 »	Сангзулак - Керки	6 »
Шуркутук - Карши	5 »	Всего	32 таша

5. От Самарканда до Коканда через Ходжент:

Самарканд - Янги-Курган	3 таша	Нау - Ходжент	4 таша
Янги-Курган - Джизак	4 »	Ходжент - Каракчикум	4 »
Джизак - Замин	5 »	Каракчикум - Мехрем	2 »
Замин - Джам	4 »	Мехрем - Бешарык	5 »
Джам - Сабат	4 »	Бешарык Коканд	5 »
Сабат - Оратепе	2 »	Всего	46 ташей
Оратепе - Нау	4 »		

В повозке по этой дороге надо ехать 8 дней, но можно и сократить путь, как обычно большей частью и поступают, добираясь из Оратепе прямо в Мехрем за 8 часов и выигрывая при этом 6 ташей.

6. От Самарканда до Ташкента и русской границы:

Самарканд - Янги-Курган	3 таша	Чиназ - Зенги-Ата	4 таша
Янги-Курган - Джизак	4 »	Зенги-Ата - Ташкент	6 »
Джизак - Чиназ	16 »	Всего	33 таша

Отсюда еще 5 дней езды до Кале-Рахима, где находятся первый русский форт и крайний казачий форпост.

В. Дороги в Кокандском ханстве

1. От Коканда до Оша (прямой маршрут):

Коканд - Караул-тепе	5 ташей	Шахрихан - Андижан	3 таша
Караул-тепе Маргелан	3 »	Андижан - Ош	4 »
Маргелан - Шахрихан	4 »	Всего	19 ташей

В повозке этот путь можно совершить за 4 дня.

2. От Коканда до Оша через Наманган: [291]

Коканд - Биби-Увейд	3 таша
Биби-Увейд - Шахри-Манзил	2 »
Шахри-Манзил - Киргиз-Курган	4 таша
Киргиз-Курган - Наманган	4 »
Наманган - Учкурган	3 таша
Учкурган - Гёмюштепе	5 »
Гёмюштепе - Ош	4 »
Всего	25 ташей

Кроме этих двух главных дорог есть еще горная дорога от Ташкента до Намангана, которая изобилует опасными местами. Хотя она длиной всего 45 миль, ехать приходится 10 дней, минуя следующие места: Тойтепе, Карахитай, Тилав, Кошробат, Молламир, Бабатархан, Шахидан, где Мухаммед Али-хан разбил русских, Пунган, Харемсарай, Уйгур, Поп, Санг, Чуст, Тёрекурган, Наманган.

Г. Дороги в Китайской Татарии

Считается, что от Кашгара до Яркенда 36 миль (ташей), это расстояние караваны и повозки преодолевают за 7 дней. На третий день пути путешественники проезжают через Янги-Хисар, где находится сильный гарнизон.

От Кашгара до Аксу считается 70 миль, караван проходит обычно это расстояние за 12 дней.

На переход от Аксу до Уштурбана, расположенного южнее, требуется 2 дня. Продвигаясь от Аксу далее на восток, мы достигнем Комула, совершив следующие переходы:

Аксу - Байя	3 дня пути	Шиар - Бёгюр	4 дня пути
Байя - Сарам	1 день »	Бёгюр - Курли	3 »
Сарам - Кучи	2 дня »	Курли - Кёне-Турфан	8 дней пути
Кучи-Шиар	2 »	Кёне-Турфан - Комул	3 дня »
		Всего	26 дней пути

Прибавив еще 12 дней езды от Кашгара до Аксу, получим всего 38 дней.

VII

ОБЩИЙ ОБЗОР ЗЕМЛЕДЕЛИЯ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ

Земледелие. - Разные породы лошадей. - Овцы. - Верблюды. - Ослы. - Мануфактуры. Основные центры

А. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Трудно поверить, как плодородна в целом обрабатываемая земля в трех ханствах, наподобие оазисов раскинувшихся в безмерных пустынях Средней Азии. Несмотря на примитивнейшее состояние земледелия, здесь - обилие фруктов и зерна, а во многих местностях они наличествуют даже в избытке. Мы уже [292] упоминали о превосходных качествах хивинских плодов. Бухара и Коканд, хотя и не могут сравниться с Хивой, заслуживают упоминания из-за отличного винограда, насчитывающего свыше 10 сортов, великолепных гранатов, но в особенности из-за абрикосов, которые массами вывозят в Персию, Россию и Афганистан. Зерновых много во всех трех ханствах, они растут пяти видов, а именно пшеница, ячмень, джугара (*Holcus saccharatus*), просо (тарик) и рис. Говорят, что лучшая пшеница и джугара рождаются в Бухаре и Хиве. Коканд славится просом, ячмень везде не особенно хорош, и его употребляют на корм лошадям, часто в смеси с джугарой.

Что касается скотоводства, то жители Туркестана концентрируют свое внимание на трех видах животных, а именно на лошади, овце и верблюде. Лошади, которых житель Средней Азии считает своим alter ego, встречаются разных пород и с разными достоинствами. О разведении лошадей и различии их пород можно было бы написать целые тома, однако, не считая себя знатоком, ограничусь здесь несколькими замечаниями. Породы и семейства лошадей у кочевников столь же бесчисленны, как и их собственные племена и роды. Заслуживают особо быть названными следующие разновидности:

1) татарская лошадь; различают две породы - текинскую и йомутскую. Лошади теке, из которых самые любимые кёроглы и ахал, отличаются высоким ростом (16-18 фаустов)²¹⁰. Они очень стройны, с красивой головой и величественной осанкой, удивительно быстры, но не выносливы. Лошади йомутов более низкорослые, крепкого сложения и соединяют быстроту с беспримерной выносливостью и силой. (Мне приходилось видеть, как туркмен сидящим позади него в седле рабом без отдыха скакал галопом на лошади такой породы в течение 30 часов.)

В общем туркменская лошадь отличается втянутым животом, тонким хвостом, красивой головой и шеей (жалеть только, что ей обрезают гриву), а особенно тонкой лоснящейся шерстью; последнее свойство объясняется тем, что зимой и летом ее покрывают войлочными чепраками. Хорошая туркменская лошадь стоит 100-300, но никак не меньше 30 дукатов;

2) узбекская лошадь похожа на йомутскую, но более крепкого сложения, с короткой и толстой шеей, и используют ее больше для поездок, а не для войн и аламанов;

3) казахская лошадь живет в полудиком состоянии, она малорослая, с длинной шерстью, толстой головой и неуклюжими ногами. Ее редко кормят, обычно она зимой и летом сама ищет себе пропитание на пастбище;

4) кокандская ломовая и упряжная лошадь - это помесь казахской и узбекской лошади; она отличается замечательной силой.

Из этих четырех пород туркменская распространена только в Персии, узбекская - в Афганистане и Индии.

[293] Овцы, повсеместно курдючные, особенно хороши в Бухаре. Я не едал более вкусного мяса во всей Азии. Верблюды трех видов: одnogорбые, двугорбые, называемые у нас бактрийскими и встречающиеся только у киргизов, и нар, о которых мы уже говорили, описывая Андхой. Наконец, мы должны еще упомянуть об ослах. Самые хорошие осла в Бухаре и Хиве; хаджи во множестве вывозят их ежегодно в Персию, Багдад, Дамаск и Египет.

Б. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

200 лет назад, когда Турция была менее доступна для нашей европейской торговли, чем в настоящее время, на фабриках Анкары, Бурсы, Дамаска и Алеппо производили, конечно, больше предметов потребления, чем теперь. Средняя Азия и поныне лежит от нас дальше, чем в те времена Турция. Наша торговля в Средней Азии представлена еще очень плохо, поэтому большая часть одежды и предметов домашнего обихода - это изделия местной промышленности, о которых мы в этом разделе вкратце и поговорим.

Основные центры среднеазиатской промышленности - это Бухара, Карши, Янги-Ургенч, Коканд и Наманган. Из этих городов поступают разнообразные хлопчатобумажные и шелковые ткани, полотно и изделия из кожи, удовлетворяющие потребности местного населения. Самый ходовой товар - это материя алача, которая идет и на мужскую, и на женскую одежду. В Хиве ее ткют из хлопка и шелка-сырца, в Бухаре и Коканде - из одного хлопка. Поскольку специального портновского ремесла не существует, обычно изготовитель занимается одновременно и раскроем, и шитьем, так что значительная часть выпускаемой продукции идет на продажу в виде готового платья. Во время нашего пребывания в Бухаре жители жаловались на дороговизну одежды. Цены были следующие:

	1 сорт	2 сорт	3 сорт
Хивинская одежда	30 тенге	20 тенге	8 тенге
Бухарская »	20 »	12 »	8 »
Кокандская »	12 »	8 »	5 »

Наряду с алачей производятся шелковые ткани, шерстяные шали для тюрбанов, полотно, большей частью очень грубое и плохое, а из него уже - нечто вроде коленкора с темно-красными разводами, который во всем Туркестане и Афганистане идет на шитье одеял.

В кожевенном производстве жители Средней Азии отличаются изготовлением шагрени (по-татарски "сагри"), она зеленого цвета и имеет выпуклости в виде прыщей. За исключением мехов для воды, изготавливаемых из привезенной из России юфти, вся обувь и конская сбруя делается из местной кожи. В Бухаре и Коканде выделывают кожу высшего качества, в Хиве - только [294] тот сорт толстой желтой кожи, которая употребляется на передки обуви и на подметки. Из тонкой кожи делают мес, напоминающий чулки, нижнюю обувь, а из грубой - куш, верхнюю обувь.

Изготавливаемая в Бухаре и Самарканде бумага пользуется хорошей славой во всем Туркестане и в соседних странах. Ее делают из шелка-сырца, она очень гладкая, тонкая и хорошо подходит для арабского письма.

Изделия из железа и стали из-за недостатка сырья представлены очень слабо. Славятся нарезные ружья из Хезареспы, мечи и ножи из Гиссара, Карши и Чуста.

Среди изделий среднеазиатской промышленности значительное место занимают ковры, которые через Персию и Константинополь доходят даже до Европы. Ковер - целиком и полностью плод усердия и мастерства туркменской женщины. Не говоря о превосходных натуральных красках и прочности ткани, вызывает восхищение то, как хорошо умеют эти простые женщины - кочевницы соблюсти симметрию фигур, и зачастую они выказывают больший вкус, чем некоторые европейские фабриканты. Обычно над одним ковром работают несколько девушек и молодых женщин. Возглавляет дело старая матрона. Сначала она обозначает на песке точками будущий узор и, глядя на них, называет число разных нитей, которые должны образовать желаемый рисунок. Следует упомянуть еще изделия из войлока; в этой отрасли особенно проявляют себя киргизские женщины.

В. ТОРГОВЛЯ

Мы уже упоминали в главе о путях сообщения, что Россия поддерживает самые обширные и регулярные сношения со Средней Азией; поэтому русскую торговлю можно назвать самой старейшей и наиболее значительной; она постоянно растет, и по крайней мере в этой сфере русским трудно найти соперника.

Как необычайно быстро развивается русская торговля в Средней Азии, мы лучше всего можем увидеть из следующих вполне достоверных данных. В своем сочинении, появившемся в 1843 г., Ханыков рассказывает, что для транспортной торговли ежегодно используется 5-6 тыс. верблюдов, что импорт из Средней Азии составляет 3-4 млн. руб., а экспорт, равный в 1828 г. 1 180600 руб., возрос в 1840 г. до 3283654 р. 25 к. Это цифры за период с 1828 по 1840 год. Дж. Оэвилл Ламлей сообщает в подготовленном с усердием и знанием дела отчете под названием "Report on Russian Trade in Central Asia" (1862), что в 1840-1850 гг. экспортная торговля увеличилась до 1014237 ф. ст., импорт возрос до 1 345741 ф. ст.

Более подробные сведения можно получить из таблицы названного составителя.

[295] Торговля между Россией и странами Средней Азии
в период с 1840 до 1850 гг., ф. ст.

ВЫВОЗ

	Бухара	Хива	Коканд	Всего
Монеты, золото, серебро	213969	15210	375	229544
Медь	45776	1856	2043	49675
Изделия из железа, стали и других металлов	82127	9331	10970	102437
Хлопчатобумажные ткани	156707	58915	7559	223181
Шерстяные ткани	50467	25869	1976	78312
Шелковые ткани	10550	4799	471	15420
Кожи	81543	37921	4069	123533
Изделия из дерева	8595	460	826	9881
Красители и краски	48635	17904	693	67232
Разные товары	85416	27567	2031	115012
Итого	783785	199830	30662	1014237

ВВОЗ

	Бухара	Хива	Коканд	Всего
Хлопок-сырец и пряжа	333177	76225	2718	412150
Хлопчатобумажные изделия	498622	88960	14180	601 802
Шелк-сырец и шелковые ткани	17443	3088	160	20691
Шерстяные ткани	428	1322	52	1802
Крапп (корень марены)	7351	26201	7	34559
Шкуры и каракуль	151773	6297	1995	160065
Драгоценные камни и жемчуг	17856	703	—	18559
Сушеные фрукты	27784	2147	16883	44814
Шали, кашемир	24242	—	—	24242
Разные товары	19664	4452	3041	28057
Итого	1096380	249425	39936	1345741

Впрочем, достаточно бросить беглый взгляд на базары Бухары, Хивы и Карши, чтобы удостовериться в этом громадном приросте, и без преувеличения можно утверждать, что во всей Средней Азии нет ни одного дома и ни одной кибитки, где нельзя было бы найти какого-либо изделия из России. Наиболее значительную часть импорта составляют чугунные котлы и кружки для воды, которые ввозят из Южной Сибири и с фабрик Урала; только на их транспортировке в Бухару, Ташкент и Хиву занято ежегодно более 5 тыс. верблюдов. Вслед за чугуном следует упомянуть необработанное железо и медь, русские ситцы, перкаль, муслин, чайники, оружие, скобяные изделия и сахар. Сукно по причине его высокой цены покупают очень немногие, и встречается оно редко. Названные товары вывозятся из Бухары и Карши не только во все местности Туркестана, но даже в Меймене и Герат и дальше, в Кандагар и Кабул. Хотя последние два города находятся ближе к Пешавару и Карачи, [296] предпочтение отдается все

же русским товарам, несмотря на то что они во многом уступают английским.

Это обстоятельство может показаться читателю странным, но его причины просты. Оренбург расположен на таком же расстоянии от Бухары, как и Карачи, который мог бы стать портовым городом для английской торговли с британо-индийской территории. Дорога через Герат намного удобнее, намного практичнее, чем путь в Россию, идущий через пустыню. Тот факт, что английская торговля все-таки вытесняется русской, можно, по нашему мнению, объяснить следующими причинами: 1) русские торговые связи с Татарией насчитывают уже столетия, английские же в сравнении с ними можно назвать новыми, а упорная приверженность жителя Востока ко всему привычному и старому достаточно известна; 2) будучи соседями, русские лучше знают вкус среднеазиатского населения, чем английские фабриканты Бирмингема, Манчестера, Глазго и т. д. Этому злу можно было бы помочь только в том случае, если бы европейский путешественник мог передвигаться более свободно, чем теперь, в тех областях, где опасность представляет не только Бухара, но и Афганистан; 3) дорога через Герат, несмотря на все ее природные удобства, сильно отпугивает иностранных купцов из-за грабительской политики тамошних правительств, как это можно понять из разделов I, XI, XII. Поэтому в той части Средней Азии, по которой мы путешествовали, мы нашли, в силу приведенных обоснований, английскую торговлю гораздо менее значительной, чем русскую, и данные, которые приводит м-р Дэвис в своем "Report on the Trade of Central Asia" (февраль 1862), характеризуют скорее торговые сношения между Индией, Афганистаном и Китайской Татарией, чем торговые связи между Индией и Туркестаном. Конкуренция в качестве товаров была бы, пожалуй, возможна, и не приходится сомневаться, что изделия английского производства всегда доказывали бы свое превосходство.

Помимо России Туркестан ведет довольно стабильную торговлю через Герат с Персией, куда он отправляет каракуль, сушеные фрукты, краски и некоторые местные ткани, а взамен этого получает большое количество опиума из Мешхеда, некоторые английские товары через торговый дом "Рэлли и компания", а также сахар и скобяные товары. Между Мешхедом и Бухарой есть дорога, которую можно проехать за 10 дней, однако из-за разбойников-теке караваны вынуждены идти окольным путем через Герат, что занимает вдвое больше времени. Из Кабула в Бухару привозят хлопчатобумажные шали в белую и синюю полоску, которые татары называют "пота", а афганцы - "лунги", их повсюду носят как летние тюрбаны. По-видимому, эти шали, ввозимые через Пешавар, - английского производства. Это единственный товар, который находит хороший сбыт, потому что соответствует местным вкусам. Кроме того, кабульцы привозят индиго и пряности, а увозят русские ситцы, [297] чай и бумагу. С Китаем ведется незначительная торговля чаем и фарфором, но фарфором совсем другого рода, а не тем, который мы знаем в Европе. Китайцы редко переходят границу, и торговые сношения поддерживаются только через калмыков и мусульман.

В заключение мы должны еще упомянуть о торговле, которую ведут ежегодно хаджи в Персии, Индии, Аравии и Турции; это покажется странным читателю, но мы на основе собственного опыта можем заявить, что поддерживаемыми ими связи, конечно, заслуживают названия торговых операций. 50-60 хаджи, прибывших со мной из Средней Азии в Герат, привезли около 40 дюжин шелковых платков из Бухары, около 2 тыс. ножей и 30 кусков шелковой материи из Намангана, большое количество кокандских доппи (шапочка, на которую наворачивается тюрбан) и т. д. Это хаджи только одного каравана. Что касается импорта, то и здесь нельзя забывать хаджи, так как можно предположить, что большая часть европейских скобяных товаров ввозится в Среднюю Азию именно ими.

VIII ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Отношения между Бухарой, Хивой и Кокандом. - Сношения с Турцией, Персией, Китаем и Россией.

А. ВНУТРЕННИЕ ОТНОШЕНИЯ

Из того, что было сказано на этих страницах о последних событиях в Хиве и Коканде, можно составить себе весьма отчетливое представление об отношениях, в которых состоят друг с другом различные ханства. Тем не менее мы хотим сопоставить некоторые данные, чтобы облегчить ориентировку в событиях.

Лучше всего начать с Бухары. Это ханство, которое играло главную роль еще в домусульманские времена, спустя много столетий, несмотря на все перевороты, все еще сохранило свое превосходство. Поскольку оно считается колыбелью цивилизации современной Средней Азии, Коканд и Хива, а также небольшие южные ханства, даже Афганистан, всегда признавали его духовное преимущество. Все хвалят и превозносят мулл и мусульманскую ученость благородной Бухары. Однако любовь этим и ограничивается, так как все попытки, предпринятые до сих пор бухарскими эмирами, с помощью этого духовного влияния увеличить и свою светскую миссию, терпели неудачу не только [298] в ханствах, но и в отдельных городах. Из войн, которые эмир Насрулла вел с Хивой и Кокандом, близорукие политики могли бы сделать вывод о том, что в Бухаре из страха перед вторжением русских хотят создания союза, если не добром, то силой. Но у Бухары никогда не было подобных планов. Походы эмиров - это грабительские походы, и мы твердо убеждены, что в случае, если Россия для исполнения всех своих планов вступит в Среднюю Азию, три ханства не только не поддержат друг друга, но своими раздорами вложат в руки общего врага наилучшее оружие. Хотя на Хиву и Коканд смотрят как на непримиримых врагов Бухары, их тем не менее считают очень опасными, и единственный противник, которого Бухара боится в Средней Азии, - это день ото дня все более возвышающийся Афганистан.

Едва ли надо упоминать о том, что этот страх достиг своей высшей точки во время победоносного продвижения Дост Мухаммед-хана к Оксусу. Эмир Насрулла хорошо знал, что старый Дост никогда не простит позорной шутки, которую сыграли с ним, а лучше сказать, с его сыном, (Ferrier. History of the Afghan, c. 336.) в Бухаре, где тот искал убежища. К тому же утверждали, что Дост Мухаммед помирился с англичанами и даже стал "нёкери ингилиз" (английским наемником), и страх возрос еще из-за того, что в нем видели орудие мести англичан за кровь Конолли и Стоддарта. Мрачной, вероятно, представлялась татарскому тирану картина будущего его страны, унесенная им с

собой в могилу. Не в меньшей степени боялся, вступая на престол, нынешний эмир, его сын и преемник. Музаффар ад-Дин был как раз в Коканде, когда до него дошло известие о смерти Дост Мухаммеда. Посыльный получил подарок в 1000 тенге, в тот же день был устроен импровизированный праздник, а вечером эмир для пополнения числа своих легальных жен ввел в дом четвертую супругу, младшую сестру Худояр-хана. Хотя панический ужас со смертью Дост Мухаммеда исчез, известное уважение все еще существует, так как в Бухаре прекрасно знают, что вследствие дружбы с англичанами афганцы уже располагают несколькими тысячами хорошо обученных солдат.

Сознавая, что нельзя тягаться силами с таким явно более могущественным врагом, как афганцы, Бухара проводит политику, рассчитанную на то, чтобы нанести им как можно больше вреда дипломатическим путем. Из-за их союза с англичанами афганцев ослабили по всему Туркестану как отступников от ислама, и в последние годы даже торговые связи с Кабулом значительно уменьшились. Как уже однажды упоминалось, теке и салоры состоят на постоянном содержании Бухары. Во время осады Герата старый Дост был очень удивлен тем, что, несмотря на подарки, которые он делал туркменам, они все время беспокоили его и уводили в плен солдат из его войска. Он забыл, что его настоящим врагом было бухарское золото, так как симпатии [299] туркмен всегда определяют более крупные суммы. Вот все о внутренней политике Бухары.

Хива очень ослаблена постоянной борьбой, которую ее властитель вынужден вести со своим собственным населением, постоянно склонным к войнам, а именно с йомутами, чоудорами и казахами. Бухара намного превосходит Хиву численностью населения, и то, что эмиры до сих пор не смогли завоевать ее, целиком и полностью надо приписать храбрости узбеков. Я слышал, что Алла Кули-хан первым отправил посланника в Бухару и Коканд (очевидно, по совету Конолли), чтобы заключить оборонительный и наступательный союз между тремя ханствами против все более усиливающейся угрозы со стороны России. Бухара не только отвергла это предложение, но даже склонилась на сторону русских. Коканд заявил о своей готовности, так же как Шахрисябз и Хиссар, города, находившиеся в состоянии войны с эмиром. Однако союз остался лишь благим пожеланием, и то, как трудно будет его осуществить, лучше всего покажет старая арабская поговорка, которую жители Средней Азии используют при описании своего собственного характера: “В Руме - благодать, в Дамаске - доброта, в Багдаде - ученость, а в Туркестане - лишь вражда да злоба”.

Коканд страдает тем же недугом, что и Хива, из-за постоянных раздоров с кипчаками, киргизами и казахами. И не приходится удивляться, что Коканд, самое большое из всех ханств по территории и населению, постоянно терпит поражения от Бухары.

Б. ВНЕШНИЕ СНОШЕНИЯ

Что касается политических связей с иноземными странами, то Средняя Азия вступила в контакт только с Турцией, Россией, Персией и Китаем.

Константинопольский султан считается халифом. Поскольку в средние века было принято, что три туркестанских ханства как символ инвеституры²¹¹ получают от багдадского халифа нечто вроде придворного звания, они и поныне соблюдают этот этикет и при восшествии на престол через чрезвычайного посланника в Стамбуле просят эти почетные должности. Хивинский хан имеет звание мундшенка (конюшего)²¹², бухарский эмир - раиса (блюстителя религии), кокандский хан - шталькнехта²¹³. Эти придворные звания все еще пользуются уважением, и я слышал, что соответствующие лица раз в год по всей форме исполняют свои функции. Однако этим связи и ограничиваются. Светского влияния на эти три ханства константинопольские султаны не оказывают. Правда, народ в Средней Азии связывает с названием “Рум” (как здесь именуют Турцию) все могущество и блеск древнего Рима, считая эти названия одинаковыми, но правители, по-видимому, не разделяют иллюзии, они готовы были бы признать величие султана только в том случае, если бы Порта [300] присоединила к фирманам об инвеституре или разрешениям на молитву несколько сот тысяч пиастров. В Хиве и Коканде к константинопольским фирманам продолжают относиться с некоторым уважением. В течение десяти лет Хивинское ханство представлял в Константинополе Шюкрулла-бай. Кокандское ханство во время правления Малла-хана еще четыре года назад имело своего посланника (мирза-джана) при дворе султана. Эти посланники по старому обычаю иной раз годами содержались за счет Турции, что весьма неприятно сказывалось на бюджете, предназначенном для внешних сношений, но было совершенно необходимо для сохранения духовного верховенства в Средней Азии.

Османская империя только тогда могла бы оказать светское влияние на эти отдаленные области Востока, если бы ее пробудили от сонливости восточной жизни до Петра Великого. Представляя тюркскую династию, дом Османов мог бы основать из тюркских элементов, с которыми он связан языком, религией и историей, от побережья Адриатики вплоть до Китая империю более могущественную, чем та, которую сумел силой и хитростью сколотить из гетерогенных элементов великий Романов. Анатолийцы, азербайджанцы, туркмены, узбеки, киргизы и татары - вот те отдельные части, из которых мог бы возникнуть великий тюркский колосс, который, конечно, померялся бы силами со своим северным противником куда лучше, чем сегодняшняя Турция.

С Персией, хотя это ближайший сосед, Хива и Бухара лишь время от времени обмениваются послами. То обстоятельство, что персы причисляют себя к шиитской секте, образует преграду между двумя народами-фанатиками, подобно тому как это было 200 лет назад в Европе с протестантизмом. К религиозным распрям присоединяется еще исторически сложившаяся вражда между иранской и туранской расой, поэтому легко можно представить себе, сколь незначительные симпатии испытывают по отношению друг к другу эти природные соседи. Персия, которая при нормальных обстоятельствах должна была бы стать каналом для проникновения в Туркестан новейшей цивилизации, слишком удалена от него и не имеет там ни малейшего влияния. Не в силах защитить от туркмен собственные границы, она, как уже упоминалось, потерпела позорное поражение при Мерве в операции, направленной против Бухары, и тем самым окончательно подорвала свой авторитет. Все три ханства совсем не боятся ее, и татарин утверждает, что Бог дал персу голову (разум) и глаза, но не дал сердца (мужества).

Что касается Китая, то его политические контакты со Средней Азией настолько ничтожны, что едва ли

заслуживают упоминания. Может быть, раз в сто лет устанавливаются какие-то связи с Бухарой. Эмиры имеют обыкновенное время от времени отправлять посланников в Кашгар, китайцы же никогда не осмеливаются настолько углубиться в пределы Туркестана, чтобы доехать до [301] Бухары. С Кокандом переговоры ведутся чаще, но к мусульманским варварам всегда посылают только низших чиновников.

Совершенно по-иному складываются отношения России со Средней Азией. Так как Россия уже несколько столетий владеет землями, которые граничат с северными областями Туркестанской пустыни, обширные торговые связи были главной причиной того, что Россия больше остальных соседей следила за событиями в трех ханствах и что ее политические устремления могут окончиться только полным их захватом. Тот факт, что планы русских осуществляются здесь медленно, хотя и верно, можно объяснить только естественными препятствиями. Три среднеазиатских ханства - это недостающие звенья той огромной татарской империи, присоединение которой начал в России Иван Васильевич (1462-1505). Со времен Петра Великого это присоединение продолжает проводиться втайне, но неуклонно.

В самих ханствах русская политика не осталась незамеченной. Правители и население в полной мере сознают грозящую опасность, и лишь восточная индифферентность и религиозный энтузиазм поддерживают ощущение безопасности и беззаботности. Большинство жителей Средней Азии, с которыми я беседовал об этом предмете, говорили мне: “В Туркестане две сильные крепости: во-первых, множество святых, которые покоятся в нашей земле и которые всегда защитят благородную Бухару, во-вторых, огромные пустыни, которые его окружают”. Лишь немногие из них, а именно купцы, долгое время жившие в России, отнеслись бы равнодушно к перемене правления, так как они, подобно остальным своим соотечественникам, хотя и ненавидят все немусульманское, все-таки с похвалой признают справедливость и порядок неверных.

IX РУССКО-АНГЛИЙСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Отношение России Англии к Средней Азии. - Продвижение России к Яксарту.

“Русско-английское соперничество в Средней Азии, - сказали мне, когда я вернулся в Англию, - это просто нелепость. Оставьте этот избитый и уже вышедший из моды политический вопрос. Народ Туркестана - дикие, грубые варвары, и мы поздравим себя, если Россия примет тяжкую и достойную обязанность нести цивилизацию в эти области. У Англии нет ни малейшей причины следить за политикой России с завистью и ревностью”.

Преисполненный истинного отвращения к виденным мною в Туркестане сценам жестокости, о которых я старался дать хотя [302] бы слабое представление на этих страницах, я долго терзался сомнениями, вполне ли справедливы те советы и политические воззрения, которые мне хотели преподать. Я уже давно утвердился в мысли, что христианская цивилизация, бесспорно самый благородный и великолепный дар, когда-либо украшавший человеческое общество, окажется благотворной и для Средней Азии. Но с той частью высказывания, которая относится к политике, все было не так просто, так как, сколько я ни размышлял над этим вопросом с разных точек зрения, сколько ни обдумывал все возможные варианты, я никак не могу свыкнуться с мыслью, что Англия должна равнодушно смотреть на приближение русских к ее индийским владениям.

Время политических утопий прошло. Мы далеко ушли от превратившейся теперь в легенду русофобии, чтобы ждать того момента, когда русский казак и английский сипай, неся пограничную службу, столкнутся друг с другом носами. Столкновение двух колоссов в Средней Азии, которое политические мечтатели предвидели уже много лет назад, еще не так близко. Однако проблема, хотя и медленно, все же, без сомнения, постоянно обостряется, и, следуя обычному ходу вещей, без излишней горячности, нам хотелось бы познакомить читателя с теми мотивами, по которым мы не можем одобрить равнодушия англичан к русской политике в Средней Азии. Прежде всего зададим вопрос, действительно ли Россия продвигается к югу и насколько это ей удалось. Еще 25 лет назад политике русских в Средней Азии уделяли совсем мало внимания. Захват Афганистана англичанами, русско-персидский союз и экспедиция против Хивы послужили причиной того, что в дипломатической переписке петербургского и лондонского кабинетов был впервые затронут вопрос о Туркестане. С тех пор снова установилось относительное спокойствие. Англия, обескураженная провалом своих планов, сразу же отступила, а Россия втайне продолжала свои действия, и в ее положении на границе с Туркестаном произошли существенные изменения. В западной части Средней Азии, а именно на Аральском море и на его берегах, русское влияние значительно возросло. Весь берег Аральского моря, за исключением устья Оксуса, признан русским владением. На самом море в настоящее время плавают три парохода, которым хивинский хан разрешил доходить до Кунграда. **(То обстоятельство, что русские суда не ходят вверх по Оксусу, можно объяснить лишь существованием бесчисленных песчаных отмелей на реке, быстро меняющих свои места. Меня удивляет, что Бернс так благосклонно высказывается о судоходстве на этой реке. Лодочники, прожившие на Оксусе всю жизнь, уверяли меня, что опыт, накопленный в течение одного дня, уже не годится для следующего, настолько быстро меняется положение песчаных отмелей.)** Утверждают, что они находятся там для защиты рыбаков,, однако у них есть, очевидно, и другие предписания, и любой человек в Хиве знает, что недавний переворот в Кунграде, так же как и частые стычки [302] между казахами и узбеками, связан с так называемыми рыболовными судами.

Однако это лишь второстепенные планы, главная же линия действий прочерчивается скорее на левом берегу Яксарта. Здесь русские форпосты под защитой непрерывной цепи фортов и колодцев продвинулись до Кале-Рахима, расположенного в 32 милях от Ташкента, а этот город, как уже упоминалось, можно считать ключом всех завоеваний в Средней Азии. Этот путь, пролегающий по менее пустынным местам, чем все остальные, избран совершенно правильно. Правда, армия здесь в большей мере была бы подвержена нападению, но с ними все-таки легче бороться, чем с яростью стихий. На восточной границе Коканда, по ту сторону от Намангана, русские также подходят все ближе, а во время правления Худояр-хана там произошло несколько конфликтов между кокандцами и русскими.

В успешном осуществлении русских планов в Средней Азии, таким образом, нечего сомневаться. Как уже говорилось, в интересах цивилизации мы должны пожелать русскому оружию наилучших успехов, однако все становится более сложным, когда мы думаем о дальнейших последствиях будущих приобретений. Трудно ответить на вопрос, удовлетворится ли Россия Бухарой, сочтет ли Оксус границей своего влияния и своих планов. Не вдаваясь в слишком глубокие рассуждения, мы можем вполне определенно сказать, что петербургский двор постарается получить за свою политику, в течение многих лет проводимую в Великой пустыне ценою утомительных трудов и крупных расходов, более богатое вознаграждение, чем земли туркестанских оазисов. Во всяком случае, желал бы я посмотреть на политика, утверждавшего, что, овладев Туркестаном, Россия упустит возможность прямо или косвенно проникнуть в Афганистан или в Северную Индию, где политические интриги всегда находят плодотворную почву. Когда колонны Перовского отбросили свою тень от западного берега Аральского моря до Кабула, когда призрак Витковича (Так звали русского агента, отправленного в 1838 году петербургским двором в Афганистан с большими суммами денег, чтобы вести интриги против Англии²¹⁵.) появился в Кандагаре и Кабуле, тогда-то уже разглядели возможность такого рода событий. А разве случившееся не может повториться еще раз, если это будет необходимо?

Будучи далеки от скверного чувства зависти и ревности, мы тем не менее считаем себя вправе не одобрять равнодушия Англии к планам русских в Средней Азии. Таково наше скромное мнение. Однако на вопрос, столкнутся ли, враждующая, в Азии английский лев с русским медведем, или же они по-братски поделятся завоеваниями, я, будучи лишь склонным к филологии дервишем и следуя изречению: “Sutor non ultra crepidum”²¹⁴, не осмелюсь ответить.

КОММЕНТАРИЙ

¹ Познай самого себя (*лат*) Здесь и далее перевод иноязычных выражений сделан издательским редактором.

² Эфенди, или афанди (*тур-греч*), “господин, государь”, употребляется также в качестве титула ученых, духовных судей и чиновников. См.: *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий Т I СПб, 1869, с 66

³ Мы все не все можем (*лат*)

⁴ В современных литературных языках народов Средней Азии это слово отсутствует. В туркменском, азербайджанском и турецком языках имеется схожее название - Кервенгыран (Карвангыран), под которым известны Юпитер (в туркм. Яз.) и Венера (в азерб. и тур. Яз.) См.: Туркменско-русский словарь М, 1968, с 392, Азербайджанско-русский словарь Баку 1985, с 202, Турецко-русский словарь М, 1945, с 334

⁵ Очевидно, это слово искажено в немецкой передаче, так как не дает смыслового значения.

⁶ “Пришел, увидел, победил” (*лат*). Слова из донесения Юлия Цезаря сенату о победе над понтийским царем Фарнаком.

⁷ Прекрасная Персия (*фр*).

⁸ Дервиши - члены профессиональных нищенствующих мусульманских орденов, возникших в VIII-IX вв. Дервиш, или факих (араб “бедняк”), был либо странствующим аскетом-мистиком, либо жил в обители (ханаках), келье (завийа), приюте (такйа, лангар). Такие “общешития”, имевшие свой устав, находились под началом старцев-наставников (машаих, пир). Дервиши носили особую одежду - хирка (“рубище”, “вретище”). См.: *Петрушевский И. П.* Ислам в Иране в VII-XV вв Л, 1969, с 322-323

⁹ Продолжая политику объединения Афганистана, афганский эмир Дост Мухаммед в конце июня 1862 г предпринял поход на Герат, где правил его зять и племянник Султан Ахмед-хан, отказавшийся ему подчиниться и признавший верховную власть иранского шаха. В конце июля 1862 г Дост Мухаммед подошел со своим войском к Герату и осадил его. Осада длилась десять месяцев. Военные действия носили ожесточенный характер. Надежды Султан Ахмед-хана на помощь Ирана не оправдались. Во время осады Султан Ахмед-хан умер, но его сыновья продолжали упорно защищаться. Только 28 мая 1863 г войска Дост Мухаммеда овладели Гератом.

¹⁰ Хаджи (хаджжи) - мусульманин, совершивший паломничество (хаджж) в священный город ислама - Мекку, где расположен знаменитый храм Кааба с “черным камнем”. Каждый состоятельный мусульманин (за исключением женщин, рабов и других зависимых групп) должен совершить хаджж хотя бы раз в жизни. Одобрялось и так называемое малое паломничество (умра), во время которого совершалось ограниченное количество обрядов, связанных с хаджем.

¹¹ Здесь и далее у Вамбери, в соответствии с принятой в европейской литературе XIX в терминологией, словами “татарин”, “татары” обозначались многочисленные и разнообразные тюркские народности и племена Средней и Центральной Азии, Сибири и Восточной Европы, а не только собственно татары, жившие в России

¹² Термином “Китайская Татария” Вамбери обозначил, как это было принято в европейской литературе того времени, Китайский, или Восточный, Туркестан.

¹³ По должности, по обязанности (*лат*)

¹⁴ Раб, слуга, прислужник (*лат*)

¹⁵ Такое противопоставление текинцев и йомутов отражает неоднозначное отношение к этим двум родственным туркменским племенам, что в значительной степени было связано с политикой иранских наместников Астрабада, Боджнурда и Хорасана, использовавших йомутов и гекленов Атрека и Горгана в борьбе против текинцев Кизыл-Арвата и Ахала. См.: *Мухаммад Хасан-Хансани ад-Дау-за* Магла аш-шамс Т III Тегеран, 1303 г х . с 303-324 и сл

¹⁶ “Оставьте надежду” (*ит*). Полностью эта фраза из “Божественной комедии” Данте (надпись над дверями ада) звучит так “Оставьте надежду входящие сюда”

¹⁷ Талкин - изустное объяснение тайных молитв и радений суфиев для новообращенных См *Тримингэм Дж С* Суфийские ордены в исламе М, 1989, с 298

¹⁸ Ишан - почитаемое в народе духовное лицо, суфий, не связанный с официальным исламом См.: *Демидов С. М.* Суфизм в Туркмении Аш, 1978, с 105 и сл

¹⁹ Маджзуб - суфийский термин, означающий исступление, пребывание в состоянии экстатического озарения. См.:

Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены, с 294

²⁰ См.: Каульбарс А. В. Материалы для географии Тянь-Шаня. Известия Русского имп. географического общества Т VII СПб, 1872, Полторацкий В. Сведения о торговых сношениях с Западным Китаем. Записки Русского имп. географического общества Т IX СПб, 1873

²¹ Бабиды приверженцы секты, возникшей в Иране в 40-х годах XIX в, основоположник ее, Сейид Али Мухаммед (1819-1850), объявил себя в 1844 г вратами (“баб”), через которые грядущий мусульманский мессия (“махди”) передаст свою волю народу. Под руководством представителей секты бабидов в Иране в 1848-1852 гг происходили антифеодальные народные восстания, в ходе которых выдвигались требования отмены частной собственности с целью осуществления мечты о счастливом царстве бабидов с общностью имущества и равенством людей. О бабидах и этих восстаниях см.: Казем-Бек А. К. Баб и бабиды СПб, 1865, Иванов М. С. Бабидские восстания в Иране (1848-1852) М Л, 1939. Об изучении бабизма в России см.: Кузнецова Н.А. К истории изучения бабизма и бехаизма в России. Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 6 М. 1963, с 89-133

²² Основным занятием прикаспийских туркмен, вопреки утверждению Вамбери, был не “морской разбой”, а рыболовство, охота на тюленей, добыча полезных ископаемых (нефть, озокерит, соль, минеральные краски), скотоводство и земледелие. См.: Бларамберг И. Ф. Топографическое статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабада до мыса Тюп-Караган. Записки Русского имп. географического общества. Кн. IV СПб, 1850, Ливкин П. Рыболовный и тюлений промысел на восточном побережье Каспийского моря. СПб, 1902, Литвинский Б. А. К истории добычи полезных ископаемых на Челекене. Материалы Южно-Туркменской археологической экспедиции. Аш., 1949

²³ Надир-шах (1688-1747), происходивший из племени афшар, занимал иранский престол с 1736 г. Сокрушив весной 1738 г. Кандагарское государство афганского племени гильзаев Надир-шах с целью подорвать могущество этого племени переселил значительную часть гильзаев из района Кандагара в различные области Ирана.

²⁴ Вамбери односторонен в своих суждениях о захвате туркменами пленников – иранцев. Каджарские наместники Астрабада, Боджнурда, Хорасана, производившие частые нападения на туркмен, также брали добычу и пленных. То же самое делали и правители Хивы и Бухары, борющиеся с Каджарами за подчинение Туркмении. В 1863 г. когда А. Вамбери отправился в путешествие в Среднюю Азию, хивинское войско, разгромив туркмен-човдуров, “овладело множеством пленных и большим количеством лошадей, верблюдов, овец, рогатого скота”. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II М. –Л., 1938, с 39

²⁵ Гемюштепе (Кумюштепе) располагалось по обоим берегам р. Горган, в двух верстах от берега Каспийского моря. В 1859 г. здесь было 500 туркменских юрт, жители занимались рыболовством, земледелием и мелкой торговлей. Большая часть их летом, спасаясь от жары и вспышек лихорадки, уходила в Гасан-Кули или Чекишляр (на р Атрек). См.: Русско-туркменские отношения в XVIII-XIX вв. Сборник архивных документов. Аш., 1963, с. 475

²⁶ Имеется в виду шах Аббас I (1571-1629).

²⁷ С 1840 г. русские военные корабли стали постоянно крейсировать у иранских и туркменских берегов Каспийского моря, а в 1842 г. была основана военно-морская база на острове Ашур-Ада, у входа в Астрабадский залив. Появление русских кораблей близ персидского побережья было встречено враждебно феодальными кругами Ирана. В 1851 г. часть йомутов Горгана и Атрека подкупленная губернатором Астрабада и Мазендерана принцем Мехди Кули мирзой, совершила нападение на остров Ашур-Ада, но была разбита гарнизоном базы. Российские власти добились от шаха удаления Мехди Кули-мирзы из Астрабада, после чего отношения с туркменами стали постепенно налаживаться. См.: Агаев Х. Взаимоотношения прикаспийских туркмен с Россией в XIX в. Аш. 1965, с 85 и сл., Русско-туркменские отношения, с. 407-412

²⁸ Очевидно, это было следствием экспедиции полковника генерального штаба В. Д. Дандевилья, которая была послана для изучения восточного побережья Каспийского моря. В. Д. Дандевилья, превысив свои полномочия, способствовал обострению русско-туркменских отношений. В 1859 г. корабли под его командованием сожгли артиллерийским огнем туркменские аулы на Горгане и Атреке. Действия полковника Дандевилья были осуждены другими российскими морскими офицерами. См.: Русско-туркменские отношения. С. 488 и сл.

²⁹ Речь идет не о вечерней, а о предвечерней молитве салат ал-’аср (перс. намаз-и дигар), она совершалась между полуднем и заходом солнца.

³⁰ Юрта по-туркменски “ей”, а не “ова”. См.: Туркмен дилинин созлуги. Аш., 1962, с. 500

³¹ Чатма - не юрта, а сооружение из вогнутых жердей (ук), на которых держится верхняя часть юрты. См.: там же, с. 741.

³² Улемы, правильное улама (араб. “ученые”), - мусульманские теологи, правоведы, судьи, проповедники и т. д.

³³ Здесь Вамбери неточен. Михраб - это ниша в стене мечети, обозначающая киблу (кыблу), т. е. направление на Каабу (главную святыню ислама, здание во дворе мекканской мечети Аль-Масджид аль-Харам). Именно туда обращает свое лицо мусульманин во время молитвы.

³⁴ В странах Востока была широко распространена легенда о стене, или преграде (“садд”), которую якобы возвел Александр Македонский, чтобы сдерживать натиск “диких” народов. Представления об этой стене, месте ее сооружения и окружающих народах менялись на протяжении веков. См.: Бертельс Е. Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М. –Л., 1948, Низами Гянджеви. Искандар-наме Т. I-II Баку, 1963. Кызыл Алан (см об этом названии у Вамбери ниже), вероятно, представлял собой остатки оборонительных сооружений, воздвигнутых в период правления в Иране династии Сасанидов (III-VI вв н. э.) для защиты северо-западных рубежей Ирана. Кызыл Алан описывается и упоминается также другими путешественниками XIX в, в частности К. Боде. См.: Боде К. Очерки туркменской земли и юго-восточного побережья Каспийского моря. Отечественные записки. Т. CVII СПб, 1856, с. 186 и сл.

³⁵ Волей-неволей (фр)

³⁶ По преимуществу, в особенности (фр)

³⁷ В современном туркменском языке молитвенный коврик называется “намазлык”, а “намаз джайи” означает

место, где совершается намаз

³⁸ Речь идет о карательной экспедиции полковника Дандевиля. См.: примеч. 28

³⁹ Еще одна неточность Вамбери. Фес - город в Марокко.

⁴⁰ Так у Вамбери

⁴¹ In partibus (*лат*) - частично. In toto (*лат*) - в целом

⁴² Точнее, ид-и гулю

⁴³ Черкез-хан был одним из йомутских вождей Горганаю Ярый сторонник Мехди Кули-мирзы, он в 1851 гю принял участие в нападении на российскую военно-морскую базу на острове Ашур-Ада. В дальнейшем, лишившись поддержки губернатора Астрабада и Мазендерана, он был арестован русскими властями и отправлен в Калугу, но затем освобожден и возвращен на родину. См.: Русско-туркменские отношения. с. 407-429

⁴⁴ В этом месте у Вамбери, очевидно, опечатка. Вместо “Kalak” следует читать “Kasak”. Термином “казаки” Вамбери здесь и далее называет казахов. Мы повсюду передаем этот этнический термин в принятом сейчас в литературе на русском языке написании “казак”. В ряде случаев Вамбери именуется казахов также “киргизами”, иногда имея в виду и настоящих киргизов. Во всех этих случаях оставляем без оговорок употреблявшийся Вамбери термин “киргизы”. Читателям следует учитывать что в прошлом в русской терминологии существовала путаница в употреблении этнических названий “казак” (“казак”) и “киргиз”; казахов с начала XVIII в. называли “киргиз-кайсаками”, впоследствии “киргиз-казаками” или, чаще, “киргизами”, а настоящих киргизов русские именовали “кара-киргизами”. Кроме того, этническое имя “казак” могло смешиваться с русским названием военного сословия (казаки донские, сибирские, семиреченские, литовские и т. д.). Истинное самоназвание казахского народа - “казак” - сохраняется в казахском языке и в других языках народов советского Востока. В русском языке с 30-х годов XX в, во избежание существовавшей прежде терминологической путаницы, название этого народа стали произносить и писать “казак”. Во времена Вамбери неудобства, связанные с многозначностью слова “казак” и “киргиз”, были настолько велики, что даже в лучших работах многих ученых название “киргиз” иногда применялось и в качестве собирательного имени и для киргизов, и для казахов. В языках местного коренного населения Средней Азии и Казахстана эти два этнических термина никогда не смешивались. См.: *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II, ч. 1 М., 1963, с. 15

⁴⁵ Харамзаде (*араб.-перс.*) - ругательное слово, имеющее значения “мошенник, проныра, хитрец, плут, незаконнорожденный”.

⁴⁶ Рассказ Вамбери о “причудливой форме” туркменского гостеприимства вызывает сомнения, так как не согласуется с нормами обычного права туркмен.

⁴⁷ Целое вместо части (*лат*)

⁴⁸ “Чолук чоджук” (*тур*) - “семья, домохозяин, жена и дети, дети, детвора, детишки”. В туркменском языке “чолук” означает “подпасок”, а “джоджук” - “поросенок”. Туркменско-русский словарь, с 326, 736

⁴⁹ Об археологических памятниках этого района см.: *Атагарриев Е.* Средневековый Дехистан. История и культура города Юго-Западного Туркменистана. Л, 1989

⁵⁰ Речь идет об Узбое - старом русле Амударьи. См. об этом подробнее: Низовья Амударьи, Сарыкамыш и Узбой. Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 3 М., 1960

⁵¹ Правильнее “тайаммум” (*араб*) - совершение ритуального омовения землей или песком при отсутствии воды. По-турецки – *teyemmm*.

⁵² В современном туркменском языке “йилгын” означает “гребенщик, тамариск”.

⁵³ Здесь Вамбери неправильно отождествил термины “бай” и “би” (“бий”). Основным значением тюркского слова “бай” было “богатый”, “богач”, т.е. человек, владевший большим количеством скота. См.: *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. V 1968, с. 491 Слово же “би”, “бий”, османское “бей”, связанное по происхождению с тюркским термином “бег”, “бек”, обозначало в основном аристократию в противоположность простому народу (см. там же, с. 502).

⁵⁴ Ховли, правильнее “ховлы” (*туркм., узб.*) - усадьба, состоявшая из двора с жилыми и хозяйственными постройками. Такие усадьбы были обнесены высокими глинобитными стенами, что делало их похожими на средневековые крепости. См.: *Васильева Г. П.* Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969, с. 160

⁵⁵ Говоря о “персидском происхождении”, Вамбери употреблял здесь, как и в других местах, термин “персидский” в более широком значении, относя его ко всем народам, говорящим на иранских языках. “Сарт” вышедший ныне из употребления термин, которым в дореволюционной Средней Азии обозначалось обычно ремесленное и торговое население, преимущественно городское, а в некоторых случаях и оседлые сельские жители, ираноязычные и тюркоязычные, в противоположность кочевникам. В средние века, начиная с XI в., термин “сарт” в среднеазиатских источниках применялся в значении “купец”. Впоследствии этот термин приобрел отчасти этническое содержание, но значение его изменялось в зависимости от времени и местных условий в различных частях Средней Азии.

Так, “сартами” называли таджиков, сохранявших свой язык, а также тех таджиков, кто воспринял тюркский язык и впоследствии слился с узбеками, в Фергане в XIX в. “сартами” именовалось оседлое население, состоявшее из узбеков и таджиков. См.: *Бартольд В. В.* Сочинения Т. II, ч. 1 М., 1963, с. 462. О других значениях термина “сарт” в разное время см. там же, с. 196-197, 460 462, *Бартольд В. В.* Сочинения Т. II, ч. 2 М, 1964, с. 303-305.

⁵⁶ Обращение к Аллаху с просьбой благословить пророка Мухаммеда и его семью

⁵⁷ Хазнадар (*араб.-перс.*) казначей

⁵⁸ Официальный камердинер (*лат фр*)

⁵⁹ Многие термины, упоминаемые Вамбери, для нас непонятны. Возможно должность шилаптчи (в чагатайском языке “шилапчи” означало “старшина мясников”), скорее всего, соответствовала чину “таштдара” (заведовавшего царской умывальней) при династии Сельджукидов в Хорезме. Джигачи, по-видимому, был лицом, подававшим или хранившим корону (“джига”). См.: *Бартольд В. В.* Сочинения Т. II, ч. 2 М., 1964, с. 393 399, *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I, с. 681, *Махмуд ибн Вали.* Море тайн относительно доблести

благородных. (География) Введ., перев., примеч. Б. А. Ахмедова. Таш., 1977

⁶⁰ Рафенек - селение (кент), располагавшееся к северу от г. Хивы - столицы ханства. (Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II М. -Л., 1938, с. 559, 616) Ташхауз (совр. Ташауз, туркм. Дашховуз) город, область, район и железнодорожная станция в Северном Туркменистане. Основан в 1835 г. хивинским правителем Алла Кули-ханом. (*Атаниязов С.* Толковый словарь географических названий Туркменистана. Аш., 1980, с. 150-151).

⁶¹ Приводимые А. Вамбери сведения о калмыках являются воспоминанием об их набегах из Мангышлака на Хорезм, западные прикаспийские области нынешней Туркмении и Ирана. В первой четверти XVII в. калмыки (это была часть ойратов) во главе с тайшей Хо-Орлоком ушли из Джунгарии и достигли низовий Волги. Калмыки вытеснили туркмен и остатки мангытов (ногайцев) из Мангышлака, захватили степи между Эмбой, Уралом и Волгой. Отсюда они в 20-60-х годах XVII в. несколько раз вторгались в Хорезм, Астрабад, Хорасан. Часть туркмен (роды човдур, игдыр, сойынаджи), оставив Мангышлак, ушла к калмыкскому хану Аюке (1670-1724) и кочевала близ Астрахани, на Куме и Маныче. См. *Абу-л Гази.* Родословная туркмен. Перев. и коммент. А. Н. Кононова М.-Л., 1958, с. 44, *Бартольд В.* Очерк истории туркменского народа. Сочинения Т. II, ч. 1 М., 1963, с. 607-613

⁶² Вамбери передает здесь немецким словом Festung ("крепость", "твердыня") термин "калиса", или "каниса", попавший в восточные языки из греческого и обозначающий христианскую церковь, а также иудейскую синагогу и храм огнепоклонников. См. *Zenker J. T.* Dictionnaire Turc-Arabe-Persan, с 759

⁶³ Здесь у Вамбери явная ошибка. Несториане были христианами, последователями патриарха Нестора (323-330). В V-VIII в.в. его учение получило широкое распространение в Иране, Средней Азии, а затем и в Восточном Туркестане и Китае. Христиане несторианского толка жили главным образом в Джундишапуре (около Нишапура), в Мерве, Самарканде. В XII в. несторианская митрополия существовала в Кашгаре. См. более подробно: *Бартольд В. В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Сочинения Т. II ч. 2 М., 1964, с. 265-303, он же: Еще о христианстве в Средней Азии. Там же, с. 315-319

⁶⁴ Горы Овейс Карайне (вернее Увайс ал-Карани) соответствуют хребту Султан Уздаг на правом берегу Амударьи. Название этих гор связывается с именем жившего в VII в. в Йемене шейха Увайса ал-Карани - одного из основоположников суфизма. На юго-западном склоне Султан Уздага, в урочище Султан Баба, находится могила (точнее, кенотаф) с надгробием этого мусульманского святого. Однако такие же его "могилы" отмечаются во многих других местах Средней Азии. См. *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма. Таш., 1957, с. 22, примеч. 19, *Тримингэм Дж. С.* Суфийские ордены в исламе. Пер. с англ., под ред. О. Ф. Акимускина М., 1989, с. 24, 213

⁶⁵ В хивинских источниках XIX в. упоминается Рахим Берды-бий - крупный военачальник хивинского правителя Кутлуг Мурад-хана (1855-1856). Наряду с другими ханскими полководцами он участвовал в подавлении восстаний туркмен-йомутов и каракалпаков в Хорезме в середине XIX в. См. *Мунис и Агахи* Фирдаус ал-икбал. Материалы по истории туркмен и Туркмении М. -Л., 1938, с. 552 и сл.

⁶⁶ Как нам любезно разъяснил венгерский ученый Дьердь Кара, Вамбери здесь говорит об опасной для человека и скота мухе, наименование которой восходит к названию местности на Дунае, в Сербии. Сербское название голубац, венгерское galambocz (kolumbacz).

⁶⁷ Так у Вамбери (aufwdgts), на самом деле вниз по течению.

⁶⁸ Очевидно, имеется в виду местность в районе Нукуса, ныне столицы Каракалпакии. На карте, сопровождающей книгу Вамбери, это название передано как Нохус (Nochus), т. е. ближе к современному "Нукус".

⁶⁹ Очевидно, имеется в виду хивинский хан Мухаммед Эмин (1845-1855).

⁷⁰ Сырдарья.

⁷¹ Фарсах - мера длины, широко применявшаяся в странах Востока, в том числе в Средней Азии. В Хорезме, Бухаре, Самарканде, Ташкенте, Фергане в XIX в. фарсах составлял от 8, 5 до 9, 5 км. Однако в некоторых областях Средней Азии он в то время равнялся 6 км, т. е. соответствовал средневековому каноническому фарсаху. См. *Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970, с. 72, *Давидович Е. А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии М., 1970, с. 120

⁷² Казахи.

⁷³ Бенг - наркотик из листьев индийский конопли и белены.

⁷⁴ Термин "Татария" применен здесь Вамбери в значении "Туркестан", т. е. "страна тюрок", поскольку словом "татары" в европейской литературе обозначались разнообразные тюркские (турецкие) народности и племена. См. примеч. 11.

⁷⁵ Саратан созвездие Рака, знак Зодиака, соответствующий четвертому месяцу иранского солнечного календаря.

⁷ Шоркутук, вернее Шоркудук, означает "Соленый колодец".

⁷⁷ Rapporteur (вакаинювис) - буквально, как и отмечает далее Вамбери, "записывающий события". Этим и близким к нему по значению термином "вака-и нигар" обозначались тайные или явные агенты правителей, а также должностные лица, выполнявшие консульскую службу в других государствах, и шпионы, впоследствии - корреспонденты газет, иногда историки-летописцы в Бухаре, Афганистане и Иране.

⁷⁸ Текке - обитель, странноприимный дом.

⁷⁹ Речь, скорее всего, идет об Абдулла-хане (1557-1598), при котором Бухара стала столицей государства Шейбанидов.

⁸⁰ Инак сановник высшего ранга в Хивинском ханстве. В конце XVIII - начале XIX в. инаки обрели большое влияние и фактически держали власть в ханстве в своих руках. Наиболее могущественным из них был Мухаммед Амин, происходивший из знатного узбекского племени кунграт. После его смерти в 1790 г. власть в Хиве перешла к его сыну Авазу (1790-1804), который, как и отец, управлял страной от имени подставных ханов. В 1804 г. Аваза сменил его сын Ильтузар (1804-1806). Он принял титул хана и официально положил начало правлению в Хиве новой, Кунгратской династии. См. *Иванов П. П.* Очерки истории Средней Азии. М., 1958, с. 100-101.

⁸¹ Правильнее аламат-и тоуфиги.

⁸² Речь идет о Мухаммаде ибн Мухаммад ан-Накшбанди (1318-1389). После его смерти над его могилой был

сооружен мавзолеем, но не в 1490 г, а в 1544 г (эмиром Абд ал-Азизом). См. *Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены.*, с. 61 - 62

⁸³ Под названием “Хидайат” (“Хидайа”) известно сочинение автора XII в. Бурхан ад-Дина Али Маргинани (ум. в 1197 г.). Сочинение представляет собой руководство по мусульманскому праву ханафитского мазхаба. Кроме того, известен труд под названием “Хидайат-наме”, написанный на турецком языке Фириште-оглу (ум. в 1469 г.). Посвящен этот труд учению шиитской секты хуруфитов.

Под названием “Шарх-и викайа”, по-видимому, имеется в виду комментарий на “Ал-Хидайа” Бурхан ад-Дина Али Маргинани.

⁸⁴ Фарз (араб фард) и ваджиб - действия, поступки, мнения, предусмотренные шариатом. Различаются “фард ал-’айн”, т. е. поступки, безусловно обязательные для всех мусульман (омовение, пятикратная ежедневная молитва, посещение мечети), и “фард ал-кафийа” обязательные лишь для тех, кто в состоянии их выполнить (например, обязанности му’аззина).

Сунна поступки и высказывания пророка Мухаммеда, зафиксированные в хадисах, преданиях о поступках и изречениях пророка.

⁸⁵ Чахарбаг (тадж, узб чорбог) - большой сад с парком, лугами и огородами. Обычно такие сады располагались за городом и служили местами отдыха.

⁸⁶ Кнастер сорт табака.

⁸⁷ Отец, [я] грешен (*лат.*).

⁸⁸ Теvedжи (правильнее “таваджох”) – букв. “встреча лицом к лицу”.

⁸⁹ Под “мервцами” и “персами” имеется в виду население Мерва и различных местностей Ирана которое было переселено в более ранний период в Бухару. Множество жителей Мерва было депортировано в Бухару в XVIII в. эмиром Шах Мурадом (1875 - 1800).

⁹⁰ Вамбери имеет здесь в виду знаменитое сочинение Н. В. Ханыкова “Описание Бухарского ханства” (СПб., 1843).

⁹¹ Доверчиво, чистосердечно (*лат.*).

⁹² “Короли без портфеля” (*фр.*).

⁹³ Абдалхалик Гиждувани умер в 1179 или 1220 г. См *Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены.*, с. 26, 61.

⁹⁴ Речь идет о Кусаме ибн Аббас ибн Абдул Муталибе - двоюродном брате пророка Мухаммеда, по местной народной легенде он был похоронен в Самарканде. Архитектурный комплекс Шахи-Зинда начал складываться в дотимуридское время и был в основном завершен при Улугбеке. При Тимуре и Тимуридах было построено несколько мавзолеев в ансамбле зданий, входящих в комплекс Шахи-Зинда. См. История Самарканда. Т. I Таш., 1969, с. 167.

⁹⁵ Рик’ат - часть молитвенного мусульманского обряда, состоящая из стояния, поясного поклона и двух земных поклонов. Все пять обязательных молитв включают определенное число рик’атов. В данном случае речь, судя по всему, идет об утреннем намазе, состоящем из двух рик’атов. См. *Гаффаров М. А. Персидско-русский словарь.* Т. I М., 1976, с. 389.

⁹⁶ Термин “каши”, поясненный Вамбери как “цветные кирпичики”, является названием изразцовых узорчатых плиток, применявшихся для облицовки стен.

⁹⁷ Айнахане - зеркальная комната.

⁹⁸ Имеется в виду мавзолей Гур-Эмир, строительство которого началось в 1404 г., при Тимуре. Впоследствии здание превратилось в фамильную усыпальницу Тимуридов, где кроме самого Тимура были похоронены его сыновья Омар-шейх, Мираншах, Шахрух и внуки - Мухаммед Султан и Улугбек. См. История Самарканда. Т. I, с. 243.

Приведенное Вамбери в сноске к этому месту со ссылкой на Радлова описание надгробных камней в мавзолее Гур Эмир при переводе опущено, так как оно сильно устарело и содержит много неточностей и ошибок. О мавзолее Гур Эмир и погребении Тимура. См. статьи В. В. Бартольда (Сочинения. Т. II, ч. 2, М., 1964), где указаны также основные работы советских исследователей.

¹⁰⁰ Тюрбе (от араб “турбаг”) могила, надгробный камень, гробница, склеп, мавзолей. О значениях этого термина см. *Бартольд В. В. Сочинения.* Т. II, ч. 2, с. 444, 446. Мусульманский Ренессанс. М., 1966, с. 308.

¹⁰¹ Самаркандское медресе Ширдор, строившееся в 1619-1636 гг., было возведено на месте разобранной постройки (ханака) Улугбека Медресе. Тилля Кари было сооружено в 1646-1659 гг. по приказу наместника (хакима) Ялангуш Бахадура, который был назначен на этот пост бухарским ханом Имамкули из династии Аштарханидов. См. История Самарканда Т. I, с. 298-300.

¹⁰² По-видимому, Вамбери принял за развалины медресе, о котором он сообщает различные легендарные сведения, руины мечети Биби-Ханым, соборной (главной) мечети Самарканда при Тимуре. О ней см. *Бартольд В. В. Сочинения* Т. II, ч. 1 М., 1963, с. 160, т. II, ч. 2, с. 128. Рахле - подставка, на которой лежит Коран во время службы.

¹⁰³ Диванбеги - один из высших чинов в Бухарском ханстве, ведал финансовой отчетностью, утверждал сметы расходов. См. *Сухарева О. А. Квартальная община позднесредневекового города Бухары.* М., 1976 с. 98.

¹⁰⁴ Недоразумение при переводе названия сада на немецкий язык правильно - “Сад чинар”, так как чинара не тополь, а карагач (платан восточный).

¹⁰⁵ Сколько знаешь языков, столько стоишь как человек (*лат.*).

¹⁰⁶ Дерьябеги - должностное лицо (чиновник), ведавшее переправой через Амударью, букв. “речной начальник”, т. е. “начальник переправы”.

¹⁰⁷ Хасан-менгли.

¹⁰⁸ Гость и рыба через три дня [превращаются] в яд (*фр.*).

¹⁰⁹ Санджар (1118 - 1157) правитель из династии Сельджукидов, владевший Ираном (Хорасаном) и значительной частью Средней Азии.

¹¹⁰ Див - злой дух в древнеиранской мифологии. В “Шах-наме” упоминается “див-и сафид” (“белый див”), обитающий в Мазендеране. См. *Фирдоуси Шах-наме.* Кн. I М., 1964, с. 745.

¹¹¹ Ришта - заболевание человека, вызываемое одноименным паразитическим червем (*Dracunculus medinensis*).

¹¹² Садзузи (в принятой сейчас русской транскрипции - садозаи) - род племени попользаев, входящего в состав группы племени дуррани, из садозаев произошла династия, основанная Ахмед-шахом, который возглавил государство Афганистан в 1747 г. Его потомки правили страной до 1818 г., после чего в течение нескольких десятилетий сохраняли власть только над Гератом.

¹¹³ Берекзи (в принятой сейчас русской транскрипции - баракзаи) - одно из самых многочисленных племен группы дуррани. Из рода мухаммадзеяв племени баракзаев происходит династия, сменившая в XIX в. садозайскую и находившаяся у власти в Афганистане вплоть до республиканского переворота в 1973 г. Династия эта именовалась мухаммадзайской или баракзайской.

¹¹⁴ Палтан (пальтан) - пехотный полк в регулярной армии Афганистана.

¹¹⁵ Дост Мухаммед-хан умер в Герате 9 июня 1863 г.

¹¹⁶ Джагатайский (чагатайский) язык - восточнотюркский литературный язык Средней Азии, получивший как на Востоке, так и в европейской науке условное наименование "чагатайский" от названия средневекового государства. См. *Бартольд В. В.* Чагатайская литература - (Сочинения. Т. V М., 1968, с. 606-610. Там же (с. 610) приводится в примечании литература предмета, начинающаяся трудом Вамбери. *Vambery H.* *Çagataische Sprachstudien, enthaltend grammatikalischen Umriss, Chrestomatie und Wörterbuch der çagataischen Sprache Lpz., 1867.*

¹¹⁷ В вечности (*лат.*).

¹¹⁸ Современная Гянджа, город в Азербайджане.

¹¹⁹ На современных картах - Ходжа-Кинти.

¹²⁰ На современных картах - Калайи-Вали.

¹²¹ По-видимому, Маручак.

¹²² На современных картах Пенде, так было воспринято русскими и утвердилось в терминологии название Пянджех, означающее "Пять деревень".

¹²³ Пишдаиды - легендарная династия, правившая в древнем Иране. Согласно иранской мифологии, первым человеком и первым правителем Ирана был Каюмарс.

¹²⁴ Дербенд - название горного перевала и ущелья в верховьях р. Мургаб, на пути из Мерва и Серакса в Мешхед.

¹²⁵ Имеется в виду потомок Тимура Хусейн Байкара, правивший в 1470-1506 гг. Хорасаном.

¹²⁶ Так на современных картах Вамбери именуется эту крепость Кале-Но.

¹²⁷ На современных картах - Карох.

¹²⁸ Тимури (правильнее теймури) одно из кочевых племен смешанного происхождения, входившее в состав так называемых чахар-аймаков Афганистана. Кроме теймури в их состав входили также херазе, фирузкухи и теймени.

¹²⁹ Население Герата и других городов Афганистана называлось по языковому признаку "парсиван" или "фарсизабан", т. е. "говорящие на персидском языке". Однако в этническом отношении безоговорочно отождествлять это население с персами неправильно, так как большинство его составляли представители других ираноязычных народов, прежде всего таджики, а также хазарейцы и упомянутые ниже у Вамбери как обитатели Гератской области фирузкухи, таймени и др.

¹³⁰ Правое плечо вперед! Левое плечо вперед! (*англ.*).

¹³¹ Термин "палтан" употреблен здесь для обозначения регулярной пехоты эмира Дост Мухаммеда, овладевшего Гератом.

¹³² До взятия Герата эмиром Дост Мухаммедом этим городом правил его зять Султан Ахмед, отказавшийся подчиниться эмиру.

¹³³ Кызылбашами называли персов-шиитов, иногда вообще шиитов. Соображения Вамбери о симпатиях населения к властям шиитской Персии и к англичанам субъективны и не основаны на серьезных и длительных наблюдениях в Гератской области и в Герате, большинство населения которых в описываемое время составляли сунниты. Англичане и "правление" британского агента Годда в описании Вамбери явно идеализированы.

¹³⁴ Т. е. в 1495-1496 гг.

¹³⁵ Имам Риза Али ар-Риза, потомок Али ибн Абу Талиба, сын Мусы ал-Казима, женившегося на персидской рабыне. Али ар-Риза родился в 765 или 770 г. считался восьмым по счету шиитским имамом из рода Али. В 816 г. он был переселен по указанию халифа ал-Мамуна из Ирака в Хорасан. Али ибн Муса был объявлен наследником (вали 'ахд) ал-Мамуна, на дочери которого он был женат. Однако провозглашение его преемником халифа вызвало в 817 г. мятеж в Багдаде. В результате этого к власти в Халифате пришел Ибрахим ибн ал-Махди из рода Аббасидов. Вслед за этим в 818 г. в селении Нукан, около Туса, умер Али ар-Риза. Молва приписывала его смерть Мамуну, отравившему своего зятя. Али ибн Муса был объявлен мучеником за веру (шахид), его гробница (в Санабаде, возле г. Туса) стала местом паломничества шиитов и одной из их главных святынь. Впоследствии здесь возник город Мешхед. См. описание усыпальницы имама Али ар-Ризы. *Ханыков Н.* Экспедиция в Хорасан. М. 1973 с. 98 и сл.

¹³⁶ О дворе (сахн) мавзолея см. *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. VII, с. 118.

¹³⁷ Абу-л-Касим Фирдоуси классик средневековой персидско-таджикской литературы. Родился между 932-941 гг., умер в 1020 или 1026 г. в родном Тусе. Автор всемирно известной поэмы "Шах-наме", которую он преподнес в 1010 г. султану Махмуду (998-1030), правителю Газневидского государства, в состав которого входили земли Афганистана, Средней Азии, Ирана. Махмуд Газневи не принял дар Фирдоуси. В ответ на отказ султана принять в дар "Шах-наме" поэт написал едкую сатиру. Согласно легенде, Махмуд в дальнейшем раскаялся в своем поступке и решил вознаградить Фирдоуси. Однако когда отправленный им караван с дарами для Фирдоуси входил в Тус, из города вышла траурная процессия с гробом умершего поэта. См. *Шах-наме Т.ИМ., 1964, с. 9.*

¹³⁸ Имеются в виду сасанидские рельефы, посвященные победе иранцев над римским императором Валерианом.

¹³⁹ Миру свойственно ошибаться, а потому обманываемся и мы. (*лат.*)

¹⁴⁰ Название этого произведения Фарид ад-Дин Аттара переводится обычно как "Беседа птиц". Слово "мантик", основное значение которого "логика", имеет и более редкое, но более подходящее в данном случае значение - "речь,

беседа”.

¹⁴¹ Как поживаете, сэр? (англ.)

¹⁴² Прекрасно. (англ.)

¹⁴³ Каспийские ворота. (лат.) Горный проход из округа Хавар, “по мнению большинства ученых, тождествен с „Каспийскими воротами“ древних, через которые прошел Александр Македонский, когда преследовал Бесса”. (Бартольд В. В. Сочинения. Т. VII, с. 130)

¹⁴⁴ Средневековый Рей, древняя Рага - один из древнейших городов Ирана. См. там же, с. 130 – 134.

¹⁴⁵ Верни мне мои легионы. (лат.)

¹⁴⁶ Вамбери здесь ошибся. Римом правил тогда Октавиан Август.

¹⁴⁷ Приведенное Вамбери толкование слова “туркмен” является лишь одним из существующих объяснений происхождения этого этнического термина, основанных на народных этимологиях. Об этногенезе туркмен и о происхождении их самоназвания см. Агаджанов С. Г. Каррыев А. Росляков А. А. Вопросы этногенеза туркменского народа. (Краткий историографический обзор.) Проблемы этногенеза туркменского народа. Аш., 1977, с. 5-29

¹⁴⁸ В современном туркменском языке “тире” может означать и “род”, и “племя”, “таифе” (по-туркменски “тайпа”) применяется для обозначения племени, слово “халк” многозначно - “народ”, “толпа”, “люди”, “население, жители”. См. Туркменско-русский словарь. М., 1968, с. 613, 684.

¹⁴⁹ Бульдумфас - по-видимому, искаженное название хивинской крепости Булдумсаз.

¹⁵⁰ Здесь и далее названия таифе и мелких подразделений туркменских племен, отнесенных Вамбери к категории тире, передаются в основном в традиционном написании, принятом в отечественной исторической и этнографической литературе, однако в скобках приводится написание, употребленное самим Вамбери. При передаче названий некоторых тире мы исходили из их произношения указанного Вамбери.

¹⁵¹ По-туркменски (и в историко-этнографической литературе) это название пишется и произносится “ших”. Вамбери говорит здесь об одной из групп шихов, представители которых имелись почти среди всех туркменских племен. Шихи считались одним из так называемых овлядских (святых) племен наряду с племенами ата, сейид и ходжа, возводивших свое происхождение к пророку Мухаммеду. См. Атаев К. К этнографии туркмен-шихов. Труды института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Т. VII Аш., 1963., Демидов С. И. Туркменские овляды. Аш., 1976.

¹⁵² Считают, что эрсари переселились в основном с Мангышлака на среднее течение Аму-Дарьи в конце X VII - первой половине XVIII в. Наиболее крупными подразделениями племени эрсари были кара (гара), бекаул, улуг-тепе и гюнеш, делившиеся на более мелкие родовые подразделения. См. Винников Я. Р. К этнической истории туркменского населения Чарджоуской области. - Проблемы этногенеза туркменского народа. Аш., 1977, с. 109 – 111.

¹⁵³ В историко-этнографической литературе название этого племени обычно передается как “алили”, что основано на туркменском произношении. На территории бывшего СССР потомки алили сейчас живут наиболее компактно в Каахкинском районе Туркменистана. См. Атаев К. Хозяйство и материальная культура туркменского населения Атрека в конце XIX начале XX в. Автореф. Канд. Дис. М., 1966.

¹⁵⁴ По-туркменски “салыр”. Приблизительно до конца XVII начала XVIII в. салыры проживали преимущественно в степях Мангышлака, часть их кочевала и в северном Хорасане. Постепенно они заняли многие оазисы нынешнего южного Туркменистана. В XIX в. часть салыров проникла в район среднего течения Амударьи и осела там. См. Джикаев А. Этнографические данные по этногенезу туркмен-салыров. М., 1964., он же. Очерк этнической истории и формирования населения южного Туркменистана. Аш., 1972.

¹⁵⁵ Яйджи (яйчи).

¹⁵⁶ По этнографическим данным пухора.

¹⁵⁷ Теке в начале XVIII в. переселялись из Прикаспийских степей и района Балханских гор в оазисы прикопетдагской полосы, с середины XIX в. окончательно заселили, вытеснив другие туркменские племена Ахал, Атек, Теджен и Мерв. Теке, по этнографическим данным, состояли из двух (по некоторым сведениям, из трех) крупных отделов тохтамыш и отамыш, которые, в свою очередь, делились на более мелкие родо-племенные группы. См. Нурмухаммедов К. Из истории формирования туркменского населения Ахала. - Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. № 1 Аш., 1962.

¹⁵⁸ Аксефи в туркменском произношении “аксопы”.

¹⁵⁹ Геклены издавна обитали в юго-западной части нынешнего Туркменистана, а также на севере Ирана в Мазендеране и Горгане. О гекленах. См. Овезов Д. М. Население Чандыра и среднего течения Сумбара. Аш., 1976., Логашова Б. Р. Туркмены Ирана. М., 1976.

¹⁶⁰ По-видимому, должно быть “кабасакал”.

¹⁶¹ По данным русских письменных источников, в XIX в. йомуты делились на три крупных подразделения джафарбай, ак и атабай, распадавшихся на ряд более мелких групп. См. Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969., Оразов А. Хозяйство и культура населения северо-западной Туркмении в конце XIX - начале XX в. Аш., 1972., Логашова Б. Р. Туркмены Ирана.

¹⁶² Ходжа-Нефес (Ходжа-Непес) - туркменский аул (селение) в устье р. Горган, в Иране. См. Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана. - Сочинения. Т. VII М., 1971, с. 126.

¹⁶³ По-видимому должно быть “шереф-чони”. Ср. История Туркменской ССР. Т. I, кн. 2. Аш., 1957, с. 10.

¹⁶⁴ Вероятно правильно “тиведжи” (“тивечи”), как в названии одноименного туркменского племени, о котором см. Бартольд В. В. Сочинения Т. II, ч. 1 М., 1963, с. 594, 595, 600.

¹⁶⁵ Челекен - бывший остров, сейчас полуостров на Каспийском море, в Туркменистане. Здесь издавна добывались нефть, соль, озокерит, минеральная краска. Отсюда, по мнению некоторых ученых, и происходит название Челекен (от перс “чахар (чар)” - “четыре” и “кан” - “рудник, копь”). Название “Челекен” носит сейчас расположенный на полуострове город, построенный в местности Аджайиб. См. Атанязов Г. Толковый словарь географических названий Туркменистана. Аш., 1980, с. 303 (на туркм яз.).

¹⁶⁶ Должно быть “машрык”.

¹⁶⁷ Гирей.

¹⁶⁸ Огурджалы еще со времен средневековья жили на восточном берегу Каспийского моря, к югу от нынешнего Краснодарска. Судя по сообщению Вамбери, еще в середине XIX в. огурджалы, хотя он и помещает их в число таифе йомутов, рассматривались в какой-то мере как обособленная от других йомутов группа. Более поздние этнографические сведения показывают, что огурджалы в дальнейшем теснее слились с другими йомутами, так что отныне их безоговорочно включают в состав последних. См. *Джикиев А.* Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Аш., 1961.

¹⁶⁹ “Кер-оглы” - эпическое произведение, распространенное в разных версиях в фольклоре тюркоязычных народов. (у туркмен - “Гер-оглы”) Махтумкули (литературный псевдоним - Фраги), сын Азади, - поэт XVIII в. классик туркменской литературы. Родился около 1733 г., скончался приблизительно в 1782 г. См. Махтумкули. Сборник статей о жизни и творчестве поэта. Аш., 1960, с. 93 - 108.

¹⁷⁰ Пахлаван Махмуд. См. *Пугаченкова Г.* Термез, Шахрисябз, Хива. М., 1976, с. 157.

¹⁷¹ Здесь, как и в ряде других случаев, Вамбери пользовался термином “персидское население” в значительно более широком значении (применительно к разным ираноязычным народам), чем этот термин употребляется теперь, ныне его применяют только в отношении собственно персидского населения Ирана. Сарты Хивы были отдельной этнической группой, представлявшей собой тюркизированных потомков древнего населения Хорезма, т. е. хорезмийцев, по-видимому уже в XIII-XIV столетиях утративших свой язык. Краткую характеристику сартов Хивы см. *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI - середина XIX в.). М., 1958, с. 151. Хорезмийский язык принадлежал к иранской группе, относящейся к индоевропейской языковой семье. Исследование памятников хорезмийского языка показало, что он занимал промежуточное положение между согдийским и осетинским с одной стороны, и парфянским - с другой. См. *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. III М., 1965, с. 546, примеч. 4 (примеч. В. Лившица), где указаны и основные работы о хорезмийском языке.

¹⁷² Предположенное Вамбери объяснение происхождения слова “паша” от “баш” (“голова”) более чем сомнительно. Уже в словарях времени Вамбери слово “паша” гораздо вернее объяснялось как сокращение от персидского “падишах”. См. например, *Будагов Л.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I Спб. 1869, с. 309.

¹⁷³ Танаб - мера длины, широко употреблявшаяся в Средней Азии. Размеры танаба колебались в зависимости от времени и местности. В Хиве в середине XIX в. танаб был равен примерно 900 кв. саженей (4097, 025 кв. м.). См. *Давидович Е. А.* Материалы по метрологии., с. 125.

¹⁷⁴ Вамбери не дает перевода термина “урф”, означающего обычное право (сохраняющееся наряду с шариатом). Решение по “урфу” не адекватно решению губернатора “по своему усмотрению”, ибо последний должен был при этом считаться с нормами обычного права.

¹⁷⁵ О термине “арна” см. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II XVI-XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. Труды Института востоковедения VII. Источники по истории народов СССР. М. -Л. 1938, с. 580. О терминах “арна” и “яб” см. *Бартольд В. В.* Сочинения Т. III М., 1965, с. 118, 552.

¹⁷⁶ Это объяснение спорно.

¹⁷⁷ “Макари” или “Макария” - широко известное на Востоке наименование Нижегородской ярмарки, которое могло распространяться и на сам Нижний Новгород. В середине XVII в. у Макарьева монастыря на Волге, в 88 км от Нижнего Новгорода, возникла Макарьевская ярмарка. Она была одной из крупнейших ярмарок в России, играла важную роль в торговле с Востоком и привлекала купцов из Средней Азии и других восточных стран. Торг на ней производился ежегодно в июле. После пожара 1816 г. ярмарка была перенесена в Нижний Новгород, но среди восточных купцов и в литературе Средней Азии и Ирана за Нижегородской ярмаркой сохранилось привычное название “Макария”.

¹⁷⁸ Перкаль - тонкая плотная хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения.

¹⁷⁹ По поводу этого знакомства см. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II XVI-XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. М. - Л. 1938, с. 23. примеч. 4.

¹⁸⁰ По справочнику Стэнли Лэн-Пуля, правителем Хивы в это время был Абулгази III, дата прихода которого к власти указана приблизительно - ок. 1770 г. а начало правления сменившего его у кормила правления Ильгузер-хана - 1219 г. х. [1804 г.] См. *Лэн-Пуль Ст.* Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. Пер. с англ. с примеч. и дополнениями. В. В. Бартольда СПб. 1899, с. 236.

¹⁸¹ Даты правления Ильгузер-хана по Лэн-Пулю (с .236)-1804-1806 гг., по Цамбауру [*Zambaur E. Manuel de gйnйologie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam Hanovre, 1927, с. 275*)-1219/1804-1221/1806 гг.

¹⁸² По Лэн-Пулю (с .236) и Цамбауру (с. 275), правил в 1221/1806 1241/ 1825 гг.

¹⁸³ По Лэн-Пулю и Цамбауру, Алла Кули правил в 1241/1825-1258/1842 гг.

¹⁸⁴ По Лэн-Пулю и Цамбауру, Рахим Кули правил в 1258/1842-1261/1845 гг.

¹⁸⁵ По Лэн-Пулю и Цамбауру, Мухаммед Эмин правил в 1261/1845-1271/ 1855 гг.

¹⁸⁶ По Лэн-Пулю, Абдулла-хан правил в 1271/1855 г.

¹⁸⁷ По Лэн-Пулю и Цамбауру, Кутлуг Мурад правил в 1271/1855-1856 гг.

¹⁸⁸ По Лэн-Пулю, Сейид Мухаммед-хан правил в 1272/1856-1282/1865 гг.

¹⁸⁹ Когда двое дерутся, третий радуется. (*лат.*)

¹⁹⁰ По Лэн-Пулю, Сейид Мухаммед Рахим-хан правил в 1282/1865-1290/ 1873 гг.

¹⁹¹ Эта знаменитая мечеть, одна из самых старых в Бухаре, носит название Магаки-аттари. Советский археолог В. А. Шишкин в результате работ, проведенных в 1934 1935 гг. установил, что эта мечеть является памятником XII в. в своих древнейших частях, что она была построена на поверхности земли и что только с течением столетий превратилась в “подземную”. (см. *Шишкин В. А.* Мечеть Магаки-аттари в Бухаре. -Труды института истории и археологии АН УзССР. Материалы по археологии Узбекистана. Т. I Таш., 1948, с. 20) Однако возможно, что она

была построена на месте более древней мечети. Две мечети с углубленным в землю зимним помещением, именуемые “магок” (букв. “яма”, “углубленное место”), существовали в Самарканде. (см. *Писарчик А. К.* Народная архитектура Самарканда XIX-XX в. (По материалам 1938-1941 гг.) Душ., 1974, с. 52 – 54.

¹⁹² Около 80 бухарских медресе, имевших собственные названия (кроме медресе без названий, в том числе келий при квартальных мечетях), отмечены в топографическом указателе к книге *Сухарева О. А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М., 1976, с. 353, 354. Сведения о бухарских медресе, упомянутых Вамбери, см. там же, с. 103, 104, 151, 174, 183.

¹⁹³ Было сделано много других попыток объяснить происхождение этнического термина “киргиз”. По этому вопросу существует обширная литература. См. *Бартольд В. В.* Сочинения Т. II, ч. 1 Библиография. М., 1963.

¹⁹⁴ О чинах в Бухарском ханстве наиболее подробные и достоверные сведения содержатся в трудах А. А. Семенова, который в течение нескольких десятилетий занимался изучением центрального административного управления в Бухарском ханстве позднейшего времени и опубликовал на эту тему несколько работ. См.: *Литвинский Б. А., Акрамов Н.М.* Александр Александрович Семенов (Научно-библиографический очерк). М., 1971, с. 127 и библиографию (№ 161 и 190).

¹⁹⁵ Вероятно, имеется в виду Таваккуль.

¹⁹⁶ Кокандское ханство в годы наибольшего расширения его пределов действительно занимало очень большую территорию, прежде всего за счет завоеванных областей нынешних Казахстана и Кыргызстана. Центром же хозяйственной и политической жизни Кокандского государства была Ферганская долина площадью около 23 тыс. кв. км, расположенная в восточной части бассейна Сырдарьи. Ферганская долина издавна была одной из самых густонаселенных областей Средней Азии и обладала развитым земледелием.

¹⁹⁷ Оседлые и полуседлые узбеки и близкие к ним кипчаки и другие тюркские племена и народности, постепенно сливавшиеся с узбеками и входившие в их состав, представляли собой основную часть населения Ферганской долины. Окружавшие эту долину горы населяли главным образом киргизы. Многочисленны были и таджики, жившие как в горных местностях, так и в селениях и городах Ферганской долины.

¹⁹⁸ Дешти Кипчак - название степной полосы от Иртыша до Урала и Волги. Степи между Волгой и Доном в русских летописях именуются Половецким полем. Название Дешти Кипчак распространялось и на степи к югу от Каспийского и Аральского морей: от Мангышлака до Атрека и Горгана.

¹⁹⁹ Следует учитывать, что попытки Вамбери сравнивать площади упомянутых им городов были сделаны на основе поверхностных личных впечатлений, а размеры Коканда он мог оценивать только по расспросным сведениям, так как в нем не побывал.

²⁰⁰ В отношении истории среднеазиатских ханств в новое время суждение Вамбери неверно, хотя, конечно Ферганская долина и расположенные в ней города имеют большое и славное прошлое и были известны в средние века и даже в древности. Однако современное Вамбери Кокандское государство возникло и обрело самостоятельность лишь в XVIII в тогда как Бухарское и Хивинское ханства имеют гораздо более давнюю историю. Только во второй половине XVIII в. Кокандское государство начинает играть крупную роль в политической жизни Средней Азии наряду с Бухарой и Хивой. Ханством Кокандское государство стало именоваться лишь с конца XVIII-начала XIX в.

²⁰¹ “Находящийся по ту сторону Согдианы город Тарада, и в отдаленнейших их границах Александрия, основанная Александром Великим” (*лат.*).

²⁰² “Граница всех их проходит от той части земель, включая реку Яксарт, которую скифы называют Силин” (*лат.*).

²⁰³ Род из узбекского племени минг, к которому принадлежала правившая в Кокандском ханстве династия, пришел к власти в Фергане уже к 20-м годам XVIII в., т. е. за 140 лет до путешествия Вамбери в Среднюю Азию, а не за 80 лет, как он считал.

²⁰⁴ Вамбери некритически передает доходившие до него преувеличенные слухи о победах кокандцев над русскими. На самом деле происходили (с переменным успехом) лишь мелкие пограничные стычки, а когда в 60-х годах начались более крупные вооруженные столкновения, они ознаменовались поражениями кокандцев.

²⁰⁵ Титул “велинаме” в Средней Азии применялся к правителям независимых областей и государств. Этим титулом называли, в частности, и правителя Шахрисябзского бекства, о котором говорит Вамбери, а также правителя Коканда. См.: *Семенов А. А.* Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. - Труды института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. Т. XXV. 1954, с. 4; *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. III. М., 1965, с. 463. Приведенный Вамбери термин “велинаме” (в передаче других авторов - “валиами”, “вальями”, “ваннами”) происходит от арабского “вали ан-ни’ами”, “вали ан-ни’ам” с буквальным значением “благодетель”, “благотворитель”. О термине см.: *Будагов Л.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. II. СПб., 1871, с. 288, 308; *Назаров Филипп.* Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. Изд. 2-е. М., 1968, с. 67, 68.

²⁰⁶ Об Алимкуле см.: *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II, ч. 2. М., 1964, с. 342-347, 353-357.

²⁰⁷ Этот султан известен в Европе под именем Сулеймана Великолепного.

²⁰⁸ Дунгане - наиболее многочисленная группа китайской народности хуэй (хуэйцзу), по религии - мусульмане. Говорят на северном диалекте китайского языка со многими заимствованиями из арабского и персидского языков. В Кыргызстане и Казахстане живут среднеазиатские дунгане (общая численность по переписи 1970 г. - 39 тыс. человек). Среднеазиатские дунгане - потомки беженцев из китайских провинций Шэньси, Ганьсу и Синьцзян, переселившихся сюда к 80-м годам XIX в. после подавления дунганского восстания 1862-1877 гг. в Китае.

²⁰⁹ Якуб-бек (1820-1877), по происхождению таджик, родом из Пскента (в Кокандском ханстве), в 1865 г. был послан в Кашгар военным советником Бузрук-ходжи (ставленника кокандского хана), который возглавил силы повстанцев в районе Кашгара после народного восстания 1864 г. против маньчжуро-китайского господства. Захватив власть в Кашгаре, Якуб-бек начал завоевание других городов Восточного Туркестана и в 1867 г. провозгласил создание самостоятельного государства Джетышаар. Был правителем этого государства до конца своей жизни. После смерти Якуб-бека Цинский Китай, воспользовавшись внутренними неурядицами в государстве Джетышаар,

уничтожил его (1878 г.).

²¹⁰ Фауст - старинная мера длины для лошадей. В Австрии 1 фауст был равен 10, 537 см.

²¹¹ Инвеституру среднеазиатские владетели от халифов действительно получали, но в средние века еще не было “трех туркестанских ханств” (т. е. Бухарского, Хивинского и Кокандского), наличием которых характеризуется обстановка, сложившаяся только к концу XVIII - началу XIX в.

²¹² Мундшенк - виночерпий.

²¹³ Шталькнехт - конюший.

²¹⁴ Сапожник [судит] не выше сапога (*лат.*).

²¹⁵ Имеется в виду поручик И. В. Виткевич (Ян Виткевич, по происхождению поляк), совершивший в 1837 - начале 1838 г. поездку в Афганистан. Поездка была предпринята по просьбе афганского эмира Дост Мухаммеда, который искал поддержки у России с целью противостоять нажиму английской Ост-Индской компании, угрожавшей независимости Афганистана.